

ISSN 2500-1523 (Print)

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Монгол судлал

Mongolian Studies
(Elista)

T. 15
№ 4
2023

ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Монгол судлал
Mongolian Studies
(Elista)

2023. Т. 15. № 4

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

(Монгол судлал)

Выходит 4 раза в год

Журнал «Монголоведение (Монгол судлал)» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер ПИ № ФС77-76106 от 03.07.2019.

ISSN 2500-1523 (Print)

ISSN 2712-8059 (Online)

Издается с 2002 г.

Журнал «Монголоведение» — востоковедное издание историко-филологического направления. На страницах журнала освещаются вопросы истории, языка, фольклора и литературы монголоязычных народов, которые в основном проживают в Монголии, Китае и России. Публикуются материалы российских и зарубежных монголоведов: статьи, сообщения, комментированные переводы письменных памятников, устные нарративы с комментариями, рецензии, обзоры. Тематика журнала «Монголоведение» — история, этнология и антропология, источниковедение, языкознание, фольклористика, литературоведение.

Главная цель издания журнала — способствовать развитию академического монголоведения, имеющего более чем двухсотлетнюю историю, располагающего огромной источниковой базой и являющегося одним из важных и традиционных направлений востоковедения, а также развивать традиции, заложенные в российской монголоведной научной школе, и применять новые методы и приемы в исследовании актуальных проблем и вопросов монголоведения.

Журнал публикует статьи на русском, монгольском, калмыцком и английском языках.

Выходит 4 раза в год.

Зарегистрирован в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования), включен в перечень рецензируемых изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Разделы журнала:

история (всеобщая история, отечественная история, источниковедение, этнология и антропология), языки, литература и фольклор монгольских народов

Подписной индекс: 39464

Учредитель, редакция, издатель, типография:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия

Тел.: +7 (84722) 3-55-06, +7 (84722) 3-55-15

E-mail: mongoloved-kigiran@yandex.ru

Сайт: <https://mongoloved.kigiran.com/>

MONGOLIAN STUDIES

Published four times a year

The Mongolian Studies journal was registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskommnadzor) on July 3, 2019.

Certificate of registration ПИ No. ФС77-76106.

ISSN 2500-1523 (Print)

ISSN 2712-8059 (Online)

Issued since 2002

The *Mongolian Studies* is an Orientalist journal focusing on historical and linguistic aspects. The articles published cover the questions of history, language, folklore, and literature of Mongolic peoples primarily residing in Mongolia, China, and Russia. Typologically, works authored by Russian and foreign Mongolists include as follows: scholarly articles, reports, commented translations of written monuments, commented oral narratives, reviews and surveys. The journal comprises a range of sections, such as History, Ethnology and Anthropology, Source Studies, Linguistics, Folkloristics, and Literary Studies.

The journal chiefly *aims* to facilitate further development of academic Mongolian studies as an important and traditional branch of Oriental studies in Russia that started over two centuries ago and are characterized by a widest source base. It also seeks to sustain research traditions of the Russian Mongolist school and apply new methods and techniques for the investigation of topical issues relating to Mongolian studies.

The journal publishes articles in Russian, Mongolian, Kalmyk and English.

The journal is issued four times a year.

The journal is indexed with Russian Science Citation Index, and is included in the list of peer-reviewed publications that publish key scientific results of Candidate of Sciences and Doctor of Sciences theses.

Journal Sections:

History (World History, National History, Source Studies,
Ethnology and Anthropology);
Languages, Literature and Folklore of the Mongolian Peoples

Subscription index in Russian Catalogue: 39464

Founding Institution, Editorial office, Publisher —

Federal State Budgetary Institution of Science

Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Founding Institution, Editorial Board, Publisher's address:

8, Ilishkin St., Elista 358000, Republic of Kalmykia, Russian Federation

Phone No. +7 (84722) 3-55-06, +7 (84722) 3-55-15

E-mail: mongoloved-kigiran@yandex.ru

Web-site: <https://mongoloved.kigiran.com/>

Главный редактор
канд. филол. наук **В. В. Куканова**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста)

Заместитель главного редактора
д-р ист. наук **Э. П. Бакаева**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук **А. Алимбаа**, Институт языка и литературы АН Монголии
(Монголия, г. Улан-Батор);

д-р ист. наук **Б. В. Базаров**, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ);

канд. филол. наук **А. Т. Баянова**, Калмыцкий научный центра РАН
(Россия, г. Элиста);

д-р филол. наук **А. Бирталан**, Университет ELTE (Венгрия, г. Будапешт);

д-р филол. наук **И. В. Булгутова**, Бурятский государственный университет им. Д.
Банзарова (Россия, г. Улан-Удэ);

д-р ист. наук **В. В. Грайворонский**, Институт востоковедения РАН
(Россия, г. Москва);

д-р филол. наук **Л. С. Дампилова**, Институт монголоведения, буддологии и
тибетологии СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ);

д-р ист. наук **С. В. Джундэмузов**, Оренбургский государственный педагогический
университет (Россия, г. Оренбург);

д-р ист. наук **Н. Л. Жуковская**, Институт этнологии и антропологии РАН
(Россия, г. Москва);

д-р ист. наук **Д. Н. Музраева**, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);

д-р филол. наук **В. Н. Мушаев**, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б.
Городовикова (Россия, г. Элиста);

д-р ист. наук **Л. В. Курас**, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО
РАН (Россия, г. Улан-Удэ);

д-р ист. наук **У. Б. Очиров**, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);

д-р ист. наук **К. В. Орлова**, Институт востоковедения РАН (Россия, г. Москва);

д-р ист. наук **А. М. Плеханова**, Институт монголоведения, буддологии и
тибетологии СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ);

д-р филол. наук **Г. Ц. Пюрбеев**, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);

д-р ист. наук **К. Хамфри**, Кембриджский университет
(Великобритания, г. Кембридж);

д-р ист. наук **Н. Хишигт**, Институт истории и этнологии АН Монголии (Монголия,
г. Улан-Батор);

д-р филол. наук **А. Д. Цендина**, Институт восточных культур и античности РГГУ,
Институт классического Востока и античности НИУ «Высшая школа экономики»,
Институт востоковедения РАН (Россия, г. Москва);

д-р филол. наук **Р. М. Ханипова**, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г.
Элиста);

канд. филол. наук **Г. М. Ярмаркина**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста).

Переводчик: Б. О. Номинханова
Верстка: А. Н. Когданов
Ответственный секретарь: С. В. Мирзаева

Editor-in-Chief:

V. V. Kukanova, Cand. Sc. (Philology) Kalmyk Scientific Center of the RAS
(Elista, Russia)

Deputy Editor-in-Chief:

E. P. Bakaeva, Dr. Sc. (History), Kalmyk Scientific Center of the RAS
(Russia, Elista)

Editorial Board:

- A. Alimaa*, Dr. Sc. (Philology), Institute of the Language and Literature of the Mongolian Academy of Sciences (Ulaanbaatar, Mongolia);
- B. V. Bazarov*, Dr. Sc. (History), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russia);
- A. T. Bayanova*, Cand. Sc. (Philology), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia);
- A. Birtalan*, Dr. Sc. (Philology), ELTE University (Budapest, Hungary);
- I. V. Bulgutova*, Dr. Sc. (Philology), Banzarov Buryat State University (Ulan-Ude, Russia);
- L. S. Dampilova*, Dr. Sc. (Philology), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russia);
- S. V. Dzhundzhuzov*, Dr. Sc. (History), Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russia);
- V. V. Graivoronsky*, Dr. Sc. (History), Institute of Oriental Studies RAS (Moscow, Russia);
- C. Humphrey*, Dr. Sc. (History), University of Cambridge (Cambridge, Britain);
- R. M. Khaninova*, Dr. Sc. (Philology), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia);
- N. Khishigt*, Dr. Sc. (History), Institute of History and Ethnology of the Mongolian Academy of Sciences (Ulaanbaatar, Mongolia);
- L. V. Kuras*, Dr. Sc. (History), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russia);
- V. N. Mushaev*, Dr. Sc. (Philology), Gorodovikov Kalmyk State University (Elista, Russia);
- D. N. Muzraeva*, Dr. Sc. (History), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia);
- U. B. Ochirov*, Dr. Sc. (History), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia);
- K. V. Orlova*, Dr. Sc. (History), Institute of Oriental Studies RAS (Moscow, Russia);
- A. M. Plekhanova*, Dr. Sc. (History), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russia);
- G. Ts. Pyurbeev*, Dr. Sc. (Philology), Institute of Linguistics RAS (Moscow, Russia);
- A. D. Tsendina*, Dr. Sc. (Philology), Russian State University for the Humanities, Professor, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics, Institute of Oriental Studies RAS (Moscow, Russia);
- N. L. Zhukovskaya*, Dr. Sc. (History), Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow, Russia);
- G. M. Yarmarkina*, Cand. Sc. (Philology), Kalmyk Scientific Center RAS (Elista, Russia).

Translator: B. O. Nominkhanova

Page layout: A. N. Kogdanov

Executive Secretary: S. V. Mirzaeva

СОДЕРЖАНИЕ

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

- Жабон Ю. Ж.*
К истории монастыря Дрепунг 512
- Каманджаев Н. А.*
«Мы имеем на сто процентов взаимное доверие». Из истории координации народнохозяйственных планов МНР и СССР на пятилетие 1971–1975 гг. 523
- Григорьева Ю. Г.*
«Улан-Баторский диалог» как особая инициатива Монголии в обеспечении безопасности в Северо-Восточной Азии 538

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

- Бобров Л. А.*
Копейный бой в военном искусстве калмыков и джунгар XVII – начала XIX вв. ... 551
- Батмаев М. М.*
О состоянии грамотности в Калмыцком ханстве 593
- Белоусов С. С.*
Влияние политики раскулачивания на миграции населения в Калмыцкой автономной области. 1929–1934 гг. 603
- Ершов С. Г.*
Военнослужащие Красной армии из Калмыкии, захороненные на Мамаевом кургане: историко-статистическое исследование 615
- Бакаева Э. П., Макатова Ж. А.*
Калмыки-спецпереселенцы в Аральском районе Казахстана в документах и воспоминаниях очевидцев 643
- Оконов Б. А.*
Участие молодежи и комсомольцами во Всесоюзной ударной комсомольской стройке (на примере строительства Сарпинской оросительно-обводнительной системы) 669

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- Манджикова Л. Б.*
Архивные документы фонда И-3 «Совет калмыцкого управления. 1836–1848 гг.» Национального архива Республики Калмыкия как источник по изучению организации деятельности государственных учреждений в дореволюционной Калмыкии 683

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

- Никифорова А. П., Никифорова О. П.*
Исследование потребительских предпочтений в отношении традиционных продуктов питания (на примере туристов Байкальского региона) 700

ЛИНГВИСТИКА

- Брюханова А. Л., Бардамова Е. А.*
Семантика терминов имущества в бурятском языке (на материале *эд бараа*) 718

Жиркова Е. Е.

Образная (изобразительная) лексика в якутском и бурятском эпосах: лексические параллели 727

Харанутова Д. Ш., Будажапова Л. Б., Байкалов Н. С.

Заемствованная буддийская лексика бурятского языка в историко-лингвистическом освещении 742

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Макимова О. А.

О джатаках с героем-отшельником (на материале рассказов из сборника «Гирлянда джатак») 757

РЕЦЕНЗИЯ

Хабунова Е. Э.

Рец. на: Манджиева Б. Б. Текстология и поэтика Малодербетовского цикла эпоса «Джангар» в контексте эпической традиции калмыков. Элиста: КалМНЦ РАН, 2022. 416 с. 774

C O N T E N T

GENERAL HISTORY

<i>Zhabon Yu. Zh.</i>	
On the History of Drepung Monastery	512
<i>Kamandzhaev N. A.</i>	
“We have One Hundred Percent Mutual Trust”. From the History of Coordination of the National Economic Plans of the MNR and the USSR for the fifth year of 1971–1975	523
<i>Grigorieva Yu. G.</i>	
“Ulaanbaatar Dialogue” as a Special Initiative of Mongolia in Ensuring Security in Northeast Asia	538

NATIONAL HISTORY

<i>Bobrov L. A.</i>	
Spear Fighting in the Military Art of the Kalmyks and Dzungars of the XVII – early XIX centuries	551
<i>Batmaev M. M.</i>	
On the State of Literacy in the Kalmyk Khanate	593
<i>Belousov S. S.</i>	
The Influence of Dispossession Policy on Population Migration in the Kalmyk Autonomous Region. 1929–1934	603
<i>Ershov S. G.</i>	
Red Army Servicemen from Kalmykia, buried on Mamaev Kurgan: Historical and Statistical Study	615
<i>Bakaeva E. P., Makatova Zh. A.</i>	
Kalmyk Special Settlers in the Aral Region of Kazakhstan in the Documents and Memoirs of Eyewitnesses	643
<i>Okonov B. A.</i>	
Participation of Youth and Komsomol Members in the All-Union Komsomol Construction (on the Example of the Construction of the Sarpa Irrigation System)	669

SOURCES STUDIES

<i>Mandzhikova L. B.</i>	
Archival Documents of the I-3 Foundation “Council of Kalmyk Administration. 1836–1848” of the National Archive of the Republic of Kalmykia as a Source for Studying the Organization of the Activities of State Institutions in pre-Revolutionary Kalmykia	683

ETHNOLOGY & ANTHROPOLOGY

<i>Nikiforova A. P., Nikiforova O. P.</i>	
Research of Consumer Preferences in Relation to Traditional Food Products (on the Example of Tourists of the Baikal Region)	700

LINGUISTICS

<i>Bryukhanova A. L., Bardamova E. A.</i> Semantics of Property Terms in the Buryat Language (based on the material of <i>ed baraa</i>)	718
<i>Zhirkova E. E.</i> Figurative Vocabulary in the Yakut and Buryat Epics: Lexical Parallels	727
<i>Kharanutova D. Sh., Budazhapova L. B., Baykalov N. S.</i> Borrowed Buddhist Vocabulary of the Buryat Language: a Perspective from History and Linguistics.	742

LITERARY STUDIES

<i>Maksimova O. A.</i> About Jatakas with the Ascetic Hero (based on “ <i>Jātakamāla</i> ”)	757
--	-----

REVIEWS

<i>Khabunova E. E.</i> Book Review: Mandzhieva B. B. Textology and Poetics of Baga Derbet Cycle of the Epic “Dzhangar” in the Context of the Epic Tradition of the Kalmyks. Elista: KalmSC RAS, 2022. 416 p.	774
--	-----

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 15, Is. 4, pp. 512–522, 2023
 DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-512-522

МОНГОЛОВЕДИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 94(5) (515) (517)

DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-512-522

К истории монастыря Дрепунг

Юмжана Жалсановна Жабон¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

 0000-0003-1241-1854. E-mail: yumzhan[at]gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2023

© Жабон Ю. Ж., 2023

Аннотация. *Введение.* В статье рассматривается ранняя история монастыря Дрепунг, который с момента своего основания в 1416 г. стал одним из важнейших буддийских образовательных центров на территории Тибета. Значение Дрепунга для тибетской школы гелук и в целом для религиозной, культурной и политической жизни Тибета и монголоязычных народов огромно. Однако его подлинные масштабы все еще не оценены в полной мере. Особенно важны сведения оригинальных тибетских источников, связанные с именем Цонкапы (1357–1419) и его взаимоотношений с непосредственными учениками, такими как Джамчен Чойдже (1379–1449) — основателя монастыря Дрепунг. *Целью* исследования является изучение основных аспектов истории монастыря Дрепунг, краткой биографии основателя, некоторых предметов материальной и духовной культуры монастыря. *Материалы и методы.* Работа основана на материале «Истории основания четырех монастырей [Сера, Ганден, Дрепунг и Ташилхунпо] и двух тантрийских дацанов Гьюто и Гьюме» (Grwa sa chen po bzhi dang rgyud pa stod smad kyi dkar chag pad dkar 'phreng ba), составленной в 1744 г. Пурчок I Нгаванг Джампой (Phur lcog ngag dbang byams pa, 1682–1762). *Результаты.* Представленные материалы позволяют проследить основные этапы жизни Джамчена Чойдже, процветания и упадка Дрепунга в Тибете, а также его воссоздания в Индии. Отмечается, что «индийский» Дрепунг практически в полной мере сохранил все основные элементы религиозной деятельности, административной и дисциплинарной структуры монастыря, а также региональные общины *канцен*, существовавшие в Тибете до 1959 г.

Ключевые слова: Тибет, буддизм, Джамьян Чойдже, монастырь Дрепунг, история монастыря

Благодарность. Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ в рамках проекта «Бурятские буддисты-паломники по святым местам Тибета: историко-культурный атлас» (№ 22-18-20001, <https://www.rscf.ru/project/22-18-20001/?CODE=22-18-20001>).

Для цитирования: Жабон Ю. Ж. К истории монастыря Дрепунг // Монголоведение. Т. 15. № 4. С. 512–522. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-512-522

To the History of Drepung Monastery

*Yumzhana Zh. Zhabon*¹

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0003-1241-1854. E-mail: yumzhan[at]gmail.com

© KalmSC RAS, 2023

© Zhabon Yu. Zh., 2023

Abstract. *Introduction.* The article examines the early history of Drepung Monastery, which since its foundation in 1416 has become one of the most important Buddhist educational centers in Tibet. The importance of Drepung for the Tibetan Geluk school and in general for the religious, cultural and political life of Tibet and the Mongolian-speaking peoples is enormous. However, its true scale is still not fully appreciated. Especially important is the information from the original Tibetan sources related to the name of Tsong-kha-pa (1357–1419) and his relationship with his direct disciples, such as ‘Jamyang Choje (1379–1449), the founder of Drepung Monastery. The *purpose* of the research is to study the main aspects of the history of Drepung Monastery, a brief biography of the founder, and some items of the monastery’s material and spiritual culture. *Materials and methods.* The work is based on the study of “The History of the Foundation of the Four Monasteries [Sera, Ganden, Drepung and Tashilhunpo] and the Two Tantric Datsans of Gyuto and Gyume” (Grwa sa chen po bzhi dang rgyud pa stod smad kyi dkar chag pad dkar 'phreng ba), compiled in 1744 by Purchok I Ngawang Jampa (Phur lco ngag dbang byams pa, 1682–1762). *Results.* The presented materials allow us to trace the main stages of the life of Jamchen Choje, the prosperity and decline of Drepung in Tibet. It is noted that the recreated “Indian” Drepung almost completely preserved all the basic elements of religious activity, the administrative and disciplinary structure of the monastery as well as the regional kantsen communities that existed in Tibet before 1959.

Keywords: Tibet, Buddhism, ‘Jamyang Choje, Drepung Monastery, history of the monastery

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 22-18-20001 ‘Buryat Buddhist Pilgrims in Sacred Places of Tibet: A Historical and Cultural Atlas’.

For citation: Zhabon Yu. Zh. To the History of Drepung Monastery. *Mongolian Studies (Elista)*. 2023; 15(4): 512–522. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-512-522

1. Введение

Основание монастырей Сера (Sera, Sera theg cheng ling) и Дрепунг (‘Bras spungs, dPal ldan ‘bras spungs), известных под сокращенным названием Сендре (Ser ‘bras), приписывается двум ученикам и последователям Цонкапы (Tsong kha pa bLo bzang grags pa, 1357–1419) — прославленного основателя школы гелук [Purchog 1989: 29, 47]. Неудивительно поэтому, что эти монастыри, входящие наряду с «материнским монастырем» Ганденом в число «трех главных монастырей» (gdan sa chen po gsum, gdan sa gsum, ser 'bras dga' gsum) гелук, с самого своего основания в XV в., превратились в своего рода буддийские университеты на территории Тибета. Монастыри Сендре, в отличие от более изолированного Гандена, находящегося в отдалении от центра, были построены в окрестностях Лхасы еще при жизни Цонкапы и при его непосредственном участии [Purchog 1989: 29, 47].

Географическая близость монастырей гелук к культурной столице в значительной степени позволила занять им особое место в религиозной, экономической и политической жизни тибетцев (впоследствии и монголов). Достаточно вспомнить о ежегодном пятнадцатидневном «великом молебне» Монлам Ченмо в главном храме Лхасы Джоканг, установленном Цонкапой в 1409 г., который проводился при участии многотысячного молитвенного собрания монахов трех главных монастырей гелук и постепенно приобрел значение грандиозного общетибетского религиозного праздника. В такие дни сюда стекались тысячи паломников, приглашались правители Тибета, все крупные жертвователи монастырям [Кычанов, Мельниченко 2005: 103]. На период Монлам Ченмо практически вся власть в Лхасе, как известно, переходила к настоятелям трех монастырей — Ганден, Сера и Дрепунг [Jansen 2020: 426].

Из монастырей гелук особенно влиятельным и могущественным стал Дрепунг [Dreyfus 2006: 3]. Его название Дрепунг, иногда встречающееся в специальной отечественной литературе в монголизированном варианте «Брайбун/г» [Цыбиков 1991: 166], или же «Дэпун/г» [Кычанов, Мельниченко 2005: 104], означает буквально «Куча риса», но сокровенный смысл восходит к индийскому Дханьякатаке (тиб. *Dha nya ka ta ka*, *dPal ldan 'bras spungs*, 'Bras spungs, санскр. *Dhānyakāṭaka*, *ŚrīDhānya-kāṭaka*) — буддийскому монастырю в окрестностях Катаки, главного города Ориссы [Рерих 1986: 326].

К концу XV в. Дрепунг постепенно превратился не только в крупный тибетский университет монашеского обучения, но и в главный политический центр школы гелук: здесь первое время — до сооружения дворца Потала (1645–1648 гг.) в Лхасе — находилась резиденция Далай-лам. Значение Дрепунга еще более возросло с приходом к политической власти Далай-ламы V (1617–1682) и создания им теократического государства в 1642 г., становления гелук тибетской государственной религией [McCleary and van der Kuijp 2007]. И в последующие эпохи позиции Дрепунг были достаточно прочны, он сохранял свое политическое влияние и статус главного образовательного и религиозного центра Тибета [Dreyfus 2006: 3].

Однако с марта 1959 г. здесь развернулись трагические события, последовавшие за неудавшимся антикитайским восстанием тибетцев в Лхасе, в котором многие монахи Дрепунга приняли активное участие. В результате власти, признав Дрепунг мятежным монастырем, предприняли репрессивные меры: конфисковали все его поместья и зернохранилища, полностью изменили монастырский уклад, административную структуру, особо активных монахов отправили в трудовые лагеря, а многих просто по домам [Добум Тулку; Goldstein 1998: 23–25]. В ходе этих событий Далай-лама XIV Тензин Гьяцо (г. р. 1935) со своими министрами и приближенными был вынужден бежать в Индию, где им предоставили политическое убежище. Вслед за Далай-ламой последовали многие тибетцы, в том числе представители высшего духовенства и монахи монастыря Дрепунг [Добум Тулку].

Если к началу культурной революции в 1966 г. монастырь Дрепунг опустел и практически прекратил свое существование, то с ее окончанием в начале 1980-х гг., когда официальная политика китайского правительства в отношении религии изменилась, определенные сдвиги наметились и в восстановлении монастырских традиций Дрепунга в Тибете. Добум Тулку, рассказывая об этом,

отмечает, что монастырю дали разрешение на возобновление традиционной религиозной деятельности и начало учебного процесса, монахам, сохранившим свои обеты, разрешили вернуться в монастырь. Кроме того, выдали разрешение на прием новых послушников (не моложе 18 лет), но для всего монастыря была установлена квота на семьсот человек [Добум Тулку]. Как известно, в 1970 г. монахи Дрепунга, перебравшиеся в Индию вместе с тибетскими беженцами, сумели воссоздать свой монастырь в Мундгоде (штат Карнатака в Южной Индии) [Добум Тулку]. Рассмотрение всего комплекса вопросов по истории Дрепунга не входит в нашу задачу. Целью же данной статьи является изучение основных аспектов истории монастыря Дрепунг, начиная с основания Джамъяном Чойдже и до настоящего времени, а также отдельных предметов материальной и духовной культуры.

2. Материалы и методы

Работа основана на анализе сведений, содержащихся в тибетском источнике «История основания четырех монастырей [Сера, Ганден, Дрепунг и Таши лхунпо] и двух тантрийских дацанов Гьюто и Гьюме» (Grwa sa chen po bzhi dang rgyud pa stod smad kyī dkar chag pad dkar 'phreng ba). Это сочинение, представляющее собой обзор главных монастырей школы гелук в Центральном Тибете с подробным описанием их священных предметов, занимает особое место в тибетской исторической литературе. Оно составлено в 1744 г. Пурчок I Нгаванг Джампой (Phur lcog ngag dbang byams pa, 1682–1762) — известным религиозным деятелем школы гелук¹. Исследование проведено с привлечением методов источниковедения, различных методологических подходов исторической науки, ее конкретных общенаучных, специальных методов исследования.

3. Джамъян Чойдже — основатель монастыря Дрепунг

Монастырь Дрепунг расположен в 5–7 км к западу от Лхасы, а именно у южного подножья горы Гепел (dGe 'phel dbur tse). Он был основан в 1416 г. одним из непосредственных учеников Цонкапы (Tsong kha pa bLo bzang grags pa, 1357–1419) по имени Джамъян Чойдже ('Jam dbyangs chos rje, 'Jam dbyangs chos rje bkra shis dpal ldan) [Purchog 1989: 29].

Деятельность Джамъян Чойдже, находившегося в своем монастыре вплоть до своей кончины в 1449 г., сыграла значительную роль в истории становления и развития традиции гелук. Если выделить главные события жизни Джамъяна Чойдже, то он родился в 1379 г. в Самье в роду нгакпа², практикующем тантру. Об этом Пурчок, в частности, пишет: chos rgyal gyi dus gha pa rdo rje gzhon nu zhes pa sngags pa nus mthu can zhig byung ba'i rus brgyud la dge bsnyen pa zhes bya ba la sras gsum byung ba'i chung ba ni dam pa 'di nyid yin pa/ 'У Гененпы, происходящего из рода одного сильного нгакпы времен дхармараджи Сонцен Гампо по имени Гхапа Дордже Шонну, было три сына, из которых младший и

¹ Подробнее о Пурчок I Нгаванг Джампе см.: [Samten Chho spher].

² В Тибете существует много семейных родов нгакпа (тиб. sngagspa, санскр. tantrika), в которых практика определенного медитативного божества идама (тиб. yidam, санскр. iṣṭadevatā) передается по наследству.

есть этот святой¹ [Purchog 1989: 30]. В монастыре Цетанг (rTse thang), который на тот момент принадлежал к школе кагью, Джамьян Чойдже принял монашеские обеты гецула. По-видимому, данный монастырь уже находился в процессе обращения в традицию гелук, поскольку здесь он выучил наизусть сочинение Цонкапы под названием «Золотая гирлянда прекрасных объяснений» (Legs bshad gser 'phreng) — обширный комментарий к «Абхисамаяланкаре» (санскр. Abhisamayalāṅkāra, тиб. mNgon par rtogs pa'i rgyan) [Purchog 1989: 30].

Далее Джамьян Чойдже продолжил свое образование в других монастырях, обучаясь у разных тибетских мастеров. В частности у Ньелго Ринчена Самдруба (gNyal rgod rin chen bsam 'grub, XIV в.) и Денмы Кончок Сенге (lDan ma dkon mchog seng ge, XIV в.) в монастыре Санпу (gSang phu, gSang phu ne'u thog) он прослушал учения по праджняпарамите и парамане; у кенчен кашипы (mKhan chen dka' bzhi pa) в монастыре Кьормолунг (sKyog mo lung), принадлежащего ранее школе кадампа, он получил учения по Винае и Абхидхарме; у Цонкапы в Гандене выслушал учения по «Ламрим-ченмо» (Lam rim chen mo) и «Нраgrim-ченмо» (sNgags rim chen mo), изучал мадхьямаку и тантры [Thinlay Gyatso]. Здесь же он принял полное монашеское посвящение гелонга от Цонкапы и помогавших ему Гьелцаба Ддже (rGyal tshab rje dar ma rin chen 1364–1432) и Дулззина ('Dul 'dzin grags pa rgyal mtshan, 1374–1434). Вскоре Джамьян Чойдже стал одним из самых лучших учеников Гандена [Purchog 1989: 31].

Блестящие успехи в учебе, исключительная память и знание Джамьяна Чойдже приобрели такую известность в монастыре, что Цонкапа взял его в свои помощники — он был обязан ежедневно повторять и комментировать учения, изложенные им в Гандене [Purchog 1989: 32; Dreyfus 2006: 2]. Цонкапа, высоко оценив выдающиеся способности ученика в проповеднической деятельности, однажды сказал ему: jam mgon bla ma tshong kha pa chen po de nyid kyis rang lugs ky'i mdo sngags 'chad tshul 'di srid pa ji srid par rgyun mi chad cing/ phyogs thams cad rgyas pa'i ched du chos sde phun sum tshogs pa zhig thob dang dgon ma las bu dga' ba dar rgyas chen po 'ong gsung zhing 'gog pa ri nas gter bzhes pa'i chos dung gnan/ 'Создай какую-нибудь хорошую монастырскую школу, чтобы наша методика обучения сутрам и тантрам не прерывалась до тех пор, пока длится сансара, и распространялась повсюду. [В будущем этот] дочерний монастырь станет самым лучшим, более успешным и обширным, чем материнский [монастырь Ганден], и подарил [ему] раковину², извлеченную из клада на холме Гокпа' [Purchog 1989: 31]. Эта раковина хранилась в Дрепунге и считалась самым священным предметом и объектом почитания, связанным с именем Цонкапы — основателя традиции, но, по некоторым сведениям, в 1980-х гг. она была похищена из монастыря и до сих пор не найдена [Dreyfus 2006: 2].

В 1414 г. Джамьян Чойдже приехал на место будущего строительства монастыря и сразу же построил себе маленькую хижину с соломенной крышей рядом с небольшой пещерой, которая в настоящее время называется Драктоканг (Brag thog khang). Затем он перешел в другую пещеру, располагающуюся сейчас

¹ Здесь и далее перевод с тибетского языка принадлежит автору статьи.

² Здесь речь идет именно о той раковине, которая, согласно биографии Цонкапы, была подарена Буддой и обнаружена на холме за монастырем во время строительства монастыря Ганден [Thurman 1982: 3–4].

за цокчен дуганом (tshogs chen 'du khang) — главным молитвенным залом, где он начал давать учения. Постепенно он собрал вокруг себя много учеников, которых наставлял в знании буддийских сутр и тантр.

Затем Джамьян Чойдже заручился поддержкой влиятельного правителя данной местности по имени Намка Санпо (sNe'u rdzong dpon nam mkha' bzang po) и в 1416 г. приступил к стройке цокчен дугана с 108 колоннами, тантрического дацана (sngags khang, sngags pa grwa tshang) и небольших домиков для монахов (grwa spyil, grwa shag): rim gyis gtsug lag khang chen mo'i thub dbang gtso 'khor dang/ sngags khang gi nag po skor gsum dang/ blos bslangs mams grub/ 'Со временем изготовили [большие статуи] Будды с двумя его учениками для цокчен дугана, [статуи трех гневных божеств — Ваджрабхайравы, Махакалы и Ямы, или] трех групп «черных» для нгакпа дацана и [трехмерные] мандалы для медитации' [Purchog 1989: 32]. В 1419 г. они были освящены самим Цонкапой, посетившим Дрепунг по пути своего следования к горячим источникам [Dreyfus 2006: 2].

После обустройства монастыря Джамьян Чойдже начал активную проповедническую деятельность и достиг большого успеха в объяснении и практике буддийского учения, продвижении традиции Цонкапы. В результате вокруг него собралось большое количество учеников: Мусепа Лодро Ринчен Сенге (Mus srad pa blo gros rin chen seng ge), Ньембо Шакья Гьялцен (Nyau po sha'a kya rgyal mtshan), махапандита Пеллова (mkhan chen dPal blo ba), ачарья Галев (slob dpon sGa le), Таклев (sTag le), Нартанг Рабочок (sNar thang rab mchog), а также Такло Шерап Ринчен (sTag lo shes rab rin chen) и многие другие. Из прямых учеников Джамьяна Чойдже, в частности Галев и Таклев, стали вторым и третьим настоятелями Гоманг-дацана и сыграли значительную роль в истории развития дацана, превратив его в один из главных учебных центров Дрепунга. А Мусепа Лодро Ринчен Сенге основал Сера Дже-дацан (Se ra byes grwa tshang), который в дальнейшем существенно повлиял на становление монастыря Сера (основан в 1419 г.) [Purchog 1989: 55].

Помимо проведения ежедневных учений для сохранения непрерывности передачи традиции Цонкапы, Джамьян Чойдже также следил за процессом обучения. Так, он написал комментарии к основополагающим индийским текстам, которые служили первыми учебниками и пособиями йикча (yig cha) Дрепунга, составил календарь монастырских дебатов, следил за учебным планом и т. д. [Dreyfus 2006: 2].

4. Создание дацанов Дрепунга

Исходя из основных предметов буддийского образования, Джамьян Чойдже назначил группу из семи учителей ачарья, каждый из которых преподавал какую-либо дисциплину. В результате в Дрепунге сформировались семь специализированных монастырских школ, или дацанов. В своем сочинении Пурчок приводит их полный перечень с указанием имен первых двух-трех учителей: blo gsal gling du dang slob dpon legs ldan pas gzhung chen mo mams bshad/ de nas slob dpon gzhu bsod dang/ dpal ldan blo gros sogs kyis 'chan nyan mdzad/ sgo mang du dang po drung grags pa rin chen pas 'chad nyan mdzad/ de nas rim bzhin/ sga le/ stag le/ gung ru tshul bzang ba/ chen po dpal she ba sogs kyis gdan sa mdzad/ bde yangs su dang po lcoq pa byang dpal dang/ de nas drung chos

dpal/ grwa chung yon tan rgyal mtshan sogs dang/ shag skor du thog mar snar thang rab mchog/ de nas nyag re rdor rgyal/ slob dpon nyan chung sogs pa dang/ thos bsam gling ngam rgyal pa/po la/ dang por slob dpon kun dga' rin chen/ nyan sh'a ka pa/ drung rgyal bzang ba sogs dang/ 'dul ba grwa tshang du dang por/ drung brtson 'grus grags pa dang/ de rjes rin chen kun dga' rgyal mtshan sogs dang/ sngags pa grwa tshang du/ dang po slob dpon rgyal mtshan pa dang/ sbyin mchog pa sogs byon nas mdo sngags kyi bshad sgrub dbyar mtso ltar 'phel zhing/ 'Первым в Лоселинге базовые тексты [пяти главных предметов буддийской философии] комментировал ачарья Легденпа, затем разъяснения давали ачарья Шусо, Пелден Лодой (dPal ldan blo gros) и т.д.; первым в Гоманге преподавал преподобный Дакпа Ринчен, за которым один за другим [это] место занимали: Галерб, Таклеб, Гунру Цулсанва, Ченпо Пелшева и т. д.; первым в Дзянге — Чокпа Джанпел, а затем преподобный Чойпел, Дачунг Йонтен Гьялцен и т. д.; первым в Шагкоре — Нартанг Рабчок, а затем Ньягре Доргьял, ачарья Ньенчунг и т. д.; первым в Тойсамлинге, или Гьялпо, — ачарья Кунга Ринчен, [а затем] Ньен Шакапа, преподобный Гьялсанва и т. д.; первым в Дулва-дацане — преподобный Цондуй Дакпа, а после него Ринчен Кунга Гьялцен и т. д.; первым в Нгакпа-дацане — ачарья Гьялценпа, [а затем] Джинчокпа и т. д. С их приходом [в Дрепунг уровень] объяснения и практической реализации сутры и тантры повысился так, как [поднимается уровень воды] у озера летом' [Purchog 1989: 32–33]. Впоследствии указанные персоналии, о которых практически не сохранилось достоверных биографических сведений, приобрели статус первых настоятелей этих дацанов.

После нескольких реорганизаций, начиная примерно с XVIII в., отдельные из указанных дацанов упразднили и, в конечном итоге, окончательно сформировали четыре дацана: Лоселинг, Гоманг, Дзянг и Нгакпа-дацан. Именно эти четыре дацана описывает выдающийся путешественник-востоковед Гомбожаб Цыбиков, который посетил Дрепунг летом 1900 г. [Цыбиков 1991: 167]. Он также сообщает, что количество монахов «не превышает восьми тысяч» и «делится на 42 общины», из которых 16 в Гоманг-дацане¹ и 26 — в Лоселинге [Цыбиков 1991: 167]. Здесь следует пояснить, что монахи, обучающиеся в тибетских монастырях, в зависимости от места своего рождения делятся на региональные общины канцен (khang tshan), или камцан, как у Г. Ц. Цыбикова. Отметим в частности, что монголы (в том числе буряты, тувинцы), обучающиеся в Гоманг-дацане, относятся к самло-канцену (bsam blo khang tshan). В каждой общине есть своего рода староста — глава землячества, следящий за порядком и дисциплиной монахов. Все важные вопросы дацана решают коллегиально: настоятель, старшие монахи, преподаватели, бывшие настоятели, все официальные лица монастыря и старосты общин.

5. О системе образования в Дрепунге

Что касается системы образования в Дрепунге в целом, то она практически ничем не отличается от всех других монастырей гелук². Курс обучения во всех

¹ Более подробно о 16 канцен и некоторых его локальных этнических подразделениях мицан (mi tshan) в Гоманг-дацане см., например: [Бакаева 2020: 1549–1550].

² О «внесектарном» риме (ri smed) подходе и системе буддийского образования Института буддийской диалектики (Дхарамсала, штат Химачал Прадеш, Индия), см.: [Лощенков 2019].

так называемых ценни (в монголизированном варианте цаннид) дацанах (mtshan nyid grwa tshan), изучающих буддийскую философию, построен в соответствии с единым стандартом, где основной целью является изучение пяти главных предметов буддийской философии — логики (tshad ma), праджняпарамиты (phar phyin), мадхьямаки (dbu ma), абхидхармы (mdzod) и винаи ('dul ba). Такая программа курса для монахов, называемых печава (dpe cha ba, «книжник»), включает пятнадцать классов дзинда ('dzin grwa), каждый из которых продолжается год. Обязательная часть обучения в ценни дацанах — участие монахов в философских диспутах, проводимых на специальных площадках чойра (chos ra) при дацане. После прохождения определенного курса монахи сдают экзамены, а монахи, успешно прошедшие их, получают соответствующие ученые степени геше (dge bshes) в следующей последовательности: гешедорамба (rdo rams pa'i dge bshes), геше-качуба (bka' bcu pa'i dge bshes), или геше-линсе (gling bsre'i dge bshes), геше-цограмба (tshogs rams pa'i dge bshes), геше-лхарамба (lha rams pa'i dge bshes), причем оказывается, что процедура получения степени геше не ограничивается только экзаменами, но требует еще и больших финансовых расходов на подношения духовенству, монастырю. Так, Г. Ц. Цыбиков рассказывает об одном бурятском «кандидате» в геше, который, желая получить звание качуба (или «габчжу», как у Г. Ц. Цыбикова), проводит обряд угощения всех монахов Гоманг-дацана, составлявших на тот момент около 200 человек [Цыбиков 1991: 174].

В целом программа обучения в дацанах школы гелук отличается лишь тем, что в каждом из них пользуются собственными учебниками йикча, которые, по большому счету, содержат один и тот же материал. Так, к примеру, в отличие от Лоселинга, где обучение монахов проходит по учебникам ганден-трипы XV Панчен Сонам Дракпы (Pan chen bsod nams grags pa, 1478–1554), в Гоманг-дацане занимаются по учебной литературе, составленной Джамъяном Шепой I Нгаванг Цунду ('Jam dbyang bzhad pa rdo rje ngag dbang brtson'grus, 1648–1722)¹.

По некоторым оценкам, образованные монахи печава в Дрепунге составляли «лишь около 10 процентов от общего числа монахов» [Goldstein 1998: 21]. Подавляющее же большинство простых монахов занимались земледелием, торговлей, врачеванием, разного рода хозяйственными работами при монастыре или за его пределами, обеспечивая рост монастырской казны. Община же в целом существовала за счет финансовых поступлений от доходов поместий, пожертвований тибетского правительства или богатых мирян, а также частного предпринимательства некоторых монахов.

6. Основные святыни монастыря

Что касается предметов религиозного почитания в Дрепунге, то вышеупомянутая раковина — самая главная святыня, а также некоторые другие предметы материальной культуры монастыря того периода до нас не дошли. В этом контексте весьма интересными представляются самые ранние в европейской литературе сведения об объектах храмового комплекса Дрепунга, которые представлены в книге Г. Ц. Цыбикова «Буддист паломник у святынь

¹ О пребывании Джамъяна Шепы I на посту настоятеля Гоманг-дацана см. подробнее: [Гончок Чжигмэд-Ванбо 2008: 160–204].

Тибета» [Цыбиков 1991: 166]. Он отмечает, что самые важные святыни связаны с именами Цонкапы и основателя Дрепунга. Среди таких святынь указывается, например, многометровая статуя Майтреи, установленная в цокчен-дугане при жизни основателя, а также статуя гневного Ямантаки в Нгакпа-дацане, в свое время лично освященные Цонкапой и основателем монастыря [Цыбиков 1991: 166]. Наряду с другими предметами (танка, статуи и т. д.) к важным объектам религиозного поклонения тибетцы относят реликварии Далай-лам. Здесь, в частности, находятся серебряные ступы (dngul gdung, gdung rten) с мощами Далай-ламы III Сонам Гьяцо (1543–1588), Далай-ламы IV Йонтен Гьяцо (1589–1616) [Цыбиков 1991: 166].

7. Заключение

Период с XV по XIX в. отмечен подъемом Дрепунга: монастырь поступательно развивался, приобрел статус религиозного, образовательного и историко-культурного центра. Его близкое расположение к Лхасе способствовало экономическому благополучию, участию в политической жизни Тибета, а также большому притоку паломников. Здесь хотелось бы подчеркнуть, что сочинение Пурчок I Нгаванг Джампы может рассматриваться как ценный источник для изучения именно ранней истории Дрепунга.

События 1959 г. оказали самое разрушительное воздействие на монастырь, вплоть до его полного исчезновения: имущество изъято, духовенство распущено. И в настоящее время далеко не все монастырские традиции прошлого удается восстановить в Тибете. Особенно показательна в этом смысле история «индийского» Дрепунг, в котором сохранены практически все традиции старого «тибетского» монастыря. В отличие от «тибетского» Дрепунга, утратившего в значительной мере свои культурно-исторические традиции, воссозданный «индийский» Дрепунг в полной мере сохранил все основные элементы религиозной деятельности, административной и дисциплинарной структуры монастыря [Dreyfus 2006: 7], а также региональные общины канцен, существовавшие в Тибете до 1959 г. В индийском Мундгоде для организации учебного процесса в первую очередь были восстановлены Лоселинг и Гоманг, которые, как и раньше в Тибете, продолжают набирать и детей — юных послушников. Сегодня в этих огромных дацанах — университетах обучается большое количество монахов (в Гоманг-дацане, к примеру, сейчас их чуть более 2 500), в том числе и отдельные иностранные «студенты». Одним словом, Дрепунг, уже на территории Индии, вновь превратился в крупный центр буддийской образованности, в котором, как и прежде, используют свои собственные учебники, изучают классические индийские тексты, оригинальные сочинения Цонкапы [Sonam Tsering 2020: 261–267], обучая монахов буддийской философии вплоть до получения ими степени геше (в Тибете же эта степень больше не присуждается). Потому в целом надо признать, что тот самый Дрепунг, основанный Джамгьян Чойдже по просьбе Цонкапы, не только сохранил свои «тибетские» традиции в Индии, но и получил дальнейшее развитие (его филиалы распространены по всему миру).

Литература

- Бакаева 2020 — *Бакаева Э. П.* Об этнической идентификации ойратов и калмыков в тибетской религиозной традиции: мицаны Дрепунг Гоманга // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 6. С. 1546–1557. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1546-1557
- Гончок Чжигмэд-Ванбо 2008 — *Гончок Чжигмэд-Ванбо*. Повествование о жизни всеведущего Чжамьян-Шадбий-Дордже «Брод, ведущий к удивительно благому делу» / введ., пер., комм. Н. Цыремпилова. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2008. 312 с.
- Добум Тулку — *Добум Тулку Л. Т.* Монастыри гелуг: Дрепунг // *Study Buddhism by Berzin Archives* / пер. А. Берзина и Кхамлунга Ринпоче [электронный ресурс] // URL: <https://studybuddhism.com/ru/prodvinutyu-uroven/istoriya-i-kultura/monastyri-v-tibete/monastyri-gelug-drepung> (дата обращения: 10.11.2023).
- Кычанов, Мельниченко 2005 — *Кычанов Е. И., Мельниченко Б. Н.* История Тибета с древнейших времен до наших дней. М.: Вост. лит., 2005. 351 с.
- Лощенков 2019 — *Лощенков А. В.* Институт буддийской диалектики: традиции и современность // *Человек и культура*. 2019. № 6. С. 68–83. DOI: 10.25136/2409-8744.2019.6.31801
- Рерих 1986 — *Рерих Ю. Н.* Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями / под общ. ред. Ю. Парфионовича и В. Дылыковой. Вып. 6 (pha-ba). М.: Наука, ГРВЛ, 1986. 371 с.
- Цыбиков 1991 — *Цыбиков Г. Ц.* Избранные труды. В 2 тт. 2-е изд., перераб. Т. 1: Буддист паломник у святынь Тибета. Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1991. 256 с.
- Dreyfus 2006 — *Dreyfus G.* Drepung: An Introduction [электронный ресурс] // *The Tibetan and Himalayan Library*. 2006. URL: <http://www.thlib.org/places/monasteries/drepung/intro.php#!essay=/dreyfus/drepung/intro/s/b3> (дата обращения: 05.11.2023).
- Goldstein 1998 — *Goldstein M.* The Revival of Monastic Life in Drepung Monastery // *Buddhism in Contemporary Tibet* / ed. by M. Goldstein and M. Kapstein. Berkeley: University of California, 1998. 207 p.
- Jansen 2020 — *Jansen B.* Law and Order during the Lhasa Great Prayer Festival // *On a Day of a Month of the Fire Bird Year: Festschrift for Peter Schwieger on the occasion of his 65th birthday* / eds. J. Bischoff, P. Maurer, and Ch. Ramble. Lumbini: Lumbini International Research Institute. 2020. Pp. 415–435.
- McCleary and van der Kuijp 2007 — *McCleary R. M., L. W. J. van der Kuijp.* The Formation of the Tibetan State Religion: The Geluk School 1419–1642 [электронный ресурс] // *CID Working Paper Series* 2007. 154. Harvard University, Cambridge, MA, December 2007. URL: <https://dash.harvard.edu/bitstream/handle/1/42482351/154rev.pdf?sequence=1&isAllowed=y.pdf> (дата обращения: 01.11.2023).
- Purchog 1989 — *Purchog ngag dbang byams pa.* Grwa sa chen po bzhi dang rgyud pa stod smad kyi dkar chag pad dkar phreng ba (= История основания четырех монастырей [Сера, Ганден, Дрепунг и Ташилхунпо] и двух тантрийских дацанов Гьюто и Гьюме). *Bod ljongs mi dmangs dpe skrun khang*. 1989. 105 p.
- Samten Chhosphel — *Samten Chhosphel.* The First Purchok, Ngawang Jampa, Treasury of Lives [электронный ресурс] // URL: <http://treasuryoflives.org/biographies/view/Purchok-Ngawang-Jampa/2329> (дата обращения: 01.09.2023).
- Sonam Tsering 2020 — *Sonam Tsering.* The Role of Texts in the Formation of the Geluk School in Tibet during the Mid-Fourteenth and Fifteenth Centuries. Ph. D. dissertation. Columbia University, East Asian Languages and Cultures. 2020. 364 p. DOI: 10.7916/d8-wn60-y533
- Thinlay Gyatso — *Thinlay Gyatso.* Jamyang Choje Tashi Pelden // *Treasury of Lives* [электронный ресурс] // URL: <http://treasuryoflives.org/biographies/view/Tashi-Pelden/5849> (дата обращения: 01.09.2023).
- Thurman 1982 — *Thurman R.* (ed.). The life and teachings of Tsongkhapa. Dharamsala: Library of Tibetan Works and Archives, 1982. 289 p.

References

- Bakaeva E. P. Ethnic Identities of Oirats and Kalmyks in the Tibetan Religious Tradition: Mitsangs of Drepung Gomang Monastery. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13. No. 6. Pp. 1546–1557. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1546-1557 (In Russ.)
- Doboom Tulku L. T. Gelug Monasteries: Drepung. On: Study Buddhism by Berzin Archives. A. Berzin. Khamlung Rinpoche (transl.). Available at: URL: <https://studybuddhism.com/ru/prodvinytyy-uroven/istoriya-i-kultura/monastyri-v-tibete/monastyri-gelug-drepung> (accessed: 10 November 2020). (In Russ.)
- Dreyfus G. Drepung: An Introduction. On: The Tibetan and Himalayan Library. 2006. Available at: URL: <http://www.thlib.org/places/monasteries/drepung/intro.php#!essay=/dreyfus/drepung/intro/s/b3> (accessed: 5 November 2023). (In Eng.)
- Goldstein M. The Revival of Monastic Life in Drepung Monastery. In: *Buddhism in Contemporary Tibet* / ed. by M. Goldstein and M. Kapstein. Berkeley: University of California. 1998. 207 p. (In Eng.)
- Gonchok Jigme Wangpo. The Biography of the Omniscient Jamyang Zhepa Dorje Titled ‘The Ford towards a Magnificently Virtuous Cause’. N. Tsyrempilov (foreword, transl., etc.). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center, Sib. Branch of RAS. 2008. 312 p. (In Russ.)
- Jansen Berthe. Law and Order during the Lhasa Great Prayer Festival. In: *On a Day of a Month of the Fire Bird Year: Festschrift for Peter Schwieger on the Occasion of his 65th birthday* / eds.: J. Bischoff, P. Maurer, and Ch. Ramble. Lumbini: Lumbini International Research Institute, 2020. Pp. 415–435. (In Eng.)
- Kychanov E. I., Melnichenko B. N. The History of Tibet from Ancient Times to the Present Day. Moscow: Vostochnaya literatura, 2005. 351 p. (In Russ.)
- Loshchenkov A. V. The Institute of Buddhist Dialectics: Traditions and Modernity. *Man and culture*. 2019. No. 6. Pp. 68–83. DOI: 10.25136/2409-8744.2019.6.31801 (In Russ.)
- McCleary R. M. and van der Kuijp L. W. J. The Formation of the Tibetan State Religion: The Geluk School 1419–1642. CID Working Paper Series 2007.154, Harvard University, Cambridge, MA, December 2007. Available at: URL: <https://dash.harvard.edu/bitstream/handle/1/42482351/154rev.pdf?sequence=1&isAllowed=y.pdf> (accessed: 01 November 2020). (In Eng.)
- Purchok Ngawang Jampa. The History of Establishment of the Four Monastic Seats and the Upper and Lower Tantric Colleges. Lhasa: Bod ljongs mi dmangs dpe skrun khang, 1989. 105 p. (In Tib.)
- Roerich Y. N. Tibetan-Russian-English Dictionary with Sanskrit Parallels. Parfionovich Yu. and Dylykova V. (ed.). Vol. 6 (pha–ba). Moscow: Nauka, GRVL, 1986. 371 p. (In Tib. and in Russ.)
- Samten Chhosphe. The First Purchok, Ngawang Jampa. Treasury of Lives. Available at: <http://treasuryoflives.org/biographies/view/Purchok-Ngawang-Jampa/2329> (accessed: 06 December 2023) (In Eng.)
- Sonam Tsering. The Role of Texts in the Formation of the Geluk School in Tibet during the Mid-Fourteenth and Fifteenth Centuries. Ph. D. dissertation. Columbia University, East Asian Languages and Cultures. 2020. 364 p. DOI: 10.7916/d8-wn60-y533. (In Eng.)
- Thinlay Gyatso. Jamyang Choje Tashi Pelden. Treasury of Lives. Available at: URL: <http://treasuryoflives.org/biographies/view/Tashi-Pelden/5849> (accessed: 10 September 2023) (In Eng.)
- Thurman R. (ed.). The life and teachings of Tsongkhapa. Dharamsala: Library of Tibetan Works and Archives, 1982. 289 p. (In Russ.)
- Tsybikov G. Ts. Selected works in two volumes. The 2nd ed., T. 1: A Buddhist pilgrim to the holy places of Tibet. Novosibirsk: Nauka. Sibirskoye otdeleniye, 1991. 256 p. (In Russ.)

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 94(517)

DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-523-537

**«Мы имеем на сто процентов взаимное доверие».
 Из истории координации народнохозяйственных планов
 МНР и СССР на пятилетие 1971–1975 гг.**

*Нарма Арслангович Каманджаев*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

аспирант, младший научный сотрудник

 0000-0002-2012-0312. E-mail: [narmakam\[at\]gmail.com](mailto:narmakam[at]gmail.com)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Каманджаев Н. А., 2023

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена малоизученной теме истории советско-монгольской плановой координации на примере координации планов МНР и СССР на пятилетие 1971–1975 гг. *Целью* статьи является объективное исследование данного процесса, выражающееся в выявлении его хода и механизмов совершения, а также определение его роли в экономическом сотрудничестве стран. *Материалы и методы.* Источниковой базой исследования послужили архивные материалы Госплана СССР, аппарата ЦК КПСС и Секретариата Совета экономической взаимопомощи. *Результаты.* Координация планов МНР и СССР на пятилетие 1971–1975 гг. являлась многоэтапным процессом. Сначала в ходе переговоров и двух консультаций плановых органов стран были согласованы пятилетние планы развития народного хозяйства стран, а затем в течение пятилетки происходили координации годовых планов. *Выводы.* Содержание координации пятилетних планов заключалось, с одной стороны, в обмене мнениями по проектам «Основных направлений развития народного хозяйства МНР», а с другой — в обсуждении некоторых процедурных вопросов. В свою очередь все основные решения по экономическому сотрудничеству стран в 1971–1975 гг. были приняты на уровне партийно-правительственных делегаций, что обуславливает сугубо техническую роль плановой координации в системе взаимоотношений Монголии и Советского Союза в рассматриваемый период.

Ключевые слова: координация, план, Госплан СССР, Монголия, экономическое сотрудничество

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4).

Для цитирования: Каманджаев Н. А. «Мы имеем на сто процентов взаимное доверие». Из истории координации народнохозяйственных планов МНР и СССР на пятиле-

тиг 1971–1975 гг. // Монголоведение. Т. 15. № 4. С. 523–537. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-523-537

“We have One Hundred Percent Mutual Trust”. From the History of the Coordination of the National Economic Plans of the MPR and the USSR for the five-year period 1971–1975

*Narma A. Kamandzhaev*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Postgraduate Student, Junior Research Associate

 0000-0002-2012-0312. E-mail: narmakam[at]gmail.com

© KalmSC RAS, 2023

© Kamandzhaev N. A., 2023

Abstract. *Introduction.* The article is devoted to the little-studied topic of the history of Soviet-Mongolian planning coordination on the example of coordination of the plans of the MPR and the USSR for the five years of 1971–1975. The *purpose* of the article is an objective study of this process, which is expressed in identifying its course and mechanisms of commission, as well as determining its role in economic cooperation between countries. *Materials and methods.* The research was based on archival materials of the USSR State Planning Committee, the Central Committee of the CPSU and the Secretariat of the Council of Mutual Economic Assistance. *Results.* The coordination of the plans of the MPR and the USSR for the five-year period 1971–1975 was a multi-stage process. First, during negotiations and two consultations of the authorities of the countries, five-year plans for the development of the national economy of the countries were agreed upon, and then during the five-year plan, annual plans were coordinated. *Conclusions.* The content of the coordination of the five-year plans consisted, on one hand, in an exchange of views on the draft “Main directions for the development of the national economy of the MPR”, and, on the other, in discussing some procedural issues. In turn, all the main decisions on economic cooperation between the countries in 1971–1975 were taken at the level of party and government delegations, which determines the purely technical role of planned coordination in the system of relations between Mongolia and the Soviet Union during the period under review.

Keywords: coordination, plan, State Planning Committee of the USSR, Mongolia, economic cooperation

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name “Universals and Specifics in Traditions of the Mongolian-speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China” (state registration number: 123021300198-4).

For citation: Kamandzhaev N. A. “We have One Hundred Percent Mutual Trust”. From the History of the Coordination of the National Economic Plans of the MPR and the USSR for the five-year period 1971–1975. *Mongolian Studies (Elista)*. 2023; 15(4): 523–537. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-523-537

1. Введение

Советско-монгольские экономические отношения без преувеличения являются ярким примером непрерывного, бескорыстного и вместе с тем плодотворного межгосударственного партнерства. Со времени установления народной

власти в Монголии в 1924 г. Советский Союз старался оказывать молодой республике всеобъемлющую экономическую поддержку. И хотя данной тематике посвящено колоссальное количество работ как советского, так и современного периодов, все же есть одна плоскость советско-монгольского сотрудничества, которая практически не подвергалась специализированному историческому исследованию. Речь идет о координации народнохозяйственных планов СССР и МНР. Впервые она была совершена плановыми органами стран при подготовке пятилетних планов на 1961–1965 гг. и далее проводилась ими на регулярной основе [Баврин, Алабян 1982: 109].

Проведение Монголией координации планов со странами-членами Совета экономической взаимопомощи (далее — СЭВ) весьма положительно оценивалось советскими и монгольскими исследователями, с одной стороны, как один из факторов развития монгольской экономики [Оюун 1983: 151–152; Сэндэнжав 1978: 33], а с другой — как эффективный инструмент внешнеэкономического сотрудничества [Баврин, Алабян 1982: 110; БНМАУ 1984: 212]. Высока была оценка координации планов и на официальном уровне. Так, Первый секретарь Центрального комитета Монгольской народно-революционной партии (далее — ЦК МНРП) и председатель Совета Министров МНР (далее — Совмин МНР) Юмжаагийн Цэдэнбал, говоря в своем докладе на XV съезде МНРП о проведенной Монголией координации планов на 1966–1970 гг., подчеркнул, что «такая увязка народнохозяйственного плана с братскими странами служит предпосылкой для полного использования преимуществ социалистической системы в интересах ускорения темпов развития нашей страны» [Материалы 1966: 27].

Однако, отмечая высокую значимость координации планов для Монголии, исследователи советского периода практически не приводят какой-либо фактической информации касательно ее совершения. Предметное описание хода и механизмов координации планов МНР и СССР отсутствует даже в диссертации, посвященной сотрудничеству Монголии со странами-членами СЭВ в области плановой деятельности [Сэндэнжав 1978]. В современной же историографии данный вопрос начал изучаться совсем недавно: в статье Н. А. Каманджаева был освещен лишь начальный этап координации планов МНР и СССР на пятилетку 1966–1970 гг. [Каманджаев 2022].

Таким образом, имеется необходимость объективного исследования процесса координации планов МНР и СССР, заключающегося в выявлении ее хода и механизмов совершения, а также в определении ее роли в экономическом сотрудничестве стран. В настоящей статье данные вопросы будут освещены посредством изучения координации народнохозяйственных планов МНР и СССР на 1971–1975 гг.

2. Материалы и методы исследования

Источниковой базой исследования выступают ранее не вводившиеся в научный оборот материалы консультаций плановых органов МНР и СССР, хранящиеся в фонде № 4372 Российского государственного архива экономики (далее — РГАЭ). В исследовании также использованы материалы Секретариата СЭВ (Ф. 561) того же архива и документы Аппарата ЦК КПСС (Ф. 5) из Российского государственного архива новейшей истории (далее — РГАНИ).

При проведении исследования наряду с применением общенаучной методологии, а также учетом принципа историзма были использованы такие специальные исторические методы, как описательный, сравнительный и системный.

3. Общие принципы координации планов стран-членов СЭВ на пятилетие 1971–1975 гг.

Официальный старт началу работ по координации планов на период 1971–1975 гг. был дан в ходе состоявшейся в декабре 1966 г. XX сессии СЭВ. Своим постановлением она рекомендовала странам-участницам организации «приступить с учетом накопленного опыта по координации планов на 1966–1970 гг. к работе по координации планов на 1971–1975 гг. на двусторонней и многосторонней основе не позднее 1968 г.» [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 48с. Д. 1. Л. 7]. В свою очередь Исполнительному комитету Совета (далее — Исполком СЭВ) было поручено в течение 1967 г. рассмотреть и одобрить программу организации и содержания координации планов стран-членов СЭВ на период после 1970 г. [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 48с. Д. 1. Л. 7].

Данное поручение было осуществлено на состоявшемся 5–7 июля 1967 г. 30-м заседании Исполкома СЭВ, в ходе которого было принято объемное постановление, в соответствии с которым странам-участницам организации были рекомендованы определенные процедурные и тематические рамки предполагаемой координации. Отдельно упоминалось видение координации планов в качестве процесса, сочетающего в себе как двустороннюю, так и многостороннюю основы [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 49с. Д. 13. Л. 9].

Двустороннюю координацию планов на пятилетие 1971–1975 гг. странам-участницам СЭВ рекомендовалось вести путем консультаций и переговоров, в возможном тематическом круге которых упоминались следующие вопросы: специализация и кооперирование производства, строительство объектов, представляющих взаимный интерес, проведение геологических изысканий, научно-техническое сотрудничество, взаимные поставки товаров, а также транспорт. При этом отдельно оговаривалось, что конкретное содержание и программы работ по двусторонней координации целесообразно согласовывать между странами [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 49с. Д. 13. Л. 9].

Согласно одобренному тем же постановлением графику работ по координации планов развития народного хозяйства стран-членов СЭВ на период 1971–1975 гг. странам рекомендовалось разбить координацию на два этапа, в ходе которых должны были быть проведены два круга двусторонних консультаций между плановыми органами. Первый этап консультаций предполагалось провести до конца 1968 г., а второй — в IV квартале 1969 г. – I квартале 1970 г. Затем в течение II–III кварталов 1970 г. рекомендовалось заключить двусторонние долгосрочные торговые соглашения, иные возможные договора — по мере готовности. Также графиком учитывалось и то, что отдельные вопросы экономического сотрудничества стран могли быть рассмотрены на многостороннем уровне в органах СЭВ [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 49с. Д. 13. Л. 45–49].

4. Предварительные переговоры

Несмотря на вышеуказанные рекомендации Исполкома СЭВ, советская и монгольская стороны отнюдь не стремились провести первый этап координа-

ции планов в срок. К концу 1969 г. страны только лишь вышли на финишную прямую подготовки к осуществлению координации. Так, в период с 22 сентября по 3 октября 1969 г. в г. Улан-Баторе прошли переговоры между советской и монгольской экономическими делегациями. Созванные по инициативе монгольской стороны, они, как указано в документе, знаменовали собой подготовку к предстоящей координации планов между СССР и МНР на период 1971–1975 гг. Советскую делегацию на переговорах возглавлял заместитель председателя Госплана СССР Михаил Иванович Мисник, монгольскую — заместитель председателя Совмина МНР Тумэнбаярын Рагчаа [РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 3191. Л. 17–18].

В повестке заседания значилось обсуждение двух вопросов. Первый из них касался предварительного варианта «Основных направлений развития народного хозяйства МНР на 1971–1975 гг.» [РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 3191. Л. 19]. Таким образом, разработанному Госпланом МНР документу предстояло выдержать первую проверку на прочность от советских плановиков.

Советские эксперты предложили внести ряд изменений в проект «Основных направлений», общим лейтмотивом которых являлось ускорение роста национального дохода Монголии с целью выделения большего количества ресурсов на расширение производства и достижения большей эффективности всех отраслей экономики. В связи с этим предлагалось несколько изменить как основные народнохозяйственные пропорции на пятилетку, так и ряд показателей по отраслям [РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 3191. Л. 20–21].

В области сельского хозяйства было рекомендовано повысить показатели роста сельскохозяйственного производства с целью увеличения экспортных ресурсов страны. Для достижения данных показателей предлагалось увеличить размер капитальных вложений, а также способствовать повышению материальной заинтересованности животноводов [РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 3191. Л. 22–23].

Обсуждая проблемы развития монгольской промышленности, делегации сочли необходимым, с одной стороны, улучшить использование уже имевшихся в стране промышленных мощностей, а с другой — развивать переработку сельскохозяйственной продукции и изучить целесообразность строительства некоторых горнодобывающих предприятий, так как именно данные отрасли, по мнению советских плановиков, могли оказать наиболее положительное влияние на экспортный потенциал Монголии [РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 3191. Л. 23–24].

Отдельно был обсужден комплекс вопросов, касавшихся использования трудовых ресурсов и роста производительности труда в Монголии. Делегации сочли целесообразным при дальнейшей разработке «Основных направлений», с одной стороны, нарастить собственные трудовые ресурсы, а с другой — уменьшить долю иностранцев, занятых в массовых рабочих профессиях. Советская делегация также предложила увеличить плановые показатели роста производительности труда в предстоящей пятилетке [РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 3191. Л. 25].

Некоторое расхождение позиций сторон было выявлено при обсуждении капитального строительства в Монголии. Советская делегация рекомендовала

монгольской стороне снизить предлагавшиеся в проекте «Основных направлений» объемы намечаемого капитального строительства. Данное предложение советской стороны было оценено монгольскими представителями как «крайне нежелательное» [РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 3191. Л. 26].

В соответствии с указанной выше общей рекомендацией советские плановики предложили изменить методику планирования капиталовложений с целью достижения их большей эффективности. Так, было предложено включать в титульные списки предприятий, подлежащих строительству в 1971–1975 гг., лишь те объекты, целесообразность строительства которых уже была подтверждена технико-экономическими обоснованиями (далее — ТЭО), а также объекты, аналогичные тем, что уже хорошо себя зарекомендовали в условиях Монголии. В связи с этим предлагалось в первую очередь составить предварительный перечень объектов, намеченных к строительству в 1971 г., чтобы как можно быстрее провести по ним ТЭО [РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 3191. Л. 26–27].

Второй пункт повестки рассматриваемых переговоров был сформулирован как «О некоторых направлениях совершенствования форм и методов советско-монгольского экономического сотрудничества на 1971–1975 гг.». В ходе его обсуждения делегации сформулировали три основных направления предполагаемой помощи Советского Союза в ходе пятилетки 1971–1975 гг.: 1) решение крупных проблем, связанных с обеспечением устойчивого развития животноводства; 2) дальнейшее освоение мощностей построенных с помощью СССР объектов; 3) расширение и строительство отдельных объектов горнорудной промышленности экспортного назначения [РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 3191. Л. 28].

В ходе дискуссии по второму пункту повестки стороны обсудили некоторые вопросы, касающиеся характера и содержания будущего межправительственного соглашения об экономическом сотрудничестве на пятилетие 1971–1975 гг. Проект договора, полагавшийся к представлению на суд директивных органов, по обоюдному мнению сторон должен был содержать в себе сведения об общей сумме кредитной помощи Советского Союза Монголии, информацию о ее распределении по годам и народнохозяйственным отраслям, а также список предполагаемых к строительству объектов. Дополнительно же было указано, что твердый список объектов будет формироваться плановыми органами СССР и МНР по мере составления ТЭО, а согласование их строительства будет проводиться при разработке годовых планов стран [РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 3191. Л. 30].

Во время переговоров монгольская сторона передала советской делегации в порядке информации два перечня объектов. В первом были указаны 23 объекта, по которым монголы предложили советской стороне провести ТЭО. Второй же содержал 24 объекта, строительство которых монгольская сторона намеревалась осуществить с технико-экономической помощью СССР в 1971 г. [РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 3191. Л. 35–38].

5. Первая консультация

С 8 по 16 января 1970 г. в г. Москве прошла консультация между Госпланами МНР и СССР по проекту основных направлений развития народного

хозяйства и культуры МНР и вопросам развития монголо-советского экономического сотрудничества в 1971–1975 гг. Интересно, что хотя в памятной записке отсутствует привязка данной консультации к какому-либо из заданных Исполкомом СЭВ этапов, из материалов организации следует, что монгольские представители в Совете квалифицировали ее именно как консультацию первого круга [РГАЭ. Ф. 561. Оп. 54с. Д. 4. Л. 219].

Монгольскую делегацию на консультации возглавлял председатель Госплана МНР Бямбын Ринчинпэлжээ, советскую — заместитель председателя Госплана СССР Михаил Иванович Мисник [РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 3945. Л. 9, 13–14].

В ходе консультации делегации обменялись мнениями по новому проекту «Основных направлений», а также его соответствии рекомендациям, высказанными советской стороной в ходе предварительных переговоров 1969 г. Далее сторонами были рассмотрены некоторые вопросы советско-монгольского экономического сотрудничества на предстоящую пятилетку, среди которых отдельное внимание было уделено зафиксированному в документе строительству горно-обогатительного предприятия на месторождении Эрдэнэтийн-овоо. Монгольская сторона выразила пожелание его совместного освоения. Сторонами был также согласован порядок подготовки материалов для составления ТЭО данного предприятия [РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66/ Д. 3945. Л. 9–10].

Внимания были удостоены и другие месторождения, советская помощь в освоении которых также была предусмотрена обсуждаемым документом. Так, по месторождениям золота, олова, плавикового шпата и вольфрама в I квартале 1970 г. был запланирован обмен мнениями между экспертами. Советская сторона взяла на себя обязательство разработать ТЭО для решения проблемы удовлетворения потребностей Монголии в угле [РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 3945. Л. 10].

В области энергетики стороны посчитали необходимым закончить в 1970 г. разработку схемы энергоснабжения Монголии в 1971–1975 гг., определяющим содержанием которой были определены возможность передачи электроэнергии из СССР и определение сроков строительства в МНР тепловой электростанции [РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 3945. Л. 11].

Делегации также признали целесообразным разработать комплексные мероприятия по обеспечению устойчивого роста сельскохозяйственного производства Монголии сроком на 10–15 лет. Советская сторона пообещала командировать своих специалистов в Монголию для проведения консультации по этой проблеме [РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 3945. Л. 12].

В ходе обсуждения общих вопросов экономического сотрудничества стран монгольская делегация обратилась с просьбой об увеличении товарного кредита в предстоящей пятилетке по сравнению с объемом подобной помощи в 1966–1970 гг., а также попросила советскую сторону изыскать возможности для одновременного повышения цен на импортируемые монгольские товары и снижения цен на советский экспорт в МНР [РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 3945. Л. 12–13].

В ходе консультации монгольская делегация для ознакомления передала советской стороне три перечня объектов. Первые два идентичны по названию

тем, что уже были переданы в ходе предварительных переговоров 1969 г., но имели ряд изменений в своем составе. Третий перечень касался объектов, по которым стороны уже договорились выполнить проектные работы в 1970 г. [РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 3945. Л. 16–23].

Сторонами было оговорено, что дальнейшие консультации целесообразно провести уже после рассмотрения директивными органами обеих стран вопроса об объемах и направлениях экономической помощи Советского Союза Монголии в 1971–1975 гг. При этом монгольская делегация просила Госплан СССР ускорить рассмотрение данного вопроса, а также выразила просьбу об отсрочке платежей по кредитам, предоставленным ранее Советским Союзом [РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 3945. Л. 9].

6. Партийно-правительственные переговоры

Основные цифры, определявшие объем советской экономической помощи МНР, должны были быть определены на переговорах между партийно-правительственными делегациями стран. В фондах РГАНИ сохранилась стенограмма выступления председателя Совета Министров СССР (далее — Совмин СССР) Алексея Николаевича Косыгина на данных переговорах, сделанная 27 октября 1970 г. Согласно стенограмме, выступление советского премьера включало несколько смысловых частей. В первой А. Н. Косыгин обрисовал монгольским коллегам общую экономическую ситуацию в Советском Союзе, далее он рассказал о международном положении страны и только затем перешел к собственно советско-монгольским отношениям [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 463. Л. 185–193].

Начав со следующих слов: «Вопрос прежде всего в следующем: мы наши отношения рассматриваем как отношения братства, взаимопонимания, незыблемой дружбы. Мы полностью разделяем мнения друг друга, взаимно дополняем друг друга. Мы имеем на сто процентов взаимное доверие¹», А. Н. Косыгин подчеркнул, что советская сторона не может удовлетворить абсолютно все заявки монголов ввиду «ограниченных финансовых возможностей» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 463. Л. 194].

Среди главных проблем монгольской экономики, которые необходимо решать в предстоящей пятилетке, А. Н. Косыгин отметил следующие: 1) нехватка рабочей силы и низкая производительность труда; 2) относительно низкая эффективность промышленных предприятий, построенных при содействии СССР; 3) плохая обеспеченность собственными строительными материалами; 4) нехватка качественного стационарного жилья для аратов. По всем перечисленным проблемам им предлагались примерные пути их решения. Так, в решении проблемы низкой производительности труда в сельском хозяйстве А. Н. Косыгин призвал монгольских товарищей обратиться к опыту таких северных стран, как Финляндия и Швеция [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 463. Л. 194–198].

Далее председатель Совмина СССР остановился на некоторых моментах сотрудничества в предстоящей пятилетке. Например, им был затронут вопрос о строительстве медно-молибденового комбината на месторождении Эрдэнэ-

¹ Орфография и пунктуация приведены в соответствии с оригиналом.

тийн-овоо. По его словам, при текущих результатах изучения руды данного месторождения его разработка являлась нерентабельной, по этой причине были необходимы новые геологические исследования для выявления более богатых участков [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 463. Л. 198–199].

В последней части своего выступления А. Н. Косыгин обозначил конкретные предложения советской стороны по протоколу данных переговоров. Среди отдельных позиций советской помощи были обозначены: 1) пролонгация на 15 лет кредитов, подлежащих к уплате в 1971–1975 гг., на общую сумму в 540 млн руб.; 2) выделение 250 млн руб. на мероприятия, связанные со строительством горно-обогатительного комбината на месторождении Эрдэнэтийн-овоо; 3) выделение 100 млн руб. на введение поощрительных цен на продукты монгольского животноводства [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 463. Л. 201].

Была также указана общая сумма предполагаемого советского кредита — 440 млн руб. Разбивка этой суммы по направлениям была такова: 1) развитие сельского хозяйства — 140–200 млн руб.; 2) развитие промышленности и проведение геологоразведочных работ — 70–100 млн руб.; 3) совершенствование транспорта и связи — 15 млн руб.; 4) уплата расходов, связанных с работой ТЭО — 5 млн руб.; 5) сбалансирование товарооборота между странами — 200 млн руб. В свою очередь к изначально заложенным 10 млн руб. на жилищно-коммунальное строительство А. Н. Косыгин предложил добавить 20 млн руб. из суммы, зарезервированной на строительство горно-обогатительного комбината [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 463. Л. 201–202]. Таким образом, приведенная выше общая сумма кредита была высчитана советской стороной по низшей шкале.

В безвозмездной форме советская сторона согласна была предоставить 25 млн руб. для частичной оплаты расходов на командированных советских строителей, а также построить на территории Монголии 50 тыс. м² жилья для советских специалистов [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 463. Л. 201–202].

По окончании выступления А. Н. Косыгина глава монгольской делегации, Первый секретарь ЦК МНРП, Председатель Совмина МНР Юмжагийн Цэдэнбал, поблагодарив советскую сторону за оказываемую помощь, предложил внести два изменения в предложения советской стороны. Во-первых, он попросил советскую сторону перераспределить большую сумму на строительство жилищно-коммунальных объектов из средств, зарезервированных для строительства горно-обогатительного комбината, и, во-вторых, предоставить льготы для импортируемых из Советского Союза товаров. И если на первую просьбу он получил утвердительный ответ, то во второй ему было отказано. На этом встреча была окончена, А. Н. Косыгин предложил поручить делегациям составить протокол переговоров и подписать его на следующий день, т. е. 28 октября 1970 г. [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 463. Л. 204–206].

7. Заключительная консультация

23 декабря 1970 г. был подписан Протокол об итогах координации народнохозяйственных планов СССР и МНР на 1971–1975 г. В ходе его подготовки произошли заключительные координационные консультации, главами делегации на которых являлись с советской стороны — заместитель председателя

Совмина СССР, председатель Госплана СССР Николай Константинович Байбаков, а с монгольской — председатель Госплана МНР Бямбын Ринчинпэлжээ [РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 4683. Л. 43].

Сам по себе протокол является комплексным документом, в состав которого вошли договоренности плановых органов стран по следующим вопросам: 1) общие направления использования советских кредитных средств Монголией; 2) порядок координации годовых народнохозяйственных планов; 3) объемы взаимных поставок важнейших товаров между странами [РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 6. Д. 4683. Л. 43–44, 52].

Вполне закономерно, что сторонами при постулировании основных положений данного протокола отчетливо указывалось, что при достижении тех или иных договоренностей они руководствовались Протоколом переговоров партийно-правительственных делегаций СССР и МНР от 28 октября 1970 г. В этой связи неудивительно, что оговоренные в документе пропорции предполагаемой советской помощи в 1971–1975 гг. в основном соответствуют суммам, озвученным ранее А. Н. Косыгиным [РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 4683. Л. 44–45].

Далее в документе речь идет об общих принципах согласования строительства объектов в Монголии, которые также соответствуют договоренностям, достигнутым в ходе вышеописанных встреч делегаций плановых органов двух стран [РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 4683. Л. 46–49].

В рамках консультации произошло очередное обсуждение предварительного варианта «Основных направлений». Советская сторона при изучении представленного документа в очередной раз отметила наличие в нем ряда недочетов как по общеэкономическим, так и по отраслевым показателям. Особо было подчеркнuto, что в проекте «Основных направлений» не в полной мере были учтены приведенные выше советские рекомендации по повышению эффективности монгольской экономики. На основе обнаруженных недочетов советские эксперты выдвинули 15 рекомендаций, которыми монгольские специалисты могли руководствоваться при составлении проекта пятилетнего плана [РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 4683. Л. 42–59].

В ходе консультации также были подведены итоги согласования порядка координации годовых планов, которая провозглашалась «основной формой реализации направлений развития экономического сотрудничества между СССР и МНР на 1971–1975 гг.». Делегации договорились, что данная форма координации будет проводиться в III квартале года, предшествующего планируемому, и что одновременно с ней будут проводиться консультации по проекту годового плана развития народного хозяйства МНР. Тематический круг ежегодной координации определялся такими вопросами, как определение объемов и направлений использования советской экономической помощи Монголией, согласование перечней объектов для строительства при помощи Советского Союза, а также для составления ТЭО. Как итог, подготовленные в ходе координации перечни объектов, по задумке составителей документа, ежегодно могли служить основой для подписания компетентными органами протоколов к Соглашению об экономическом сотрудничестве [РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 4683. Л. 60–61].

Наконец, в качестве приложений к протоколу были приведены представленные монгольской стороной в ознакомительном порядке очередные перечни

объектов, намечаемых к строительству в МНР в 1971 г., и ориентировочный перечень технико-экономических обоснований для целесообразности строительства тех или иных объектов в Монголии [РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 4683. Л. 71–86].

8. Итоги координации

Закономерным итогом координации народнохозяйственных планов СССР и МНР на 1971–1975 гг. стало подписание 28 декабря 1970 г. Соглашения об экономическом сотрудничестве в 1971–1975 г. Данный документ зафиксировал на официальном межгосударственном уровне основные положения Протокола об итогах координации народнохозяйственных планов СССР и МНР на 1971–1975 г. [Сборник 1973: 239–249].

Наиважнейшими из них представляются положения о размерах и структуре советского кредита Монголии на пятилетку. В свою очередь разницу в общей сумме кредита (570 млн руб.) против той, что была озвучена А. Н. Косыгиным в ходе партийно-правительственных переговоров, можно объяснить следующим образом. Ассигнования на развитие сельского хозяйства и промышленности Монголии (200 млн руб. и 100 млн руб. соответственно) здесь приведены по высшей планке, озвученной советским премьером на переговорах. Также свое влияние на изменение цифр имела и озвученная в ходе вышеописанных переговоров просьба монгольской стороны об увеличении затрат на жилищно-коммунальное строительство: в Соглашении на эти цели была прописана сумма в 50 млн руб. [Сборник 1973: 239–240].

Следующим итогом совершенной координации стало то, что через два дня после подписания рамочного соглашения об экономическом сотрудничестве, 30 декабря 1970 г., сторонами было подписано Соглашение о взаимных поставках товаров в период 1971–1975 гг., определявшее основные принципы советско-монгольской торговли в новой пятилетке [Советско-монгольские 2019: 194–197].

Так была завершена координация пятилетних планов развития народного хозяйства МНР и СССР. В течение пятилетки стороны в соответствии с совершенными договоренностями проводили координацию годовых планов, которые завершались соответствующими протоколами к вышеописанному соглашению [Сборник 1974: 135–142; Сборник 1976: 171–181]. Стоит также отметить, что в 1973 г. было заключено судьбоносное для последующей истории Монголии соглашение о сотрудничестве стран в освоении медно-молибденового месторождения Эрдэнэтийн-овоо [Соглашение 1973].

9. Реалии координации

Прежде чем перейти к анализу координации планов МНР и СССР на 1971–1975 гг., считаем необходимым обратиться к опыту изучения таковой между Советским Союзом и другими странами социализма. А. А. Попов и С. А. Трушников в статье «Пределы кооперации: координация пятилетних планов стран СЭВ и проблема дефицита сырья (1950–1970-е годы)» отмечают, что координация планов СССР и европейских соцстран не оправдывала тех высоких оценок эффективности и важности, что были даны ей в официальных документах, а

также в научной и публицистической литературе. При этом, по их мнению, реальное содержание координации планов состояло из трех элементов: 1) согласования торговых поставок; 2) подготовки к подписанию соглашений о строительстве ресурсодобывающих предприятий в рамках долевого участия; 3) мягкой формы разделения труда в производстве продуктов сложного машиностроения [Попов, Трушникова 2023: 43, 45].

Схожее впечатление несоответствия официальных и научных воззрений с реальным положением дел возникает при обращении к ходу координации планов МНР и СССР на пятилетие 1971–1975 гг. В случае с переговорами сентября – октября 1969 г. и консультацией января 1970 г. мы имеем дело лишь с обменом мнениями по ряду параметров и положений предварительного проекта «Основных направлений развития народного хозяйства МНР на 1971–1975 гг.», а также с обсуждением некоторых процедурных аспектов советско-монгольского экономического сотрудничества. По сути, данные встречи на уровне плановых органов стран являлись лишь своеобразной технической подготовкой к основному действию — переговорам партийно-правительственных делегаций.

Именно в ходе данных переговоров были заданы основные параметры советско-монгольского экономического сотрудничества на пятилетку. По результатам этих переговоров были утверждены объем и направления трат будущего советского кредита, пролонгация выплаты прежних кредитов, строительство горно-обогатительного комбината «Эрдэнэт» и другие мероприятия. Естественно, что советская сторона как кредитор играла лидирующую роль на переговорах. Монгольская делегация смогла добиться лишь того, чтобы будущие затраты на сельское хозяйство и промышленность прошли по верхней шкале, озвученной советским премьером А. Н. Косыгиным, а также сумела убедить советскую сторону перераспределить большее количество средств на строительство жилищно-коммунальных объектов.

Неудивительно, что заключительная консультация по координации планов являлась сугубо техническим мероприятием, в ходе которого решения переговоров партийно-правительственных делегаций были закреплены на уровне плановых органов стран. Проявление такого особого статуса плановых органов в отношении партийной власти не является чем-то новым для отечественной историографии. А. В. Сафронов, исследуя реальные практики работы Госплана СССР по составлению девятого пятилетнего плана (1971–1975 гг.), отмечает, что в брежневский период его работа носила преимущественно технический характер, емко выраженный в следующем высказывании сотрудника Госплана СССР В. В. Коссова: «на Политбюро решают — мы обсчитываем» [Сафронов 2021: 6].

Таким образом, сопоставляя наши материалы с результатами упомянутых выше современных исследований, можно прийти к выводу, что координация народнохозяйственных планов МНР и СССР на пятилетие 1971–1975 гг. так же, как таковая между СССР и европейскими соцстранами, не имела того значения, что был дан ей историографией советского периода. Она также являлась чисто техническим инструментом в двустороннем экономическом сотрудничестве и также всецело зависела от решений партийных органов.

При этом в ней наблюдаются и оригинальные черты. Во-первых, в ходе

советско-монгольской координации планов довольно объемно обсуждались проекты «Основных направлений развития народного хозяйства МНР на 1971–1975 гг.», а во-вторых, советская позиция практически полностью превалировала при обсуждении объемов и направлений советской кредитной помощи Монголии. Данные особенности, по нашему мнению, проистекают из самого характера взаимоотношений стран, так как на всем протяжении истории Монгольской Народной Республики Советский Союз с большим отрывом от других стран являлся ее главным политическим партнером и кредитором.

10. Заключение

Координация планов МНР и СССР на пятилетие 1971–1975 гг. поистине явилась многоэтапным процессом. Сначала в ходе переговоров и двух консультаций плановых органов стран были согласованы пятилетние планы развития народного хозяйства стран, а затем в течение пятилетки происходили координации годовых планов.

Содержание координации пятилетних планов заключалось, с одной стороны, в обмене мнениями по проектам «Основных направлений развития народного хозяйства МНР», а с другой — в обсуждении некоторых процедурных вопросов. В свою очередь все основные решения по экономическому сотрудничеству стран в 1971–1975 гг. были приняты на уровне партийно-правительственных делегаций, что обуславливает сугубо техническую роль плановой координации в системе взаимоотношений Монголии и Советского Союза в тот период.

Источники

РГАНИ — Российский государственный архив новейшей истории.

РГАЭ — Российский государственный архив экономики.

Sources

Russian State Archive of Contemporary History.

Russian State Archive of Economy.

Литература

Баврин, Алабян 1982 — *Баврин Е. П., Алабян С. С.* От экономического сотрудничества к социалистической интеграции. М.: Экономика, 1982. 144 с.

Материалы 1966 — Материалы XV съезда МНРП. М.: Молодая гвардия, 1966. 128 с.

Каманджаев 2022 — *Каманджаев Н. А.* Первый опыт двусторонних консультаций для Госплана Монголии в рамках Совета экономической взаимопомощи (сентябрь – октябрь 1963 г.) // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 3. С. 451–459. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-3-451-459

Оюун 1983 — *Оюун С.* Совершенствование планирования народного хозяйства МНР (с учетом опыта СССР): дисс. ... канд. экон. наук. М., 1983. 171 с.

Попов, Трушниковая 2023 — *Попов А. А., Трушниковая С. А.* Пределы кооперации: координация пятилетних планов стран СЭВ и проблема дефицита сырья (1950–1970-е годы) // *Социология науки и технологий*. 2023. Т. 14. № 1. С. 32–50.

Сафронов 2021 — *Сафронов А. В.* Практики работы Госплана СССР в брежневский период (по архивным материалам и интервью с В. В. Коссовым). М.: ИД ВШЭ, 2021. 22 с.

- Сборник 1973 — Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXVI. М.: Международные отношения, 1973. 572 с.
- Сборник 1974 — Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXVII. М.: Международные отношения, 1974. 328 с.
- Сборник 1976 — Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXX. М.: Международные отношения, 1976. 327 с.
- Советско-монгольские 2019 — Советско-монгольские экономические связи. 1955–1985 гг.: Сб. док. / отв. ред. А. В. Юрасов. М.: Фонд «Связь эпох», 2019. 744 с.
- Соглашение 1973 — Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Монгольской Народной Республики об экономическом и техническом сотрудничестве в освоении медно-молибденового месторождения Эрдэнэтийн Овоо в Монгольской Народной Республике [электронный ресурс] // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/56680/ (дата обращения: 06.07.2023).
- Сэндэнжав 1978 — *Сэндэнжав Н.* Сотрудничество МНР со странами-членами СЭВ в области плановой деятельности: дисс. ... канд. экон. наук. М., 1978. 176 с.
- БНМАУ 1984 — Бүгд Найрамдах Монгол Ард Улс социалист орнуудын эдийн засгийн түүх (= Экономическая история Монгольской Народной Республики и социалистических стран) / ред. Ч. Сэрээтэр. Улаанбаатар: БНМАУ Ардын Боловсролын Яамны Сурах бичиг, сэтгүүлийн нэгдсэн редакцийн газар, 1984. 472 х.

References

- Agreement between the Government of the Union of Soviet Socialist Republics and the Government of the Mongolian People's Republic on Economic and Technical Cooperation in the Development of the Erdenetiin Ovoo Copper-Molybdenum Deposit in the Mongolian People's Republic. Available at: URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/56680/ (accessed: 6 November 2023). (In Russ.)
- Bavrin E. P., Alabyan S. S. From Economic Cooperation to Socialist Integration. Moscow: Ekonomika, 1982. 144 p. (In Russ.)
- Collection of Current Treaties, Agreements and Conventions Concluded by the USSR with Foreign States. Vol. 26. Moscow: International Relations Publisher, 1973. 572 p. (In Russ.)
- Collection of Current Treaties, Agreements and Conventions Concluded by the USSR with Foreign States. Vol. 27. Moscow: International Relations Publisher, 1974. 328 p. (In Russ.)
- Collection of Current Treaties, Agreements and Conventions Concluded by the USSR with Foreign States. Vol. 30. Moscow: International Relations Publisher, 1976. 327 p. (In Russ.)
- Kamandzhaev N. A. Revisiting the First Experience of Bilateral Consultations for Mongolia's Planning Agency within the Council for Mutual Economic Assistance, September to October of 1963. *Oriental Studies*. 2022. Vol. 15. No. 3. Pp. 451–459. (In Russ.)
- Materials of the XV Congress of the MPRP. Moscow: Molodaya Gvardiya, 1966. 128 p. (In Russ.)
- Oyuun S. Improving the Planning of the National Economy of the MPR (taking into account the experience of the USSR). Cand. Sc. (Economics) thesis. Moscow, 1983. 171 p. (In Russ.)
- Popov A. A., Trushnikova S. A. The Limits of Cooperation: Coordination of Five-Year Plans

- of the CMEA Countries and the Problem of Shortage of Raw Materials (1950–1970s). *Sociology of Science and Technology*. 2023. Vol. 14. No. 1. Pp. 32–50. (In Russ.)
- Safronov A. V. Practices of the Soviet Gosplan in Brezhnev's Era: Archival Materials and Interviews with Vladimir Kossov Analyzed. Moscow: Higher School of Economics, 2021. 22 p. Available at: URL: [https:// wp.hse.ru/data/2021/03/31/1387177387/WP11_2021_01_.pdf](https://wp.hse.ru/data/2021/03/31/1387177387/WP11_2021_01_.pdf) (accessed: 15 November 2023). (In Russ.)
- Sendenjav N. The Mongolian People's Republic and CMEA Member Countries: Cooperation on Planning Activities Reviewed. Cand. Sc. (Economics) thesis. Moscow, 1978. 176 p. (In Russ.)
- Sereeter Ch. (ed.) Economic history of the Mongolian People's Republic and socialist countries. Ulaanbaatar: Joint editorial office of textbooks and journal of the Ministry of Public Education of the MPR, 1982. 472 p. (In Mong.)
- Yurasov A. V. (ed.) Soviet-Mongolian economic relations. 1955–1985: Collection of documents. Moscow: Svyaz' Epoh, 2019. 744 p. (In Russ.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 15, Is. 4, pp. 538–550, 2023
 DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-538-550

МОНГОЛОВЕДИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 327 (517.3)

DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-538-550

«Улан-Баторский диалог» как особая инициатива Монголии в обеспечении безопасности в Северо-Восточной Азии

Юлия Геннадьевна Григорьева¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, научный сотрудник

 0000-0003-4267-2465. E-mail: grigoreva-yulia23[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Григорьева Ю. Г., 2023

Аннотация. *Введение.* Актуальность исследования определяется возрастанием роли Северо-Восточной Азии как одного из мировых и политических центров, а также нарастанием различных по характеру вызовов и угроз в регионе, оказывающих воздействие на безопасное и стабильное развитие мирового сообщества в целом. Исследование проблемы региональной безопасности в Северо-Восточной Азии и участие в ее обеспечении Монголии имеет значение для формирования теоретических и практических выводов и оценок относительно ее международного статуса. С 1980-х гг. Монголия последовательно проводит курс на создание механизма для диалога в Северо-Восточной Азии. Результатом этих усилий стала инициатива проведения конференций «Улан-Баторский диалог по безопасности в Северо-Восточной Азии». Активная внешняя политика и стремление Монголии полноценно участвовать в региональном сотрудничестве в Северо-Восточной Азии и в максимально возможном количестве международных и многосторонних организаций — одна из отличительных черт феномена современной Монголии. *Цель* исследования — рассмотреть «Улан-Баторский диалог по безопасности в Северо-Восточной Азии» и проанализировать его роль в создании условий для взаимодействия всех заинтересованных сторон в интересах поддержания мира в Северо-Восточной Азии. *Результаты.* В статье представлена краткая история становления и развития «Улан-Баторского диалога», определены преимущества перед аналогичными дискуссионными площадками в регионе, показано значение этого мероприятия в повышении международного статуса Монголии. Сделан *вывод*, что в ближайшей перспективе Монголия может стать аналогом азиатской Швейцарии, основной площадкой для проведения переговоров между странами в Северо-Восточной Азии в виду того, что Улан-Батор проводит открытую, многоопорную внешнюю политику, а приверженность доктрине «третьего соседа» делает Монголию нейтральным государством, не участвующим в военно-политических блоках.

Ключевые слова: Улан-Баторский диалог, проблема безопасности, Северо-Восточная Азия, Монголия, КНДР

Благодарность. Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ — проект «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства» (номер госрегистрации: 121031000241-1).

Для цитирования: Григорьева Ю. Г. «Улан-Баторский диалог» как особая инициатива Монголии в обеспечении безопасности в Северо-Восточной Азии // Монголоведение. Т. 15. № 4. С. 538–550. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-538-550

“Ulaanbaatar Dialogue” as a Special Initiative of Mongolia in Ensuring Security in Northeast Asia

*Julia G. Grigoreva*¹

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Research Associate

 0000-0003-4267-2465. E-mail: grigoreva-yulia23[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Grigoreva J. G., 2023

Abstract. *Introduction.* The relevance of the study is determined by the increasing role of North-East Asia as one of the world and political centers, as well as the growth of various challenges and threats in the region, affecting safe and stable development of the world community as a whole. The study of the problem of regional security in Northeast Asia and the participation of Mongolia in its ensuring is important for the formation of theoretical and practical conclusions and assessments regarding its international status. Since the 1980s Mongolia has been consistently pursuing the policy of creating a mechanism for dialogue in Northeastern Asia. The result of these efforts was the Ulaanbaatar Northeast Asia Security Dialogue initiative. Mongolia's active foreign policy and the will to fully participate in regional cooperation in Northeastern Asia and in as many international and multilateral organizations as possible is one of the hallmarks of the phenomenon of modern Mongolia. The *purpose* of the study is to review the “Ulaanbaatar Dialogue on Security in Northeast Asia” and analyze its role in creating conditions for the interaction of all stakeholders in the interests of maintaining peace in Northeastern Asia. *Results.* This study presents a brief history of the formation and development of the Ulaanbaatar Dialogue, identifies advantages over similar discussion platforms in the region, and shows the importance of this event in increasing the international status of Mongolia. It is concluded that in the nearest future Mongolia may become an analogue of Asian Switzerland, the main platform for negotiations between countries in Northeast Asia due to the fact that Ulaanbaatar pursues an open, multifaceted foreign policy, and the adherence of this country to the “third neighbor” doctrine makes Mongolia a neutral state that does not participate in military-political blocks.

Keywords: Ulaanbaatar dialogue, security problem, Northeast Asia, Mongolia, DPRK

Acknowledgements. The reported study was funded by government assignment, project no. 121031000241-1 ‘Historical Space of the Mongol World: Archaeological Cultures, Societies and States’.

For citation: Grigorieva Yu. G. “Ulaanbaatar Dialogue” as a Special Initiative of Mongolia in Ensuring Security in Northeast Asia. *Mongolian Studies (Elista)*. 2023; 15(4): 538–550. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-538-550

1. Введение

Вопросы безопасности в Северо-Восточной Азии в новом тысячелетии вновь обрели особую остроту и значимость для мирового сообщества. Можно сказать, что это закономерный результат глобальных геополитических изменений, которые отразились на данном регионе. Продолжающийся процесс создания ракет большой дальности и ядерного оружия в Северной Корее рассматривается как основная угроза региональной и глобальной безопасности. Вместе с тем надо иметь в виду, что политика КНДР является ответом на внешнее давление со стороны США. Возникли новые очаги напряженности, например, американо-китайское глобальное противостояние, которое на данном этапе вылилось в торговую войну между странами. Появились нетрадиционные угрозы безопасности, такие как соперничество и шпионаж в киберпространстве, пандемия и т. д. Наиболее сильным раздражителем для США и коллективного Запада в настоящее время является стремительный прогресс Китая практически во всех сферах, в первую очередь в экономике, а также стремление КНР модернизировать свою армию, отстаивать свои национальные интересы в регионе и вести более активную внешнюю политику с целью распространения своего культурного и политического влияния.

Согласно экспертному опросу, проведенному японским аналитическим центром «Genron NPO», наибольшей угрозой для мира и стабильности в Северо-Восточной Азии в 2023 г. является активная политика КНДР, выраженная в испытании ракет и военных учений. На втором месте по значимости угроз был назван статус Северной Кореи как ядерной державы [Opinion Polls 2023]. Таким образом, по мнению экспертов, опрошенных центром «Genron NPO», КНДР является основным источником опасности в Северо-Восточной Азии.

Современная Монголия играет важную геополитическую роль в создании условий для развития регионального сотрудничества в Северо-Восточной Азии. Являясь неотъемлемой частью Северо-Восточной Азии, Монголия уделяет приоритетное внимание региональным проблемам. Одной из главных внешнеполитических целей Монголии остается не только развитие и укрепление связей с соседями, но и конструктивный вклад в общее благополучие и безопасность региона. В настоящих условиях крайне важно разрешать разногласия и споры в регионе посредством диалога. Поэтому необходимо проанализировать роль «Улан-Баторского диалога» в архитектуре региональной безопасности в регионе. Цель исследования — рассмотреть «Улан-Баторский диалог по безопасности в Северо-Восточной Азии» и проанализировать его роль в создании условий для взаимодействия всех заинтересованных сторон в интересах поддержания мира в Северо-Восточной Азии.

2. Материалы и методы

При изучении проблем региональной безопасности в Северо-Восточной Азии нами применялись как общенаучные, так и специально-исторические методы. Использование проблемно-хронологического метода позволило рассмотреть формирование и развитие внешнеполитических взглядов Монголии на региональную безопасность. Отдельные части работы были построены на использовании историко-сравнительного метода, который применялся для

изучения внешнеполитических направлений в деятельности Монголии, с его помощью выявлены преимущества «Улан-Баторского диалога» в сравнении с аналогичными инициативами в Северо-Восточной Азии.

Источниковую базу исследования составили нормативно-правовые документы Монголии (Резолюция о всеобщем и полном разоружении, Концепция внешней политики, Концепция национальной безопасности), речь Президента Монголии Цахиагийн Элбэгдоржа, научные исследования по данной проблеме.

3. Монголия в системе безопасности Северо-Восточной Азии

Окончание «холодной войны», распад Советского Союза, отказ МНР от социалистического пути развития, вывод частей Советской армии из Монголии, нормализация отношений России и Китая — все эти изменения создали для Монголии условия для реализации внешней политики с учетом своих национальных интересов.

На сегодняшний день Монголия не участвует в политических конфликтах и придерживается нейтрального статуса по многим острым вопросам. Более того, Монголия активно ищет способы поддержания положительного имиджа страны в глазах мирового сообщества. В политическом дискурсе высшего руководства страны время от времени конструируется образ страны, который в концентрированном виде формулируется в выражении «Монголия — „Азиатская Швейцария“». Одним из принципиально важных шагов в данном направлении является то, что Монголия в 1992 г. стала безъядерным государством. Она провозгласила запрет на разработку и размещение на своей территории ядерного оружия, средств его доставки к целям и проведение испытаний [[Mongolia's International 2000](#)]. В 1998 г. на 53-й сессии Организации Объединенных Наций этот статус был утвержден резолюцией A/RES/53/77 D [[Резолюция 1998](#)]. Позднее был введен запрет на производство, хранение и распространение оружия массового поражения. Помимо принципиального отказа от присоединения к какому-либо военному блоку, Монголия выступает против размещения войск иностранных государств на своей территории [[Монгол Улсын Үндсэн Хууль 1992](#)].

Монголия впервые выдвинула идею создания регионального диалога по безопасности в Северо-Восточной Азии в начале 1980-х гг. В то время Монголия призвала к принятию общеазиатской конвенции, запрещающей применение силы для предотвращения конфликтов. С 2000 г. Монголия начала проводить работу по созданию нового формата диалога по вопросам безопасности в регионе. В результате в 2008 г. была организована конференция «Перспективы безопасности Центральной и Северо-Восточной Азии: Улан-Батор как новый Хельсинки», организатором выступил Монгольский институт стратегических исследований [[Ulaanbaatar Dialogue 2023](#)].

4. Улан-Батор как пространство для диалога

Улан-Батор — оптимальное место для проведения конференций, встреч различного уровня и формата. Страны региона воспринимают его как наиболее подходящее пространство для диалога по региональной безопасности [[Campi 2019](#)]. Обладая накопленным опытом в организации многосторонних мероприятий, Улан-Батор уже зарекомендовал себя в качестве успешной переговорной площадки для проведения международных встреч.

Ранее Монголия организовала другие инициативы, затрагивающие проблемы Северо-Восточной Азии. В ноябре 2013 г. была проведена конференция «Роль женщин-парламентариев в содействии миру и развитию посредством образования». Члены парламента Монголии, России, Китая, Северной Кореи и Южной Кореи приняли участие в первом в истории региональном форуме, посвященном роли женщин-парламентариев [[Ulaanbaatar Dialogue 2023](#)]. В августе 2014 г. Монголия провела форум мэров городов Северо-Восточной Азии под названием «Устойчивые и инклюзивные города», в котором приняло участие более 120 представителей администрации городов региона. По результатам этих мероприятий была отмечена роль Монголии в многостороннем сотрудничестве в области безопасности [[Jang 2022: 393](#)]. Инициатива не только расширила существующие связи между странами, но и создала новую арену для культурного, промышленного, экономического и сельскохозяйственного взаимодействия.

В марте 2015 г. состоялась международная конференция по энергетическому сотрудничеству, организованная Институтом стратегических исследований, Институтом энергетики и экономики Монголии и Министерством иностранных дел. Представители шести стран Северо-Восточной Азии приняли участие и договорились поддерживать взаимодействие в сфере энергетики [[Ulaanbaatar Dialogue 2023](#)].

Монголия имеет богатый опыт организации и проведения масштабных международных мероприятий. Например, в сентябре 2015 г. Улан-Батор принимал Парламентскую ассамблею Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), в мае 2015 г. в Улан-Баторе под эгидой Правительства Монголии была проведена пятая ежегодная конференция Freedom Online (FO), в 2016 г. Одиннадцатый саммит «Азия — Европа» (АСЕМ) и др. [[Ulaanbaatar Dialogue 2023](#)].

5. «Улан-Баторский диалог» как новая платформа для дискуссий

Инициированный Президентом Монголии Цахиагийн Элбэгдоржем «Улан-Баторский диалог по проблемам безопасности Северо-Восточной Азии» («Улан-Баторский диалог») был впервые объявлен 29 апреля 2013 г. в качестве новой площадки на VII Министерской конференции Сообщества демократии в Улан-Баторе. В конференции «Сообщества демократий» приняло участие более 1 200 представителей из 104 стран мира [[Ulaanbaatar Democracy Forum](#)].

В своей речи на VII Министерской конференции Сообщества демократии Президент Ц. Элбэгдорж объявил, что Монголия готова открыть новые возможности для решения проблем, по которым еще не найден выход, и пригласил заинтересованные стороны проводить встречи в Улан-Баторе. Президент Монголии отметил, что целью «Улан-Баторского диалога» является мирное урегулирование конфликта на Корейском полуострове и что Монголия откроет новые двери для решения сложных вопросов. «Улан-Баторский диалог по проблемам безопасности Северо-Восточной Азии» — это всеобъемлющий процесс, в ходе которого представители стран Северо-Восточной Азии обмениваются мнениями, что способствует укреплению доверия и взаимопонимания между участниками, а также происходит обобщение мнений правительственных чиновников, ученых и гражданского общества стран-участниц [[Speech by Tsakhiagiin Elbegdorj 2013](#)].

«Улан-Баторский диалог» сосредоточен на форматах Track 1.5 и Track 2 и разработан таким образом, чтобы избежать дублирования или конкуренции с другими аналогичными мероприятиями в регионе. Формат Track 1.5 — это беседы, в которых участвуют как правительственные чиновники, участвующие в неофициальном качестве, так и неправительственные эксперты. Формат Track 2 объединяет неофициальных представителей сторон без участия правительства. Форматы Track 1.5 и Track 2 не имеют официального веса традиционной дипломатии, поскольку они не являются межправительственными встречами. Решения, которые там предлагаются, — это открытый обмен мнениями для укрепления доверия и наибольшего понимания позиции сторон. Данный формат позволяет вести дискуссии, которые официальные коллеги участников иногда не могут открыто и конструктивно реализовать [[Staats 2019](#)].

В качестве основных целей международной конференции «Улан-Баторский диалог по проблемам безопасности Северо-Восточной Азии» определены: 1) укрепление доверия в Северо-Восточной Азии, поскольку важность предотвращения и смягчения военной напряженности в регионе посредством мер укрепления доверия имеет решающее значение; 2) содействие взаимопониманию и развитию регионального сотрудничества, поскольку страны-участницы должны понимать позиции и перспективы друг друга; 3) создание институционального механизма, способствующего диалогу в интересах обеспечения мира [[Ulaanbaatar Dialogue 2023](#)].

Монголия, Российская Федерация, КНР, Япония, КНДР, Республика Корея и США являются основными партнерами инициативы, к участию приглашаются и другие страны и международные организации. Наиболее представительной была Шестая международная конференция «Улан-Баторский диалог по проблемам безопасности Северо-Восточной Азии» в 2019 г., в ее работе приняло участие порядка 300 делегатов, в состав которых входили правительственные чиновники и ученые из 14 государств, а также представители ООН, Европейского союза и ряда других международных организаций.

Соединенные Штаты ранее не рассматривали КНДР в качестве партнера по диалогу в развитии сотрудничества в области безопасности в Северо-Восточной Азии. Однако администрация Д. Трампа, пришедшая к власти в 2017 г., начала реализовывать более открытую и дальновидную политику в отношении к процессу переговоров [[Jang 2022: 385–386](#)].

Учитывая потребность в расширении сотрудничества в области безопасности в Северо-Восточной Азии, необходимо отметить, что существуют предпосылки для того, чтобы «Улан-Баторский диалог» внес свой вклад в стабилизацию ситуации на Корейском полуострове. Кроме того, Китай и Россия, великие державы, которые обеспечивают баланс сил в регионе, также придерживаются позиции, что проблема Корейского полуострова должна быть решена путем диалога.

Основными проблемными областями «Улан-Баторского диалога» являются традиционная безопасность, нетрадиционные угрозы безопасности, охрана окружающей среды, развитие инфраструктуры и энергетика.

17–18 июня 2014 г. Министерство иностранных дел Монголии и Институт стратегических исследований Монголии (ISS) организовали первую международную конференцию «Улан-Баторский диалог по безопасности в Северо-Восточной

Азии». В конференции приняли участие представители более чем тридцати пяти стран и организаций. Около 60 экспертов из Монголии, России, Северной Кореи, Южной Кореи, Китая, Японии, Соединенных Штатов, Нидерландов, Германии и Великобритании обсудили идеи по укреплению мира и безопасности в регионе. В ходе двухдневной конференции обсуждались экономические и экологические проблемы, действия по обеспечению мира и региональной безопасности. Участники конференции пришли к выводу, что Монголия обладает потенциалом для проведения конференций, посвященных проблемам безопасности, с которыми сталкивается регион [Campi 2019].

Поскольку шестисторонние¹ переговоры, начавшиеся после выхода Северной Кореи из Договора о нераспространении ядерного оружия в 2003 г., практически прекратили свое существование, а межкорейские отношения не в состоянии решить указанную проблему, важно было открыть новый путь взаимодействия и установить новые каналы диалога между странами региона, включая Соединенные Штаты и КНДР [Campi 2019]. Конференция может служить механизмом для диалога по вопросам безопасности, для общения и сбора информации в отсутствие официального устойчивого диалога в регионе.

Вторая конференция «Улан-Баторский диалог» состоялась 25–26 июня 2015 г. в Улан-Баторе. Несмотря на большое количество участников из разных стран (более 100) и участие представителей Индии, делегации из КНДР не было. Основное внимание было уделено энергетическим и транспортным связям в дополнение к традиционным и нетрадиционным угрозам и возможностям в сфере безопасности [Ulaanbaatar Dialogue].

Третье заседание «Улан-Баторского диалога» состоялось 16–17 июня 2016 г. и было посвящено вопросам охраны окружающей среды и ликвидации последствий стихийных бедствий в Северо-Восточной Азии. Министерство иностранных дел КНДР направило делегацию во главе с директором Института американских исследований. Официальные лица Северной Кореи и Южной Кореи были замечены участвующими в параллельных дискуссиях [Ulaanbaatar Dialogue].

Четвертый «Улан-Баторский диалог» состоялся 14–15 июня 2017 г. Конференция была финансово поддержана Социал-демократической партией Германии, связанной с Фондом Фридриха Эберта, которая способствовала возвращению делегации КНДР к дискуссиям, несмотря на все более напряженную международную ситуацию, связанную с дополнительными санкциями ООН в отношении Северной Кореи. Министр иностранных дел КНДР принял участие в работе и провел двусторонние встречи в кулуарах с представителями правительств ряда стран, включая Канаду и Японию [Dialogue is a powerful tool 2017].

Историческое значение для Монголии имел «Улан-Баторский диалог» в 2018 г., который состоялся 14–15 июня, всего через три дня после первого в истории саммита США – КНДР в Сингапуре. В работе приняло участие более 150 представителей разных стран, а также международных организаций, включая ООН, Международный комитет Красного Креста, Европейский союз и Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), которые

¹ В переговорах принимали участие Китай, Япония, Северная Корея, Южная Корея, Российская Федерация, США.

положительно отреагировали на атмосферу и тенденции в сотрудничестве. Более того, было высказано предположение, что «Улан-Баторский диалог» может начать новый Хельсинкский процесс [Campi 2019].

5–6 июня 2019 г. состоялся шестой «Улан-Баторский диалог по безопасности в Северо-Восточной Азии». В конференции приняло участие более 300 ученых, экспертов и государственных деятелей из Монголии, России, Китая, Республики Кореи, Японии, США, Великобритании, Канады, Нидерландов, Норвегии, Германии, Франции, Швейцарии, а также Европейского союза, ООН и других международных организаций. Кроме того, в конференции приняли участие представители 37 международных организаций и дипломатических миссий, находящихся в Улан-Баторе, и 40 представителей СМИ из разных стран [Ulaanbaatar Dialogue 2019].

Совместно с Экономической и социальной комиссией ООН для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО ООН) и Департаментом ООН по политическим вопросам и миростроительству (ДПВМ ООН), Международным комитетом Красного Креста и Европейским союзом были организованы заседания, посвященные сотрудничеству в области энергетики, гуманитарным проблемам в ситуациях стихийных бедствий и вовлечению молодежи в процесс обеспечения мира и безопасности [Ulaanbaatar Dialogue 2019].

Из-за пандемии COVID-19 два года конференция не проводилась. Очередной 7-й «Улан-Баторский диалог» состоялся в 2022 г. Следует отметить, что данный диалог был особенным во многих отношениях.

Во-первых, Северная Корея не принимала участие из-за пандемии. К тому же из-за отсутствия связи она не смогла принять участие и в виртуальном формате. Во всех предыдущих встречах участие КНДР представляло особую значимость для других участников, в первую очередь для Японии, которой удалось организовать параллельную двустороннюю встречу во время проведения «Улан-Баторского диалога» [Ulaanbaatar Dialogue].

Во-вторых, большие дискуссии вызвало участие делегации из России. Некоторые страны отказались от участия, а отдельные представители ушли во время выступления российского делегата.

В-третьих, большинство участников приветствовало включение молодых докладчиков в качестве основной группы. В 2022 г. Департамент ООН по политическим вопросам и вопросам миростроительства (ДПВМ) организовал молодежную панель, предоставив возможность молодым экспертам из Китая, Японии, Монголии и Южной Кореи выступить со своими взглядами на региональное устройство и безопасность наравне с опытными политиками и учеными [Ulaanbaatar Dialogue 2022].

В-четвертых, Деловой совет Монголии и Экономическая и социальная комиссия ООН для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО ООН) организовали сессии, посвященные обсуждению постпандемийного экономического сотрудничества и развития электроэнергетики в регионе. Таким образом, надо отметить, что возобновление работы «Улан-Баторского диалога» позволило реанимировать формат экспертной сессии в Северо-Восточной Азии, несмотря на появившиеся нюансы, связанные с охлаждением отношений между Российской Федерацией и некоторыми странами Запада.

15–16 июня 2023 г. Министерство иностранных дел Монголии и Институт стратегических исследований Монголии совместно организовали 8-ю Международную конференцию «Улан-Баторский диалог по безопасности в Северо-Восточной Азии». В этом году в диалоге приняло участие около 30 стран и более 10 международных организаций. В работе конференции участвовало более 180 международных и национальных делегатов, а также представителей государственных органов, международных организаций и научных кругов. Среди высокопоставленных лиц можно отметить заместителя Генерального секретаря ООН по вопросам разоружения Идзуми Накамицу, Генерального секретаря Совета национальной безопасности Турецкой Республики Сейфулла Гаджимуфтуоглу, Специального представителя Республики Корея по вопросам мира и безопасности на Корейском полуострове Ким Гона, директора отдела Кореи и Монголии агентства национальной безопасности США Эндрю Арвеса. В этом году присоединились новые участники из Эстонии, Финляндии, Казахстана, Норвегии, Филиппин и Вьетнама. Еще одним нововведением является организация Молодежного форума, который был проведен 17 июня 2023 г. [[Ulaanbaatar Dialogue](#)].

6. «Улан-Баторский диалог» и повышение международного статуса Монголии

Для анализа сильных сторон «Улан-Баторского диалога» следует упомянуть о геополитических преимуществах Монголии в Северо-Восточной Азии. Во-первых, Монголия традиционно была союзником КНДР и не предпринимала недружественных шагов, исходя из изменений глобальной политической конъюнктуры. Начало дружественных отношений между МНР и КНДР было положено в середине XX в. МНР была второй страной после Советского Союза, официально признавшей КНДР и установившей с ней дипломатические отношения в 1948 г.

Во-вторых, Монголия поддерживает тесные отношения со всеми странами Северо-Восточной Азии, что можно считать ее дипломатическим преимуществом. Это было одним из главных факторов, побудивших Монголию предложить конференцию «Улан-Баторский диалог по безопасности в Северо-Восточной Азии» в качестве координационного центра для создания платформы сотрудничества в области безопасности в регионе [[Campi 2019](#)].

В сентябре 2007 г. Монголия провела у себя две встречи по нормализации отношений между КНДР и Японией [[Jang 2022: 393](#)]. Кроме того, Монголия организовала встречу представителей КНДР и Японии по вопросу похищенных Северной Кореей японских граждан. В ноябре 2012 г. обе стороны вновь встретились в столице Монголии. Впоследствии, в 2014 г. Улан-Батор стал местом воссоединения похищенных японцев со своими родственниками [[Jang 2022: 393](#)].

Монгольское правительство организовало секретную встречу 21 мая 2014 г. в Улан-Баторе между заместителем министра иностранных дел КНДР Ри Ен Хо (Ri Yong-ho) и Робертом Эйнхорном, бывшим специальным советником администрации Барака Обамы по вопросам нераспространения и контроля над вооружениями в Государственном департаменте США [[Campi 2019](#)]. Кроме того, на «Улан-Баторском диалоге» в 2014, 2016 и 2017 гг. приняли участие офици-

альные лица КНДР Ли Ен Фил (Lee Yong Phil), сотрудник Посольства КНДР в Улан-Баторе, сотрудники Института американских исследований Чхве Кан Иль (Choi Kang Il) и Ким Кван Хак (Kim Kwang Hak) [Jang 2022: 379].

«Улан-Баторский диалог» имеет несколько преимуществ в сравнении с аналогичными инициативами в Северо-Восточной Азии. Одно из них — Форум Чеджу за мир и процветание, ранее известный как Форум мира на о. Чеджу, основанный в 2001 г. [Building Common Peace 2001]. Форум является международной площадкой, целями которой являются обеспечение стабильности и безопасности в Азии посредством международного сотрудничества. Форум мира на о. Чеджу проводился раз в два года, но в мае 2011 г. был преобразован в ежегодное мероприятие. В 2022 г. состоялся 17-й по счету форум на о. Чеджу [The Theme 2022].

«Улан-Баторский диалог» и «Форум Чеджу за мир и процветание» преследуют одну цель — многостороннее взаимодействие по поддержанию мира и процветания в регионе. «Форум Чеджу за мир и процветание» имеет более длительную историю и широкое представительство, но и «Улан-Баторский диалог» имеет ряд сильных сторон. Во-первых, это участие северокорейских представителей в переговорном процессе. Во-вторых, это нейтральный статус Монголии как организатора мероприятия, который располагает участников к открытому диалогу.

Многие из прежних инициатив в регионе потеряли свою актуальность и значимость из-за узкой повестки обсуждения, большой разницы в позициях участников или утраты доверия к дееспособности инициативы. «Улан-Баторский диалог» создает условия и возможности для внутрорегионального механизма сотрудничества в области безопасности. Вместе с тем «Улан-Баторский диалог» намерен избегать дублирования или конкуренции с другими мероприятиями подобного формата.

Таким образом, дружественные отношения со всеми странами Северо-Восточной Азии воспринимаются как геополитическое преимущество Монголии. Это позволяет ей выступать в роли оптимального посредника в развитии внутрорегионального сотрудничества в области безопасности.

В вопросах безопасности в Северо-Восточной Азии ведущую роль играют такие державы, как Россия, КНР и США. Вместе с тем активная политическая, экономическая и социогуманитарная деятельность Монголии в отношении КНДР будет в определенной степени способствовать развитию условий для выстраивания диалога и понимания позиций разных сторон. Интересы Монголии связаны с попытками выступить одним из активных участников переговорного процесса, создать механизм региональной безопасности.

7. Заключение

Для обеспечения мира и безопасности в Северо-Восточной Азии в XXI в. стабильность на Корейском полуострове имеет решающее значение. Монголия, как и другие страны региона, поддерживает денуклеаризацию Корейского полуострова. И как традиционный союзник Монголия пытается сохранить участие Северной Кореи в многосторонних встречах и сотрудничестве. Вместе с тем руководство КНДР проигнорировало рекомендации ООН и международного

сообщества и продолжает реализовывать ядерную программу и проводить испытания ракет. Только за 2022 г. КНДР запустила около 90 ракет [North Korea 2023]. Внутрорегиональное доверие между странами Северо-Восточной Азии крайне низкое.

Монголия играет вспомогательную роль в содействии решению проблемы Корейского полуострова. Во-первых, Монголия не имеет территориальных споров или пограничных проблем со странами региона и поддерживает теплые отношения с непосредственными участниками корейского конфликта. Во-вторых, будучи небольшим государством в Северо-Восточной Азии, Монголия не имеет узкой региональной повестки дня. Являясь страной, не имеющей выхода к морю, Монголия рассматривает стабильную, предсказуемую геополитическую обстановку как оптимальное условие для реализации своих национальных интересов.

Посредством международной конференции «Улан-Баторский диалог по вопросам безопасности в Северо-Восточной Азии» Монголия демонстрирует свои возможности, направленные на эффективное взаимодействие в области обеспечения безопасности в Северо-Восточной Азии в XXI в.

Таким образом, «Улан-Баторский диалог» является наиболее эффективным механизмом поддержания взаимодействия между сторонами на данном этапе. Несмотря на то, что не всегда получается наладить непосредственное общение между представителями КНДР и Республики Корея, а также других заинтересованных стран, дипломатические возможности Монголии можно считать уникальными, поскольку ни одна другая страна не может организовать аналогичный формат взаимодействия. Руководство Монголии активно использует объективные преимущества для повышения международного статуса страны и стратегических интересов государства.

Литература

- Резолюция 1998 — Резолюция — 53/77 D. Резолюция о всеобщем и полном разоружении [электронный ресурс] // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: <https://documents-ddsny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N99/760/47/PDF/N9976047.pdf?OpenElement> (дата обращения: 28.07.2023).
- Монгол Улсын Үндсэн Хууль 1992 — Монгол Улсын Үндсэн Хууль (Конституция Монголии) [электронный ресурс] // Эрх зүйн мэдээллийн нэгдсэн систем. 1992 оны 1 дүгээр сарын 13-ны өдөр. URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail/367> (дата обращения: 16.07.2023).
- Building Common Peace 2001 — Building Common Peace & Prosperity in Northeast Asia [электронный ресурс] // Jeju Forum. 2022. URL: <http://www.jejuforum.or.kr/m12.php> (дата обращения: 24.07.2023).
- Campi 2019 — Campi A. How North Korea — Mongolia Relations Have Jump-started the Korean Peninsula Peace Process [электронный ресурс] // East-West Center Asia Pacific Bulletin. 2019. No. 457. URL: How North Korea-Mongolia Relations Have Jump-started the Korean Peninsula Peace Process | East-West Center | www.eastwestcenter.org (дата обращения: 01.08.2023).
- Dialogue is a powerful tool 2017 — Dialogue is a powerful tool if it leads to cooperation 2017 [электронный ресурс] // Friedrich-Ebert-Stiftung. URL: <https://asia.fes.de/news/dialogue-is-a-powerful-tool-if-it-leads-to-cooperation> (дата обращения: 02.08.2023).
- Jang 2022 — Jang J., Kim K. The Role of Mongolia in Multilateral Security Cooperation in Twenty-First Century Northeast Asia: Relevance of the “Ulaanbaatar Dialogue (UBD)” Initiative // Asian Perspective. 2022. Vol. 46. No. 2. Pp. 377–400.

- Mongolia's International 2000 — Mongolia's International Security and Nuclear-Weapon-Free Status [электронный ресурс] // Цифровая библиотека ООН. 20.11.2000. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/427879?ln=ru> (дата обращения: 16.07.2023).
- North Korea 2023 — North Korea: What we can expect from Kim Jong-un in 2023 [электронный ресурс] // BBC News. 2023. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-64123657> (дата обращения: 03.08.2023).
- Opinion Polls 2023 — The greatest threat in Northeast Asia in 2023 is North Korea's missile launches and other military provocations / Opinion Polls [электронный ресурс] // The Genron NPO. URL: https://www.genron-npo.net/en/opinion_polls/archives/5626.html (дата обращения: 31.07.2023).
- Speech by Tsakhiagiin Elbegdorj 2013 — Speech by Tsakhiagiin Elbegdorj “Every Man and Woman Can Live a Free and Peaceful Life” [электронный ресурс] // News.mn. April 29. URL: <https://news.mn/en/142227/> (дата обращения: 23.07.2023).
- Staats 2019 — *Staats J., Walsh J., Tucci R.* A Primer on Multi-track Diplomacy: How Does it Work? [электронный ресурс] // The United States Institute of Peace. 2019. URL: <https://www.usip.org/publications/2019/07/primer-multi-track-diplomacy-how-does-it-work> (дата обращения: 28.07.2023).
- The Theme 2022 — The Theme of the 2022 Jeju Forum. Beyond Conflict, Towards Peace: Coexistence and Cooperation [электронный ресурс] // Jeju Forum. 2022. URL: http://www.jejuforum.or.kr/board/board.php?bo_table=notice&idx=226 (дата обращения: 24.07.2023).
- Ulaanbaatar Democracy Forum — Ulaanbaatar Democracy Forum [электронный ресурс] // Community of Democracies. URL: <https://community-democracies.org/ulaanbaatar-democracy-forum/> (дата обращения: 29.07.2023).
- Ulaanbaatar Dialogue — Ulaanbaatar Dialogue [электронный ресурс] // Permanent Mission of Mongolia to the United Nations. URL: <https://www.un.int/mongolia/mongolia/ulaanbaatar-dialogue> (дата обращения: 29.07.2023).
- Ulaanbaatar Dialogue 2019 — Ulaanbaatar Dialogue on Northeast Asian security 6th International Conference [электронный ресурс] // Institute for Strategic Studies. URL: https://en.iss.gov.mn/?page_id=571 (дата обращения: 03.08.2023).
- Ulaanbaatar Dialogue 2022 — Ulaanbaatar Dialogue 2022 [электронный ресурс] // Institute for Strategic Studies. URL: https://en.iss.gov.mn/?page_id=744 (дата обращения: 03.08.2023).
- Ulaanbaatar Dialogue 2023 — Ulaanbaatar Dialogue 2022 [электронный ресурс] // Institute for Strategic Studies. URL: https://en.iss.gov.mn/?page_id=1171 (дата обращения: 04.08.2023).

References

- Building Common Peace & Prosperity in Northeast Asia. Jeju Forum. 2022. Available at: URL: <http://www.jejuforum.or.kr/m12.php> (accessed: 24 July 2023). (In Eng.)
- Campi A. How North Korea-Mongolia Relations Have Jump-started the Korean Peninsula Peace Process. *East-West Center Asia Pacific Bulletin*. 2019. No. 457. How North Korea-Mongolia Relations Have Jump-started the Korean Peninsula Peace Process | East-West Center. Available at: URL: www.eastwestcenter.org (accessed: 01 August 2023). (In Eng.)
- Dialogue is a Powerful Tool if it Leads to Cooperation 2017 // Friedrich-Ebert-Stiftung. Available at: URL: <https://asia.fes.de/news/dialogue-is-a-powerful-tool-if-it-leads-to-cooperation> (accessed: 02 August 2023). (In Eng.)
- Enkhsaikhan J. Ulaanbaatar Process: Its Philosophy, Practice and Achievement. RECNA Policy Paper. 2016 (March), REC-PP-03-EN. 45p. Available at: URL: <http://hdl.handle.net/10069/36667> (accessed: 01 August 2023). (In Eng.)

- Jang J., Kim K. The Role of Mongolia in Multilateral Security Cooperation in Twenty-First Century Northeast Asia: Relevance of the “Ulaanbaatar Dialogue (UBD)”. *Initiative. Asian Perspective*. 2022. Vol. 46. No. 2. Pp. 377–400. (In Eng.)
- Mongolia's International Security and Nuclear-Weapon-Free Status. Digital source. Digital Library of OUN. 20.11.2000. Available at: URL: [https:// digitallibrary.un.org/record/427879?ln=ru](https://digitallibrary.un.org/record/427879?ln=ru) (accessed: 16 July 2023). (In Eng.)
- Mongol Ulsyn Yndsen Huul (Constitution of Mongolia). Available at: URL: [https://legalinfo.mn/ mn/detail/367](https://legalinfo.mn/mn/detail/367) (accessed: 16 July 2023). (In Mong.)
- North Korea: What we can Expect from Kim Jong-un in 2023. VVS News. 2023. Available at: URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-64123657> (accessed: 03 August 2023). (In Eng.)
- Resolution 53/77 D. Resolution on General and Complete Disarmament. Official site. Organization of United Nations. Available at: URL: <https://documents-ddsny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N99/760/47/PDF/ N9976047.pdf?OpenElement> (accessed: 28 July 2023). (In Eng.)
- Speech by Tsakhiagiin Elbegdorj. Every Man and Woman Can Live a Free and Peaceful Life. News.mn. April 29. Available at: URL: <https://news.mn/en/142227/> (accessed: 23 July 2023). (In Eng.)
- Staats J., Walsh J., Tucci R. A. Primer on Multi-Track Diplomacy: How Does it Work? The United States Institute of Peace. 2019. Available at: URL: <https://www.usip.org/publications/2019/07/primer-multi-track-diplomacy-how-does-it-work> (accessed: 28 July 2023). (In Eng.)
- The Greatest Threat in Northeast Asia in 2023 is North Korea's Missile Launches and Other Military Provocations. Opinion Polls. The Genron NPO. Available at: URL: https://www.genron-npo.net/en/opinion_polls/archives/5626.html. (accessed: 31 July 2023). (In Eng.)
- The Theme of the 2022 Jeju Forum. Beyond Conflict, Towards Peace: Coexistence and Cooperation. Jeju Forum. 2022. Available at: URL: http://www.jejuforum.or.kr/board/board.php?bo_table=notice&idx=226 (accessed: 24 July 2023). (In Eng.)
- Ulaanbaatar Democracy Forum. Community of Democracies. Available at: URL: <https://community-democracies.org/ulaanbaatar-democracy-forum/> (accessed: 29 July 2023). (In Mong.)
- Ulaanbaatar Dialogue 2022. Institute for Strategic Studies. Available at: URL: https://en.iss.gov.mn/?page_id=744 (accessed: 03 August 2023). (In Mong.)
- Ulaanbaatar Dialogue Initiative. Ministry of Foreign Affairs of Mongolia. Available at: URL: <https://mfa.gov.mn/en/documentation/61403/> (accessed: 01 August 2023). (In Mong.)
- Ulaanbaatar Dialogue on Northeast Asian security 6th International Conference. Institute for Strategic Studies. Available at: URL: https://en.iss.gov.mn/?page_id=571 (accessed: 03 August 2023). (In Mong.)
- Ulaanbaatar Dialogue. Permanent Mission of Mongolia to the United Nations. Available at: URL: <https://www.un.int/mongolia/mongolia/ulaanbaatar-dialogue> (accessed: 29 July 2023). (In Mong.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 15, Is. 4, pp. 551–592, 2023
 DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-551-592

МОНГОЛОВЕДИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 623.444.4

DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-551-592

Копейный бой в военном искусстве калмыков и джунгар XVII – начала XIX вв.

Леонид Александрович Бобров¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН наук (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0001-5071-1116. E-mail: spsm[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Бобров Л. А., 2023

Аннотация. *Введение.* В статье изучены особенности становления и эволюции ойратской легкой копейной конницы позднего Средневековья и раннего Нового времени. *Цель* исследования — на основе комплексного анализа письменных, изобразительных и вещественных источников выявить роль копейного боя в боевой практике джунгар и калмыков XVII – начала XIX вв. *Результаты.* Установлено, что в Центральноазиатском регионе на протяжении столетий ударные копыя и пики оставались преимущественно оружием панцирной конницы, в то время как бездоспешные кочевники использовали их лишь эпизодически. В ходе военных преобразований, проведенных ойратскими и монгольскими военачальниками второй половины XVI–XVII вв., ударными копыями и пиками были оснащены конные лучники, что привело к появлению новой разновидности конницы, составленной из легковооруженных копейщиков, способных вести как дистанционный, так и ближний бой. В ходе военных походов ойратов, охвативших большую часть степной Евразии, идея массовой легкой копейной конницы была усвоена многими народами Великой степи, в том числе российскими казаками и тюрками Восточной Европы (ногайцами, крымскими и польско-литовскими татарами). В свою очередь копейный бой польско-литовских татар (липков) лег в основу военной практики польских улан, ставших образцом копейной кавалерии для стран Центральной и Западной Европы XVIII – начала XIX вв. На основании анализа монгольских, ойратских, османских, европейских и цинских письменных источников выявлено оригинальное название ойратского длиннодревкового оружия XVII–XVIII вв., которое звучало, как «джида» («дзида»). Установлены конструктивные особенности ойратского длиннодревкового оружия, реконструированы техника копейного боя и тактика конных калмыцких и джунгарских копейщиков. *Выводы.* Собранные материалы свидетельствуют, что копыя и пики являлись основной разновидностью оружия ближнего боя ойратских воинов

XVII – начала XIX вв. Копейный бой являлся одним из ключевых элементов военного искусства джунгар и калмыков указанного периода. Ойраты оказали значительное влияние на развитие практики конного копейного боя среди народов Евразии XVII–XVIII вв.

Ключевые слова: ойраты, джунгары, калмыки, оружие джунгар, оружие калмыков, длиннодревковое оружие, копья, пики, копейный бой

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии □ проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Бобров Л. А. Копейный бой в военном искусстве калмыков и джунгар XVII – начала XIX вв. // Монголоведение. 2023. Т. 15. № 4. С. 551–592. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-551-592

Spear Fighting in the Military Art of the Kalmyks and Dzungars of the XVII – early XIX centuries

Leonid A. Bobrov¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0001-5071-1116. E-mail: spsm1[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Bobrov L. A., 2023

Abstract. *Introduction.* The article examines the features of the formation and evolution of the Oirat light cavalry armed with spears of the Late Middle Ages and early Modern times. The *purpose* of the study is to identify the role of spear fighting in the military practice of the Dzungars and Kalmyks of the XVII – early XIX centuries on the basis of a comprehensive analysis of written, pictorial and material sources. *Results.* It has been established that in the Central Asian region for centuries shock spears and pikes remained mainly the weapons of armored cavalry, while light nomads without armor used them only sporadically. During the military transformations carried out by the Oirat and Mongol military leaders of the second half of the XVI–XVII centuries, mounted archers were equipped with shock spears and pikes, which led to the emergence of a new type of cavalry composed of lightly armed spearmen capable of conducting both remote and close combat. During the military campaigns of the Oirats, which covered most of steppe Eurasia, the idea of mass light cavalry with spears was adopted by many peoples of the Great Steppe, including Russian Cossacks and Turks of Eastern Europe (Nogais, Crimean and Polish-Lithuanian Tatars). In turn, the battle on the spears of the Polish-Lithuanian Tatars (Lipkov) formed the basis of the military practice of the Polish lancers, which became a model of such cavalry for the countries of Central and Western Europe of the XVIII – early XIX centuries. Based on the analysis of Mongolian, Oirat, Ottoman, European and Qing written sources, the original name of the Oirat long-barrel weapon of the XVII–XVIII centuries was revealed, which sounded like “jida” (“dzida”). The design features of the Oirat spears were established, the spear fighting technique and tactics of mounted Kalmyk and Dzungarian warriors armed with spears were reconstructed. *Conclusions.* The collected materials indicate that spears and pikes were the main type of melee weapons of the Oirat warriors of the XVII – early XIX centuries. Spear fighting was one of the key elements of the military art of the Dzungars and Kalmyks of this period. The Oirats had a significant

impact on the development of the practice of equestrian spear fighting among the peoples of Eurasia of the XVII–XVIII centuries.

Keywords: Oirats, Dzungars, Kalmyks, Dzungar weapons, Kalmyks weapons, long-barreled weapons, spears, pikes, spear fighting

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 ‘The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups’.

For citation: Bobrov L. A. The Spear Fight in the Military Art of the Kalmyks and Dzungars of the XVII – early XIX centuries. *Mongolian Studies (Elista)*. 2023; 15(4): 551–592. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-551-592

1. Введение

Исторический период, охватывающий XVII – первую половину XVIII в., сыграл важную роль в истории народов Евразии. Однако если для европейцев главными его событиями стали Тридцатилетняя война, Английская революция, военные конфликты с Османской империей, Великая Северная война, Война за испанское наследство и др., то для внутренней Евразии данный период справедливо именуется эпохой «Малого Монгольского (ойратского) нашествия». В XVII – первой половине XVIII в. ареал военной активности ойратов¹ включал огромные пространства внутренней Евразии от причерноморских степей на западе до Тибета на востоке и от лесов Западной Сибири на севере до пустынь Мавераннахра на юге.

По результатам первого этапа «Малого Монгольского нашествия» в Евразии сформировались четыре основных ойратских военно-политических группировки: «Калмыцкая» — в Северном Прикаспии, «Чакарская» — в Северном Казахстане и южных районах Западной Сибири, «Хошутская» — в Тибете и «Джунгарская» — в западной Монголии, юго-восточном Казахстане и Саяно-Алтае.

В первой половине XVIII в. джунгарские *хунтайджи* контролировали значительную часть Центрального, Южного и Юго-Восточного Казахстана, практически весь Восточный Туркестан и Горный Алтай. Более полувека Джунгарское государство, именуемое историками «Последней кочевой империей», сдерживало продвижение России в Южную Сибирь, а Цинской империи в Центральную Азию.

В свою очередь западные ойраты (волжские калмыки) стали одним из основных союзников Российского государства в войнах с крымскими татарами и ногаями. Калмыцкие отряды неоднократно вторгались в Крым и земли черкесов, вели боевые действия на территории Правобережной и Левобережной Украины, в причерноморских степях, на Кубани и в степях Западного Казахстана. Под ударами калмыков пала Большая Ногайская орда. Весьма значительный вклад внесли калмыки и в победы российской армии над войсками Крымского ханства и его союзников в военных конфликтах первой половины – середины XVIII в. Начиная со второй половины XVII в. и вплоть до начала XIX в. калмыцкая конница принимала активное участие в войнах России против могучих европейских держав — Речи Посполитой, Швеции, Пруссии, Франции.

¹ Ойраты — западные монголы. В цинских источниках обычно именуются олётами (элютами), в тюркских — калмаками, в русских — калмыками.

Таким образом, ойраты сыграли важную роль в исторической судьбе многих народов Восточной Европы, Северного Кавказа, Центральной, Средней и континентальной Восточной Азии. Не будет большим преувеличением сказать, что военно-политическая ситуация в западной части Великой степи в XVII – середине XVIII в. в значительной степени определялась особенностями взаимодействия калмыцких *тайшей* с Крымским ханством и особенно с Российским государством.

Военные успехи ойратов были обусловлены целым комплексом причин, не последнее место среди которых занимали развитый комплекс вооружения и эффективная тактика ведения боя. Одним из характерных элементов ойратской военной практики было широкое применение длиннодревкового оружия. Несмотря на то, что данный феномен неоднократно привлекал внимание отечественных и зарубежных военных историков и оружейников [Бобров, Худяков 2008: 538, 567; Бобров и др. 2010: 126–129, 166; Бобров 2013а; Бобров 2013б; Бобров 2014а: 117–143; Бобров, Рюмшин 2015: 369–374; Shim 2020: 105–107], он еще не становился объектом отдельного научного исследования.

Цель статьи — на основе комплексного анализа письменных, изобразительных и вещественных источников выявить роль длиннодревкового оружия и копейного боя в боевой практике ойратов (джунгар и калмыков) в XVII – начале XIX вв.

2. Конструктивные особенности длиннодревкового оружия

Классический вариант колющего длиннодревкового оружия состоит из наконечника (поражающая часть) и древка (несущая часть, служащая для удержания и управления оружием)¹. Главными элементами наконечника является боевой проникатель-перо и втулка, с помощью которой наконечник насаживался на древко². Место соединения пера и втулки в отечественном оружейном традиционном именуется «шейкой». Последняя могла снабжаться специальным утолщением («яблоком»), как правило, округлой формы. Выпуклое «яблоко» усиливало «шейку» наконечника и одновременно играло роль ограничителя, не позволявшего перу погружаться в тело противника слишком глубоко, что затруднило бы его последующее извлечение в ходе динамичного конного боя.

От формы и сечения пера (уплощенное, граненое) во многом зависела проникающая способность наконечника, а следовательно, и боевые характеристики оружия. По данной причине именно эти параметры являются основными при типологическом анализе и построении классификационных схем длиннодревкового оружия народов Евразии эпохи Древности, Средневековья и Нового времени [Бобров, Худяков 2008: 297–308]. По материалу изготовления наконечники делятся на классы, по способу насаждения на древко на отделы (втульчатые, черешковые и т. д.), по сечению пера — на группы. Внутри каждой группы на основании формы пера выделяются типы, которые (исходя из особенностей оформления)

¹ Необходимо отметить, что наряду с классическими образцами длиннодревкового оружия кочевниками Центральной и Средней Азии на протяжении рассматриваемого периода применялись и заостренные цельнодеревянные пики (см. ниже).

² Наконечники с черешковым насадом в ойратских материалах рассматриваемого периода не зафиксированы.

подразделяются на варианты. В ходе комплексного анализа длиннодревкового оружия в целом также учитываются особенности конструкции и базовые характеристики древка и его усилителей, наличие или отсутствие металлических подтоков, кожаных петель-темляков, копейных значков (кистей, флажков) и др.

На основании размеров, пропорций и системы оформления наконечника среди общего массива колющего длиннодревкового оружия ближнего боя археологами, военными историками и оружейниками традиционно выделяются пики, копья и рогатины. Отличительной особенностью пики являлось длинное и узкое, как правило, граненое перо. При этом ширина боевого проникателя пики была, как правило, меньше или равна диаметру ее втулки. Рогатины снабжались массивным наконечником с широким уплощенным или граненым пером, как правило, листовидной формы и втулкой большого диаметра. Ширина пера рогатины обычно превышала диаметр втулки ее наконечника. Что касается копий, то они по своим размерам и пропорциям занимали промежуточное положение между пиками и рогатинами.

Наконечники пик, копий и рогатин насаживались на деревянное древко. При этом кавалерийские пики кочевников Центральной Азии обычно имели длинное (до 3–4 и более м) и тонкое (около 3,0–3,5 см) древко, в то время как древко рогатины, напротив, было коротким и толстым (около 4,0–4,5 см). Верхняя часть древка могла снабжаться металлическими усилителями различных типов, а на нижний конец («пятку») иногда надевался железный подток. Для удобства транспортировки к копьям и пикам привязывались кожаные петли — большая (в центральной части древка) и малая (в нижней). Большая петля выполняла функции погонного ремня, позволявшего носить копье за правым или левым плечом. Малая петля (рус. *ножник*) играла роль дополнительного фиксатора. Она охватывала переднюю часть стопы или щиколотку всадника, обеспечивая древку вертикальное положение.

Главной задачей длиннодревкового оружия являлось нанесение колющих ударов и укулов на дистанции, превышающей дальность действия клинкового и ударно-рубящего оружия. Иногда верхняя часть древка могла дополняться длинной заточенной железной пластиной (рус. *отрез*), позволявшей наносить рубящие удары. Последний факт позволяет отнести снабженные отрезами копья и пики к комбинированному (колюще-рубящему) длиннодревковому оружию [Бобров 2013а: 183, 187, 193].

Особой разновидностью длиннодревкового оружия являются дротики — легкие копья, предназначенные преимущественно для метания в противника. Их отличительными особенностями является более короткое (по сравнению с копьями и пиками) древко и наконечник с пером, как правило, небольшого размера.

Таким образом, длиннодревковое оружие можно разделить на ударное (предназначенное для ближнего боя) и метательное (используемое в дистанционном бою). При этом необходимо учитывать, что в условиях реального боевого столкновения ударное копье могло, при необходимости, с большим или меньшим успехом метаться в противника, а дротик, напротив, использоваться для колющего удара. Кроме того, существовали некоторые универсальные (переходные) варианты длиннодревкового оружия, которые можно было использовать как в рукопашной схватке, так и для метания.

Под копейным боем в настоящей работе понимается разновидность ближнего боя с применением ударного длиннодревкового оружия.

3. Ойратское нашествие XVII в. как военно-исторический феномен

Главным соперником ойратов в западной части Великой степи первоначально была Большая Ногайская орда. В канун ойратского нашествия она переживала не самые лучшие времена. Военный потенциал некогда «тьмочисленных» ногаев в результате междоусобиц, голода и миграций значительно сократился, тем не менее, они продолжали оставаться весьма грозным и опасным противником. Тем большее удивление современников вызвали ход и результаты ногайско-ойратских военных конфликтов 1607–1634 гг. Уже первые боевые столкновения показали, что ногаям нечего противопоставить воинственным пришельцам с востока. Вслед за гуннами, древними тюрками и монголами калмыки в первой половине XVII в. сумели продемонстрировать местным кочевникам преимущества центральноазиатской военной системы. Армии Хо-Урлюка и других ойратских тайшей раз за разом уверенно громили ногайские ополчения и шли от победы к победе. Попытка ордынской знати сколотить действенный антикалмыцкий союз с участием Москвы и Бухары потерпела крах. В 1632 г. непривычные для этих мест вертикальные «хвостатые» знамена ойратов уже поднялись над Волгой [Трепавлов 2013: 144]. А еще через два года с Большой Ногайской ордой на восточном берегу великой реки было покончено [Трепавлов 2013: 144, 147]. Теперь остроту ойратского оружия предстояло испытать ногаям Малой Орды, а затем и крымским татарам, которые уже давно привыкли считать причерноморские степи своей неоспоримой вотчиной [Бобров 2014б: 241–248].

Крушение Большой Ногайской орды являлось следствием целой серии причин политического, социально-экономического и военного характера. Не последнюю роль в этом сыграло непривычное для кочевников западных степей ойратское военное искусство. Стрелецкий голова Иван Болтин сообщал в Москву в 1631 г., что ногаи просто не знают, как сражаться с калмыками: «... нагайским людем они, калмыцкие люди, страшны гораздо и *против них не ставвали они, нигде и битъся с ними не умеют* (здесь и далее курсив наш. — Л. Б.)» [Бобров, Рюмшин 2015: 372].

Не меньшее впечатление ойратская конница произвела и на крымских татар. Потерпев целую серию серьезных поражений¹, крымцы стали избегать ближнего боя с калмыками. Чигиринский полковник Григорий Карпович с воодушевлением писал в 1677 г.: «Калмыков татаровя и турки боятца... И естли... калмыков послать на Украину, и *татаровя де бой их знают, и увидев их битца с ними не станут, побегут...*» [Бобров, Рюмшин 2015: 373].

Казачий гетман И. С. Самойлович в письме от 6 марта 1678 г. особо просил российское командование прислать калмыков, утверждая, что «... и то б их было буде не больши хотя бы с две тысячи человек, впрям бы... *много ими исправилось неприятелем страху...*» [Бобров, Рюмшин 2015: 372].

Папский нунций, сопровождавший польскую армию Яна Собеского во время похода 1684 г., с восхищением сообщал о калмыках: «Если бы их было много,

¹ Из 49 стычек и сражений калмыков с крымскими татарами и ногаями, датированных периодом Русско-Польской войны 1654–1667 гг., в 45 из них (в том числе во всех крупных битвах) верх одержали калмыки [Бобров, Рюмшин 2015: 363].

быстро истребили бы перекопских татар, которые, как и турки, являются их заклятыми врагами. Так отважны, настолько умелые в обращении с саблей (*szabli*) и луком (*luku*), имеют такое превосходство над татарами, что один калмык, не колеблясь, нападет на десять татар. Само их имя настолько для них страшно, что где голос их услышат, бегут в большом беспорядке, если не хотят испытать на себе прочность их железа и меткость выстрелов их луков... Если бы их можно было привести несколько тысяч, была бы от них большая помощь в войне христиан с басурманами» [Шейхумеров 2019б]¹.

Высокую оценку калмыцкой коннице дал и Петр I в разговоре с датским посланником Юстом Юлем 11 марта 1711 г.: «Тут [царь] сообщил мне, что 40 000 кубанских татар хотели напасть на его флот под Азовом, но что их прогнал калмыцкий хан с десятью тысячами калмыков, — *ибо калмыцкие татары гораздо воинственнее и (сильнее) прочих татар*. Таким образом, великие опасения относительно (взятия кубанскими) татарами царского флота исчезли» [Юль 2001: 250].

Военное превосходство ойратов был вынужден признать даже османский путешественник Э. Челеби, который с горечью констатировал, что «калмыки всегда возвращаются, побивая крымчаков...» [Бобров, Рюмшин 2015: 372]².

За весь XVII в. ногаям удалось лишь однажды нанести серьезное поражение ойратским войскам. Это произошло в 1644 г., когда ногаи, кабардинцы и татары заманили армию Хо-Урлюка в горное ущелье, где на них обрушился огонь ружейных стрелков, засевших на склонах гор. Однако данное исключение лишь подтвердило общее правило. Союзники одержали верх, сражаясь с калмыцкой конницей на пересеченной местности (где ей не хватало пространства для маневра), используя засады и огнестрельное оружие. Что касается боев с войсками тюркских кочевников региона на степном театре боевых действий, то в них ойраты не знали себе равных вплоть до конца столетия [Бобров, Рюмшин 2015: 359–363].

Чем же объясняется столь подавляющее преимущество ойратской конницы при сражении в поле? Для того чтобы ответить на данный вопрос, необходимо обратиться к особенностям эволюции оружейного комплекса и тактики ведения боя степных народов Восточной Европы и Центральной Азии.

4. Особенности эволюции комплекса вооружения и тактики ведения боя кочевников Восточной Европы и Центральной Азии XV–XVII вв.

Военное искусство позднесредневековых ойратов и монголов развивалось из того же «имперско-чингизидского корня», что и военное дело татар и ногаев. Однако специфика местных военно-политических и социально-экономических условий привела к тому, что вооружение и тактика монголоязычных кочевни-

¹ Перевод А. А. Шейхумерова.

² Уважительное отношение к калмыцкой коннице сохранилось и в более поздний период. Так, например, главнокомандующий российской армии на начальном этапе Семилетней войны (1757 г.) С. Ф. Апраксин настоятельно требовал прибытия отряда калмыков на театр боевых действий, так как: «... звание оных великое у неприятеля уважение имеет» (цит. по: [Очиров 2020: 24]). С фельдмаршалом был вполне солидарен и немецкий ученый на русской службе, участник «Физической экспедиции» (с 1770 г.) И.-Г. Георги, который при описании калмыков особо отмечал, что те «... нарочито храбры и одерживают победы над подобными им неприятелями...» [Георги 2005: 400].

ков Центральной Азии в XV–XVI вв. эволюционировали в ином направлении, чем оружейный комплекс и тактические приемы их татарских и ногайских современников. За три столетия, прошедшие с эпохи «Великих завоеваний», военное искусство тюркских номадов Восточной Европы и ойрато-монгольских кочевников Центральной Азии разошлись настолько сильно, что столкновение калмыцкой конницы с ногаями стало для последних настоящим шоком.

К моменту ойратского нашествия военное искусство крымских татар и ногаев представляло собой региональный вариант Позднетюркской военно-культурной традиции, доминировавшей в XVI в. на просторах Дашт-и Кипчак от причерноморских степей до Центрального Казахстана. К этому времени массовая панцирная конница, столь характерная для ордынцев времен Мамай и Тохтамыша, уже давно ушла в прошлое. Панцирные «кошуны» сжались до размеров небольших дружин, несших охрану первых лиц государства. Защитное вооружение превратилось в прерогативу знати, наиболее богатых ополченцев и воинов элитных ударных подразделений. На полях сражений безраздельно господствовала легкая лучная конница, опиравшаяся на немногочисленные отряды ружейных стрелков, укрывающихся в окопах и вагенбургах. В рукопашную схватку тюркские конные лучники вступали неохотно и лишь при значительном численном превосходстве. При этом главным оружием ближнего боя были не ударные копыя и пики, а сабли, а также дубины, палицы и кистени. Значение длиннодревкового оружия резко сократилось. К началу XVII в. роль копейной атаки в военном искусстве крымских татар была минимизирована, а у ногаев она и вовсе вышла из широкого военного обихода [Бобров 2016: 215–345; Бобров и др. 2018: 889–905]¹.

Однако отсутствие массовой панцирной и копейной конницы отнюдь не мешало тюркскимномадам снова и снова одерживать победы над лучше оснащенными войсками Речи Посполитой и Московского государства. Татары и ногаи являлись настоящими мастерами динамичного кавалерийского боя на большой и средней дистанции. Они буквально засыпали противника стрелами, не подпуская польских «крылатых» гусар и русских воинов помещной конницы на расстояние сабельного удара. Именно на такой способ ведения сражения были ориентированы все основные тактические приемы крымских татар: «хоровод», «тулгاما», притворное отступление и др. В случае контратаки противника татары отрывались от вражеских латников, используя преимущество в скорости, которое давали им легкие степные кони. Таким образом, базовыми факторами татарской военной практики второй половины XV–XVI вв. окончательно стали мобильность и массированный лучной бой [Бобров 2016: 215–345]. По мере улучшения оснащения войск длинноклиновым оружием роль рукопашной схватки в боевой практике крымских татар постепенно возрастала [Бобров 2016: 225, 270–278; Шейхумеров 2019а: 160–170]. Однако даже в середине XVII в. динамичный, преимущественно лучной дистанционный бой продолжал оставаться основой тактического искусства воинов ханства [Бобров 2016: 235–355].

¹ Особо отметим, что уменьшение численности конных копейщиков в войсках было общим трендом развития европейских, западно- и среднеазиатских армий конца XV–XVI вв. Палаш и пистолет в «Христианском мире», сабля и саадак в «Исламском мире» уверенно теснили копьё в качестве главного оружия всадника.

Если татары, ногаи, кочевые узбеки и казахи на протяжении столетий культивировали искусство лучной стрельбы и связанные с ним тактические приемы, позволяющие избегать рукопашной схватки, то военное дело монголоязычных кочевников Центральной Азии эволюционировало в прямо противоположном направлении.

После крушения Юаньской империи монголы были вытеснены из Китая и вступили в длительную полосу междоусобных конфликтов. В этих столкновениях воины противоборствующих степных армий использовали сходное оружие дистанционного боя (сложносоставные луки «монгольского типа», а также их дериваты), одинаковый конский парк и идентичную тактику ведения сражения. Битвы кочевников Монголии и Ойратии в этот период нередко представляли собой столкновение отрядов конных лучников, расстреливавших друг друга с минимальной дистанции. Победу в таких сражениях одерживала та сторона, которая могла разорвать «хоровод» вражеских лучников и смешать воинские порядки противника. Наиболее эффективно данная цель достигалась в ходе стремительной копейной атаки, поэтому монгольские и ойратские латники сохранили копьё как массовый вид вооружения.

Неизвестно, кто из центральноазиатских военачальников первым додумался до следующего шага — изящного и гениального в своей простоте. Если победа в сражении зависит от массивной атаки конных копейщиков, то почему бы не снабдить копьями не только панцирников, но и легковооруженных воинов и тем самым усилить мощь кавалерийского удара по вражескому строю? Придя к такой мысли, монгольские и ойратские полководцы начали массово снабжать копьями и пиками своих легких лучников.

Стоит отметить, что метательные копьё (дротики) активно применялись легкой конницей кочевников еще в эпоху Древности. Несколько иначе обстояло дело с ударными копьями и пиками, предназначенными для ведения ближнего боя в конном строю. Вещественные, изобразительные и письменные источники VI–XV вв. свидетельствуют, что отдельные бездоспешные номады раннего и развитого Средневековья, наряду с дротиками, периодически использовали ударное длиннодревковое оружие во время кавалерийских схваток. Однако подобная практика никогда не носила по-настоящему массового характера. На протяжении указанного исторического периода ударные копьё и пики применялись преимущественно конными панцирниками, в то время как легковооруженные кочевники использовали их лишь эпизодически [Бобров, Рюмшин 2015: 369; Бобров 2016: 221–238; Бобров и др. 2018: 885].

Довооружение легких лучников длинными копьями и пиками, предпринятое ойратскими и монгольскими полководцами второй половины XVI–XVII вв., существенным образом изменило традиционный комплекс вооружения и тактическое искусство кочевников региона. В конечном счете это привело к появлению новой разновидности конницы, составленной из легковооруженных копейщиков, способных эффективно сражаться как в дистанционном, так и в ближнем бою. Кроме того, в отличие от своих западных визави центральноазиатские правители не только сохранили, но и всячески развивали массовую панцирную («куяшную») конницу, которая на полях сражений страховала и поддерживала легких копейщиков и лучников, повышая их устойчивость в ближнем бою [Бобров,

Худяков 2008: 538, 567; Бобров и др. 2010: 126–129, 166; Бобров, Рюмшин 2015: 369–374].

Как показали военные конфликты XVII в., решение снабдить конных стрелков длиннодревковым оружием при всей своей простоте оказалось весьма эффективным. В столкновении двух «лавин» легковооруженных воинов отряд, снабженный луками и копьями, имел очевидные преимущества перед отрядом, вооруженным только луками. Легкие копейщики могли стремительно атаковать вражеских лучников, опрокинуть их строй, нанести значительные потери в ближнем бою и вести активное преследование, поражая отступающего врага все теми же пиками (см. илл. 1: 1). В случае необходимости воин мог забросить снабженное погонным ремнем копье за спину и взять в руки лук.

5. Длиннодревковое оружие в комплексе вооружения ойратов XVII – середины XVIII вв.

Первые успехи легких копейщиков вызвали взрыв энтузиазма среди центральноазиатских военачальников, которые стали стремиться к едва ли не поголовному обеспечению своих воинов длиннодревковым оружием. В результате в походе всадник иногда вез с собой не одно, а два или даже три копьё¹. Некоторый запас длиннодревкового оружия перевозили в обозе и накануне боя выдавали воинам с тем расчетом, чтобы каждый из них во время боевого столкновения был снабжен копьем или пикой [Бобров, Худяков 2008: 295, 577, 578]. Самые бедные кочевники вооружались копьями с роговыми наконечниками или цельнодеревянными пиками (рус. *ожог*), конец которых был заострен и обожжен на огне².

Популярность конного копейного боя в военном искусстве ойратов была подмечена практически всеми их ближними и дальними соседями: казахами, узбеками, киргизами, русскими, украинцами, поляками, турками, маньчжурами, китайцами и др. [Witsen 1785: 294, 306, 314; ДАИ 1872: 238, 239; МИРМО 1959: 54, 173; Крижанич 1965: 429; Гольдберг 1976: 231; Челеби 1979: 171; Мицик 2004: 77, 81; Бобров, Худяков 2008: 294–297, 595; Витсен 2010а: 364, 380, 389; Витсен 2010б: 913; Тепкеев 2012: 328; Shim 2020: 98].

Российские посланники Т. Петров и И. Куницын, посетившие кочевья Далай-тайши в 1616 г., описали оружие и тактику ойратов следующим образом: «А бой де у колматцких людей лучной и копейной и сабельной, и пищали есть

¹ Так, например, в 1647 г. татары, наблюдавшие колонну ойратской конницы, с удивлением отмечали: «видели де они в степи ис подполья западши и смотря калматцких людей по смете человек за 200, у всякого колмака по 2 копьа, а у иных де и по 3...» [Миллер 2000: 608].

² Э. Челеби, живописуя вооружение волжских калмыков 60-х гг. XVII в., отмечал: «...наконечники копий — из рогов дикого буйвола, или быка. Тем не менее копьа пронзают кремь» [Челеби 1979: 171]. Тот же фрагмент в переводе Е. В. Бахревского: «Большинство наконечников из рогов дикого буйвола или быка. Тем не менее эти копьа пронзают кремь» [Бахревский 2023: 20]. Цельнодеревянные пики ойратских воинов упомянуты поручиком Ф. Аблязовым, побывавшим в Джунгарии в 1745 г. Он отмечал на вооружении джунгар «копейные ратовища без копей, а для виду на концах остроганы и обожжены» [Бобров, Худяков 2008: 296]. У казахов XVIII в. копьа также могли не иметь металлического наконечника, а конец древка просто заострялся и обжигался на конце [Кушкумбаев 2001: 59].

же, а пороху де у них мало. А напуск¹ де у них на боех живет по 3 ж: первой напуск с луки, *другой с копыи*, 3-й с сабли. А только де они в 3 напуска на бою каких людей нибудь не сломят, и они отходят прочь» [МИРМО 1959: 54].

Османский путешественник Э. Челеби, побывавший у калмыков в конце 1666 – начале 1667 гг., с удивлением отмечал: «Все они носят луки (уау)², стрелы (ок) и копыя (mızrak)... Сабли (kılıç) же встречаются редко. *Но непременно требуется, чтобы в руках были копыя (mızrak). В самом крайнем случае вооружение состоит из [одной только] пики*» [Челеби 1979: 170, 171]³.

Украинский автор «Летописи самовидца» подчеркивал искусство ойратского боя на пиках: «Тилко найбільше до потреби копій заживають кожен, бо справне уміють вбити копієм» (цит. по: [Тепкеев 2012: 328]).

Польский автор «Виршованной хроники», отметив воинственность калмыков и их преимущество в боях с крымскими татарами, при перечислении типичного оружия ойратов середины XVII в. выделил луки (lukem) и копыя (dżyda) [Мицик 2004: 77, 81].

Проанализировавший польские письменные источники второй половины XVII в. историк М. Гаведа пришел к выводу, что «Калмыцкая конница была такой же мобильной, как и татарская, но она превосходила ее в атаке белым оружием, потому что калмыки хорошо владели копыями» [Gawęda 2005: 103]⁴.

Хорватский богослов, философ и военный теоретик Юрий Крижанич, который в 1661–1676 гг. проживал в ссылке в Тобольске, оставил интересное описание комплекса вооружения ойратов и монголов, важным элементом которого названы копыя⁵: «Следовало бы перенять у всяких народов те их строи⁶, которые наиболее известны и хороши, то есть строи калмыков, монгол, самоедов, шотландцев, гусар, драгунов, мушкетеров, казаков, щитоносцев, и держать для образца хотя бы по одному отряду каждого строя.... О калмыках и монголах люди рассказывают нам чудеса. *Калмыки держатся гусарского строя⁷: носят копые, лук и саблю, и латы и закрывают железом локти и бедра или носят кольчуги. А в битвах гонят [перед собой] скот. А монголы носят на коне пицаль, лук, колчан, копые и саблю и такие вот обборинцы, окованные с обоих концов, и везде на привалах ими защищаются... Строй этот, как я слышал, очень похвален...*» [Крижанич 1965: 428, 429].

¹ Судя по контексту, в данном случае под «напуском» понимается атака или фаза боя.

² Указанные в скобках оригинальные термины названий предметов вооружения взяты из турецкого издания работы Э. Челеби [Çelebi VII].

³ Перевод Е. В. Бахревского: «Все они носят луки, стрелы и копыя... Мечи же встречаются редко. Но непременно в руках у них есть копыя. С копьем они показывают великое мастерство» [Бахревский 2023: 20].

⁴ Перевод А. А. Шейхумерова. Оригинальный текст: «Jazda kalmucka była równie ruchliwa jak tatarska, ale górowała nad nią w szarzy na białą broń, gdyż Kalmucy dobrze posługiwali się dzidą» [Gawęda 2005: 103].

⁵ Далее приведены фрагменты из произведения Ю. Крижанича «Политика» (1663 г.).

⁶ Как видно из контекста, под «строем» Ю. Крижанич понимает вооружение и связанный с ним способ ведения боя.

⁷ Имеются в виду «крылатые» польские гусары, прославившиеся своей практически неотразимой копейной атакой.

В другом своем произведении «Historia de Sibiria» («История о Сибири») Ю. Крижанич также упоминает копьё в числе основного оружия калмыцкой конницы: «Что касается военного дела, то калмыки выходят на бой прекрасно вооруженные, то есть в шлемах (*galeati*)¹, с копьями (*hastate*)² и в тяжелых пластинчатых доспехах (*squamatis thoracibus cataphracti*)³. Они сражаются стрелами и саблями (*frameis*)⁴, но короче наших и не загнутыми: их можно сравнить с оружием, называвшимся у римлян «*siccae*», сами же они называют их *сулимами* (*sulimas*)⁵ [Титов 1890: 180].

Описывая вооружение конного калмыцкого отряда Цаган-Батура (200 чел.), посланного для расправы над «ворами и раскольниками» в 1689 г., донской атаман Иван Семенов специально отметил, что «... у них Калмык бой лучной и копейной, а не огненной» [ДАИ 1872: 238, 239]⁶.

Нидерландский путешественник и политический деятель Н. Витсен упомянул копьё и пики в качестве основного оружия ойратов [Витсен 2010а: 364, 380, 389; Витсен 2010б: 913; Witsen 1785: 294, 306, 314], а при описании маньчжуров заметил, что «... их оружие это лук и кинжал, а также пики, как у калмаков» [Витсен 2010а: 9].

Помимо прочего, Н. Витсен привел подробный перечень вооружения ойратов, составленный на основе рассказа российского «солдата» из гарнизона г. Томска, который участвовал в бою с «калмаками» 27 июня 1668 г. В этом

¹ В скобках указаны термины из оригинального текста произведения Ю. Крижанича [Титов 1890: 132].

² В античных текстах под «*hasta*» обычно понималось короткое легкое копьё. Однако в период позднего Средневековья и раннего Нового времени им могли обозначать и обычные ударные кавалерийские копьё и пики, которые были «легки и коротки» лишь по отношению к «древам» латной гусарской конницы [Бобров и др. 2018: 892].

³ В издании 1890 г. «*squamatis thoracibus cataphracti*» переведено, как в «кольчугах» [Титов 1890: 180]. Однако, по всей видимости, речь идет не о кольчатом панцире, а о тяжелом пластинчатом (досл. «чешуйчатом») доспехе. Однако данный оборот может быть переведен и иносказательно, как доспех вообще (без учета реальной структуры бронирования). Применение ойратами середины XVII в. пластинчато-клепаных доспехов («куяков») подтверждается другими письменными источниками и вещественными материалами [Бобров, Худяков 2008: 354–356, 366–376, 378–385, 568; Бобров, Ожередов 2021: 26–116].

⁴ В эпоху Античности термином «*framea*» обозначалась разновидность легкого копьё. Однако уже в позднесредневековых текстах под «*фрамеей*» обычно подразумевалась сабля [Бобров и др. 2018: 892].

⁵ «Сулемами» («селемами», «селелами», «сулебами», «селебами») в русском языке XVII в. обычно называли слабоизогнутые сабли с относительно коротким (по сравнению с европейскими аналогами) клинком. Так, например, Н. Спафарий называет «сулемами» сабли цинских воинов конца XVII в. Судя по материалам цинских и казахских источников, в категорию «сулем» (от монг. *selme*, *seleme*) также относились короткие тяжелые тесаки с прямым или слабоизогнутым клинком [Бобров, Пастухов 2021б: 193–196].

⁶ Интересно, что схожая ситуация наблюдалась и у восточных соседей ойратов — монголов Халхи. Посетивший в 1647 г. владения халхаского Цецен-хана енисейский сын боярский И. Похабов так описывал оружие монголов: «А людей де в тех цысановых улусех, куда ево вели, много, а бой у них лучной да копейной» [РКО 1969: 125].

описании различные виды колющего длиннодревкового ойратского оружия упомянуты трижды. Интересно, что при этом они переданы тремя разными словами: «Lanzen», «Spiessen» и «Speer» соответственно: «У них были луки (Bogen)¹, *копья (Lanzen)* и рубаки (Houwer)². Народ приходит на войну хорошо вооруженным. Они носят шлемы (Stormhoeden) и латы из чешуи (geschobde Hamassen), *употребляют тики (Spiessen)* и стрелы (Pylen), короткие мечи (korte Zwaerden), не кривые, которые называют салемас (*Salemas*)³. Другое оружие — стрела (Pyl), лук (Boog), длинные ножи (lange Messen), сабли (Zabels) и *копья с железным острием, длиною в локоть (en eenen Speer, die met een spits yzer, van een elle lang)*» [Витсен 2010а: 364; Witsen 1785: 294].

В другом месте Н. Витсен вновь упоминает копьё в числе главного оружия ойратов: «Калмаки разделяют свои силы на отряды по 1 000 всадников, над которыми назначают главного. На войне они редко используют пушки, ружья или пистолеты, а только лук и стрелы (maer Pylen Boog) и носят чешуйчатые панцири и шлемы (Storm-hoeden), а также ножи (Zeer-messen) и *копья (Lanzen)*... Князь черных калмыков, по имени Чукур Убаша, может вместе с соседними князьями за 15 дней собрать около 100 тысяч человек — всадников, ибо у них в войсках нет пеших воинов. *Они вооружены копьями, стрелами и луками, и очень немногие — огнестрельным оружием. Его им привозят из чужих стран*» [Витсен 2010а: 380; Витсен 2010б: 913; Witsen 1785: 306].

Нидерландский исследователь также привел интересное сообщение о вооружении волжских калмыков, которое ему «...написал один европейский христианин, долгое время проживший в Георгии», т. е. в Грузии: «Калмаками правит князь, которого они называют Аюке... Калмаки очень воинственны, и другие тартары их боятся... Их оружие — стрела и лук (Pyle en Boog) и *нечто вроде копья (Lanzen)*» [Витсен 2010а: 389; Witsen 1785: 314].

В цинском сочинении «Гаэрдань чжуань»⁴ отмечается, что в период правления Галдана Бошокту-хана (1671–1697) были введен стандартный комплекс вооружения джунгарских панцирников, в состав которого были включены «короткие копья»-*дуаньцян*⁵: «Велели, чтобы латники (*цзяшии*) имели фитильные ружья (*упао*) и *короткие копья (дуаньцян)*, на поясе — лук и стрелы, подвешивали саблю / палаш (*дао*), на верблюдов выучили большие пушки (*данао*). Когда выступало войско, по обычаю делили [его] на три части. Внутри государства

¹ В скобках приведены оригинальные термины из издания книги Н. Витсена 1785 г. [Witsen 1785].

² Возможно, речь идет о тесаках или пальмах.

³ Не исключено, что данную информацию Н. Витсен подчерпнул из работ предшественников. Так, например, весьма схожее описание фиксируется в труде Ю. Крижанича (см. выше). В то же время Ю. Крижанич и Н. Витсен могли получить соответствующую информацию из одного и того же источника. Например, от сибирских служилых людей.

⁴ «Гаэрдань чжуань» («Описание Галдана») приписывается Лян Фэню (1641–1729) — автору сочинения «Циньбянь цзилуэ» («Краткое описание Цинской границе»). Считается, что работа над ним была закончена в 1687 г. (по другой версии — в 1691 г.).

⁵ Из более позднего цинского источника «Циндин Хуанъюй Сиюй тучжи» известно, что «короткая» разновидность джунгарских копий имела длину не менее 3,2 м [Бобров, Пастухов 2021а: 777].

люди сменяли друг друга на [военных] постах. Далекие и близкие, услышав про это, пугались и покорялись» [Naito 1970: 421]¹.

Согласно данным Вэй Юаня, джунгарские воины, оборонявшие «верблюжью крепость» (кит. *точэн*) в битве при Улан-Бутуне в 1690 г., были вооружены «копьями с крюками»: «С 3–5 часов дня [и] до заката убивали верблюдов и укладывали на бок, делая ограду. Воины стреляли в промежутки ограды из луков и ружей, *готовя к бою копьа с крюками*. Называли это *точэн* (верблюжья крепость)» [Вэй Юань 1842: цз. 3, л. 31].

Знаменитый сибирский историк С. У. Ремезов в 1697–1698 гг. описал вооружение калмыков следующим образом: «...против неприятеля своего воюют на конях, а бесконному сражению так необыкновенны, что совсем его не знают². Обыкновенное им военное оружие было лук, стрелы, *копья* и сабли, по большей части военное у них платье: пансыри и доспехи, также шишаки и поручни. В сражении с первого напуску весьма жестоки, а ежели так сперва не удастся одержать победу, тогда уж будут весьма уступчивы и к сражению не ревнительны...» [Гольдберг 1976: 231].

Тибетские и цинские источники, перечисляющие вооружение джунгарского корпуса, вторгшегося в Тибет в 1716–1720 гг., упоминают *копья* (тиб. *mdung ring thogs*) в качестве главного оружия ближнего боя джунгар [Shim 2020: 97–99].

Российский посланник И. Унковский, посетивший Джунгарию в 1722–1724 гг., упомянул длинные *копья* первыми среди джунгарского оружия, предназначенного для ближнего боя: «Оружие у них луки, *копья длинною 7 ½ аршин* (ок. 5,3–5,4 м. — Л. Б.), и много имеют пищалей, токмо все с жаграми, и сабли имеют; порох делают сами» [Веселовский 1887: 194].

По мнению цинского командования, одной из важных причин победы джунгар над имперскими войсками в битве у оз. Хотон-нур в 1731 г. было активное использование ойратскими полководцами отрядов копейной конницы: «В битве при Хотон-нур они полагались только на то, что приводили людей (т. е. врагов) в смятение, *схватив копья и обрушиваясь на них несколькими отрядами*» [Shim 2020: 98].

В данной связи весьма показательны трофеи, собранные цинскими воинами на месте сражений с тюрко-ойратской армией Ходжи Джахана в окрестностях г. Куча в 1758 г.³ По оценке цинского полководца Ярхашаня, в ходе битвы погибло около 1 600 воинов противника. Было захвачено 1 000 пик, 500 фитильных ружей, 10 крупнокалиберных ружей-*джамбулатов*, а также два больших знамени [Пастухов 2022: 114].

После включения Джунгарии в состав Цинской империи лояльные Пекину ойраты продолжали нести службу в цинских войсках в качестве копейщиков и ружейных стрелков. В тексте «Сичуй цзунтун шилюэ» Сунь Юня, в котором

¹ Здесь и далее переводы с китайского языка выполнены А. М. Пастуховым.

² Из данного описания видно, что С. У. Ремезов пользовался сведениями, датированными третьей четвертью XVII в. В 90-х гг. XVII в. джунгары не только часто спешивались во время сражения, но и сделали этот прием одним из важнейших элементов собственного военного искусства [Бобров, Худяков 2008: 574–589].

³ По сведениям маньчжуров, Ходжа Джахан привел с собой 5 000 воинов: 2 000 нукаеров-мусульман из Джунгарии, 500 ойратов, 500 мобилизованных торговцев, 2 000 ополченцев из Аксу и Уч-Турфана [Пастухов 2022: 114].

подробно описывается вооружение имперских войск третьей четверти XVIII в. на территории провинции Синьцзян, в отношении ойратов, приписанных к крепости Хунинчен¹, присутствует специальная пометка: «Чиновники и воины ойратского гарнизона (*элутэ ин*) отнюдь не имеют предписанного [цинским солдатам] штатного количества вооружения, только лишь воины за свой счет обеспечивают себя одним фитильным ружьем (*няоцяи*) и одним длинным копьем (*чанцяи*)» [Сун Юнь 1839: л. 13а].

Автор «Тарих-и Бадахшан» при описании джунгар, не покорившихся Цинской империи, откочевавших на территорию Бадахшана и составивших гвардию местного правителя, также акцентирует внимание читателя на ойратском длиннодревковом оружии: «...ходжи держали при себе наготове три тысячи воинственных всадников из числа людей дела, каждый из которых мог бы сразиться с тигром и не страшился нападения и принесения в жертву своей жизни... Три тысячи кровожадных всадников с луками и колчанами из молодых беженцев — [калмаков], *полностью снаряженных копьями* и оружием, [стояли] в готовности у победоносного стремени [эмира]» [Тарих-и Бадахшан 1997: 47–49].

Схожая ситуация наблюдалась в это время и на территории волжской Калмыкии. Анонимный автор, составивший описание национальной конницы юго-востока России в ноябре 1757 г., упомянул копьа первым среди видов оружия калмыков: «Калмыки суть по виду и по храбрости из лучших их нерегулярных войск... *Оружие их состоит в копье*, в сабле и луке со стрелами. Также имеют они и лучших лошадей, а каждый по две...» [Рахимов 2014: 146].

Сообщения современников о массовом использовании ойратами копий и пик подтверждаются данными русской служебной документации о видах ранений служилых людей в боях с ойратами, а также их вассалами и союзниками. Томские служилые люди, характеризуя основные угрозы в боях с ойратами и енисейскими кыргызами в середине 30-х гг. XVII в., видели главную опасность от «... стрелных и от *копыиных* ран», т. е. от стрел и длиннодревкового оружия кочевников [Томск... 1911: 156, 157]. Как видно из документов XVII в., томичи не зря опасались ойратских «копыиных ран». Современная российская исследовательница М. И. Балькина, проанализировавшая ранения нижегородских дворян в «калмыцком» походе 1644 г., отметила, что «... в основном это были ранения из лука *или копьем в спину, руки и ноги*» [Балькина 2015: 109]. В 1674 г. российские служилые люди особо подчеркивали, что калмыки «колят копьями» [Новосельский 1994: 106, 107]. В 1677 г. отряд из 200 калмыков напал на подразделение астраханских конных стрельцов. В ходе боя 20 стрельцов были убиты, а на троих раненых служилых людей пришлось целых одиннадцать ранений, причем все они были нанесены копьями: «... у Бориски между плеч рана копейная; у Гришки на правом боку и на спине и на левом плече пять ран копейных; у посацкого человека у Игошки на спине пять ран копейных» [ДАИ 1859: 265].

Глубокие раны, нанесенные калмыцкой пикой, снабженной длинным узким пером, были весьма опасны, а иногда даже смертельны. Если раненый не погибал сразу, то он мог скончаться в течение нескольких дней или недель после схват-

¹ Одна из 9 цинских крепостей на территории современной Кульджи, построенная в 1770 г., располагалась в современной западной части города, на северном берегу реки Или (прим. А. М. Пастухова).

ки. В 1756 г. «...Акунана Итимганова копьем в двух местах ранили, которой-де ныне лежит при смерти, а поколол-де ево [ойратский] зайсанг именем Багдук...» [Эпистолярное наследие... 2014: 63].

Длиннодревковое оружие настолько прочно ассоциировалось с ойратами, что слово «копье» иногда употреблялось в качестве синонима слова «калмыцкий воин»: «Не обращаясь к чьей-либо помощи, всего лишь с *семьюдесятью копиями* Мончак-шах из [племени] калмыков напал на Азов, и азовский везир Мустафа-паша был убит копьем, [направленным] руками калмыков» [Челеби 1979: 195].

О широком распространении длиннодревкового оружия среди воинов Западной Монголии XVII вв. свидетельствуют и собственно ойратские материалы. Так, например, в знаменитом историческом сказании «О походе Убаши-хунтайджи на ойратов», описывающем события 1623 г., ойратские воины армий Сайн-Сэрдэнки (2 тыс. всадников) и хойтского Эсэлбэйин Сайн-Ка (4 тыс. всадников) поголовно вооружены копиями [Бобров, Худяков 2008: 295].

Ойратский посол Мурзья, характеризуя вооружение своих соплеменников в 1632 г., отмечал, что «*бой у них копейной, и лучной, и огненной бой турки...*» [МИРМО 1959: 173].

Перешедший на сторону Цинской империи младший джунгарский военачальник Богуй подчеркивал важность длиннодревкового оружия и рекомендовал маньчжурам увеличить количество копейщиков в своих кавалерийских подразделениях таким образом, чтобы не менее половины воинов передового отряда были вооружены копиями: «Когда дело доходит до сил авангарда, стрелки из ружей бесполезны... Поскольку ваши стрелы внушают ужас, если половина сил авангарда состоит из воинов с копиями, а вторая половина из них — лучники, то это будет хорошо. Ранее в ваших войсках имелось только небольшое количество копий. *На мой взгляд, копия очень важна*» [Shim 2020: 98].

Сведения письменных источников хорошо коррелируют с изобразительными материалами Нового времени. На цинских картинах, свитках и рисунках середины XVIII в. джунгары показаны, в первую очередь, как конные и пешие (спешенные) копейщики (см. илл. 1: 8). Более 85 % джунгарских воинов, оснащенных оружием ближнего боя, вооружены пиками и копиями. На рисунках Ремезовской летописи ойраты изображены в качестве лучников и копейщиков (см. илл. 1: 1–7). На картине неизвестного художника, иллюстрирующей праздник Цаган Сар 1733 г., джунгарские «куяшники» также вооружены длинными пиками.

Анализ собранных письменных, изобразительных источников позволяет утверждать, что копия и пики являлись основной разновидностью оружия ближнего боя джунгарских и калмыцких воинов XVII – середины XVIII вв.

6. Копейный бой в воинской практике ойратских кочевников XVII – середины XVIII вв.

Эффективность ойратского копейного боя была обусловлена не только конструктивным совершенством ойратского длиннодревкового оружия (см. ниже), но и высоким уровнем мастерства калмыцких и джунгарских копейщиков. Эту особенность боевой подготовки ойратов особо подчеркивал Э. Челеби:

Илл. 1. Ойратские копейщики в российской и цинской иконографии: 1–7 — Ремезовская летопись, конец XVII – начало XVIII вв.; 8 — «Разгром лагеря у [горы] Гэдэн-ола [в 1755 г.], около 1765 г., Дин Гуаньпэн и др. по рисунку Дж. Кастильоне, собрание музеев Гугун, Пекин

[Ill. 1. Oirat spearmen in Russian and Qing pictorial sources: 1–7 — The Remez Chronicle, the end of the XVII – beginning of the XVIII centuries; 8 — "The defeat of the camp at [Mount] Gaden-ola [in 1755], about 1765, Ding Guanpeng and others according to the drawing of J. Castiglione, Gugong Museum Collection, Beijing]

«С копьем они показывают великое мастерство» [Бахревский 2023: 20]¹. О том, что калмыки «*справне уміют вбити копіем*», отмечал и украинский автор «Летописи самовидца» (цит. по: [Тепкеев 2012: 98, 99]). В ойратских и цинских источниках упоминаются джунгарские воины, прославившиеся искусством копейного боя. Так, например, мастерски владел пикой молодой хошутский нойон Галдама, сразивший в поединке казахского хана Джангира в 1652 г. В начале XVIII в. самым знаменитым бойцом на копьях среди калмыцких воинов был Күндүлэнг, которого ставил в пример соплеменникам сам хан Аюка [Тепкеев 2018: 183, 184]. Выдающимся копейщиком был и Хар-баатр Аюши, героические действия которого принесли Цинам победу над войсками Даваца в сражении у Гэдэн-ола в 1755 г. (см. илл. 1: 8).

Искусство владения пикой воспевалось в ойратском героическом эпосе. Так, великий воитель Джангар — главный герой одноименного эпоса прославился в первую очередь как непобедимый конный копейщик. Его оружие удостоилось в эпосе самого подробного описания [Басангова 2021: 36, 37]. Тема приобретения копья и его починки является одним из сюжетообразующих мотивов указанного произведения [Басангова 2021: 33, 35–38]. В искусстве владения копьем также отмечены соратники Джангара: Гюзан Гюмбе, Хонгор, Санал, а также многие другие герои ойратского и монгольского эпоса.

Выдающиеся качества ойратских копейщиков подтверждаются и конкретными боевыми эпизодами. Когда 15 февраля 1715 г. армия Бахта Гирея (4 султана, около 30 тыс. чел.: татары, ногайцы и казаки-некрасовцы) неожиданно напала на калмыцкие улусы и ставку хана Аюки, сотня кубанцев бросилась преследовать калмыцкого хана. Однако ей на встречу вынеслись калмыцкие копейщики, которые отбили преследователей и при этом «закололи кубанцов копьями 50 человек», потеряв только 13 воинов [Тепкеев 2018: 256].

Через два года, в 1717 г., «жестокий» копейный удар джунгарской конницы опрокинул казахских ружейных стрелков в битве на р. Аягоз. Казахский воин (участник сражения) сообщал российским посланникам: «...приехали множество калмыков и напали на их войско вдруг, и они-де, казаки, стреляли по них из фузей и калмыки-де напали на них с копья жестоко, и они-де не стерпя того, побежали все и за ними-де калмыки гнались полдни и их людей побили, колико, того он не знает» [Бобров 2009б: 95–98].

Весьма успешно калмыцкие копейщики действовали и против европейской кавалерии. В бою под Белой Церковью 21 мая 1665 г. они нанесли поражение знаменитым польским «крылатым» гусарам, «панцерным» и рейтарам. В ходе сражения калмыки захватили большое количество трофеев, в числе которых были многочисленные «пансыри», «збруи», гусарские копья и доспехи [Бобров, Рюмшин 2015: 363].

¹ Интересно, что по данным того же автора у калмыков копейный бой практиковали не только мужчины, но и женщины: «Они садятся верхом, берут в руки копье, опоясываются мечами и сражаются даже лучше своих мужей» [Бахревский 2023: 16]. В этой связи примечателен эпизод киргизского эпоса «Манас», в котором главный герой произведения сходится в поединке с калмыцкой амазонкой «удалой Сайкал», вооруженной «копьем с желто-серым флажком». В ходе ожесточенной схватки Сайкал активно фехтует древком, пробивает копьем доспех Манаса, и лишь умелый удар в грудь заставляет ее отступить [Манас 1988: 362–366; Худяков и др. 2013: 168, 169].

В кавалерийском сражении у р. Варта при г. Видаве 3 октября 1706 г. авангард российско-саксонско-польских войск, состоящий из 10 тысяч калмыков и казаков, нанес сокрушительное поражение регулярной польской кавалерии Станислава Лещинского (сторонника шведского короля Карла XII). Согласно данным В. А. Артамонова, калмыцкая конница, «не дождався драгун», атаковала польский обоз, выманила и навела на засаду 3 тыс. «станиславцев». Правое крыло великого коронного гетмана Ю. Ф. Потоцкого «из 10 полков» было разгромлено и в беспорядке бежало. По показаниям перебежчиков, за три часа боя «станиславцы» потеряли до 600 чел. убитыми и несколько десятков пленными. Потери калмыков не превысили 30 чел. ранеными и убитыми [Артамонов 2007: 22, 23].

Через два года в ходе битвы у д. Раёвка 9 сентября 1708 г. калмыки и казаки весьма поспособствовали победе российской регулярной кавалерии Р. Х. Баура и «на неприятельских флангах многих копьями покололи», при этом было убито более тысячи шведских солдат, а под королем Карлом XII ранена лошадь [Голиков 1838: 13].

Во время Семилетней войны остроту ойратских пик испытали на себе и прусские кавалеристы. А. Т. Болотов упомянул умелые действия калмыцких копейщиков против гусар Фридриха II: «... калмыки наши оказали при сем случае довольные знаки своего проворства и свойственной таким легким народам храбрости, 7 человек из них — усмотря человек двадцать прусских гусар, удалившихся от прочих, переплыв нагие и без седел, с *одними только дротиками*¹ через Прегель — ударили с такою жестокостью на них, обративши их в бегство, гнали до самого их стана и, как выше упомянуто, трех убили, а одного в плен взяли» [Шовунов 1991: 158].

Согласно сообщениям современников, именно ударами копий и пик были поражены многие военачальники вражеских армий, рискнувших вступить с ойратами в ближний бой. Среди наиболее известных жертв ойратских копейщиков можно упомянуть хотогойского «Алтын-хана» Шолой Убаши-хунтайджи, знаменитого казахского хана Джангира, османского Мустафу-пашу (зятя османского султана), крымского военачальника Казы-мирзу и др. [Челеби 1979: 195; Бобров, Худяков 2008: 295; Тепкеев 2012: 319, 329].

Отмечая боевую эффективность длиннодревкового оружия, нельзя не упомянуть и о том мощном психологическом эффекте, который производила на противника массированная атака копьеносной конницы. Вид сотен и тысяч несущихся во весь опор всадников, склонивших длинные копья и пики, оказывал деморализующее воздействие на вражеских воинов, даже знакомых с подобным оружием и тактикой.

Интересно, что это правило, характерное для военных конфликтов XVII в., в значительной степени сохранило свою актуальность даже в начале XX в. Во время Первой мировой войны в ходе кавалерийских сражений с российскими всадниками, вооруженными пиками, «австрийцы не выдерживали вида пик и до стычки падали с лошадей» [Васильев 2016: 64].

Еще большее впечатление копейная атака оказывала на солдат, не имевших опыта столкновения с конными пикинерами. В ходе Русско-японской войны (1904–1905), в кавалерийском сражении под Юдзятунем (17 мая 1904 г.) со-

¹ В данном случае под «дротиком» подразумевается кавалерийская пика.

шлись две сотни 8-го Сибирского казачьего полка и эскадрон японских драгун. Командир последних майор Танака, увидев сибирцев, вооруженных длинными пиками, насмешливо крикнул им: «Русские, уберите ваши оглобли!». Однако через несколько секунд японскому офицеру было уже не до смеха: «Казачи вылетели на насыпь и бросились вниз, на ходу перестраиваясь в лаву, ошетилившись пиками. Казачий неожиданный удар пришелся во фланг переднего эскадрона и, по свидетельству очевидцев, японские драгуны, совершенно не знакомые с казачьими пиками, растерялись, смешались и отмахивались словно дети. В первый же момент стена острых пик буквально пронзила ряды японских кавалеристов, десятки из них были вышиблены из седел. В это время казаки, вооруженные шашками, обходили их с флангов, не давая уйти обезумевшим от страха драгунам. Дело было сделано буквально в несколько минут. На поле боя остались около сотни трупов» [Бобров 2014а: 120].

Кавалерийские схватки времен Первой мировой войны в очередной раз наглядно показали, что массированный удар конных копейщиков представлял собой исключительную опасность для кавалеристов, лишенных корпусного защитного вооружения. В данной связи весьма характерны сообщения российских и австрийских участников конного боя у Ярославцы в 1914 г. А. В. Сливинский: «Уколы пик были ужасны, особенно, если пика попадала в скачущего навстречу противника; она вонзалась в него и выходила с обратной стороны туловища, производя широкие рваные раны»; в ходе схватки граф А. Траутмансдорф был «наквозь» пронзен «...страшным ударом пики так, что острие пики вышло ему через спину, и тот, кто нанес ему этот удар, уже не мог пику вытянуть»; ротмистр М. Н. Стеллецкий: «...удар от столкновения почувствовался, так как благодаря работе пик первая шеренга противника была снята [с седел]»; обер-лейтенант А. Ресгееер: «...противостоявший нам русский фронт остался на месте и, словно еж, выставил против нас свои пики. При этом первом столкновении многие храбрые солдаты с нашей стороны нашли свою смерть»; «те [русские всадники,] у кого были пики, действовали лучше, выбивая австрийских драгун прямо из седел»; во время того же сражения вахмистр Бек наблюдал «...драгуна, приподнятого высоко в воздух пикой одного русского» и т. д. [Васильев 2016: 50, 51, 55, 57, 59, 63, 67, 88].

Отметим, что разгромленные легкими российскими копейщиками японские и австрийские драгуны, вооруженные клинковым оружием, могли хотя бы «отмахиваться» от казачьих пик. Что же говорить о ногах начала XVII в., у которых саблями были вооружены лишь самые обеспеченные воины.

7. Тактические особенности применения конных и пеших копейщиков в ойратских войсках XVII – середины XVIII вв.

Превращение копий и пик из оружия элитарных панцирных подразделений в массовый вид вооружения оказало существенное влияние на тактику ведения боя ойратских и монгольских армий. Степные военачальники, на протяжении многих столетий старавшиеся избегать ближнего боя, в XVII в. начинают сами провоцировать и навязывать противнику рукопашную схватку, которая позволяла максимально эффективно задействовать потенциал многочисленных конных копейщиков. Стремление ойратской и монгольской конницы «давом давить и

копьем смешивать» резко контрастировало с традиционной ногайской и татарской тактикой и вызывало удивление русских служилых людей, столкнувшихся с монголоязычными номадами в Поволжье и Южной Сибири [Бобров 2014а: 122; Бобров, Рюмшин 2015: 369–372].

Высокая прорывная способность ойратской конницы достигалась за счет широкого применения отрядов латников («куяшников»), а также смешанных подразделений, составленных из панцирных и легких копейщиков. Однако сгруппированные в колонну легковооруженные всадники-пикинеры также обладали значительным потенциалом прорыва, что наглядно продемонстрировали военные компании на европейском и азиатском театрах боевых действий XVIII – начала XIX вв.¹

Излюбленным построением ойратских войск на поле боя был «Лук-ключ» — центр армии отогнут назад, крылья выдвинуты в сторону противника. В ходе сражения ойратская конница опрокидывала фланги врага и заходила ему в тыл [Бобров, Худяков 2008: 569]. Альтернативой этого построения был «Бычий рог», предполагавший нанесения мощных (иногда парных) ударов, разрывавших построение противника.

В XVII в. ойратами применялись различные виды построений копейной конницы в ходе атаки. Современники отмечают наличие у них сомкнутого развернутого строя, который Ю. Крижанич сравнил со строем «крылатых» польских гусар [Крижанич 1965: 428, 429]. Другим вариантом более или менее сомкнутого построения был клин — *хошуун*. Также применялись рассыпной строй (*нохой хэрэл*) и лава (*нуман жагсаал*) [Бобров, Худяков 2008: 569].

По мере вытеснения защитного вооружения из широкого военного обихода возрастает роль разряженных построений. В современной литературе любой рассыпной строй конницы часто именуется лавой, что не соответствует аутентичной военной терминологии XVIII–XIX вв. Если традиционная лава обычно представляла собой цепь всадников (иногда с выделенным резервом), то наступающая конница кочевников в большинстве случаев формировала кавалерийскую «лавицу» — колоннообразное построение легких копейщиков и стрелков, которое могло быть развернуто как по фронту, так и в глубину [Бобров 2015: 115, рис. 1, рис. 15, 1, 2].

Если целью атаки был охват вражеских флангов, то по ходу движения воины в центре придерживали коней, а их соратники на флангах, напротив, устремлялись вперед. В результате наступающая кавалерийская «лавица» разворачивалась в полумесяц, обращенный рогами к противнику. С подобной атакой калмыков столкнулся П. Г. Брюс, командовавший российским корпусом во время сражения у р. Берекет 24 ноября 1723 г.: «Мы сформировали каре в сторону реки, а вещи и скот укрыли в тылу. Противник наступал строем в форме полумесяца, но на расстоянии ружейного выстрела от нас остановился для принятия решения о

¹ Характерно в данной связи, что во французской армии начала XIX в. пикинеры «шеволежеры» относились не к легкой коннице (как, например, гусары), а к линейной кавалерии (как драгуны). Знаменитый военный теоретик Г. Жомини и вовсе сопоставлял улан по уровню прорывной способности с тяжелой кавалерией кирасир: «Ни одна кавалерия не прорвется там, где этого не сделают уланы или кирасиры, скачущие рысью» [Бобров 2015: 125].

способе атаки. Дасан¹ пребывал в крайнем замешательстве и умолял меня держать врага на расстоянии с помощью наших больших пушек и ружей, *уверая, что, если мы этого не сделаем, они бросятся на нас в молниеносной и яростной атаке и сомнут наши ряды...* [через некоторое время] *они начали наступление, двигаясь полукругом, намереваясь нас окружить*, поэтому я приказал выстрелить в них из полевого орудия, а потом зарядить пушку крупной картечью. Все это время они старались не приближаться к нашим войскам, но все силы направили против своих соотечественников, поэтому мне пришлось сформировать фронт и с правой, и с левой стороны...» [Брюс 2022].

Если целью атаки был не охват, а прорыв боевых порядков противника, то первыми в галоп бросали своих коней воины центрального отряда наступающей калмыцкой «лавины», из-за чего развернутая кавалерийская колонна постепенно приобретала форму клина-*хошуун*, нацеленного на врага. Воины, возглавлявшие такой кавалерийский клин, пользовались особым уважением среди калмыков: «„Дархта“ суть потомки лиц, принадлежавших к разным родам простых калмыков и отличавшихся особенной храбростью при военных действиях. У калмыков донине существует поговорка „хошоун деере дархлык дыксын“, то есть „я выслужил свое право в голове хошуна“. Хошуном, от которого калмыки производят и самое имя хошутов, *назывался строй войска острою колонною: люди, стоявшие в голове ея, шли на верную смерть*» [Небольсин 1852: 21].

Во время атаки всадники двигались на некотором расстоянии друг от друга, чтобы не мешать соседям маневрировать конем и действовать пикой. Российские и европейские офицеры, привыкшие к шереножным построениям эскадронов регулярной кавалерии, именовали группы атакующих номадов «скопищем», «толпой», «лавиной», «роем ос» и т. д. С их точки зрения атака кочевников была «беспорядочной» и «хаотичной», тем большее удивление вызывала способность степных военачальников успешно управлять своими «скопищами» и решать поставленные тактические задачи. То, что офицеру регулярной армии казалось беспорядочной толпой, в действительности представляло собой совокупность небольших отрядов, тесно и умело взаимодействующих между собой. Атакующая конная лавина была исключительно подвижна и эластична. При необходимости масса всадников стремительно рассыпалась, а затем также стремительно собиралась в единый ударный кулак. Нахлынув как волна, кочевники могли быстро отступить, увлекая за собой противника, который ломал свой строй и становился жертвой вновь собравшегося и атакующего «скопища»².

Большинство европейских авторов XVII–XVIII в. отрицают факт применения калмыками шереножных построений. Особняком в данном ряду стоит сообщение российского посланника И. Унковского, который мог лично наблюдать в 1723 г. боевой порядок конного джунгарского отряда (около 300 чел.) перед сражением: «Калмыки конвойные надели панцыри, а иные тигляки и

¹ Досанг (Дасан) — калмыцкий нойон, на помощь которому и был отправлен корпус П. Г. Брюса. Противники Досанга из числа других калмыцких правителей пытались, по возможности, избегать боя с российскими войсками и атаковали фланги Брюса, которые удерживали калмыцкие подразделения Досанга.

² Характерно, что цинские военачальники видели главную причину поражения имперских войск у оз. Хотон-нур в 1731 г. в том, что джунгары, «схватив копыя, обрушились на них несколькими отрядами» [Shim 2020: 98].

построились по своему по 20 и меньше в ряд, и тако степью пошли, а в партию на добрых лошадях послали для проведения 10 человек» [Веселовский 1887: 148, 150]. Данное описание позволяет предположить, что в некоторых случаях джунгары могли использовать строй из нескольких рядов (шеренг). Судя по тому, что число воинов в шеренге было различным (20 и менее в ряду), не исключено, что И. Унковский наблюдал некий вытянутый вариант клиновидного строя (*хошуун*), сужающийся к острию. Как видно из описания, впереди такого строя двигался передовой разведывательный отряд из десяти всадников.

На полях центральноазиатских сражений последней трети XVII – первой половины XVIII вв. джунгарские копейщики-кавалеристы эффективно взаимодействовали с конными и спешенными лучниками, ружейными стрелками, а позднее и с полевой артиллерией. В случае необходимости часть воинов с пиками сходила с коней и прикрывала стрелков от вражеской атаки [Бобров, Худяков 2008: 574–604].

В цинском сочинении «Гаэрдань чжуань» описывается последовательность действий джунгарских воинов, оснащенных различными видами оружия: «Сначала стреляли из фитильных ружей (*унао*), потом из луков, потом сражались копьями»¹ [Naito 1970: 421].

Тактическое искусство джунгар второй четверти XVIII в. основывалось на сочетании согласованных действий масс легкой и панцирной конницы со спешенными копейщиками и стрелками. Во время кавалерийской атаки первый ряд всадников мог состоять из воинов с ружьями, которые совершали выстрел в момент сближения с противником², после чего в ряды врага врубались конники с пиками и саблями. В ходе боя спешенные копейщики могли формировать плотные колоннообразные построения, или перемешиваться с ружейными стрелками. Оборонительные и наступательные действия джунгарских отрядов поддерживались огнем полевой артиллерии, перевозившейся на верблюдах [Бобров и др. 2010: 198–203; Бобров 2022: 24].

8. Аутентичное название ойратского длиннодревкового оружия XVII–XVIII вв.

В монгольском языке термин «копье» или «пика» передается словами *жад*, *žida* [БАМРС 2001: 155], у калмыков — *жид* [КРС 1977: 226], у синьцзянских ойратов — *жиде* [Тодаева 2001: 142]³. В тексте монголо-ойратского свода законов «Их цааз» (1640 г.) и халхасском законодательном памятнике «Халха джирум» (начало XVIII в.) для обозначения копья и пики использован термин *žida* [Пюрбеев 2009: 284]. Османский путешественник Э. Челеби, посетивший калмыцкие кочевья в конце 1666 – начале 1667 гг., передал звучание интересующего нас слова как *cidav*, т. е. «джидав» [Бобров, Пастухов 2021а: 776; Çelebi VII: 179b]. Польский автор «Виршованной хроники» обозначил калмыцкое копье как *dzyda* [Мицик 2004: 77, 81]. Нидерландский путешественник и политический деятель

¹ Цзицы — букв. «наносили колющие удары» (прим. переводчика).

² Не исключено, что подобная стрельба имела не столько боевой, сколько психологический эффект.

³ В кириллическом алфавите, используемом при записи монгольских и ойратских слов, буквы «ж» и «ж» означают звук «дж» [Бобров, Пастухов 2021а: 776, 777].

Н. Витсен записал калмыцкое слово, обозначающее копьё или пику (Lans of Piek), как «Zyda» [Витсен 2010а: 370]. Цинские авторы третьей четверти XVIII в. транскрибировали оригинальное название джунгарского копьё как 濟達, т. е. *цзида* [Бобров, Пастухов 2021а: 776].

Собранные материалы позволяют сделать вывод: как волжские калмыки, так и джунгары XVII – середины XVIII вв. использовали для обозначения ударного длиннодревкового оружия один и тот же термин, который звучал, как «джида» или «дзида».

Наряду с «джидай» в ойратском эпосе и некоторых других источниках упоминается длиннодревковое оружие, называемое *арм* (*арам*). Варианты его атрибуции в отечественной историографии весьма разнообразны. Оно переводится как «дротик», «копье» или «пика» [Бобров, Худяков 2008: 310, 311; Басангова 2021: 35–37].

У центральноазиатских соседей, союзников и вассалов джунгар из числа тюркских народов, для обозначения копий применялся термин «найза», а для пик — «сунги» [Бобров, Пастухов 2021б: 196].

9. Конструктивные особенности ойратской пики «джида»

Рост значения ближнего боя и распространение длиннодревкового оружия в войсках кочевников привели к изменениям конструкции традиционных степных копий и пик (см. илл. 2: 1)¹. Из оружия первого удара пики превратились в основной вид оружия ближнего боя, актуальность которого сохранялась на всех этапах сражения. Неудивительно, что в этих условиях появился запрос на универсальное длиннодревковое оружие многоразового использования, которое, с одной стороны, было бы легким и надежным, а с другой — позволяло бы эффективно поражать как бездоспешных, так и панцирных воинов противника. Таким оружием стала ойратская кавалерийская пика «джида», увенчанная наконечником с узким граненым (треугольным, или ромбическим в сечении) пером и конической втулкой с округлым (обычно шаровидным) ограничителем-«яблоком» (см. фото. 2: 2)².

Наконечник насаживался на очень длинное (3–5 м)³ и тонкое (около 3,0–3,5 см в диаметре) деревянное древко, которое позволяло поражать противника на

¹ К сожалению, формат статьи не позволяет подробно рассмотреть типологию подлинных образцов наконечников ойратских копий и пик, хранящихся в музейных и частных собраниях.

² Наряду с описываемой разновидностью пики, ойратскими воинами использовались и иные варианты длиннодревкового оружия, снабженного наконечниками с граненым, уплощенным и линзовидным в сечении пером удлинённо-треугольной, удлинённо-ромбической, килевидной, шиловидной, каплевидной и других форм.

³ Согласно цинским источникам второй половины XVIII в., джунгары использовали две основные разновидности «джида»: «длинную» (3,8–4,1 м) и «короткую» (от 3,2 м). В то же время посол И. Унковский, посетивший Джунгарию в 1722–1723 гг., упоминает джунгарские копьё длиной около 5,3–5,4 м [Бобров, Пастухов 2021а: 777]. Ойратские воины, включённые в состав цинских войск провинции Синьцзян третьей четверти XVIII в., были вооружены «длинным копьём» (чанцянь) [Сун Юнь 1839: л. 13а]. В зависимости от модификации цинские чанцянь имели длину от 1 чжана 3 цуней до 1 чжана 4 чи, т. е. 3,3–4,5 м.

Илл. 2. Ойратские и мусульманские копья с «отрезом» XVIII в.: 1 — Джунгарские и мусульманские воины вооруженные копьями с «отрезом», «Великая победа при Курмане [в 1759 г.]», около 1765 г., Дин Гуаньпэн и др. по рисунку Дж. Д. Саллюстия, собрание музеев Гугун, г. Пекин; 2–4 — Реконструкция джунгарской пики с «отрезом», авторы реконструкции: Л. А. Бобров, Ю. А. Филиппович (мастер)

[*Илл. 2.* Oirat and Muslim spears with a “cut-off” of the XVIII century: 1 — Dzungarian and Muslim warriors armed with spears with a “cut-off”, “The Great Victory at Kurman [in 1759]”, ca. 1765, Ding Guanpeng, etc. according to the drawing by J. D. Sallust, collection of Gugong museums, Beijing 2–4 — Reconstruction of the Dzungarian spear with a “cut-off”, the authors of the reconstruction: L. A. Bobrov, Yu. A. Filippovich (master)]

максимально возможном расстоянии, не подпуская его на дистанцию сабельного удара. Сильные колющие удары, наносимые «бронейбойным» наконечником, разрывали панцирное покрытие. Еще большую опасность пика представляла для вражеских воинов, лишенных защитного вооружения. Поражающий эффект достигался не столько за счет большой кровопотери, вызванной широкой раной (как при ударе широколезвийным копьем или рогатиной), сколько благодаря глубокому проникновению узкого граненого пера, поражавшего внутренние органы. В то же время округлое «яблоко» на шейке наконечника не позволяло перу проникать в тело противника слишком глубоко, что затруднило бы его последующее извлечение. Вооруженный пикой воин мог нанести стремительный колющий удар, а затем быстро извлечь оружие из тела противника и продолжить бой [Бобров, Ожередов 2021: 192, 193].

В отличие от западноазиатских и российских пик XVI в. с узким (квадратным в сечении) «шиловидным» пером, их центральноазиатские аналоги имели более массивное «кинжаловидное» (обычно ромбическое в сечении) перо, позволявшее эффективно пробивать не только кольчуги, но и популярные в Центральной Азии пластинчато-клепанные доспехи-«куяки». Чтобы облегчить вес «кинжаловидного» наконечника и повысить его жесткость, центральноазиатские мастера стали снабжать боевой проницатель широкими долами, благодаря которым перо стало иногда приобретать почти крестообразное сечение (см. фото 2: 2).

Частым элементом оформления ойратских пик был конический или копьевидный подток, который насаживался на нижнюю часть древка (см. илл. 2: 1). Подток позволял втыкать оружие в землю, а при необходимости мог использоваться для нанесения колющего удара.

Важной новинкой в конструкции кавалерийской пики стал знаменитый копейный *отрез*¹. Последний представлял собой клиновидную в сечении железную пластину удлиненно-прямоугольной или удлиненно-трапециевидной формы. В отличие от *пожиллин* «копейный отрез» не наклепывался на древко, а крепился к нему встык, образуя достаточно широкое железное «ребро» (см. илл. 2: 1, 3). Внешняя сторона железной пластины затачивалась, превращая «отрез» в разновидность рубящего оружия. Такой клинок не только защищал несущую часть пики от рубящих ударов противника, но и не позволял вражескому воину ухватиться за древко. В свою очередь копейщик мог чередовать традиционные колющие удары наконечника с мощными рубящими ударами клинком «отреза», который фактически представлял собой палаш на длинном древке. Объектом атаки могли выступать как незащищенные участки тела противника (голова, руки, плечи) и его боевого коня, так и древко вражеского копья [Бобров 2013а: 183–195].

Главной разновидностью копейных значков ойратской «джиды» стали небольшие парные (реже одинарные или тройные) кисточки, подвешенные к верхней части древка (см. фото 2: 4). Судя по данным письменных и изобразительных источников, такое оформление боевого оружия встречалось как у джунгар, так и у калмыков [Бобров, Ожередов 2021: 194, 196; Бобров, Пастухов 2021а: 776–780]. Согласно цинским материалам, подобные кисточки могли изготавливаться из верблюжьей шерсти [Бобров, Пастухов 2021а: 776, 778].

¹ Характерное название данному конструктивному элементу было дано российскими казаками XVIII в. [Бобров 2013а: 193].

10. Техника конного копейного боя

Комплексный анализ вещественных, письменных и изобразительных источников позволяет реконструировать основные приемы и техники владения пикой в кавалерийском бою, которые применяли ойраты и их соседи в XVII–XVIII вв. (см. илл. 3). Данный вопрос был разобран нами в серии специальных работ [Бобров 2013б; Бобров 2014а: 127–143], поэтому здесь ограничимся основными выводами.

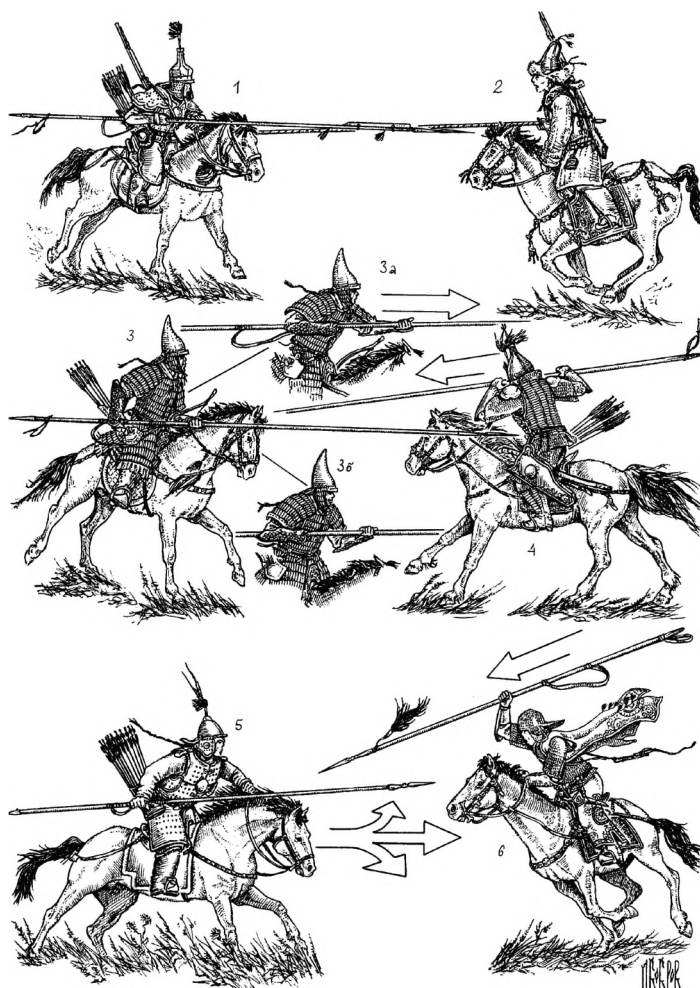
Центральноазиатские кочевники позднего Средневековья и раннего Нового времени сохранили наиболее совершенные приемы копейного боя, характерные для степных воинов раннего и развитого Средневековья, но внесли в них ряд важных изменений. Так, распространение металлической и «мягкой» (стеганой на вате) брони среди монголоязычных номадов Центральной Азии XVII – первой половины XVIII вв. привело к росту значения «таранного» удара и соответствующему ему «подмышечному» и нижнему двуручному (фиксированному) хвату пики (см. илл. 3: 1, 2, 3б).

Существовало несколько основных вариантов удержания пики в момент атаки (см. илл. 3: 1–5). Так, например, казахи предпочитали держать пику за нижнюю часть древка (см. илл. 3: 2), что позволяло поразить противника на максимальной дистанции [Бобров 2013б: 218]. Однако «казахский хват» оружия имел и свои недостатки. Из-за смещения центра тяжести вперед пика «жиблилась», т. е. колебалась, клонилась к земле. В результате воину приходилось прикладывать дополнительные усилия, чтобы удержать пику в горизонтальном положении. Основным способом борьбы с «казахским хватом» был сильный удар сверху по древку пики, в результате которого ее наконечник «нырял» вниз [Бобров 2014а: 138–140].

Отличительной особенностью «ойратского хвата» (см. илл. 3: 1) было удержание пики примерно по центру древка — ближе к подтоку, что обеспечивало оптимальную балансировку оружия при ударе. Данный способ атаки неоднократно зафиксирован как изобразительными (см. илл. 1: 8), так и письменными источниками. Перешедший на сторону Цинской империи джунгарский военачальник Богуй подробно описал преимущества «ойратского» копейного хвата и недостатки его «казахского» аналога: «На мой взгляд, копьё очень важны. При использовании копьё, если [воин] зажмет его древко подмышкой, а затем поместит две трети древка спереди, а [оставшуюся] треть сзади, он обретет силу в обращении с копьём. Если [часть древка, которая расположена] спереди длиннее [чем две трети древка], хотя [солдат] владеет копьём [интенсивно], с одной стороны, он не может получить [достаточной] мощи, а, с другой стороны, [движение копьё] замедлится и будет бесполезным» [Shim 2020: 98].

Одной из самых популярных разновидностей копейного хвата на протяжении рассматриваемого периода был нижний двуручный хват (см. илл. 3: 3). Он занимал промежуточное положение между фиксированным и свободным способом удержания пики. В зависимости от боевой обстановки использующий его воин мог нанести колющий / тычковый (илл. 3: 3а) или «таранный» удар [Бобров 2013б: 218].

В последнем случае древко зажималось правой подмышкой, а вынесенная вперед левая рука направляла древко (см. илл. 3: 3б). Судя по цинским изображениям, поводья в момент такой атаки размещались на левом запястье воина (см. илл. 2: 1).

Илл. 3. Техника и приемы конного копейного боя кочевников XVII–XIX вв.
Реконструкция Л. А. Боброва по материалам письменных и изобразительных источников

[*Ill. 3.* Methods of striking with a spear among the nomads of the XVII–XIX centuries. Reconstruction of L. A. Bobrov based on the materials of written and pictorial sources]

В некоторых случаях мог использоваться верхний двуручный хват. Главным преимуществом такого хвата была способность поражать противника сверху вниз в голову или верхнюю часть корпуса (см. илл. 3: 4). Двуручность хвата позволяла корректировать и направлять удар практически в момент его нанесения.

К числу редких экзотических разновидностей копейного хвата относился верхний одноручный («дротиковый») хват, когда всадник удерживал пику над головой, нанося колющий удар сверху вниз (см. илл. 3: 6).

Постепенное вытеснение защитного вооружения из широкого военного обихода во второй половине XVIII в. способствовало росту популярности свободного (одноручного) способа удержания пики (см. илл. 3: 5), распространению копейных «отрезов» и различных приемов фехтования древком (см. илл. 1: 8).

11. Распространение ойратской практики «копейного боя» по Евразии в XVII – середине XVIII вв.

Распространение пик «джида» среди легковооруженных ойратских воинов дало им важное преимущество перед их ногайскими и крымско-татарскими противниками. Массированная атака калмыцкой копейной конницы буквально сметала ногайских стрелков с поля боя. Сформировавшие «хоровод» ордынские лучники не успевали набрать разбег и выпустить первые стрелы, как им уже приходилось разворачивать коней и спасаться бегством, чтобы не оказаться жертвой длинных калмыцких пик. Ойратские кони были не хуже татарских или ногайских и оторваться от свирепых косоплетов было очень сложно, не говоря уже о том, чтобы перестроиться и повторить атаку. Лучная стрельба по преследователям из положения влево-назад, столь эффективная против московской, литовской и польской кавалерии, в боях с ойратами не давала нужного эффекта, так как калмыки владели саадаком не хуже своих тюркских противников. Кроме того, вести стрельбу преследователям было значительно проще, чем убегающим, вынужденным оборачиваться на 180 градусов. Когда же калмыцкие кони настигали ногайских «бахматов», ойраты кололи беглецов длинными пиками (см. илл. 1: 1). Ойратский «копийный напуск» стал «убийцей хороводов» конных лучников и существенно сократил возможности применения классического варианта маневра «тулгама».

Испытав на себе мощь копейных ойратских атак, многие степные народы поспешили последовать примеру своих монголоязычных соседей. Одними из первых, кто воспринял новый тактический прием, были кочевники Казахстана, за которыми последовали киргизы, каракалпаки, ногаи, башкиры и другие воины Великой Степи.

Не стали исключением и крымские татары. Уже после первых схваток с калмыками, в декабре 1661 г., крымский хан Мухаммед-Гирей заказал горским черкесам изготовить 4 500 копий по представленному им образцу, причем указывалась и назначение данного заказа: «а биться им с копья против калмыков. А перекопский де Мустафа бей копий сделал немало» [Бобров 2016: 280]. В последующие годы длиннодревковое оружие стало важным элементом комплекса вооружения воинов Крымского ханства.

По мнению американского военного историка Х. Шима, джунгарское вторжение в Тибет в 1716–1720 гг. привело к росту значения длинных кавалерий-

ских копий (тиб. *dung ring*) в тибетской боевой практике XVIII в. [Shim 2020: 105–107].

В хоу-цзиньской и цинской коннице XVII в. колющее длиннодревковое оружие имело весьма ограниченное распространение. Маньчжурские полководцы отдавали явное предпочтение слабоизогнутым саблям, которые являлись основным оружием ближнего боя цинских кавалерийских подразделений. Однако необходимость противодействия многочисленным джунгарским и мусульманским копейщикам стимулировала распространение колющего длиннодревкового оружия среди цинских войск, действовавших на степном театре боевых действий. В третьей четверти XVIII в. в арсеналах крепостей провинции Синьцзян хранились тысячи длинных копий (*чанцян, чанмао*), предназначенных для воинов местных цинских гарнизонов [Сун Юнь 1839: л. 7b, 10a, 11b, 12b, 13a, 14a].

Как показали специальные исследования, именно с ойратским и монгольским влиянием связано широкое распространение конного копейного боя и среди российских казаков (сибирских, яицких, донских), которые до этого не слишком жаловали данный способ ведения сражения. Усвоив от центральноазиатских номадов идею легкой копейной конницы и соответствующие ей тактические приемы (знаменитая казачья «лава» — вариант ойратского построения *нуман жагсаал*), казаки довели их до высокой степени совершенства, чем прославили себя в ходе военных компаний второй половины XVIII–XIX вв. [Бобров 2014a: 115–118, 122–143; Бобров 2015: 114–125].

Опосредованно ойраты повлияли и на рождение еще одной разновидности легкой копейной конницы, на этот раз регулярной. В ходе боевых действий второй половины XVII в. на территории современной Украины ойратские кавалерийские пики и некоторые элементы конного копейного боя были переняты «липками» (татарами, проживавшими на территории Речи Посполитой). Именно «липки» послужили основой для создания в Польше в первой половине XVIII в. полков конных копейщиков, которые вскоре стали известны по всей Европе под именем «улань» [Бобров 2014a: 116–123].

По некоторым данным отдельные элементы костюма и вооружения кочевников сохранились у европейских улан вплоть до середины XVIII в. Согласно материалам Д. Т. Денисона, во время Семилетней войны (1756–1763) в составе австрийской армии действовал отряд улан: «Внешне по одежде и манере боя они напоминали татар и калмыков. Они были вооружены пиками примерно в 15 футов длиной (свыше 4,5 м), пистолетами, саблями, а иногда карабинами, и, как отмечает генерал Ллойд, некоторые имели луки и стрелы» [Денисон 2014: 313].

12. Длиннодревковое оружие и копейный бой калмыков в последней трети XVIII – начале XIX вв.

На протяжении XVIII в. роль панцирной конницы в калмыцких войсках постепенно снижалась, центральноазиатские пластинчатые «куяки» и клепаные шлемы вытеснялись кольчатými «пансырями» и миссюрками северокавказского образца. Все большую роль на полях сражений играли ручное огнестрельное оружие и легкая мобильная полевая артиллерия, перевозившаяся на верблюдах [Бобров 2009a: 103–107]. Однако пики «джида» продолжали оставаться основным видом оружия ближнего боя калмыцких воинов.

Российский ученый и путешественник, один из руководителей «Физической экспедиции» П. С. Паллас, посетивший Поволжье в 1768–1769 гг., особо подчеркивал, что: «Калмыцкое оружие состоит по большей части в копьях, стрелах и луках» [Паллас 1809: 477, 478].

Несмотря на рост значения «огненного боя» в боевой практике калмыков рассматриваемого периода, решающий удар по противнику по-прежнему наносила копыеносная конница. Немецкий ученый на русской службе, участник «Физической экспедиции» (с 1770 г.) И.-Г. Георги, который лично посетил Поволжье, сообщал по этому поводу: «Всякий [калмыцкий] полк состоял из тройких воинов, а именно: из стрельцов, которые сходили с лошадей, когда палили из ружей; из луконосцев, которые, столпясь, пускали тучей стрелы; и из копейщиков, решавших битву» [Георги 2005: 399, 400].

Дербетский владелец Ценден Дорджи писал астраханскому губернатору М. М. Жукову в 1784 г. о принципах разделения калмыцких воинов на копейщиков, лучников и ружейных стрелков: «...сверх того учение имеют, как противу неприятеля стрелять из ружья и из сайдака, а которые из ружья и сайдака стрелять необыкновенные люди, то таковые подпоясывают сабли и берут дротики¹» [Батыров 2012: 168].

Примеры эффективного взаимодействия лучников, ружейных стрелков и копейщиков в войсках калмыков конца XVIII – начала XIX вв. привел и Б. Бергман²: «Часть воинов вооружена охотничьими ружьями с нарезным стволом (*büchsen*³), другая — луками и стрелами (*Bogen und Pfeilen*), а остальные имеют сабли и копья (*Säbel und Lanzen*). ... Во время битвы знамя у самого храброго воина, и несет он его всегда впереди. Если врага не достать луком и пикой⁴, то стрелки спешиваются и на животе приближаются к нему. Часто калмыки отправляются по двое верхом: один — с ружьем, другой — с пикой. Первый ранит ружьем, а другой добывает неприятеля пикой» [Зольванова 2011: 10; Bergmann 1804: 191, 195].

Таким образом, в обновленной калмыцкой тактике конные и пешие стрелки (лучники и воины с огнестрельным оружием) начинали битву и «размягчали» боевые порядки противника, а решающий удар наносила традиционная копейная конница. При этом, как и у джунгар середины XVIII в., калмыцкие воины с копьями активно взаимодействовали со стрелками. В данной связи весьма характерен перечень военных трофеев, захваченных российскими казаками атамана Ивана Митрясова у отряда калмыков, пытавшихся откочевать в Джунгарию в январе 1771 г. В числе прочего были отбиты: 3 знамени, 125 копий, 50 ружей, 25 «санджаков»⁵ и 25 сабель

¹ В данном случае под «дротиком» подразумевается кавалерийская пика.

² Далее приведен перевод С. О. Зольвановой [Зольванова 2011: 10]. В скобках указаны немецкие термины из оригинального издания книги Б. Бергмана [Bergmann 1804: 191, 195].

³ Термин «Büchse» может иметь и более широкое толкование — нарезное ружье, ружье вообще.

⁴ В переводе С. О. Зольвановой «луком и стрелой», однако в оригинальном тексте Б. Бергмана — «Bogen und Lanze», т. е. «луком и пикой (копьем)» [Bergmann 1804: 195].

⁵ «Санджаками» в XVIII в. называли знамена с полотнищами (т. е. флаги). Однако в перечне трофеев знамена указаны отдельно. Возможно, что под «санджаками» в данном случае подразумевались пики, снабженные матерчатыми копейными значками. Также не исключено, что при составлении документа была сделана ошибка и «сан-

[Колесник 2003: 206]. По всей видимости, данное вооружение принадлежало убитым калмыцким воинам (около 200 чел.). Если это действительно так, то более 60 % калмыков было вооружено пиками, около 25 % ружьями и примерно 12,5 % саблями.

В том же 1771 г. калмыцким владельцем Яндыком были предприняты меры по увеличению численности копейщиков в калмыцких войсках. Так, в частности, он требовал от кочевников, оставшихся без своих правителей, «... чтоб исправляли оружие, и у каждой бы кибитки было по дротуку» [Батыров 2012: 168]. Еще более строгие требования Яндык предъявлял к собственным подданным: «... приказание подвластным своим учинил, чтоб они по нынешним обстоятельствам для всякого воинского случая оружием были исправны, а имянно, чтоб у десяти человек было два ружья, три саидака, а притом и дротуки» [Батыров 2012: 168]. Таким образом, Яндык пытался добиться 100-процентного обеспечения воинов длиннодревковым оружием. При этом 20 % должны были иметь ружья, а 30 % — луки. По всей видимости, программа перевооружения, как минимум частично, была реализована калмыцким правителем. Во всяком случае, М. Лепехин сообщал астраханскому губернатору Н. А. Бекетову весной 1771 г., что воины Яндыка «... большая часть саидашные и з дротуками, а прочие с ружьями и саблями» [Батыров 2012: 168].

Сообщения современников подтверждаются данными войсковых ведомостей, в которых было перечислено основное вооружение калмыцких воинов второй половины XVIII – начала XIX вв. Приведем некоторые из них¹.

Таким образом, главным оружием ближнего боя волжских калмыков рассматриваемого периода были копыя и пики. В большинстве указанных военных походов второй половины XVIII – начала XIX вв. ими были вооружены от 58,2 до 98,5 % калмыцких воинов. В тех случаях, когда оснащенность пиками считалась недостаточной (как, например, в 1807 г. от 22,9 до 46,7 %), российское командование специально заказывало пики у российских ремесленников, которые затем передавались в калмыцкие войска [Шовунов 1991: 178; Рахимов 2014: 211].

В эпоху наполеоновских войн калмыки вступили в первую очередь как конные копейщики² и прославили себя в подобном качестве в ходе Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов российской армии 1813–1814 гг. Прямое столкновение европейских и калмыцких пикинеров нередко заканчивалось победой последних. Так, например, 2-й калмыцкий полк майора Сербеджаба Тюменя в битве под Пружанами (18 июля 1812 г.) опрокинул саксонских *шеволежоров*, а в сражении под Слонимом (7 октября 1812 г.) — литовских улан [Очиров 2020: 33]. Победу над неприятелем в битве при Гроссенхайне 15 сентября 1813 г. 2-му Калмыцкому полку также принес мощный копейный удар: «...он, Тюменев, подвел к неприятелю в близкое расстояние полк и совокупно с поясенным полком *сделал удар в дротуки*, расстроив противу стоящего неприятеля, и с великим уроном поража^л. сбив с занятого места. и затем во всеобщем ударе джаки» было вписано вместо слова «саадаки», обозначающего комплект метательного оружия (лук, стрелы, налуч, колчан).

¹ В таблице приведены сведения из работ К. П. Шовунова, Р. Н. Рахимова и др. [Беликов 1965: 89, 90; Шовунов 1991: 175–179; Участие калмыков... 2012: 191–200; Рахимов 2014: 140].

² По сравнению с другими национальными подразделениями иррегулярной российской кавалерии калмыки были также весьма неплохо обеспечены ручным огнестрельным оружием (см. табл. 1).

Таблица 1. Вооружение калмыков по данным войсковых ведомостей второй половины XVIII – начала XIX вв.

[Table 1. Kalmyks' armament according to military records of the second half of the XVIII – early XIX centuries]

Событие	Общее кол-во воинов в походе	Пики	Сабли	Ружья	Саадаки
Поход в Лифляндию в 1756 г.	516 чел.	504 (97,6 %)	67 (12,9 %)	333 (64,5 %)	192 (37,2 %)
Хопутское ополчение 1807 г. ¹	506 чел.	225 (44,4 %)	61 (12,05 %)	458 (90,5 %)	?
Калмыцкое ополчение 1807 г. ²	5 196 / 5 186 чел. ³	1 190/ 2 424 (22,9 / 46,7%) ⁴	715/ 866 (13,7 / 16,6%)	2 370/ 2 850 (45,6 / 54,9 %)	10 (0,1 %)
Калмыцкое ополчение 1808 г.	2 525 чел.	2 488 (98,5 %)	941 (37,2 %)	2 000 (79,2 %)	–
1-й Калмыцкий полк (полк Д. Тундутова) в 1811 г.	508	445 (87,5 %)	137 (26,9 %)	268 (52,7 %)	–
2-й Калмыцкий полк (полк С. Тюменя) в 1811 г. ⁵	526 (26 офицеров, 500 рядовых) ⁶	329 (62,5 %)	105 (20 %)	480 ⁷ (91 %)	–

¹ Торгуты и дербеты первоначально прибыли на сборный пункт без оружия.

² Помимо перечисленного оружия среди вооружения общекалмыцкого ополчения были указаны 36 пистолетов, 27 «чеканов» (т. е. узколезвийных боевых топоров) и 23 металлических панциря [Шовунов 1991: 177].

³ Подсчеты, проведенные К. П. Шовуновым [Шовунов 1991: 175, 176–179] (первая цифра) и Т. И. Беликовым [Беликов 1965: 89, 90] (вторая цифра), имеют некоторые отличия.

⁴ Российское командование посчитало необходимым увеличить число пик в калмыцких войсках во время компании 1807 г. По данной причине в Москве и других городах Александр I приказал изготовить для калмыков еще 5 тыс. копий. Таким образом, после поступления этого оружия в войска каждый калмыцкий воин мог быть снабжен копьём или пикой [Шовунов 1991: 178; Рахимов 2014: 211].

⁵ Данные по «Имянному списку» полка от 28.08.1811 [Участие калмыков... 2012: 191–200].

⁶ В таблице учтены только комбатанты. Кроме того, в составе полка числилось шесть нестроевых [Участие калмыков... 2012: 191–200].

⁷ В перечне огнестрельного оружия не учтены пистолеты, находившиеся на вооружении командного состава полка.

отлично и усердно к победе споспешествовал, причем взято человек до 30-ти в плен» [Участие калмыков... 2012: 227].

13. Выводы

Собранные материалы свидетельствуют, что в XVII – начале XIX вв. кавалерийские копья и пики («джида» / «дзида») являлись абсолютно преобладающим видом оружия ближнего боя как у восточных ойратов (джунгар), так и у их западных сородичей (калмыков).

В значительной мере данный феномен был обусловлен трансформацией традиционного оружейного комплекса центральноазиатских номадов в период позднего Средневековья и Нового времени. Если в более ранние исторические периоды основными потребителями ударных копий и пик у кочевников региона были преимущественно панцирные всадники, то во второй половине XVI–XVII вв. ойратские и монгольские полководцы стали массово снабжать своих легких лучников колющим длиннодревковым оружием. Результатом данного процесса стало появление легкой копейной конницы, способной чередовать дистанционный (лучной, а позднее и «огненный») бой со стремительными копейными атаками. Устойчивость легких копейщиков в рукопашной схватке дополнительно обеспечивали многочисленные конные панцирники-«куяшники», также оснащенные ударными пиками.

Распространение длиннодревкового оружия в войсках кочевников привело к росту значения ближнего боя, определенным изменениям конструкции и техники владения кавалерийской пикой. Массовое и весьма умелое применение длиннодревкового оружия калмыцкой и джунгарской конницей являлось одной из важных причин военного доминирования ойратов на полях степных кавалерийских сражений XVII – первой половины XVIII вв.

Комплексный анализ письменных и изобразительных источников показал, что основной формой боевого порядка калмыцкой копейной конницы было колоннообразное построение, развернутое по фронту или в глубину. В зависимости от боевой задачи в момент атаки такая колонна могла перестроиться в полумесяц, обращенный рогами к противнику, или сформировать клин-*хошуун*. Кроме того, применялись различные варианты рассыпного строя (в том числе лава), а также (по сообщению И. Унковского) некое особое боевое построение, состоящее из нескольких рядов (шерент) всадников.

Джунгарские и калмыцкие полководцы сумели добиться высокого уровня взаимодействия легких и панцирных копейщиков с другими категориями воинов: конными и спешенными лучниками, ружейными стрелками, а также легкой полевой артиллерией, что существенным образом повысило боевые возможности ойратских армий.

Идея легкой копейной конницы была воспринята ближними и дальними соседями монголоязычных кочевников: казахами, киргизами, народами Саяно-Алтая, ногайцами, крымскими татарами и др. Именно с ойратским влиянием (прямым или опосредованным) связан рост популярности кавалерийского длиннодревкового оружия, конного копейного боя и соответствующих тактических приемов у тибетцев, воинов Цинской империи, а также сибирских, яицких и донских казаков Российского государства.

Косвенным образом ойратская военная практика повлияла и на эволюцию европейской регулярной кавалерии XVIII – начала XX вв. В числе тех, кто усво-

ил идею легкой копейной конницы, были польско-литовские татары (*липки*). В начале XVIII в. в Речи Посполитой на основе *липок* были созданы первые регулярные полки легкой копейной кавалерии нового образца — уланы. С этого времени роль бездоспешных конных копейщиков в военном деле европейских народов неуклонно возрастала.

На протяжении XVII–XVIII вв. калмыцкий комплекс вооружения существенным образом эволюционировал. Все большую популярность набирало ручное огнестрельное оружие, в то время как доспехи центральноазиатского образца постепенно выходили из широкого военного обихода. Однако, несмотря на это, копьё и пики сохранили в калмыцких войсках статус главного оружия ближнего боя. Калмыцким военачальникам удалось обеспечить эффективный баланс между ружейными стрелками, лучниками и копейщиками, наносившими главный удар по противнику. Вплоть до завершения наполеоновских войн кавалерийские пики продолжали играть важную роль в военном искусстве калмыков.

Подводя итог настоящего исследования, необходимо отметить, что массовое использование длиннодревкового оружия стало «визитной карточкой» военного искусства монголоязычных кочевников периода позднего Средневековья и раннего Нового времени. Военные успехи ойратов способствовали распространению идеи легкой копейной конницы по Евразии и обеспечили «джиде» и ее дериватам заметное место в мировой истории оружия.

Не будет большим преувеличением сказать, что кавалерийские копьё и пики стали своеобразным символом оружейного комплекса ойратов, который прославил их на полях сражений XVII – начала XIX вв.

Сокращения

монг. — монгольский;
рус. — русский;
тиб. — тибетский.

Литература

- Артамонов 2007 — *Артамонов В. А.* Калишская баталия 18 октября 1706 г. М.: Цейхгауз, 2007. 48 с.
- Балькина 2015 — *Балькина М. И.* Провинциальная служилая корпорация в походе: «Калмыцкая посылка» нижегородских дворян и детей боярских 1644 г. // История военного дела: исследования и источники. 2015. Т. VI. С. 102–138.
- БАМРС 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь. Т. 2. Д–О / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. 536 с.
- Басангова 2021 — *Басангова Т. Г.* Образ кузнеца в «Джангаре» — героическом эпосе монгольских народов // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Сер.: Эпосоведение. 2021. № 2. С. 33–40.
- Батыров 2012 — *Батыров В. В.* Вопросы военного устройства и вооружения у калмыков во второй половине XVIII в. (по архивным материалам) // Участие народов России в Отечественной войне 1812 г. Мат-лы Всеросс. науч. конф. (г. Элиста, 11–14 сентября 2012 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2012. С. 162–171.
- Бахревский 2023 — *Бахревский Е. В.* Сакрально-географические представления калмыков в XVII веке (по материалам «Книги путешествия Эвлия Челеби») // Кочевая цивилизация: исторические исследования. 2023. № 2. С. 9–38.
- Беликов 1965 — *Беликов Т. И.* Участие калмыков в борьбе за независимость нашей Родины. Элиста: Калмгосиздат, 1965. 180 с.

- Бобров 2009а — *Бобров Л. А.* О некоторых особенностях военного дела волжских калмыков XVII–XVIII вв. // Единая Калмыкия в единой России : через века в будущее: мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства (г. Элиста, 13–18 сентября 2009 г.). Ч. 1. Элиста: Джангар, 2009. С. 99–108.
- Бобров 2009б — *Бобров Л. А.* «И напали на них с копья жестоко...». Сражение на р. Аягуз (1717): предпосылки, ход, результаты // *Para-Bellum*. 2009. № 31. С. 67–104.
- Бобров и др. 2010 — *Бобров Л. А., Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С.* Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в Сибири в военном деле в позднее Средневековье и Новое время: уч. пособ. Новосибирск: НГУ, 2010. 288 с.
- Бобров 2013а — *Бобров Л. А.* Копейный «отрез» — оригинальный конструктивный элемент длиннодревкового оружия народов Великой степи и сопредельных территорий позднего Средневековья и раннего Нового времени // *Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология*. 2013. Т. 12. Вып. 3. С. 183–195.
- Бобров 2013б — *Бобров Л. А.* Техника конного копейного боя кочевников Центральной и Средней Азии XVII – середины XIX в. // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2013. № 3. С. 216–221.
- Бобров 2014а — *Бобров Л. А.* К вопросу об истоках конного копейного боя российских казаков второй половины XVII – первой половины XIV в. (начало) // *Parabellum povum: Военно-исторический журнал*. 2014. № 2(35). С. 115–147.
- Бобров 2014б — *Бобров Л. А.* «Воронья стая» над Крымом. Татарско-калмыцкое противоборство в степях Северного Причерноморья (сентябрь 1661 – январь 1663 гг.) // *Средневековые тюрко-татарские государства*. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. № 6. С. 239–249.
- Бобров 2015 — *Бобров Л. А.* К вопросу об истоках конного копейного боя российских казаков второй половины XVII – первой половины XIV в. (окончание) // *Parabellum povum: Военно-исторический журнал*. 2015. № 3(36). С. 113–126.
- Бобров 2016 — *Бобров Л. А.* Тактическое искусство крымских татар и ногаев конца XV – середины XVII вв. // *История военного дела: исследования и источники*. 2016. Спец. выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. Ч. II. С. 210–388.
- Бобров 2022 — *Бобров Л. А.* Закат «Последней Кочевой империи». Военное дело джунгар середины XVIII в. // *Parabellum povum: Военно-исторический журнал*. 2022. № 17(49). С. 5–33.
- Бобров, Ожередов 2021 — *Бобров Л. А., Ожередов Ю. И.* Доспех воина Джамсарана. Центральноеазиатский панцирь-«куяк» из собрания МАЭС ТГУ. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2021. 228 с.
- Бобров, Пастухов 2021а — *Бобров Л. А., Пастухов А. М.* Вооружение и знамена ойратов Джунгарии середины XVIII в. по материалам «Циньдин Хуаньюй Сией тучжи» // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 4. С. 770–796.
- Бобров, Пастухов 2021б — *Бобров Л. А., Пастухов А. М.* Вооружение и знамена мусульманского населения Восточного Туркестана и сопредельных территорий середины XVIII в. по материалам «Циньдин Хуаньюй Сией тучжи» // *Монголоведение*. 2021. Т. 13. № 2. С. 186–221.
- Бобров, Рюмшин 2015 — *Бобров Л. А., Рюмшин М. А.* «...И против них не ставали они нигде и биться с ними не умеют». Оружейный и военно-тактический аспект калмыцко-ногайских и калмыцко-татарских войн первой половины – середины XVII в. // *Золотоордынская цивилизация*. 2015. № 8. С. 357–378.
- Бобров, Худяков 2008 — *Бобров Л. А., Худяков Ю. С.* Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII вв.). СПб.: Фак-т филолог. и искусств СПбГУ, 2008. 770 с.

- Бобров и др. 2018 — *Бобров Л. А., Шейхумеров А. А., Сальников А. В.* Коллющее длиннодревковое оружие крымских татар и ногаев 1440–1650-х гг. (по материалам письменных источников) // *Былые годы*. 2018. Т. 49. № 3. С. 884–914.
- Брюс 2022 — *Брюс П. Г.* О персидском походе. Из книги «Мемуары... офицера на службе Пруссии, России и Великобритании» // *Звезда*. 2022. № 11. Б. с.
- Васильев 2016 — *Васильев А. А.* Кавалерийские атаки Великой войны. Бои при Ярославиче 8/21 августа 1914 года. М.: Русские Витязи, 2016. 152 с.
- Веселовский 1887 — *Веселовский Н. И.* Посольство к зюнгарскому хун-тайчжи Цэван Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722–1724 годы. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1887. 284 с.
- Витсен 2010а — *Витсен Н.* Северная и Восточная Тартария. Т. I. Амстердам: Pegasus, 2010. XXIII+623 с.
- Витсен 2010б — *Витсен Н.* Северная и Восточная Тартария. Т. II. Амстердам: Pegasus, 2010. С. 625–1225.
- Вэй Юань 1842 — *Вэй Юань.* Шэньгу цзи (= Записки о священной воинственности). 1842. Б. м., б. г. 118 с. (на кит. яз.).
- Георги 2005 — *Георги И.-Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб.: Русская симфония, 2005. 816 с.
- Голиков 1838 — *Голиков И. И.* Деяния Петра Великого, мудраго преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Т. 4. М.: Тип. Николая Степанова, 1838. 582 с.
- Гольдберг 1976 — *Гольдберг Л. А.* Статья С. У. Ремезова «О калмыках как весьма известном в Сибири народе» // *Страны и народы Востока*. Вып. XVIII. М.: Наука, 1976. С. 228–233.
- ДАИ 1859 — Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 7. СПб.: Тип. Э. Праца, 1859. 400 с.
- ДАИ 1872 — Дополнение к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 12. СПб.: Тип. Э. Праца, 1872. 469 с.
- Денисон 2014 — *Денисон Д. Т.* История кавалерии. Вооружение, тактика, крупнейшие сражения. М.: Центрполиграф, 2014. 511 с.
- Зольванова 2011 — *Зольванова С. О.* Война у калмыков в описании Бергмана // *Элистинский курьер*. 2011. 24 марта. № 11(119). С. 10.
- Колесник 2003 — *Колесник В. И.* Последнее великое кочевье. Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М.: Вост. лит., 2003. 286 с.
- Крижанич 1965 — *Крижанич Ю.* Политика. М.: Наука, 1965. 587 с.
- КРС 1977 — *Калмыцко-русский словарь*. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
- Кушкумбаев 2001 — *Кушкумбаев А. К.* Военное дело казахов в XVII–XVIII веках. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 172 с.
- Манас 1988 — *Манас*. Киргизский героический эпос. Кн. 2. М.: Наука. ГРВЛ, 1988. 687 с.
- Миллер 2000 — *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 2. М.: Вост. лит., 2000. 798 с.
- МИРМО 1959 — *Материалы по истории русско-монгольских отношений*. 1607–1636. М.: Вост. лит., 1959. 352 с.
- Мицик 2004 — *Мицик Ю. А.* Гетьман Иван Виговський. Киев: Вид. дім «КМ Академія», 2004. 84 с.
- Небольсин 1852 — *Небольсин П. И.* Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб.: Тип. К. Крайя, 1852. 196 с.
- Новосельский 1994 — *Новосельский А. А.* Исследования по истории эпохи феодализма (научное наследие). М.: Наука, 1994. 224 с.

- Очиров 2020 — *Очиров У. Б.* Конница тюрко-монгольских народов Великой степи в российской армии XVIII – начала XIX вв. Ч. 2 // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 4. С. 10–39.
- Паллас 1809 — *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи, бывшее в 1768–1769 гг. Ч. 1. СПб.: Изд-во имп. Акад. наук, 1809. 785 с.
- Пастухов 2022 — *Пастухов А. М.* Цинское завоевание Восточного Туркестана 1758–1759 гг. // *Parabellum novum*: Военно-исторический журнал. 2022. № 17(50). С. 91–143.
- Пюрбеев 2009 — *Пюрбеев Г. Ц.* Военная терминология в монголо-ойратских законах «Их цааз» и «Халха джирум» // Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее: мат-лы междунар. науч. конф., посвящ. 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства (г. Элиста, 13–18 сентября 2009 г.). Ч. 2. Элиста: Джангар, 2009. С. 283–285.
- Рахимов 2014 — *Рахимов Р. Н.* На службе у «Белого царя». Военная служба нерусских народов юго-востока России в XVIII–XIX в. М.: РИСИ, 2014. 544 с.
- РКО 1969 — Русско-китайские отношения в XVII веке. Т. I. 1608–1683, М.: Наука, 1969, 614 с.
- Сун Юнь 1839 — *Сун Юнь.* Сичуй цзунтун шилюэ (= Краткое всеобщее описание Западной Краины). [б. г., б. и.], 1839 (на кит. яз.).
- Тарих-и Бадахшан — *Тарих-и Бадахшан* (= История Бадахшана). М.: Наука, 1997. 400 с.
- Тепкеев 2012 — *Тепкеев В. Т.* Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века. Элиста: Джангар, 2012. 376 с.
- Тепкеев 2018 — *Тепкеев В. Т.* Аюка-хан и его время. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 366 с.
- Титов 1890 — *Титов А.* Сибирь в XVII в.: сб. старинных русских статей о Сибири и прилегающих к ней землях. М.: Тип. Л. и А. Снегиревых, 1890. 216 с.
- Тодаева 2001 — *Тодаева Б. Х.* Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. 493 с.
- Томск... 1911 — *Томск в XVII веке: материалы для истории города.* СПб.: [б. и.], 1911. 169 с.
- Трепавлов 2013 — *Трепавлов В. В.* «Орда самовольная»: кочевая империя ногаев XV–XVII вв. М.: Квадрига, 2013. 224 с.
- Участие калмыков... 2012 — *Участие калмыков в наполеоновских войнах. Сборник документов и материалов.* Элиста: Джангар, 2012. 537 с.
- Худяков и др. 2013 — *Худяков Ю. С., Борисенко А. Ю., Орозбекова Ж.* Наконечники копий кыргызов Тянь-Шаня из музейных собрания «Манас-Ордо» и «Раритет» в Кыргызстане // *Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология.* 2013. Т. 12. Вып. 7: Археология и этнография. С. 164–170.
- Челеби 1979 — *Челеби Э.* Книга путешествий (извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII в. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья). Вып. 2. М.: Наука, 1979. 287 с.
- Шейхумеров 2019а — *Шейхумеров А. А.* Армия Крымского ханства: организация и тактика (XV–XVIII вв.). Казань; Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 304 с.
- Шейхумеров 2019б — *Шейхумеров А. А.* Папский нунций о калмыках (1685) [электронный ресурс] // URL: <https://ametsheykhumer.livejournal.com/97086.html> (дата обращения: 01.11.2023).
- Шовунов 1991 — *Шовунов К. П.* Очерки военной истории калмыков (XVII–XIX вв.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 192 с.
- Эпистолярное наследие... 2014 — *Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 годов. Сб. истор. док. В 2 тт. Т. 2. Письма казахских правителей. 1738–1821 гг.* Алматы: АБДИ Компани, 2014. 1032 с.

- Юль 2001 — *Юль Ю.* Записки датского посланника в России при Петре Великом // Лавры Полтавы. М.: Фонд Сергея Дубова, 2001. С. 11–354.
- Bergmann 1804 — *Bergmann B.* Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803. Riga: 1804. 352 s. (на нем яз.).
- Çelebi VII — *Çelebi E.* Evliya Çelebi Seyahatnamesi, VII. Kitap, Haz. Robert Dankoff, Seyit Ali Kahraman, Yücel Dağlı. İstanbul: Yarı Kredi Yayınları, [б. г.]. 187 p. (на тур. яз.).
- Gawęda 2005 — *Gawęda M.* Połonka-Basia 1660. Warszawa: Bellona, 2005. 352 s. (на польск. яз.).
- Naito 1970 — *Naito K.* ‘Qinbian Jilue’ no ‘Gardan zhuan’ // Naito Konan Zenshu. 14 vols. Tokyo: Chikuma Shobo, 1970. Vol. 7. Pp. 380–425.
- Shim 2020 — *Shim H.* The Zunghar Conquest of Central Tibet and its Influence on Tibetan Military Institutions in the 18th Century // *Revue d’Etudes Tibetaines. Asian Influences on Tibetan Military History between the 17th and 20th Centuries.* 2020. № 53. Pp. 56–113.
- Witsen 1785 — *Witsen N.* Noord en Oost Tartaryen. Amsterdam: By M. Schalekamp, 1785. 503 s.

References

- Artamonov V. A. Kalish battle on October 18, 1706, Moscow: Tseykhauz, 2007. 48 p. (In Russ.)
- Balykina M. I. Provincial Military Corporation on a Campaign: “Kalmyk Parcel” of Nizhny Novgorod Nobles and Boyar Children in 1644. Electronic resource. *History of Military Arts: Researches and Sources.* 2015. Vol. VI. Pp. 102–138. Available at: URL: <http://www.milhist.info/2015/01/30/balykina> (accessed: 30 January 2015). (In Russ.)
- Basangova T. G. The Image of the Blacksmith in “Dzhangar” — the Heroic Epic of the Mongolian Peoples. *Vestnik of the M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.* Series: “Epic Studies”. 2021. No. 2. Pp. 33–40. (In Russ.)
- Batyrov V. V. Questions of the Military Device and Armament of the Kalmyks in the Second Half of the XVIII Century. (according to archival materials). Materials of the All-Russian Scientific Conference “Participation of the Peoples of Russia in the Patriotic War of 1812” (Elista, 11–14 September 2012). Elista: KIGI RAN, 2012. Pp. 162–171. (In Russ.)
- Bakhrevsky E. V. Sacred Geographical Representations of the Kalmyks in the XVII Century (based on the materials of the “Travel Book of Evliya Celebi”). *Nomadic Civilization: Historical Research.* 2023. No. 2. Pp. 9–38. (In Russ.)
- Belikov T. I. Participation of the Kalmyks in the Struggle for the Independence of our Motherland. Elista: Kalmykia Book Publ., 1965. 180 p. (In Russ.)
- Bobrov L. A. On some Features of the Military Affairs of the Volga Kalmyks of the XVII–XVIII Centuries. United Kalmykia in United Russia: through the Centuries into the Future: materials of the International Scientific Conference Dedicated to the 400th Anniversary of the Voluntary Entry of the Kalmyk People into the Ross. States (Elista, September 13–18, 2009). Elista: Dzhangar, 2009a. Part 1. Pp. 99–108. (In Russ.)
- Bobrov L. A. And Attacked them with a Spear Cruelly. The Battle on the Ayaguz River (1717): Prerequisites, Course, Results. *Para-Bellum.* 2009b. No. 31. Pp. 67–104. (In Russ.)
- Bobrov L. A. The Spear “Cut” is an Original Constructive Element of the Long-Tree Weapons of the Peoples of the Adjacent Territories of the Late Middle Ages and Early Modern Times. *Vestnik NSU. Series: History and Philology.* Series “History, Philology”. 2013a. Vol. 12. No. 3. Pp. 183–195. (In Russ.)
- Bobrov L. A. Technique of Horse Spear Fighting of Nomads of Central and Central Asia of the XVII – mid. XIX century. *Tomsk State University Journal.* Series “History”. 2013b. No. 3. Pp. 216–221. (In Russ.)
- Bobrov L. A. To the Question of the Origins of the Equestrian Spear Battle of the Russian Cossacks of the Second half of the XVII – first half of the XIV century. *Parabellum*

- Novum: Military History Magazine*. 2014a. № 2(35). Pp. 115–147. (In Russ.)
- Bobrov L. A. “Crow flock” over the Crimea. Tatar-Kalmyk Confrontation in the steppes of the Northern Black Sea Region (September 1661 – January 1663). *Medieval Turkic-Tatar States*. 2014b. No. 6. Pp. 239–249. (In Russ.)
- Bobrov L. A. To the Question of the Origins of the Equestrian Spear Battle of the Russian Cossacks of the second half of the XVII – first half of the XIV century. *Parabellum novum*. 2015. No. 3(36). Pp. 113–126. (In Russ.)
- Bobrov L. A. Tactical art of the Crimean Tatars and Nogais of the late XV – mid XVII centuries. *History of Military Arts: Researches and Sources*. 2016. Special Issue V. Standing on the Ugra River 1480–2015. Part II. Pp. 210–388. Available at: URL: <<http://www.milhist.info/2016/03/28/bobrov>> (accessed: 28 March 2016).
- Bobrov L. A. The Decline of the “Last Nomadic Empire”. Military Affairs of the Dzungars of the Middle of the XVIII century. *Parabellum novum: Military History Magazine*. 2022. No. 17(49). Pp. 5–33. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Borisenko A. Yu., Khudyakov Yu. S. Interaction of the Turkic and Mongolian Peoples with the Russians in Siberia in Military Affairs in the Late Middle Ages and the New Time: a study guide. Novosibirsk: NGU, 2010. 288 p. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Khudyakov Yu. S. Armament and Tactics of the Nomads of Central Asia and Southern Siberia during the Late Medieval and Early Modern ages (15th – first half of the 18th century A.D.). St. Petersburg: Faculty of Philology and Arts. SPbGU: 2008. 770 p. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Ozheredov Yu. I. Jamsaran Warrior's Armor. Central Asian armor-“kuyak” from the collection of MAES TSU. Novosibirsk: NGU, 2021. 228 p. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Pastukhov A. M. Armament and Banners of the Oirats of Dzungaria in the Middle of the XVIII century. based on the materials of “Qingding Huangyu Siyu tuzhi”. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14. No. 4. Pp. 770–796. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Pastukhov A. M. Armament and Banners of the Muslim Population of East Turkestan and Adjacent Territories of the Middle of the XVIII century. based on the materials of “Qingding Huangyu Siyu tuzhi”. *Mongolian Studies*. 2021. Vol. 13. No. 2. Pp. 186–221. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Ryumshin. M. A. “And Against them, they could not Withstand Anywhere and they are not able to Fight Against them”. Arms and Military Tactical Aspect of the Kalmyk-Nogai and Kalmyk-Tatar Wars During the first half – middle of the 17th century. *Golden Horde Review*. 2015. No. 8. Pp. 357–378. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Sheikumerov A. A., Salnikov A. V. Stabbing Long-Barrel Weapons of the Crimean Tatars and Nogais of the 1440s–1650s (based on written sources). *Bylye Gody*. 2018. Vol. 49. No. 3. Pp. 884–914. (In Russ.)
- Bruce P. G. On the Persian Campaign. From the book. *Memoirs ... of an officer in the Service of Prussia, Russia and Great Britain*. *Zvezda*. 2022. № 11. w. p. (In Russ.)
- Chelebi E. The Book of Travels (Extract from the Work of the Turkish Traveler of the 17th century. Lands of the North Caucasus, the Volga Region and the Don Region. Moscow: Nauka, 1979. No. 2. 287 p. (In Russ.)
- Çelebi E. Travelogue, VII. Book, Ed. Robert Dankoff, Seyit Ali Kahraman, Yücel Dağlı. İstanbul: Yapı Kredi Yayınları, [w. d.]. 187 p. (In Turk.)
- Denison D. T. History of Cavalry. Armament, Tactics, Major Battles. Moscow: Center-polygraph, 2014. 511 p. (In Russ.)
- Epistolary legacy of the Kazakh Ruling Elite of 1675-1821. Collection of Historical Documents in two volumes. Vol. 2. Letters of Kazakh rulers. 1738–1821 Almaty: ABDI Company, 2014. 1032 p. (In Russ.)
- Georgi I.-G. Description of all the Peoples Living in the Russian State: their everyday Rituals, Customs, Clothes, Dwellings, Exercises, Amusements, Faiths and other Memorabilia. St. Petersburg: Russian Symphony, 2005. 816 p. (In Russ.)

- Goldberg L. A. S. U. Remezov's article. On the Kalmyks as a Very Well-known People in Siberia. Countries and Peoples of the East. Issue XVIII. Moscow: Nauka, 1976. Pp. 228–233. (In Russ.)
- Golikov I. I. The acts of Peter the Great, the Wise Transformer of Russia, Collected from Reliable Sources and Arranged by Year. T. 4. Moscow: Nikolai Stepanov Printing House, 1838. 582 p. (In Russ.)
- Khudyakov Yu. S., Borisenko A. Yu., Orozbekova Zh. The Tips of the Copies of the Kyrgyz of the Tien Shan from the Museum Collections “Manas-Ordo” and “Rarity” in Kyrgyzstan. *Bulletin of Novosibirsk State University*. Series: History, Philology. 2013. Vol. 12. Issue. 7: Archeology and Ethnography. Pp. 164–170 (In Russ.)
- Kolesnik V. I. The Last Great Nomad. The Kalmyks’ Transition from Central Asia to Eastern Europe and back in the XVII and XVIII centuries. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2003. 286 p. (In Russ.)
- Krizhanich Yu. Politics. Moscow: Nauka, 1965. 587 p. (In Russ.)
- Kushkumbaev A. K. Military Affairs of the Kazakhs in the XVII–XVIII centuries. Almaty: Dyke-Press, 2001. 172 p. (In Russ.)
- Manas. Kirghiz Heroic Epic. Moscow: Nauka, GRVL, 1988. Book 2. 687 p. (In Russ.)
- Materials on the History of Russian-Mongolian relations. 1607–1636. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1959. 352 p. (In Russ.)
- Miller G. F. Siberian Allegory. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2000. Vol. 2. 798 p. (In Russ.)
- Mitsik Yu. A. Hetman Ivan Vygovsky. Kiev: KM Academy, 2004. 84 p. (In Russ.)
- Muniev B. D. (ed.) Kalmyk-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 765 p. (In Kalm. and Russ.)
- Nebolsin P. I. Essays on the life of the Kalmyks of the Khoshoutovsky ulus. St. Petersburg, 1852. 196 p. (In Russ.)
- Novoselsky A. A. Research on the history of the era of feudalism (scientific heritage). Moscow: Nauka, 1994. 224 p. (In Russ.)
- Ochirov U. B. Cavalry of the Turkic-Mongolian Peoples of the Great Steppe in the Russian Army of the XVIII – early XIX centuries. Part 2. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 4. Pp. 10–39. (In Russ.)
- Pallas P. S. A Journey through Different Provinces of the Russian Empire, which was in 1768–1769. St. Petersburg, 1809. Part 1. 785 p. (In Russ.)
- Participation of the Kalmyks in the Napoleonic Wars. Collection of Documents and Materials. Elista: Dzhangar, 2012. 537 p. (In Russ.)
- Pastukhov A. M. The Qing Conquest of East Turkestan 1758–1759. *Parabellum novum: Military History Magazine*. 2022. No. 17 (50). Pp. 91–143. (In Russ.)
- Pyurbeev G. Ts. Military Terminology in the Mongol-Oirat laws “Their caaz” and “Khalkha jirum”. United Kalmykia in United Russia: through the Centuries into the Future: the Materials of the International Scientific Conference Dedicated to the 400th Anniversary of the Voluntary Entry of the Kalmyk people into the Russian State (Elista, 13–18 September, 2009). Elista: Dzhangar, 2009. Part 2. Pp. 283–285. (In Russ.)
- Pyurbeev G. Ts. (ed.) Unabridged Academic Mongolian–Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 2: Д–О. Moscow: Academia, 2001. 536 p. (In Mong. and Russ.)
- Rakhimov R. N. In the Service of the “White Tsar”. Military Service of non-Russian Peoples of the South-East of Russia in the XVIII–XIX centuries. Moscow: RISI, 2014. 544 p. (In Russ.)
- Russian-Chinese Relations in the XVII century. Vol. I. 1608–1683. Moscow: Nauka, 1969. 614 p. (In Russ.)..
- Shekhumerov A. A. Army of the Crimean Khanate: Organization and Tactics (XV–XVIII centuries). Kazan – Simferopol: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2019. 304 p. (In Russ.)

- Sheikhumerov A. A. Papal Nuncio on Kalmyks (1685) Available at: URL: <https://ametsheykhumer.livejournal.com/97086.html> (accessed: 01 November 2023). (In Russ.)
- Shovunov K. P. Essays on the Military History of the Kalmyks (XVII–XIX centuries). Elista: Kalmykia Book Publ., 1991. 192 p. (In Russ.)
- Song Yun. Xichui zongtong shilue (A brief general description of the Western Outskirts). [w. p., w. d.], 1839. (in Chin.)
- Supplement to Historical acts. St. Petersburg: Prats, 1859. Vol. 7. 400 p. (In Russ.)
- Supplement to historical acts. St. Petersburg: Prats, 1872. Vol. 12. 469 p. (In Russ.)
- Tarikh-i Badakhshan. Moscow: Nauka, 1997. 400 p. (In Russ.)
- Tepkeev V. T. Kalmyks in the Northern Caspian in the second third of the 17th century. Elista: Dzhangar, 2012. 376 p. (In Russ.)
- Tepkeev V. T. Ayuka Khan and his time. Elista: KalmSC RAS, 2018. 366 p. (In Russ.)
- Titov A. Siberia in the XVII Century: Collection of Ancient Russian Articles about Siberia and the Lands Adjacent to it. Moscow: L. and A. Snegirev. Ostozhenka, Savelovsky lane, own House, 1890. 216 p. (In Russ.)
- Todaeva B. Kh. Dictionary of Oirat Language in Xinjiang. Elista: Kalmykia Book Publ., 2001. 493 p. (In Russ.)
- Trepavlov V. V. The Free Horde: the Nomadic Nogai Empire of the XV–XVII centuries. Moscow: Quadriga, 2013. 224 p. (In Russ.)
- Vasiliev A. A. Cavalry Attacks of the Great War. The Battles of Yaroslavitsa on August 8/21, 1914. Moscow: Russian Knights, 2016. 152 p. (In Russ.)
- Veselovsky N. I. Embassy to the Zyungarian khun-taiji Tsevan Rabtan of Captain from Artillery Ivan Unkovsky and his Travel Journal for 1722–1724. St. Petersburg: V. Kirshbaum Printing House, 1887. 284 p. (In Russ.)
- Wei Yuan. Shengwu ji (Notes on sacred warfare). 1842. [w. d., w. place of publ.]. 118 p. (In Chin.)
- Witsen N. Northern and Eastern Tartary. Amsterdam: Pegasus, 2010. Vol. I. 624 p. (In Russ.)
- Witsen N. Northern and Eastern Tartary. Amsterdam: Pegasus, 2010. Vol. II. Pp. 625–1225. (In Russ.)
- Yul Yu. Notes of the Danish Envoy to Russia under Peter the Great. Lavra of Poltava. Moscow: Sergey Dubov Foundation, 2001. Pp. 11–354. (In Russ.)
- Zolvanova S. O. The Kalmyks' war in Bergman's description. *Elistinsky Courier*. No. 11 (119). 2011. 24 March. Pp. 10 (In Russ.)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 94(47).06

DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-593-602

О состоянии грамотности в Калмыцком ханстве в XVIII в.

Максим Манчиевич Батмаев¹¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-2233-0647. E-mail: nel_max73[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Батмаев М. М., 2023

Аннотация. *Введение.* Не будет преувеличением сказать, что до сих пор сохраняется мнение, по крайней мере, в широких массах, что в дореволюционные времена грамотность была слабо развита у калмыков. Считалось, что грамотными были представители духовенства и знатных сословий — нойонов и зайсангов. Наибольший процент грамотных приходился на духовенство, что было обусловлено родом их деятельности. Тем не менее существовало мнение, что и среди них основная масса погрязла в пьянстве и в обмане невежественных народных масс. *Целью* предлагаемой работы является, по мере возможности, ответить на некоторые названные выше вопросы, хотя изучение и освещение содержания проблемы в целом — дело не одной статьи. *Материалы и методы.* Для решения указанных задач привлечен в основном впервые вводимый в научный оборот архивный материал. Для решения поставленной цели необходимо подойти к разрешению тех или иных возникающих задач, отрешившись от недавней привычки подходить к анализу разнообразной исторической панорамы с единственной заранее регламентирующей теоретической установкой. В исследовании применялись описательный, историко-сравнительный, историко-генетический и аналитический методы. *Результаты.* В калмыцком обществе в первую очередь грамотными были представители нойоно-зайсангской среды. Нойоны были практически все грамотными, в том числе и их жены. У зайсангов процент грамотных был достаточно высоким; среди грамотных были и женщины, но численность их была небольшой. О простолюдинах никаких конкретных данных не имеется, но можно считать, что количество грамотных среди них было небольшим. В XVIII в. обучение грамоте в целом в Калмыцком ханстве шло в двух направлениях. Представители калмыков обучались русскому языку, а русские — калмыцкому. Обучение это шло по инициативе российского правительства (нужны были переводчики, толмачи и т. п.) и стихийно, в процессе бытового общения между представителями соседних народов.

Ключевые слова: калмыцкая письменность, азбука, книги, обучение, аймачные школы, индивидуальное обучение, не-калмыки, знающие калмыцкую письменность

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Батмаев М. М. О состоянии грамотности в Калмыцком ханстве в XVIII в. // Монголоведение. Т. 15. № 4. С. 593–602. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-593-602

On the State of Literacy in the Kalmyk Khanate of the XVIII century

*Maksim M. Batmaev*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0002-2233-0647. E-mail: nel_max73[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Batmaev M. M., 2023

Abstract. It would not be an exaggeration to say that there is still an opinion, at least among the masses, that in pre-revolutionary times literacy was poorly developed among the Kalmyks. It was believed that representatives of the clergy and noble classes — Noyons and Zaisangs — were literate. The clergy accounted for the largest percentage of literates, which was due to their type of activity. Nevertheless, there was an opinion that even among them the bulk was mired in drunkenness and deception of the ignorant masses of the people. The *purpose* of the proposed work is, as far as possible, to answer some of the above questions, although the study and coverage of the content of the problem as a whole is not a matter of one article. *Materials and methods.* To solve these problems, archival material, which is being introduced into scientific circulation for the first time, is mainly involved. To achieve this goal, it is necessary to approach the resolution of certain emerging problems, abandoning the recent habit of approaching the analysis of a diverse historical panorama with a single pre-regulating theoretical attitude. Descriptive, historical-comparative, historical-genetic and analytical methods were used in the study. *Results.* In Kalmyk society, representatives of the Noyono-Zaisang environment were primarily literate. The Noyons were almost all literate, including their wives. The Zaisangs had a fairly high literacy rate; there were also women among the literate, but their number was small. There are no specific data on commoners, but it can be assumed that the number of literate among them was small. In the XVIII century, literacy education in general in the Kalmyk Khanate went in two directions. Russian Russian was taught to the representatives of the Kalmyks, and the Russians — Kalmyk. This training was initiated by the Russian government (translators, interpreters, etc. were needed) and spontaneously, in the process of everyday communication between representatives of neighboring peoples.

Keywords: kalmyk writing, education, aimag schools, individual training, non-kalmyks who know kalmyk writing.

Acknowledgments. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 ‘The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups’.

For citation: Batmaev M. M. On the State of Literacy in the Kalmyk Khanate of the XVIII century. *Mongolian Studies (Elista)*. 2023; 15(4): 593–602. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-593-602

1. Введение

В 1834 г. была опубликована работа Н. А. Нефедьева «Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте» [Нефедьев 1834]. В 1832 и 1833 гг. он побывал в командировке в улусах, где и наблюдал повседневную жизнь калмыков. На основе этих наблюдений автор пришел к выводу: «Не взирая на то, что природа одарила калмыков остроумием, понятливостью и другими качествами, во многом возвышающими их пред прочими кочующими племенами, и что отдаленные предки их оставили им письма — народ сей как будто наперекор врожденным способностям, пребывает в глубоком невежестве» [Нефедьев 1834: 211]. Последующие дореволюционные авторы также упирали на «невежество» калмыков. Справедливости ради надо отметить, что некоторые из них не забывали отметить особые условия кочевой жизни и равнодушие правительства (например, Я. П. Дуброва [Дуброва 1998: 12, 13]).

Между тем история развития грамотности среди калмыков в прошлом, в дореволюционное время, в том числе в XVIII в., изучена слабо. Ведь помимо констатации существования грамотных в нойонско-зайсангской среде нужно ответить на вопросы о причинах распространения грамотности, о том, существовала ли она среди простолюдинов и в какой мере, были ли какие-то учебные заведения типа школ, какое значение имела грамотность для упорядочения общественных и бытовых отношений калмыков с соседним российским населением.

Не будет преувеличением сказать, что до сих пор сохраняется мнение, по крайней мере, в широких массах, что в дореволюционные времена грамотность была слабо развита у калмыков. Считалось, что грамотными были представители духовенства и знатных сословий — нойонов и зайсангов. Наибольший процент грамотных приходился на духовенство, что было обусловлено родом их деятельности. Тем не менее существовало мнение, что и среди них основная масса погрязла в пьянстве и в обмане невежественных народных масс. Так ли это было на самом деле? Не пора ли изменить угол зрения? Целью предлагаемой работы является, по мере возможности, ответить на некоторые названные выше вопросы, хотя изучение и освещение содержания проблемы в целом — дело не одной статьи.

2. Материалы и методы исследования

Для решения указанных задач привлечен в основном впервые вводимый в научный оборот архивный материал из Национального архива Республики Калмыкия (далее — НА РК), Российского архива древних актов (далее — РГАДА), Архива внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Для решения поставленной цели необходимо подойти к разрешению тех или иных возникающих задач, отрешившись от недавней привычки подходить к анализу разнообразной исторической панорамы с единственной заранее регламентирующей теоретической установкой. В исследовании применялись описательный, историко-сравнительный, историко-генетический и аналитический методы.

3. Сведения об обучении грамоте калмыков и изучении калмыцкого языка соседним населением в источниках

Одно из первых, если не первое, свидетельство о существовании у калмыков упорядоченного обучения детей принадлежит И. Г. Георги, участнику

второй академической экспедиции по изучению окраинных территорий России (1768–1774 гг.). Вот что отметил ученый в своем «Описании всех обитающих в российском государстве народов»: «Каждый аймак содержит одного учителя (бакша), который обучает детей читать, писать, арифметике, истории, географии, астрономии, астрологии, медицине и богословии столько, сколько сии науки могут быть у них преподаваемы. Самые убогие дети имеют иногда такие знания, которые с состоянием их отнюдь не свойственны» [Георги 1799: 10].

Факт обучения калмыцких детей грамоте в XVIII в. подтверждается и другим свидетельством, в котором говорится, что у калмыков в рассматриваемое время были «деревянные книжки», в которых «написана» их «калмыцкая азбука», по которой учат детей [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 31. Л. 44]. Несомненно, в архивном документе говорится о ксилографических досках, с которых печатались книги, в том числе ксилографе, содержащем *цахан толга* — букварь на старокалмыцкой (ойратской) письменности, составленный в XVII в. просветителем Зая-пандитой Намкай Джамцо [Баянова 2012: 50].

Необходимо отметить, что книг было, видимо, немало, о чем говорят свидетельства архивных документов. Данные архивных материалов также дают основание утверждать, что значение книг было весомым и они ценились наравне с объектами культового поклонения — «бурханами» (литыми изображениями буддийских божеств). Так, наместник Дондук-Даши весной 1735 г. прислал письма на имя императрицы Анны Ивановны. Их у посланца Шарап Ендона «партикулярно» (т. е. в частном порядке) взял секретарь В. М. Бакунин для прочтения 20 мая 1735 г. В одном письме Дондук-Даши жаловался на грабежи донских казаков. В другом отмечалось, что казаки Чирского городка взяли «пять коробей с книгами и „бурханами“» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 11. Л. 126об.]. Царицынский комендант П. Ф. Кольцов сообщал 27 июня 1738 г. тогдашнему астраханскому губернатору В. Н. Татищеву, что получил 25 июня письмо от хана Дондук-Омбо, в котором последний сообщал, что в текущем году казахи грабежом взяли «1 500 бурханов, 1 300 книг больших, 5 200 книг малых» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 723]. Наконец, о том, что книги ценились наравне с бурханами, говорят факты, что во время междоусобиц враждующие старались захватить именно эти предметы. Так, например, из донесения генерала И. Ф. Бяратинского в Коллегию иностранных дел от 2 июня 1733 г. явствует, что нойоны Доржи Назаров и Лубжа «у Шакур ламиных шабинеров побрали „бурханы“, книги, скарб, скот и служителей их и не отдали» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 61. Л. 141].

Кроме «деревянных», были также «каменные книги». В одной тогдашней описи вещей перечисляются: «Книга деревянная, по салу посыпана пеплом, каковы калмыки имеют для записок, две книжки малые каменные» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 63. Л. 24–24об.]. Из одного вопроса явствует: «В книжках деревянных и каменных по тангуцки [т. е. по-тибетски. — М. Б.] выписаны для всегдшняго чтения молитвы их калмыцкие из больших молитвенных же книг (которые у них в Царицыне отобраны), чтобы тех [т. е. больших. — М. Б.] завсегда не волочить» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 63. Л. 41об.].

В архивных материалах не встретились свидетельства, что каждый аймак имел специального учителя, который и учил детей грамоте. Обучение, судя по

всему, шло чаще всего в индивидуальном порядке, иногда даже вынужденно (попал в плен и т. п.). Вот перед нами показания не то беглого, не то пленного Алексея Семенова сына: «обращался по всему в их суевери, и выучась немного по калмыцки грамоте, имелся манжиком». Другой, Ф. Зверев, жил в улусе шабинеровском (бывшего Шакур-ламы) лет с шести и женился на калмычке, имел двоих детей и жил своей кибиткой [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 319. Л. 800].

Саратовский уроженец, русский Аврам Иванов, был захвачен десятилетним во время игры на льду на Волге калмыками и привезен в их кочевье против Черного Яра в урочище Богдо, где и достался Цонжи-Норбо гелюнгу из улуса наместника Убаши. Цонжи-Норбо обучил А. Иванова калмыцкой грамоте и назначил манжиком, «в каковой должности и службу по их закону производил» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 413. Л. 9].

Крещеные калмыки записывались в казаки (те, что оставались при Астрахани, а не отправлялись в Ставрополь-на-Волге) и получали жалование. На одного из таковых пало подозрение, что он ради получения жалования крестится вторично. За него заступился уже крещеный брат: «А вышеписанной Санжи Джамчоев ему, Арате, подлинно брат родной, которой... не крещен, ибо он еще бывшим их отцом отдан в малых летех для учения грамоте их калмыцкому попу, у которого и был... безотлучно до сего времени» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 228. Л. 322]. В 1759 г. Н. Г. Спицына просил приближенный к хану Дондук-Даши «знатной ево Чюрюм гелюн», у которого обучались присланные из Государственной Коллегии иностранных дел и от Астраханской губернской канцелярии калмыцкого языка ученики, «о дозволении скоту ево Чюрюм гелюнову, коего числом лошадей з двести да пятнатцеть верблюдов» быть на Поповицком острове ниже города Царицына. Судя по количеству скота, гелюнг был человеком небедным: бедных, очевидно, учителями не ставили [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 321. Л. 288].

В одном из архивных дел сохранился документ, в котором пишет некий Василий Перфилов, казак из Черкасска, что занимался торговыми делами и задолжал казакам 200 рублей; бежал от кредиторов в калмыцкие улусы, где Дондук-Омбо женил его на калмычке и дал для развода скот. Казак из Черкасска пожелал провести крещение своей супруги, а также просил определить место для проживания. К моменту написания просьбы был толмачом у Дондук-Омбо и умел читать и писать по-русски и по-калмыцки [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 45. Л. 97]. В свою очередь сам Дондук-Омбо прислал с посланием Абуджи трех человек: одного для обучения «делания часов», а двух для обучения российской грамоте, на что получил разрешение [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 75. Л. 271].

Приведенный архивный материал показывает, что в XVIII в. в Калмыцком ханстве обучение грамоте шло в двух направлениях: представители русских осваивали калмыцкий язык, а калмыки — русский, причем нужно отметить, что взаимное освоение названных языков также имело две основы: официальную и житейскую. Официальную правительство развивало для политико-управленческих нужд, а вторая развивалась естественным путем, в процессе житейского общения. Обратимся к документам.

В 1731 г. ученики калмыцкого языка Алексей Сумин и Гаврила Колышкин находились при Шакур-ламе и кочевали вместе с ним [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 43. Л. 10]. В это же примерно время Г. И. Головкин сообщает наместнику

Церен-Дондуку: «А из робят калмыков, присланных от вас еще никоторой по российски твердо не научен и послать их к вам бес пользы будет» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 45. Л. 105].

В 1737 г. царицынский комендант П. Ф. Кольцов писал «почтенной госпоже» Дабо Ончук, что он отправил к ней изучающих калмыцкий язык учеников братьев Савву и Кирила Везелевых «для обучения калмыцкого письма и разговоров, которым извольте приказать в улусе своем жить и учиться у Ончик гелюна, також и от себя ему гелюну особливо прикажите их обучать». Ончик гелюн жил в улусе дербетского Лабан-Дондука [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 94. Л. 286об.–287, 295].

В 1764 г. руководивший Калмыцкими делами А. П. Бехтеев писал дербетским зайсангам, что посылаются для обучения калмыцкому языку и письму Г. Колышкин, «котораго отдать вам хорошему из духовных людей учителю и велеть оному прилежно его обучать и иметь за ним смотрение, чтоб он праздно без науки не мог» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 356. Л. 157].

Г. Колышкин ожиданий не оправдал. 8 марта 1742 г. В. Н. Татищев писал П. Ф. Кольцову: «Находящийся здесь при комиссии калмыцкаго языка переводчик Колышкин явился в переводе писем неисправен, отчего произошли сумнительства, к тому ж являются некоторые за ним противные поступки». Губернатор предписал заменить Г. Колышкина учеником калмыцкого языка Саввой Везелевым [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 146. Л. 58–58об.]. Однако позже он службу продолжал.

С калмыцкой стороны малолетний сын Замьяна Бокбин определен губернатором «для обучения российской грамоте и поведением калмыцкого языка переводчику А. Воронину, у коего в доме он и живет» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 384. Л. 13].

В 1773 г. Тюмень Джиргалан, по собственному желанию находившийся в Астрахани для обучения русскому языку и письму, просил отпустить его по семейным обстоятельствам в его улус для правления им. В связи с этим он также просил «для бытия при нем и обучения русскому языку и письму определить кого-нибудь из учеников калмыцкого языка», что и было разрешено [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 25. Л. 652].

В целом необходимо отметить, что не совсем ясны формы обучения как калмыцкой, так и русской грамоте. Одно можно сказать твердо: имеющийся документальный материал позволяет сделать вывод о преимущественно индивидуальной форме обучения. Никаких свидетельств о групповом обучении грамоте нет, не встретились нам известия о существовании в XVIII в. учебных учреждений типа школ.

Вместе с тем обучение грамоте должностных лиц русской администрации, связанных работой с калмыками, было поставлено под контроль правительства и местной администрации. В сентябре 1742 г. наместник Дондук-Даши был вызван в Москву, где представлялся императрице Елизавете Петровне и получал указания высших управителей государственных дел. При отъезде наместника от двора с ним был отправлен поручик Петр Гак. Он был из команды тогдашнего руководителя Калмыцких дел Л. В. Боборыкина, обучался калмыцкому языку и письму, «чтоб со временем можно было употребить его в правление тамошних дел». Дондук-Даши просил ему чин капитана, но ему дали 50 рублей и обна-

дежили, что как только он обучится калмыцкому языку, его повысят в чине, о чем был предупрежден и наместник [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д.150. Л. 108, 138].

Что касается орудий письма, использовавшихся калмыками, то о них довольно подробно рассказал Н. А. Нефедьев. Правда, его описание относится к первой трети XIX в., но, думается, что они не так уж сильно отличаются от таковых в XVIII в. Н. А. Нефедьев констатирует, что в его время калмыки хотя и употребляют для письма птичьи перья, «но настоящее их правило — писать тонким камышом». Далее он сообщает, что при обучении грамоте вместо аспидных (грифельных) досок им служат доски деревянные, которые называются «самра»¹ [Нефедьев 1834: 215]. Далее Н. А. Нефедьев описывает подготовку и использование доски при написании того или иного текста.

«Намазав такую доску один или два раза в год салом и сажею, и потом осыпая слегка золою, калмыки пишут на оной палочкою, костию или иглою дикобраза. Написанное уничтожается от одного дуновения, и доска, посыпанная вновь золою, готова для нового употребления» [Нефедьев 1834: 215].

Что касается упоминания «деревянных» и «каменных» «книжек», то в XVIII в. в официальной и частной переписке пользовались бумагой. Упоминаемые в архивных материалах «деревянные книги» с «калмыцкой азбукой» — это ксилографические доски, с которых печатали книги, в том числе содержавшие и сведения по калмыцкой (ойратской) письменности. Что касается «каменных книг», возможно, речь идет о так называемых «каменных сутрах», т. е. о религиозных текстах, выбитых на камнях. Эта традиция была характерна для монгольских народов (см., например: [Батужав 2012; Мөнхөө 2015: 4, 7]). Хранение «каменных книжек» было связано с религиозными нуждами; в них были написаны молитвы на тибетском языке. От книг в нашем понимании они были далеки.

4. Обучение грамоте у представителей разных сословий калмыков

Перейдем к рассмотрению грамотности у представителей различных сословий. Начнем с самого известного деятеля калмыцкой истории конца XVII – первой четверти XVIII в. — хана Аюки. Прямых свидетельств о знании или хотя бы о понимании Аюкой русской грамоты или речи в архивных источниках нет. Во время шертования 24 января 1684 г. Аюка вместо подписи приложил печать, потому что, по свидетельству статейного списка, «грамоте не умеет» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Кн. 7. Л. 101]. Шертовавший вместе с ним дербетский Солом-Серен расписался [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1(1). 1684. Д. 7. Л. 96]. Трудно поверить, что Аюка, в детские годы воспитывавшийся в Джунгарии у деда по матери, мог быть неграмотен. П. А. Аваков и Б. Л. Митруев, затронувшие данную проблему, приходят к выводу: «Вопрос о (не)грамотности Аюки нуждается в дополнительном изучении. Возможно, в данном случае речь должна идти не о неспособности писать и читать, а лишь о недостаточно развитых навыках письма» [Аваков, Митруев 2023: 147]. Вполне вероятно, что документы, в которых говорится об изучении письменности ханом Аюкой, просто пока не обнаружены.

Бесспорно, хорошо грамотным был Дондук-Омбо. 22 октября 1735 г. он давал присягу на верность, когда его вызвали из Кубани и назначили наместни-

¹ Н. Нефедьев имел в виду слово *самбр* «доска».

ком ханства. Во время официальной церемонии «Дондук-Омбо взял бумагу с текстом присяги, сначала прочитал сам про себя, а затем призвал первого своего зайсанга Норбо Череня и приказал ему» прочитав текст вслух всем [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 77. Л. 394об.]. 30 августа 1736 г. тогдашний руководитель Калмыцких дел В. П. Беклемишев встретился для обсуждения текущих дел с Дондук-Даши севернее Астрахани в урочище Балчуге. Устроившись с ним в его кибитке, В. П. Беклемишев передал Дондук-Даши грамоту Анны Ивановны, письма А. И. Остермана и хана Церен-Дондука. И дальше в документе говорится, что, прочитав, Дондук-Даши сказал, что он по воле ее императорского величества «служить готов и войск избирать велит» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 78. Л. 67]. Остается неясным, дал ли Дондук-Даши ответ, прочитав только калмыцкое письмо Церен-Дондука, или же прочитал и письма А. И. Остермана (т. е. знали ли он и русскую грамоту). От октября 1738 г. дошло известие, что сын Доржи Назарова Бай сам читал посланное к нему письмо на калмыцком языке от П. Ф. Кольцова [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 110. Л. 938].

Грамотными были если не все, то подавляющее большинство калмыцких должностных лиц. В первую очередь грамотными были все наместники и ханы, бывшие после Аюки. Грамотными были зайсанги, которые были в городах для посредничества в отношениях калмыков с соседним российским населением. Например, Дондук-Омбо писал П. Ф. Кольцову 5 сентября 1739 г.: «Имеющийся при Астрахани мой дарга мне пишет, что в Астрахань на базар наши люди пригоняют скот и привозят всякую рухлядь, табак и рыбу» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 114. Л. 162].

Показательным является документ, в составлении которого на двух языках принимал участие калмыцкий бодокчей: четыре калмыка нанялись в астраханские казенные сады на разные работы, в том числе грузить расшивы (плавучее средство) рыбой и идти с ними вверх по городам. Хлеб и харч были хозяйские, сверх этого им полагалась выплата по 14 рублей деньгами. Нанялись с 14 февраля 1761 г. по то время, как лед станет, а если лед не станет, то до Николина дня. Порукой за них выступил бодокчей Генден Раши. Составили письменный договор на калмыцком и русском языках [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 335. Л. 1]. Подобные договоры регистрировались в Астраханской калмыцких и татарских дел конторе.

В XVIII в., особенно во второй его половине, вошло в практику составление письменных долговых записок в отношениях калмыков с соседним российским населением. Также письменно оформлялись договоры калмыков с купцами и другими работодателями о подряде на ловлю рыбы с перечислением условий найма, о займе денег и т. п. Так, 7 января 1764 г. зайсанги владения икицохуровского нойона Асархо (с перечислением имен) взяли в долг у прапорщика Саввы Везелева, служившего «у Калмыцких дел», 84 рубля, которые должны были вернуть 7 января 1765 г. Если же до этого срока не отдадут, то обязаны были заплатить вдвойне. И таких писем Савва Везелев предъявил руководителю Калмыцких дел А. Д. Бехтееву одиннадцать [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 352. Л. 12].

Надо отметить, что не все зайсанги были грамотными. Так, в 1733 г. при присяге (во время которой помещали статуэтку бурхана на голову, ставили подпись и прилагали печать к письменному тексту присяги) «вместо зайсангов за

неумением грамоте сам вышеписанной Лубжа подписался». То же за зайсангов, не знавших грамоты, сделал брат Лубжи — Бай [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 62. Л. 32об.].

Особо надо остановиться на том обстоятельстве, что в XVIII в. грамотными нередко были и женщины-калмычки. В 1723 г. ханша Дарма-Бала, получив правительственное послание, «роспечатав пакет, прочла приложенную копию на калмыцком языке и велела ему [майору В. П. Беклемишеву. — М. Б.] честь грамоту [оригинал на русском языке. — М. Б.], которую слушала чрез перевод царицынского дворянина Якова Татаринова» [АВПРИ. Ф. 119. 1723. № 6. Л. 205].

Жена нойона Бамбара (внука Доржи Назарова) Радна писала В. Н. Татищеву: «Имею я нужду, чтоб мне одной с вами видится, того ради благоволите по меня прислать Гаврилу, и об оном никому ис калмык объявлять не изволите» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 174. Л. 284]. Младшая сестра зайсанга, Цой Лоузанг гецюля — Джулжин передавала брату известие, что наместник Убаши со своим ближайшим окружением решили бежать из России. Копию этого письма, которое написала бодокчею при Астрахани Гельдеева дочь, бывшая замужем за выходцем из Джунгарии, Н. А. Бекетов отправил И. А. Кишенскому [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 418. Л. 23].

До нас дошли последние письма Манидары, жены наместника Убаши, и ханши Найджитун, вдовы Дондук-Даши, которые были даны ими посланцам, отправленным отогнать остающихся на нагорной стороне Волги калмыков на луговую сторону во время начавшейся откочевки калмыков 1771 г. Эти посланцы были задержаны Яндыком и отправлены 11 февраля 1771 г. к И. А. Кишенскому, т. е. переданы русским властям. К этому времени уходящие были уже далеко [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 427. Л. 80]. У оставшихся на Волге калмыков в целом жизнь протекала в прежнем ключе, в том числе в области развития грамотности. Здесь изменения шли медленно.

5. Заключение

Рассмотренный выше архивный материал позволяет сделать некоторые выводы. Грамотность в калмыцком обществе не была какой-то особой редкостью. Разумеется, в первую очередь грамотными были представители нойоно-зайсангской среды. Пожалуй, нойоны были чуть ли не поголовно грамотными, в том числе и их жены.

У зайсангов процент грамотных был достаточно высоким. Конкретную цифру назвать невозможно. По косвенным данным можно считать, что процент этот был высоким, если не больше; среди них были и женщины, но численность грамотных женщин была небольшой. О простолюдинах никаких конкретных данных не имеется. Твердо можно сказать, что количество грамотных среди них было небольшим.

Нет никаких конкретных сведений о существовании в XVIII в. каких-либо светских учебных заведений типа школ. В архивных материалах ни разу не встретилось упоминаний о существовании в каждом аймаке постоянных учителей. Обучение носило, судя по всему, индивидуальный характер. Чаще всего учителями были представители буддийского духовенства.

Важно отметить, что в XVIII в. обучение грамоте в целом в Калмыцком ханстве шло в двух направлениях. Представители калмыков обучались русскому

языку, а русские — калмыцкому. Обучение это шло по инициативе российского правительства (нужны были переводчики, толмачи и т. п.) и стихийно, в процессе бытового общения между представителями соседних народов.

Источники

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи.
 НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.
 РГАДА — Российский государственный архив дневных актов.

Sources

Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire.
 Russian State Archive of Ancient Acts.
 National Archive of the Republic of Kalmykia.

Литература

- Аваков, Митруев 2023 — *Аваков П. А., Митруев Б. Л.* Первая печать тайши Аюки (1684 г.) // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 1. С. 144–152. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-144-152
- Батужав 2012 — *Батужав До.* «Каменные сутры» Синьцзяна // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Oriental Studies)*. 2012. № 4. С. 133–138.
- Баянова 2012 — *Баянова А. Т.* Первые калмыцкие буквари как источники духовной культуры калмыков // *Вестник Калмыцкого университета*. 2012. № 3(15). С. 50–55.
- Георги 1799 — *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Ч. IV. О народах монгольских. СПб.: Имп. Акад. наук, 1799. 385 с.
- Дуброва 1998 — *Дуброва Я. П.* Быт калмыков Ставропольской губернии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 181 с.
- Мөнхөө 2015 — *Мөнхөө Ч.* Баатар хун тайж. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2015. 154 х.
- Нефедьев 1834 — *Нефедьев Н. А.* Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте Н. Нефедьевым. СПб.: Тип. К. Крайя, 1834. 290 с.

References

- Avakov P. A., Mitruiev B. L. The first Seal of Taishi Ayuka (1684) // *Oriental Studies*. 2023. Vol. 16. No. 1. Pp. 144–152. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-144-152 (In Russ.)
- Batuzhav Do. The Stone Sutras of Xinjiang // *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2012. No.4. Pp. 133–138. (In Russ.)
- Bayanova A. T. The first Kalmyk ABC Books as Sources of Spiritual Culture of the Kalmyks // *Bulletin of Kalmyk University*. 2012. No. 3 (15). Pp. 50–55. (In Russ.)
- Georgi I.G. Description of all the Peoples Living in the Russian State and their Everyday Rituals, Customs, Clothes, Dwellings, Religions and other Memorabilia. On Mongolian Peoples Ch. IV. St. Petersburg: Acad. of Science, 1799. 385 p. (In Russ.)
- Dubrova Ya. P. The life of the Kalmyks of Stavropol province. Elista: Kalmykia Book Publ., 1998. 181 p. (In Russ.)
- Monkhoo Ch. Batur khong taiji. Ulaanbaatar: Soyombo printing, 2015. 154 p. (In Mong.)
- Nefed'ev N.A. Detailed Information about the Volga Kalmyks Collected on the Spot by N. Nefed'ev. St. Petersburg: Tip. K. Kraja, 1834. 290 p. (In Russ.)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 94 (47) 084. 6

DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-603-614

Влияние политики раскулачивания на миграции населения в Калмыцкой автономной области. 1929–1934 гг.

*Сергей Степанович Белоусов*¹¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0001-7614-3516. E-mail: sbelousovelista[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Белоусов С. С., 2023

Аннотация. *Введение.* В 1929–1934 гг. в рамках политики раскулачивания в стране в Калмыцкой автономной области были осуществлены мероприятия по ликвидации хозяйств и переселению в новые места наиболее обеспеченной в материальном отношении части сельского населения. Массовые перемещения населения оказали заметное влияние на социальную, демографическую и этническую структуру автономной области. Данная сторона инициированной руководством СССР политики коллективизации специально в отношении Калмыкии не изучалась. *Цель* исследования — осветить миграционную политику государства в период проведения массового раскулачивания в Калмыцкой автономной области в 1929–1934 гг. Источниковедческая база включает материалы фондов государственных и партийных органов власти Национального архива Республики Калмыкия. *Результаты.* В статье рассмотрены внешние и внутренние переселения в области, вызванные политикой раскулачивания. Переселения кулаков носили плановый характер, условия перевозки семей кулаков, как и их адаптация на новых местах, были тяжелыми. Основной контингент раскулаченных и высланных в силу особенностей экономического развития области составили не земледельцы, а скотоводы и рыбаки. Государство не использовало их профессиональные навыки, трудоустроив репрессированных в незнакомую им промышленную сферу. Для малонаселенной и слабо развитой в экономическом отношении Калмыкии раскулачивание и высылка наиболее предприимчивой и обеспеченной в хозяйственном отношении крестьянства имели негативные последствия. Необходимо отметить также то, что природные условия Калмыкии являются довольно сложными. Выселенные люди являлись старожилками, которые были приспособлены к проживанию в непростых местных природных условиях, адаптированы к традиционным хозяйственным занятиям. В то же время Калмыцкая автономная область являлась принимающей стороной. На ее территории было много удаленных и малонаселенных мест, поэтому она привлекала беглых кулаков. В населенных пунктах Калмыкии и просто в

степи они надеялись переждать гонения и возвратиться в родные места или закрепиться на новом месте жительства. *Выводы.* Действия властей по выселению кулаков усилили миграции населения в Калмыцкой автономной области. С одной стороны, они привели к принудительному массовому оттоку населения, с другой — к нелегальному переселению в область значительного количества бежавшего от раскулачивания людей.

Ключевые слова: Калмыцкая автономная область, политика раскулачивания, 1929–1934 гг., миграции населения

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Белоусов С. С. Влияние политики раскулачивания на миграции населения в Калмыцкой автономной области. 1929–1934 гг. // Монголоведение. 2023. Т. 15. № 4. С. 603–614. DOI:10.22162/2500-1523-2023-4-603-614

The Influence of Dispossession Policy on Population Migration in the Kalmyk Autonomous Region. 1929-1934

Sergey S. Belousov¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0001-7614-3516. E-mail: sbelousovelista[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Belousov S. S., 2023

Abstract. Introduction. In 1929–1934, in the Kalmyk Autonomous Region, as part of the policy of dispossession in the country, measures were taken to liquidate farms and relocate to new places the most financially well-off part of the rural population of the Kalmyk Autonomous Region. Mass population movements have had a noticeable impact on the social, demographic and ethnic structure of the autonomous region. This aspect of the collectivization policy initiated by the leadership of the USSR in relation to Kalmykia has not been studied specifically. The *purpose* of the study is to highlight the migration policy of the state during the period of mass dispossession in the Kalmyk Autonomous Region in 1929–1934. The source database includes materials from the funds of state and party authorities of the National Archive of the Republic of Kalmykia. *Results.* The article examines the external and internal migrations in the region caused by the policy of dispossession. The resettlement of Kulaks was planned, the conditions of transportation of kulak families, as well as their adaptation to new places, were difficult. The main contingent of dispossessed and exiled, due to the peculiarities of the economic development of the region, were not farmers, but cattle breeders and fishermen. The state did not use their professional skills, employing the repressed in an industrial sphere unfamiliar to them. For the sparsely populated and economically underdeveloped Kalmykia, the dispossession and expulsion of the most enterprising and economic part of the peasantry had negative consequences. It should also be noted that Kalmykia is located in natural conditions that are generally unfavorable for human habitation. The evicted people were old-timers who were adapted to living in difficult local natural conditions, adapted to traditional economic activities. At the same time, the Kalmyk Autonomous Region was the host country. There were many remote and sparsely populated places on its territory, so it attracted runaway kulaks. In its settlements and just in the steppe, they hoped to wait out the persecution and return to

their homeland or gain a foothold in a new place of residence. The actions of the authorities to evict the Kulaks increased the migration of the population in the Kalmyk Autonomous Region. On the one hand, it led to a forced mass outflow of the population, on the other to the illegal resettlement of a significant number of people who fled from the dispossession of people.

Keywords: Kalmyk Autonomous Region, dekulakization policy, 1929–1934, population migration

Acknowledgments. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 ‘The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups’.

For citation: Belousov S. S. The Influence of Dispossession Policy on Population Migration in the Kalmyk Autonomous Region. 1929–1934. *Mongolian Studies (Elista)*. 2023; 15(4): 603–614. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-603-614

1. Введение

В 1929–1934 гг. в Калмыцкой автономной области в рамках проводимой в стране политики по коллективизации сельского хозяйства власти провели мероприятия по раскулачиванию и переселению на новые места жительства большой массы людей. Они оказали влияние на последующее развитие социальной, демографической и этнической сфер жизни Калмыкии. В годы проведения организации и осуществления переселений власти накопили определенный опыт, который через несколько лет использовали при проведении этнических депортаций. Познание данного исторического опыта обогащает наши представления о политике советских властей в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. в масштабах страны, позволяет выявить особенности государственной миграционной политики в отдельных регионах. Исследования по отдельным регионам способствуют накоплению эмпирического материала для обобщающих трудов по переселенческой политике.

В историографии проблема раскулачивания и связанных с ними принудительных миграций в СССР подробно изучались историками В. М. Селунской [Селунская 1961], С. П. Трапезниковым [Трапезников 1967], Н. А. Ивницким [Ивницкий 1994], Н. В. Тепцовым [Тепцов 2002], И. В. Зелениным [Зеленин 2006], Ш. Фицпатриком [Фицпатрик 2008], В. П. Даниловым [Данилов 2011] и др. Вышедшие в годы советской власти работы отечественных историков концептуально основывались на позициях идеологии марксизма-ленинизма, обосновывавших необходимость ликвидации кулачества как класса и оправдывавших действия властей по раскулачиванию и переселению кулаков в неосвоенные места. В постсоветский период оценки поменялись: раскулачивание и переселения стали рассматриваться как трагедия крестьянства, а действия властей неоправданными и преступными.

Для историков, изучавших политику коллективизации в Калмыкии, были характерны в научных изысканиях подходы, свойственные для советской и постсоветской историографии. Наибольший вклад в разработку темы коллективизации в Калмыкии внесли историки Ю. О. Оглаев [Оглаев 1987], И. В. Борисенко [Борисенко 2000], К. Н. Максимов [Максимов 2004], данная проблема освещалась в рамках обобщающего труда «История Калмыкии с древнейших времен до наших дней» [История 2009]. Обзор трудов по коллективизации в Калмыкии свидетельствует о том, что, во-первых, их написано небольшое количество, во-вторых,

в них рассмотрены в основном общие вопросы коллективизации. Отсутствие специального исследования по одной из важнейших составляющих политики коллективизации — миграционной политики и ее влияния на миграционную обстановку в Калмыкии — является пробелом в отечественной историографии, который призвана восполнить данная статья.

2. Материалы и методы исследования

В процессе исследования использовались в основном материалы органов государственной и партийной власти в Калмыцкой автономной области. Это документы фондов Р-3 («Центральный исполнительный комитет Калмыцкой АССР»), Р-34 («Исполнительный комитет Приморского улусного Совет депутатов калмыцкого трудового народа»), Р-131 («Совет народных комиссаров Калмыцкой АССР»), П-1 («Калмыцкий областной комитет КПСС»), которые хранятся в Национальном архиве Республики Калмыкия. В указанных фондах отложилась переписка между правительственными, областными и местными органами власти по вопросам миграции. Исследование проводилось с помощью сравнительно-исторического и описательного методов познания.

3. Подготовка раскулачивания и переселений

В 1929 г. власти приступили к политике ликвидации кулачества как класса. Данная акция была вызвана не только противодействием кулачества коллективизации, но также имела свое обоснование в идеологии, нацеленной на уничтожение эксплуататорских классов и отдельных социальных слоев населения, которым, как считалось, не было места в будущем коммунистическом обществе.

В рамках раскулачивания большую роль играли организованные государством переселенческие мероприятия, которые, как постоянно подчеркивали власти, должны были способствовать перевоспитанию кулаков трудом на новых местах. В них должны были создаваться «специфические условия» и «системы» для повышения производительности труда. Все это провозглашалось в адрес людей, чьи хозяйства в деревне были наиболее крепкими.

В Нижне-Волжском крае, в состав которого входила в 1929 г. Автономная область трудового калмыцкого народа, кулачество было разбито не на три, а на четыре категории. В первую категорию включили кулаков, считавшихся наиболее политически опасными для власти, во вторую и третью категории — наиболее богатых кулаков из числа индивидуально обложенных сельскохозяйственным налогом, в четвертую — хозяйства, привлекавшие наемных работников, которые арендовали земли, использовали сельхозтехнику и занимались торговлей [Зуев 2000: 10].

Не все раскулаченные подлежали выселению из родных мест. Освобождались от переселения кулацкие хозяйства, в семьях которых были лица, преданные советской власти, учителя, агрономы, естественно, при условии, что они дадут поручительство за политическую лояльность всех членов своих семей по отношению к проводимому мероприятию. Не подлежали выселению и те семьи, в которых на данное время кто-то нес службу в рядах Красной Армии, или в их составе были бывшие партизаны, красногвардейцы и те, кто получил отличия, награды за участие в Гражданской войне на стороне советской власти. Но все эти

лица обязаны были представить соответствующие документы [Борисенко 2000: 97]. То же самое относилось к нетрудоспособным, к которым были отнесены полные инвалиды, беременные женщины на последних сроках беременности и те, кому исполнилось 65 лет.

Каждый выселяемый должен был запастись на трехмесячный срок 20 кг муки или 36 кг печеного хлеба, сушеным мясом и другими продуктами первой необходимости. Он должен был иметь таган, котел, ведро, чашку, ложку, топор, пилу и лопату. Одежды разрешалось брать с запасом на один год, денег — 500 руб. на семью. Пять семей выселенцев могли взять для ведения хозяйств в новых поселениях только одну лошадь, одну телегу, плуг, борону и 120 кг прессованного или в скопах сена [Борисенко 2000: 98].

Установленных для выселяемых норм продуктов, имущества и сельхозинвентаря власти часто не придерживались, или они разворовывались в пути следования.

В Калмыцкой автономной области подготовка к раскулачиванию и выселению началась во второй половине 1929 г. В июле 1929 г. для проведения данного мероприятия в Калмыкии была сформирована комиссия из руководителей области и начальника отдела Объединенного государственного политического управления (далее — ОГПУ), а 10 сентября 1929 г. Нижневолжский крайком ВКП(б), основываясь на информации, предоставленной данной комиссией, и ее предложениях, принял решение о «О выселении эксплуататорской верхушки Калмобласти». В решении был установлен имущественный критерий для отнесения к разряду эксплуататоров: в чисто скотоводческих районах подлежали раскулачиванию и выселению хозяева, владевшие в перерасчете на крупный рогатый скот не менее чем двумястами головами крупного рогатого скота, а в смешанных скотоводческо-земледельческих и рыболовецко-скотоводческих районах — не менее ста головами крупного рогатого скота. Выселению подлежали также лица, не подпадавшие по имущественному положению под категорию кулаков, но являющиеся, по мнению властей, антисоветским и контрреволюционным элементом.

В октябре 1929 г. обком партии и облисполком создали специальную областную политическую тройку (политтройку) во главе с председателем Калмыцкого облисполкома А. П. Пюрбеевым и улусные комиссии под председательством председателей улусных исполкомов. Указанными органами руководила краевая политтройка в составе секретаря Нижневолжского крайкома ВКП(б) А. Чугунова, ответственного секретаря Калмыцкого обкома партии Х. М. Джалыкова и представителя краевого ОГПУ Таранова.

4. Принудительные переселения кулаков

Мероприятия по конфискации имущества и выселению были проведены внезапно, одновременно в разных местах, и оперативно. 16 октября 1929 г. Калмыцкое областное ОГПУ получило секретный приказ за подписью полномочного представителя ОГПУ Нижневолжского края Ш.-А. Илестанова и начальника Калмотдела ОГПУ А. Павлова провести операцию. В пять часов утра 17 октября 1929 г. ОГПУ приступило к операции и завершило ее на следующий день — 18 октября. Она проводилась сотрудниками местных правоохранительных частей с привлечением оперативных работников из нескольких городов Нижнего Поволжья и красноармейцев из разных частей.

Раскулачивание и выселение продолжались и в последующие месяцы и годы, так как постоянно выявлялись новые лица, подлежащие репрессиям. Данная компания осуществлялась до 1934 г. включительно. За период с 1929 по 1934 гг., по неполным данным и без учета «самораскулаченных», в Калмыцкой автономной области были репрессированы 2 195 крестьянских семейств (почти 14 тыс. человек), из которых 1 821 семья подверглась выселению за пределы области, остальные — были разорены и переселены в специальные поселения на территории автономии [История 2009: 398].

Списки на раскулачивание и выселение составлялись сельскими комиссиями, а утверждались в Калмыцкой автономной области областной комиссией. В сельские комиссии входили члены партии, батраки и бедняки, и для многих из них это было серьезным испытанием, поскольку надо было утвердить для раскулачивания фамилии конкретных лиц, с которыми они жили в одном селе или были связаны родственными узами, хозяйственными делами.

Раскулачивания и выселения большинство крестьян не одобряли, но высказать открыто это боялись, опасаясь репрессий. В категорию раскулаченных могли зачислить середняков и бедняков, критиковавших действия властей, и даже людей, предъявлявших властям законные требования.

В Автономной области калмыцкого трудового народа репрессии вызывали отрицательное отношение у большинства крестьян. Здесь в поддержку кулаков нередко выступали не только середняки, но и многие бедняки и батраки. В селах Приютное, Элиста, Кюрюльта, Садовое и хотонах Т. Лиджиева, М. Санджиева народные собрания открыто осудили меры властей по раскулачиванию односельчан [НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 328. Л. 53].

Бедняки и батраки просили не изымать имущество у зажиточных и разрешить им остаться на родине, мотивируя это тем, что кулаки хорошо помогали им материально, обеспечивали средствами к существованию. В Национальном архиве Республики Калмыкия сохранились сотни коллективных заявлений от местных жителей, не побоявшихся обратиться к властям с просьбой отменить раскулачивание и выселение своих односельчан. В 1930 г. власти получили 200 заявлений подобного характера, но из них положительно были разрешены только три. Выселяемым не помогло даже то, что просителями за них выступали бедняки и батраки. Чтобы отбить им желание спасти кулаков от выселения, власти стали отнимать у них переданный им конфискованный у кулаков скот, но и после этого заявления продолжали поступать, в них содержались просьбы оставить кулаков в родных местах хотя бы временно — до следующей весны [НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 321. Л. 28].

Имели место случаи противодействия конвоированию арестованных кулацких семей из населенных пунктов. Так было в с. Приютном и в ряде других мест [НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 321. Л. 25–26].

Развернувшиеся в марте 1930 г. репрессии против кулаков вызвали колебания у многих членов бригад: «В процессе операции выделенные работники из партийно-комсомольского актива, за небольшим исключением, на деле не проявили достаточной энергичности в действиях, а в отдельных случаях сдрейфили. Уходили с постов, срывая тем самым успешность операции (симуляция болезни и прочее)» [НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 328. Л. 56].

В 1931 г. и в последующие годы недовольство выселениями сохранялось, но население, напуганное в предшествующие два года коллективизации репрессиями и угрозами со стороны властей, уже было не столь активно в защите выселяемых.

Репрессированных кулаков под конвоем на подводах, машинах, речных баркасах (в Приморском и Приволжском улусах Калмыцкой автономной области) свозили на специально подготовленные в близлежащих железнодорожных станциях сборные пункты, где содержали до момента погрузки в поезд. Эти пункты представляли из себя открытые, огороженные колючей проволокой площадки, которые охранялись конвоирами. Кулаки из Калмыцкой автономной области перевозились на железнодорожные станции населенных пунктов Дивное, Абганерово, Сальск, а из восточных улусов — в г. Астрахань и на другие станции в округе. Далее они направлялись на поселение в назначенные им удаленные места, часть раскулаченных расселяли в пределах малоосвоенных территорий Нижне-Волжского края, в который в рассматриваемое время входили Саратовская, Сталинградская области, Автономная республика немцев Поволжья, Астраханский округ и Автономная область трудового калмыцкого народа. Внутри каждого субъекта создавались трудовые поселки, куда переселялись категории менее опасных для власти кулаков данного субъекта. По количеству переселенцев они значительно уступали отправленным в отдаленные регионы страны. Выселенных из Калмыцкой автономной области переселяли на Урал и в Казахстан, но многих определяли на жительство в территориально более близкие к Калмыкии районы Нижне-Волжского края — в Пугачевский округ (позже район), Новоузенский, Алагайский и Кайсацкий районы. Данные районы в настоящее время входят в состав Самарской, Саратовской и Волгоградской областей.

На новом месте выселенным пришлось привыкать к новым климатическим условиям, к принудительному труду, к жесткому надзору со стороны властей, и в целом к тяжелым бытовым условиям жизни ссыльного человека. Переселенцев селили вне населенных пунктов, нередко в местах неудобных и не подготовленных для проживания человека, где не было никаких строений. Ссылные фактически вынуждены были выживать самостоятельно, без ощутимой поддержки со стороны государства.

Спецпоселенцы были задействованы в сферах хозяйства, где требовался тяжелый физический труд и ощущался недостаток в рабочей силе. В принудительном порядке их определяли работать чернорабочими, шахтерами, строителями, лесорубами и др. На родине спецпереселенцы были в массе своей скотоводами и рыбаками, в меньшей степени — земледельцами, в местах ссылки они вынуждены были осваивать профессии, связанные с промышленной сферой. Новые занятия часто не соответствовали их хозяйственным навыкам и прежним профессиям.

Тяжело переживали отрыв от своего дома калмыки. 26 июня 1930 г. в административный отдел Пугачевского округа обратилась группа калмыков-спецпереселенцев с просьбой разрешить вернуться в Калмыцкую автономную область или переселиться в другие области и края. Власти не предоставили им возможности заниматься традиционным для них занятием — скотоводством, и калмыки оказались лишены источников к существованию. Без работы калмыки не имели права покупать товары первой необходимости в кооперативных организациях, а личные денежные накопления у них закончились.

Для менее «социально» опасных для советских властей кулаков организовывались трудовые поселки. Обычно в них селили раскулаченных третьей и четвертой категорий, не запланированных к выселению за пределы округа и автономной области. История уготовила им недолгий срок существования, последние из них были ликвидированы после начала Великой Отечественной войны, осенью 1941 г.

В Калмыкии лиц, не отнесенных к категории «социально опасных», расселяли внутри области на малопригодные земли. В восточные Эркетеновский и Яндыко-Мочажный улусы в 1929 г. переселили 46 раскулаченных семей, в 1930 г. — 11 семей из западных и северных улусов. 13 семей эркетеновцев и 11 семей яндыкомочажцев тогда же перебросили на жительство в Багацохуровский и Манычский улусы [Борисенко 2000: 89].

В 1931 г. спецпоселок под номером 31 был организован в Западном улусе, на землях Багатуктуновского сельского совета. Его решили устроить на месте поселения, основанного в 1928 г. перешедшими на оседлый образ жизни калмыками. Комендант спецпоселка бесцеремонно приказал им выселиться в короткий срок из своих домов, а свои дома передать прибывшим из других улусов раскулаченным. Вынужденные покинуть свои дома 25 семей местных жителей переселились в п. Красный Маныч Багатуктуновского сельского совета, заняв дома людей, ушедших в 1932 г. в связи с голодом на заработки в другие губернии. Весной 1935 г. трудовые мигранты стали возвращаться домой и потребовали освободить свои дома. Недавние переселенцы вынуждены были подыскивать новое жилье и размещаться по 2–3 семьи в одной землянке. Они предложили передать им в пользование 13 пустующих домов, находящихся на коневодческой ферме колхоза им. Кирова, и 6 домов в п. Красный Маныч, оставшихся от выселения кулаков, и, кроме того, построить за счет кулаков спецпоселка 4 дома. Все они должны были возместить потерю домов на прежнем месте проживания. Власти области согласились с данным предложением и обязали Багатуктуновский сельсовет его реализовать. В спецпоселке № 31 на 6 января 1936 г. насчитывалось 105 дворов и проживало 343 человека [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 3 с. Д. 134. Л. 149]. В пределах Западного улуса находилось еще одно кулацкое поселение, располагавшееся около п. Башанта, на х. Ильков. Там было размещено 25 семей раскулаченных.

Трудпоселение под номером 32 НКВД было устроено в 1932 г. в районе Багутовского сельсовета Лаганского улуса. В 1935 г. в нем проживали 333 чел. [Борисенко 2000: 90]. Просуществовало оно до 1942 г., а его жители были выселены в Казахстан [Борисенко 2000: 91].

В апреле 1933 г., по данным начальника Калмыцкого отдела ОГПУ П. И. Кишкина, в области после раскулачивания и выселения оставалось 219 кулацких хозяйств, из которых 82 хозяйства были расселены по внутриобластным трудовым поселкам. Кроме них, в Калмыцкой автономной области скрывались 132 кулака, переселившиеся из других мест [НА РК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 104. Л. 28].

Всего в Калмыцкой области в течение 1929–1934 г. было раскулачено 2 195 семей, в которых числилось почти 14 000 чел. Из указанного количества семей 1 821 семья была выселена за пределы области и 374 семьи переселены в созданные внутри автономной области специальные поселки [Максимов 2004: 100].

Многие спецоселенцы не могли примириться с высылкой и пытались вернуться в родные места путем подачи заявлений в местные и центральные органы

власти. В первой половине 1930 г. участились случаи подачи райисполкомами и сельсоветах, находящимися в местах высылки кулаков, ходатайств о возвращении раскулаченных по второй категории из Северного края в прежние места проживания. Президиум Нижне-Волжского крайисполкома для рассмотрения ходатайств создал специальную комиссию и 4 августа 1930 г. рекомендовал местным органам власти прекратить выдавать родственникам раскулаченных какие-либо справки, дающие основание непосредственно обращаться в места ссылки. Чтобы отбить желание ходатайствовать, райисполкомы должны были дать «секретным порядком распоряжения сельсоветам, но в такой форме, которая не стимулировала бы массовых ходатайств о возвращении выселенных...» [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 10с. Д. 61. Л. 61].

Обращения ссыльных кулаков о возвращении на родину чаще всего оставались без рассмотрения, поэтому многие тайно убегали из мест ссылки, пытаясь спрятаться от властей где-нибудь в малонаселенных и глухих районах страны. Калмыкия в этом отношении привлекала беглецов. Необходимо отметить, что 1929 г., в начале процесса раскулачивания, лица, подпадавшие под категорию кулаков, еще имели легальную возможность распродать хозяйства и переселиться в другие места. В начале 1930 г. эту лазейку власти закрыли.

5. Нелегальные переселения

1 февраля 1930 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О воспрещении самовольного переселения кулацких хозяйств и распродажи ими имущества», запретившего крестьянам, попавшим под раскулачивание, без согласия райисполкома продавать свое имущество и переселяться. Самовольно переселяющемуся грозили немедленная конфискация имущества, а при распродаже имущества — репрессии [ГА АО. Ф. Р-1095. Оп. 1. Д. 131. Л. 8]. После выхода запрета кулаки вынуждены были действовать нелегально и скрывать свои истинные намерения.

Беглецы стремились устроиться жить в удаленных местностях, подальше от городов, причем многие местные сельсоветы не препятствовали притоку кулаков, не обращая на них особого внимания. В Калмыцкой автономной области было много удаленных и малонаселенных мест, поэтому она привлекала беглых кулаков. В ее населенных пунктах и просто в степи они надеялись переждать гонения и возвратиться на родину или закрепиться на новом месте жительства. Сохранившиеся оперативные сводки о поимке беглых кулаков свидетельствуют о значительном их количестве в области. В июне 1931 г. в к югу от ставки Утта, например, их скрывалось около 400 чел., а в местности Улан-Хол и х. Хлебный тогда же «бродили» большие партии кулаков, бежавших из Дагестанской области; когда власти их спрашивали о цели пребывания в области, то они заявляли, «что едут туда, где меньше берут налогов, и что они ждут скорой перемены власти» [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 3. Д. 8. Л. 93]. В июне 1931 г. милиция задержала во время облавы на базаре в с. Приютном 17 женщин-кулачек и одного мужчину, убежавших из кулацкого поселка в с. Киста, и арестовала 21 кулаков из Дивненской комендантуры, сбежавших во время конвоирования [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 3. Д. 8. Л. 93].

Сильно встревожило областные власти известие о создании в Дивненском и Винодельнинском районах кулацких спецпоселков и намерение правительства расселить в Заветнинском и Ремонтненском районах 35–45 тыс. кулацких хозяйств.

Указанные районы Северо-Кавказского края граничили с Калмыцкой автономной областью, и областные власти, ссылаясь на «хозяйственную и культурную отсталость калмыков», опасались возможного влияния на них кулаков. 20 марта 1931 г. секретарь Калмыцкого обкома ВКП(б) Х. М. Джалыков в секретной докладной записке просил И. В. Сталина по соображениям нецелесообразности «в политическом и хозяйственном отношении» приостановить решение о переселении кулаков в приграничные с областью районы Северо-Кавказского края [НА РК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 23. Л. 1].

В первой половине 1930-х гг. много бежавших кулаков скопилось в Приморском улусе Автономной области калмыцкого народа. Большинство сельсоветов данного улуса не препятствовали проникновению кулаков-мигрантов, знали об этом и сельские активисты, но помалкивали. Власти обратили на них внимание, когда участились случаи воровства кулаками хлеба с колхозных полей, имущества у местных жителей. 17 июня 1933 г. председатель Приморского исполкома Советов «категорически предложил» председателям сельских советов усилить деятельность сельских активистов по выявлению укрывающихся кулаков и под стражей доставлять их в распоряжение уполномоченного ОГПУ. Работа должна была проводиться «секретным порядком» и в случае уклонения от нее председателей грозили привлечь их к строгой ответственности [НА РК. Ф. Р-34. Оп. 4с. Д. 17. Л. 19].

Укрывавшихся кулаков обнаруживали и в других районах Калмыцкой АССР. Один такой поселок основали в 10 км от г. Элисты, в балке Бурата, беглецы из Приморского улуса. Проживавшие в нем 7 кулацких хозяйств скрывались от тяжелого налогообложения и ничего не платили государству. В 1935 г. областной исполнительный комитет Автономной области калмыцкого народа потребовал от председателя исполкома Центрального улуса проверить кулаков и обложить соответствующими их правовому статусу налогами [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 3с. Д. 40. Л. 176].

6. Заключение

Ликвидация кулачества как класса в годы коллективизации сельского хозяйства в СССР сопровождалась массовыми депортациями сельского населения. Организацией переселений советское руководство намеревалось изолировать кулаков от влияния на коллективизацию и одновременно обеспечить развернувшуюся форсированную индустриализацию дешевой рабочей силой.

Операция по выселению кулаков прошла по плану. В Калмыкии, как и в других краях, областях и республиках, был разработан конкретный план операции, установлены даты проведения, определен состав участников, распределены силы по конкретным населенным пунктам, даны на места разнарядки по количеству переселяемых людей, составлены их списки, указаны места сбора, транспорт, места назначения ссыльных. Депортация осуществлялась в течение шести лет — с осени 1929 г. по 1934 г. включительно, при этом своего пика раскулачивания и переселения достигли в 1930–1931 гг.

В Калмыкии план по раскулачиванию, как и в соседних административно-территориальных субъектах, был перевыполнен. Если в 1930 г. раскулаченные должны были составлять 2–3 % от всех крестьянских хозяйств области, то в 1931 г. планку подняли до 3,1 % [История 2009: 398].

В Калмыцкой автономной области население занималось в основном скотоводством, был развит рыбацкий промысел. Поэтому основной контингент раскулаченных и высланных составили не земледельцы, а скотоводы и рыбаки.

Для малонаселенной и слабо развитой в экономическом отношении Калмыкии раскулачивание и высылка наиболее предприимчивой и обеспеченной в хозяйственном отношении крестьянства имели негативные последствия. Природные условия Калмыкии довольно сложные. Выселенные же люди являлись старожилками, которые были приспособлены к проживанию в непростых местных природных условиях, адаптированы к традиционным хозяйственным занятиям.

В Калмыцкой автономной области было много удаленных и малонаселенных мест, поэтому она привлекала беглых кулаков. В населенных пунктах области и просто в степи они надеялись переждать гонения и возвратиться на родину или закрепиться на новом месте жительства.

Действия властей по выселению кулаков усилили миграции населения в Калмыцкой автономной области. С одной стороны, они привели к принудительному массовому оттоку населения, с другой — к нелегальному переселению в нее значительного количества, бежавшего от раскулачивания людей.

Кампания по раскулачиванию и переселению официально была направлена на перевоспитание трудом бывших «эксплуататоров», но государство не оказало должной помощи спецпереселенцам, и они были поставлены на грань физического выживания. Массовая гибель людей при транспортировке и при обустройстве в местах ссылки наводит на мысль о целенаправленной политике не только политического, но и физического уничтожения кулаков.

Источники

ГА АО — Государственный архив Астраханской области.

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Sources

National Archive of the Republic of Kalmykia.

State Archive of the Astrakhan region.

Литература

Борисенко 2000 — *Борисенко И. В.* Раскулачивание в Калмыкии // Наука и высшая школа Калмыкии. 2000. № 2(3). С. 84–101.

Данилов 2011 — *Данилов В. П.* История крестьянства в России в XX веке: избранные труды. М.: РОССПЭН, 2011. Ч. 1. 861 с.; Ч. 2. 831 с.

Зеленин 2006 — *Зеленин И. В.* Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930–1939: политика, осуществление, результаты. М.: Наука, 2006. 313 с.

Зуев 2000 — *Зуев А. В.* Раскулачивание крестьянских хозяйств в Астраханском крае (по материалам Госархива Астраханской области) // От тоталитарного мышления к гражданскому самосознанию астраханцев: мат-лы обществ. чтений (г. Астрахань, 30 марта 2000 г.). Астрахань: Астрах. гос. пед. ун-т, 2000. С. 6–11.

Ивницкий 1994 — *Ивницкий Н. А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М.: Интерпракс, 1994. 267 с.

История 2009 — История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 тт. Т. 2. Элиста: Герел, 2009. 840 с.

Максимов 2004 — *Максимов К. Н.* Трагедия народа. Репрессии в Калмыкии в 1918–1940-е годы. М.: Наука, 2004. 311 с.

- Оглаев 1987 — *Оглаев Ю. О.* Осуществление ленинского кооперативного плана в Калмыкии (1917–1937 гг.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1987. 159 с.
- Селунская 1961 — *Селунская В. М.* Борьба коммунистической партии Советского Союза за социалистическое преобразование сельского хозяйства. Октябрь 1917–1934 гг. М.: Высшая школа, 1961. 205 с.
- Тепцов 2002 — *Тепцов Н. В.* В дни великого перелома. История коллективизации, раскулачивания и крестьянской ссылки в России (СССР) по письмам и воспоминаниям. 1929–1933 гг. М.: Звоница, 2002. 414 с.
- Трапезников 1967 — *Трапезников С. П.* Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. Т. 2. М.: Мысль, 1967. 622 с.
- Фицпатрик 2008 — *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне: социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: РОССПЭН, 2008. 421 с.

References

- Borisenko I. V. Dekulakization in Kalmykia. *Science and Higher School of Kalmykia*. 2000. No. 2(3). Pp. 84–101. (In Russ.)
- Danilov V. P. The History of the Peasantry in Russia in the XX century: Selected Works. Moscow: ROSSPEN, 2011. Part 1. 861 p. Part 2. 831 p. (In Russ.)
- Ivnitsky N. A. Collectivization and Dispossession (early 30s). Moscow: Interprax, 1994. 267 p. (In Russ.)
- Fitzpatrick Sh. Stalin's Peasants: the Social History of Soviet Russia in the 30s: Village. Moscow: ROSSPEN, 2008. 421 p. (In Russ.) The History of Kalmykia from Ancient Times to the Present Day: in 3 vol. Vol. 2. Elista: Gerel, 2009. 840 p. (In Russ.)
- Maximov K. N. The Tragedy of the People. Repressions in Kalmykia in 1918–1940 s. Moscow: Nauka, 2004. 311 p. (In Russ.)
- Oglaev Yu. O. The Implementation of the Lenin Cooperative Plan in Kalmykia (1917–1937). Elista: Kalmykia Book Publ., 1987. 159 p. (In Russ.)
- Selunskaya V. M. The Struggle of the Communist Party of the Soviet Union for the Socialist Transformation of Agriculture. October 1917–1934. Moscow: Higher School, 1961. 205 p. (In Russ.)
- Teptsov N. V. In the Days of the Great Turning Point. The History of Collectivization, Dispossession and Peasant Exile in Russia (USSR) by Letters and Memoirs. 1929–1933. Moscow: Zvonitsa, 2002. 414 p. (In Russ.)
- Trapeznikov S. P. Leninism and the Agrarian and Peasant Question. Vol. 2. Moscow: Mysl, 1967. 622 p. (In Russ.)
- Zelenin I. V. Stalin's "Revolution from above" after the "Great Turning point". 1930–1939: Policy, Implementation, Results. Moscow: Nauka, 2006. 313 p. (In Russ.)
- Zuev A. V. Dispossession of Peasant Farms in the Astrakhan Region (based on the materials of the State Archive of the Astrakhan region) // From Totalitarian Thinking to the Civic Consciousness of Astrakhan: Materials of public readings (March 30, 2000, Astrakhan). Astrakhan: Astrakhan State Ped. University, 2000. Pp. 6–11. (In Russ.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 15, Is. 4, pp. 615–642, 2023
 DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-615-642

МОНГОЛОВЕДИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 94(47).084.8

DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-615-642

Военнослужащие Красной армии из Калмыкии, захороненные на Мамаевом кургане: историко-статистическое исследование

Сергей Григорьевич Ершов¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, г. Элиста 358000, Российская Федерация)
 младший научный сотрудник

 0009-0006-1280-0314. E-mail: sgershov[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Ершов С. Г., 2023

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена военнослужащим Красной армии — жителям Калмыцкой АССР, захороненным на Мамаевом кургане — ключевой точке обороны Сталинграда в период Великой Отечественной войны, а также историко-статистическому исследованию их коллективного портрета. *Материалы и методы.* При написании статьи использовался комплекс различных общенаучных и специальных методов, в том числе историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, историко-системный, а также статистический метод. Материалами для работы послужили журналы боевых действий частей по обороне Сталинграда, донесения о безвозвратных потерях личного состава, материалы Книг Памяти Волгоградской области и Республики Калмыкия, списки погибших, занесенные на мозаичные знамена в Зале Воинской Славы на Мамаевом кургане, списки захоронений на Мамаевом кургане. *Результаты.* В ходе исследования на основе различных источников была составлена база данных военнослужащих Красной армии — жителей Калмыцкой АССР, захороненных на Мамаевом кургане. Вслед за этим был осуществлен анализ их коллективного портрета по таким категориям, как место и время рождения, место призыва, время и место гибели. *Выводы.* Проведенный анализ свидетельствует о том, что уроженцы Калмыкии активно участвовали в обороне Сталинграда. При этом большинство погибших относится к молодежи 1923 г. рождения и моложе. Очевидно, что большая часть исследуемых персоналий была мобилизована в 1942 г. и, даже не завершив обучения, была брошена на защиту Сталинграда. Большинство потерь пришлось на сентябрь-октябрь 1942 г. — период самых напряженных боев за Сталинград. При этом анализ сведений о других защитниках Сталинграда, не входящих в список захороненных на Мамаевом кургане, позволяет утверждать, что они также были захоронены на этом мемориале, но без указания фамилий.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Красная армия, Калмыцкая АССР, Сталинградская битва, оборона Сталинграда, Мамаев курган, историческая память

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Ершов С. Г. Военнослужащие Красной армии из Калмыкии, захороненные на Мамаевом кургане: историко-статистическое исследование // Монголоведение. 2023. Т. 15. № 4. С. 615–642. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-615-642

Red Army Servicemen from Kalmykia Buried on Mamaev Kurgan: a Historical and Statistical Study

*Sergey G. Ershov*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Junior Research Associate

 0009-0006-1280-0314. E-mail: sgershov[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Ershov S. G., 2023

Abstract. *Introduction.* The article is devoted to the servicemen of the Red Army — residents of the Kalmyk ASSR, buried at the Mamaev Kurgan — a key point of the defense of Stalingrad during the Great Patriotic War, as well as to the historical and statistical study of their collective portrait. *Materials and methods.* When writing the article a complex of various general scientific and special methods was used, including historical-genetic, historical-comparative, historical-typological, historical-systemic, as well as statistical method. The materials for the work were the logs of combat operations of units in the defense of Stalingrad, reports on irrecoverable losses of personnel, materials of the Books of Memory of the Volgograd region and the Republic of Kalmykia, lists of the dead, inscribed on the mosaic banners in the Hall of Military Glory on the Mamaev Kurgan, lists of burials on the Mamaev Kurgan. *Results.* In the course of the research on the basis of various sources the database of the Red Army servicemen - residents of Kalmyk ASSR, buried on the Mamaev Kurgan was compiled. Following this, their collective portrait was analyzed by such categories as place and time of birth, place of conscription, time and place of death. *Conclusions.* The analysis shows that natives of Kalmykia actively participated in the defense of Stalingrad. At the same time, the majority of the deceased belonged to young people born in 1924 and younger. It is obvious that most of the studied personalities were mobilized in 1942 and, even without completing their training, were thrown to the defense of Stalingrad. At the same time, most of the losses occurred in September-October 1942 – the period of the most intense battles for Stalingrad. At the same time, the analysis of information about other defenders of Stalingrad, not included in the list of those buried at Mamaev Kurgan, allows us to assert that they were also buried at this memorial, but without specifying their names.

Keywords: Great Patriotic War, Red Army, Kalmyk ASSR, Battle of Stalingrad, defense of Stalingrad, Mamaev Kurgan, historical memory

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 ‘The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups’.

For citation: Ershov S. G. Red Army Servicemen from Kalmykia Buried on Mamaev Kurgan: a Historical and Statistical Study. *Mongolian Studies (Elista)*. 2023; 15(4): 615–642. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-615-642

1. Введение

Сталинградская битва является одним из наиболее значительных событий в истории Великой Отечественной войны. Неслучайно, что именно с начала стратегической операции «Уран» — контрнаступления советских войск, завершившегося их победой в Сталинградской битве, отсчитывается коренной перелом в войне 1941–1945 гг. При этом центром этого эпохального сражения, вокруг которого были задействованы огромные массы людей, техники и вооружения, являлся Сталинград и его героическая оборона. И ключевое значение для обороны Сталинграда имела господствующая над окружающей местностью высота 102,0, больше известная в отечественной историографии, да и во всем мире, как Мамаев курган.

В ходе этого сражения принимали участие и военнослужащие Красной армии, призванные с территории Калмыцкой АССР. Истории как всей Сталинградской битвы, так и непосредственно самой обороны Сталинграда, посвящено огромное количество работ [Великая 1965; Родимцев 1969; Самсонов 1989; Роковые 2000; Исаев 2008; Кобяков 2023; и др.]. Однако конкретно по истории участия жителей Калмыкии в этой битве трудов не так много. Большею частью это воспоминания участников Сталинградской битвы [Нармаев 1970; Булиев 1985; Бембинов 1993; Кутыгин 2006; и др.]. Выходили небольшие очерки о наших земляках — участниках Сталинградской битвы, опубликованные в различных сборниках статей [Трембач 1963; Илишкин 1988; Богаев 2005; и др.]. Отдельные упоминания о калмыках — участниках обороны Сталинграда есть в классической работе М. Л. Кичикова [Кичиков 1970: 98–99]. Впервые специальное исследование, посвященное участию калмыков в Сталинградской битве, провел Ю. О. Оглаев [Оглаев 2013]. Эта работа стала своеобразным ответом на энциклопедию «Сталинградская битва», где участие наших земляков в этом сражении представлялось с большими искажениями. Однако архивные материалы исследователем привлекались слабо, а электронные базы данных «Мемориал» и «Подвиг народа» тогда только создавались, поэтому работа Ю. О. Оглаева, несмотря на большой объем информации, все же осталась большей частью фрагментарной. Полномасштабная загрузка архивных материалов по награждениям и потерям военнослужащих Красной армии в ходе Великой Отечественной войны в общедоступные электронные базы данных предоставила исследователям новые и весьма широкие возможности. Опираясь на эти источники, свое исследование о военнослужащих Красной армии, призванных из Калмыкии и участвовавших в Сталинградской битве, провел и автор этих строк в соавторстве с У. Б. Очировым и Е. А. Гунаевым [Очиров и др. 2018]. Полученные результаты позволили осуществить статистический анализ по ряду показателей. Однако эта работа была посвящена всем участникам сражения, при этом непосредственные участники обороны Сталинграда в целом и Мамаева кургана в частности не выделялись. Таким образом, мы можем прийти к выводу, что исследование конкретно по заявленной теме ранее не осуществлялись.

2. Материалы и методы

В основу исследования были положены принципы объективности, научности и историзма. В ходе исследования активно применялись специально-исторические (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, историко-системный) и статистический методы. Например, необходимость пере-

крестной сверки сведений о безвозвратных потерях для установления их достоверности потребовала активного применения историко-сравнительного метода. Анализ безвозвратных потерь по различным категориям обусловил использование статистического метода.

Данное исследование опиралось на широкий комплекс источников в первую очередь на документы Центрального архива Министерства обороны РФ, размещенные на портале ГИС «Память народа» в объединенных банках данных «Мемориал» и «Подвиг народа» и др.: журналы боевых действий частей по обороне Сталинграда, донесения о безвозвратных потерях личного состава и иные документы [Мемориал 2006–2023; Память народа 2015–2023; Подвиг народа 2010–2023]. Кроме того, были использованы материалы Книг Памяти Волгоградской области и Республики Калмыкия, списки погибших, занесенные на мозаичные знамена в Зале Воинской Славы на Мамаевом кургане [Большая; Имена], списки захороненных на Мамаевом кургане и т. д.

3. Участие военнослужащих, призванных из Калмыцкой АССР, в защите Сталинграда

Анализ архивных документов показывает, что многие воины из Калмыкии самоотверженно воевали с врагом на сталинградской земле, сражались за Мамаев курган, отстаивали Сталинград. Храбро, наравне со старшими боевыми товарищами, самоотверженно бились с врагом и те, кому не исполнилось и 20 лет — практически еще мальчишки и девчонки. Многие отличились в боях и были отмечены боевыми наградами. Вот имена некоторых из них.

Сержант разведывательной роты 38-й мотострелковой бригады (далее — мсбр) Тимофей Орашинович Бадиков, 1923 г. рождения, уроженец Лаганского района, действуя на передовой линии в составе группы разведчиков, врывается в дома, огнем автомата и бросками гранат уничтожает врага. 30 января уничтожил 5 офицеров, скрывавшихся в домах, 150 взял в плен и доставил в штаб бригады. Участвовал в штурме универмага, где помещался штаб 6-й армии и фельдмаршал Ф. Паулос. Награжден орденом Красной Звезды (приказ 38-й мсбр № 5/н от 06.02.1943) [Подвиг народа 2010–2023].

Командир отделения роты ПТР 1384-го стрелкового полка (далее — сп) 96-й стрелковой дивизии (далее — сд)¹ сержант Василий Иванович Баев, 1923 г. рождения, призванный Западным районным военкоматом (далее — РВК), со своим расчетом противотанкового ружья (далее — ПТР) вывел из строя танк противника, уничтожил два пулеметных расчета, 58 солдат и офицеров, взял в плен 4 офицеров и 14 солдат. Награжден медалью «За отвагу» (приказ 1384-го сп № 14/н от 12.03.1943) [Подвиг народа 2010–2023].

Командир танка 42 гв. отдельного танкового полка (далее — отп) 3-го гвардейского механизированного корпуса (далее — мк) гвардии лейтенант Саранг Мучиряевич Баркаев 1912 г. рождения, уроженец пос. Шебенеры, при прорыве обороны противника огнем и гусеницами своего танка уничтожил до роты немецких солдат и офицеров, 4 противотанковых орудия, 2 шестиствольных миномета, 3 автомашины с боеприпасами, 2 тягача, 3 ПТР с их расчетами, 4 пулемета и

¹ 19 марта 1943 г. дивизия получила наименование гвардейской. 1384-й сп стал 200-м гв. сп, а 96-я сд — 68-й гв. сд.

взял в плен до взвода пехоты противника. Вражеским снарядом была выведена из строя ходовая часть танка Т-34, С. М. Баркаев под огнем противника со своим экипажем устранил повреждения и снова вступил в бой. Награжден орденом Отечественной войны 2-й степени (приказ 3-го гв. мк № 17/н от 24.04.1943) [[Подвиг народа 2010–2023](#)].

Санинструктор 152-го батальона инженерных заграждений Анна Ивановна Богатова, 1922 г. рождения, призванная Элистинским ГВК, в бою за высоту, когда противник бросил в контратаку до 15 танков с пехотой, невзирая на сильный огонь танков и автоматчиков, выдвинулась с санитарями на передний край и оказывала медицинскую помощь раненым. Лично эвакуировала с поля боя 6 раненых с их оружием. Награждена медалью «За боевые заслуги» (приказ 66-й армии № 048/н от 11.02.1943) [[Подвиг народа 2010–2023](#)].

Бойцы 1-й роты 329-го армейского инженерного батальона 64-й армии командир отделения младший сержант Буркудин Букаев, 1908 г. рождения, уроженец Лаганского района, и сапер красноармеец Прокофий Иванович Яцкин, 1905 г. рождения, призванный Приютинским¹ РВК, проявили в одном бою в один и тот же день похожий подвиг. В представлении к награде у них содержится практически одинаковая запись: «10.01.1943 г. во время прорыва обороны противника в районе высоты 111.6 под ураганным ружейно-пулеметным огнем противника, сидя на танке, провел его через минные поля, расстреливая нападающих гитлеровцев из своей винтовки. Погиб на поле боя смертью храбрых». Буркудин Букаев и Прокофий Яцкин удостоены посмертно орденов Красного Знамени (приказ Донского фронта № 127/н от 09.02.1943) [[Подвиг народа 2010–2023](#)].

Командир батареи 76-мм пушек 985-го сп 226-й сд девятнадцатилетний лейтенант Иван Алексеевич Вахрамеев, 1923 г. рождения, уроженец пос. Лагань, в боях за высоты 137,8, 123,7, 139,7, руководя огнем батареи с открытых огневых позиций, уничтожил: 11 блиндажей, 2 ДЗОТа, 17 пулеметных точек, 2 пушки, минометную батарею, один танк, один тягач и до 300 немецких солдат. В бою при отражении контратаки противника был тяжело ранен. Награжден орденом Красной Звезды (приказ 226-й сд № 022/н от 16.02.1943) [[Подвиг народа 2010–2023](#)]. Боевую награду вручить ему не успели, 10 февраля 1943 г. И. А. Вахрамеев умер от ран в госпитале [[Мемориал 2006–2023](#)].

Стрелок, красноармеец 48-го сп 38-й сд Опа Тортинович Зундинов, 1900 г. рождения, уроженец Яшалтинского района, в ходе наступления на окруженную немецкую группировку в уличном бою в городе Сталинграде с группой бойцов, броском пробравшись к дому, уничтожил две огневые точки, 10 фашистов, 20 взял в плен. Этим группа дала возможность продвинуться нашим вперед. Награжден медалью «За отвагу» (приказ 48-го сп № 17/н от 10.02.1943) [[Подвиг народа 2010–2023](#)].

Заместитель политрука 93-й отд. стрелковой бригады (далее — сбр) Морхаджи Бамбаевич Нормасев², 1915 г. рождения, призванный Приютинским РВК, участвовал в боях на самых ответственных участках фронта. Когда были убиты командир

¹ Улус с центром в с. Приютное в 1938–1944 г. официально именовался «Приютинский». Ныне этот район именуется Приютненским [[Республика Калмыкия 2019: 325](#)].

² В источнике фамилия написана с ошибкой, правильно: Нармаев. Морхаджи Бамбаевич Нармасев (1915–1993) — калмыцкий советский писатель, поэт, драматург, ученый, первый калмык — доктор сельскохозяйственных наук.

роты и его заместитель по политчасти, он заменил их в бою, повел подразделение в атаку. Будучи раненым в голову, не оставил поле боя. С пятью оставшимися в живых товарищами прочно удерживал захваченные рубежи. Награжден орденом Красного Знамени (приказ Сталинградского фронта № 137/н от 29.12.1942) [[Подвиг народа 2010–2023](#)].

Связной командира роты 124-й сбр красноармеец Манир Бадмаевич Очиров, 1923 г. рождения, уроженец пос. Олинг, под сильным минометным и ружейно-пулеметным огнем доставлял донесения, приказания и распоряжения командира роты взводам, тем самым обеспечивал бесперебойную связь и управление подразделениями. Награжден медалью «За отвагу» (приказ 124-й сбр № 4/н от 01.12.1942) [[Подвиг народа 2010–2023](#)].

Красноармеец 503-го сп 91-й сд 51-й армии Андрей Алексеевич Понамарев, 1890 г. рождения, уроженец Приютинского района, участник Первой мировой и Гражданской войн, всегда находился в передовых рядах в боевых схватках с врагом. Награжден медалью «За отвагу» (приказ 51-й армии № 44/н от 09.04.1943) [[Подвиг народа 2010–2023](#)].

Наводчик батареи 45-мм пушек 39-го гв. сп 13-й гв. сд гвардии красноармеец Борис Коокуевич Яшкулов, 1918 г. рождения, уроженец пос. Ницян, 24 сентября 1942 г. под сильным артиллерийско-минометным огнем противника в районе высоты 102,0 прямой наводкой из своего орудия подбил два средних танка и подавил пулеметную точку противника. Этим он дал возможность продвинуться нашей пехоте и закрепиться на выгодном рубеже. Был представлен к ордену Красной Звезды. Командир 13-й гв. сд генерал-майор А. И. Родимцев, рассмотрев наградной материал на Б. К. Яшкулова, повысил награду до ордена Красного Знамени. Однако на уровне фронта награду понизили до ордена Красной Звезды (приказ Сталинградского фронта № 148/н от 31.12.1942) [[Подвиг народа 2010–2023](#)].

Среди защитников легендарного Дома Павлова особый героизм проявил наш земляк Горя Бадмаевич Хохолов — снайпер 42-го гв. сп 13-й гв. сд. В 2002 г. за эти бои он был награжден медалью «За отвагу» [[Подвиг народа 2010–2023](#)].

Это всего лишь отдельные примеры отваги и мужества, проявленные нашими земляками при героической обороне Сталинграда. Однако следует заметить, что военнотружущие, призванные из Калмыцкой АССР, также и погибали в этих тяжелых боях.

4. Статистический анализ участников обороны Сталинграда, призванных из Калмыкии

В течение всего 1942 г. в рядах Красной армии погибло и пропало без вести более 4,1 тыс. наших земляков [[Максимов 2010: 344](#)]. В базе данных потерь военнотружущих, призванных из Калмыкии в ходе Сталинградской битвы, было насчитано около 2,3 тыс. чел. [[Очиров и др. 2018: 165](#)]. Другими словами, больше половины (56 %) безвозвратных потерь 1942 г. пришлось именно на это сражение, хотя наши земляки сражались на всех фронтах от Баренцева моря до Кавказа. При этом наибольшее скопление военнотружущих из Калмыкии было в составе 110-й Калмыцкой кавдивизии, сражавшейся в Битве за Кавказ. Таким образом, высокий уровень потерь наших земляков на фронтах Сталинградской битвы (в которой калмыцкие национальные части не участвовали) свидетельствует не только

о накале боев, но и о том, что в эти объединения была направлена значительная доля призванных из Калмыкии.

Однако размах Сталинградской битвы был очень широк. Мы же пытаемся оценить количество потерь на одном узком участке, пусть даже и самом ключевом. Основываясь на базе данных, опубликованной в 2018 г. [Очиров и др. 2018: 165], мы отобрали персоналии, которые погибли, умерли или пропали без вести при обороне Сталинграда. К таковым относится 251 боец и командир Красной армии, которые были призваны военкоматами Калмыцкой АССР либо родились в Калмыкии и были призваны военкоматами других регионов. Это составляет почти 11 % от общего числа потерь наших земляков в Сталинградской битве. Из них 130 (почти 52 %) — погибли, 83 — пропали без вести, 34 — умерли в госпиталях, 4 — категорию потерь установить не удалось. Также к категории безвозвратных потерь относятся и 53 военнослужащих из Калмыкии, попавших в плен в период боев за Сталинград (25 из них погибли в концлагерях, судьба остальных неизвестна). Таким образом, доля безвозвратных потерь в боях за Сталинград достигает 13,2 %.

Мы провели их анализ по возрасту (без учета пленных и 9 персоналий, чей возраст установить не удалось). Их распределение по возрасту показано на диаграмме 1.

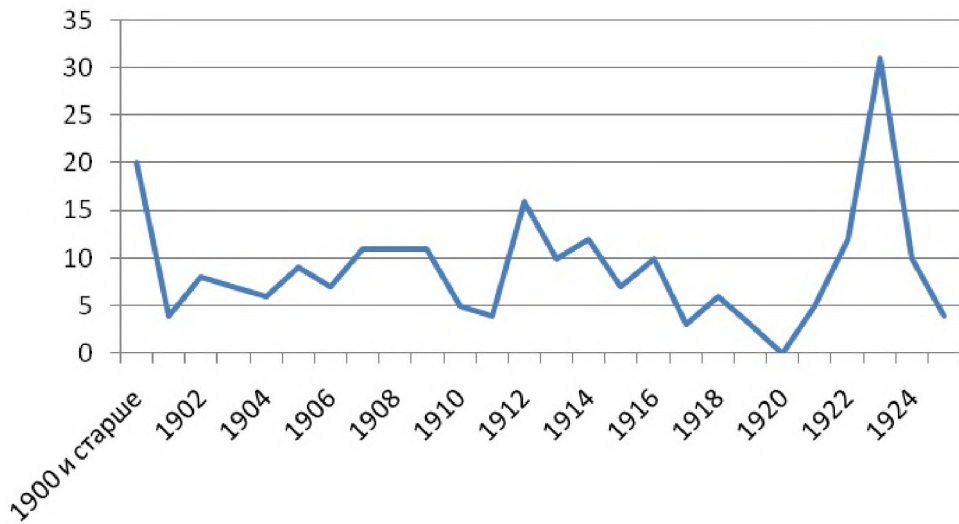

Диаграмма 1. Распределение погибших участников обороны Сталинграда, призванных из Калмыкии, по возрасту

[Diagram 1. Distribution of the deceased in the defense of Stalingrad participants, mobilized from Kalmykia, by age]

Анализ по году рождения показывает, что значительная доля военнослужащих — 57 чел. (22,7 %) были в возрасте от 20 лет и моложе. При этом абсолютное большинство воинов приходится на 1923 год рождения (31 чел.) — которые большей частью были призваны как раз в 1942 г. или в конце 1941 г. Ряды воинов более старших возрастов, большей частью уже призванных на фронт, к тому времени значительно поредели. Весьма любопытными на диаграмме 1 представляются два «провала»: 1910–1911 гг. рождения (который не имеет ясного объяснения) и 1917–1921 гг. рождения, связанный с уменьшением рождаемости и повышенной детской смертностью в период Гражданской войны и голода в Поволжье 1921 г.

5. Значение Мамаева кургана в обороне Сталинграда и участие наших земляков в его защите

В структуре обороны Сталинграда высота с отметкой 102,0 (Мамаев Курган) имела особое значение, так как господствовала над местностью, в том числе и над западным берегом Волги в этом районе города. С ее полным захватом немцы имели возможность простреливать все водное пространство на данном участке. Неудивительно, что в сентябре 1942 г., когда части 6-й армии Ф. Паулюса стали подходить к западному берегу Волги в центральной части города, Мамаев курган стал ключевым пунктом для наступления противника. Удержание этой высоты в руках 62-й армии стало одной из главных задач командования Сталинградского фронта [Исаев 2008: 167–170].

Вот как оценивают эти бои современники: «В сентябре сорок второго года — самое трудное время Сталинграда — войска 62-й армии, принявшей на себя основной удар противника, оказались отрезанными с севера и с юга. День и ночь враг бомбил и обстреливал город и Волгу, причалы и переправы, рвался к берегу, до которого оставались считанные метры. Но на этих считанных метрах насмерть стояли воины 62-й армии. В те дни, сражаясь и умирая, они поклялись: „За Волгой для нас земли нет!“... Когда судьбу Сталинграда, а может быть, и судьбу войны и победы решали уже не часы, а минуты, к этому огненному берегу под бомбами и снарядами прорвались из-за Волги пробитые осколками бронекатера. С них бросались в воду и шли в рукопашную на врага гвардейцы 13-й стрелковой дивизии генерала Родимцева... Долгие месяцы, дни и ночи гремело по сталинградскому берегу великое сражение. Весь город стал полем битвы, подступами к Мамаеву кургану, к победе Сталинграда. Все они, участники этой битвы, были героями, солдаты и генералы, летчики и танкисты, снайперы, разведчики, сандружинники...» [Толкаченко 2017: 3].

А вот как вспоминал о переправе частей 13-й гв. сд ее командир генерал А. И. Родимцев: «Не только через день, а даже через два часа могло быть поздно, а переправляться все равно бы пришлось, даже сквозь огонь» [Родимцев 1969: 7].

Приведем также воспоминания наших земляков из этого прославленного соединения, выживших в огненном аду Сталинграда: «День 14 сентября для защитников Сталинграда оказался не только самым тяжелым, но и трагическим. Враг нанес удар ножом в самое сердце города. Противник овладел важнейшими стратегическими пунктами в его центральной части — железнодорожным вокзалом, группой высоких каменных зданий и господствующей по соседству высотой — Мамаевым курганом. Врагу удалось прорвать оборону на стыке 62-й и 64-й армий в районе завода „Баррикады“ и выйти к Волге. Положение советских войск стало критическим. Город оказался в смертельной опасности, а фашистская геббельсовская пропаганда уже раструбила на весь мир, что Сталинград пал. Нет, не пал. Он из последних сил, но сражался, стоя, как утес. Первым на помощь защитникам волжской твердыни пришли десантники 13-й гвардейской дивизии» [Поваляев 2008: 54].

«В штабе нашего гвардейского соединения, — вспоминал красноармеец дивизии А. И. Родимцева элистинец С. Б. Мучаев, — со счета сбились, сколько раз фашисты пытались овладеть главной высотой России, сколько раз предпринимали решающие атаки, чтобы сбросить советские войска в Волгу. Мужественные защитники Сталинграда стояли там, где под огнем рушился бетон, горела броня,

рассыпалась сама земная твердь. Приказ Родины „Ни шагу назад!“ гвардейцы генерала А. И. Родимцева выполнили достойно и честно» [Поваляев 2008: 66–67].

Надо сказать, что в начале февраля 1967 г. дважды Герой Советского Союза генерал А. И. Родимцев побывал в Элисте по приглашению Б. Б. Городовикова. Е. А. Поваляев разместил в своих книгах снимки, запечатлевшие А. И. Родимцева с рядом официальных лиц республики и бывших однополчан 13-й гв. сд дивизии у Дома Советов (сейчас это 1-й учебный корпус Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова) и с преподавателями Калмыцкого педагогического института [Поваляев 2008: 57; Поваляев 2009: 334]. Тогда состоялась встреча генерала с боевыми товарищами, гвардейцами 13-й стрелковой дивизии, их собралось достаточно много, общение с боевыми командирами прошло в теплой, душевной обстановке.

6. Составление базы военнослужащих, призванных из Калмыкии и захороненных на Мамаевом кургане

Из группы военнослужащих, призванных из Калмыцкой АССР и похороненных на Мамаевом кургане, мы постарались выделить персоналии, которые были захоронены непосредственно на Мамаевом кургане. Имена 26 наших земляков увековечены на Мамаевом кургане на мозаичных скрижалях знамен Зала Воинской Славы. Фамилии еще троих найдены на памятных плитах Мемориала Мамаева кургана. Среди захороненных в Большой братской могиле Мамаева кургана найдены сведения о 62 военнослужащих, призванных из Калмыкии, в списках паспорта захороненных на Мамаевом кургане — о 48 земляках. Записи о 10 военнослужащих, призванных из Калмыцкой АССР, захороненных на этой высоте, выявлены в Книге Памяти Республики Калмыкия «Санл», о 12 — в Книгах Памяти Волгоградской области, о пяти — в материалах военкоматов Республики Калмыкия.

В результате установлены фамилии 93 бойцов и офицеров, захороненных на высоте 102,0. При этом подтверждающие сведения о захоронении 43 из них значатся в одном из исследованных источников, о 31 чел. — в 2 источниках, о 14 чел. — в трех источниках. Сведения о захоронении Д. С. Кабакова, Т. М. Мальца, С. И. Носева, Э. А. Очирова и Г. М. Сяриева отражены в 4 исследованных источниках. Учитывая значимость данной базы для нашего исследования, мы решили привести ее полностью (см. табл. 1). При этом мы постарались сохранить написание фамилий, данное в источниках, но реконструировали правильное написание населенных пунктов и районов Калмыкии по данным на 22 июня 1941 г., дабы избежать путаницы. Также унифицировали воинское звание «красноармеец» и «рядовой».

7. Статистический анализ персоналий, захороненных на Мамаевом кургане, по месту и времени рождения и месту призыва

Анализ этой базы данных мы начали с места рождения. Подавляющее большинство из них (66 чел.) являлось уроженцами Калмыкии. У двоих район рождения не указан. Остальные (64 из 66) распределились по районам Калмыкии так: уроженцев Долбанского улуса — 7, Западного улуса — 4, Кетченеровского улуса — 3 чел., Лаганского улуса — 8 чел., Малодербетовского улуса — 5 чел., Приволжского улуса — 3, Приютинского улуса — 8, Сарпинского улуса — 6, Троицкого улуса — 5, Улан-Хольского улуса — 3, Черноземельского улуса —

Таблица 1. Имена уроженцев Калмыкии, захороненных на Мамаевом кургане
 [Table 1. Names of natives of Kalmykia buried at Mamaev Kurgan]

№	Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Место рождения	Место призыва	Воинское звание	Место службы соединения	Место службы часть	Дата гибели
1.	Агапов Сергей Сергеевич	1923	КАССР, Приволжский улус		гв. младший лейтенант	39 гв. сд		30.12.1942
2.	Андреев Батан Уланович	1908	КАССР, Улан-Хольский улус, п. Улан-Туг (совхоз № 108)		рядовой	84 сд		25.12.1942
3.	Бессарабов Павел Васильевич	1910	КАССР, Приюгинский улус, с. Приютное		рядовой	169 сд	434 сп	21.11.1942
4.	Болаев Боов Корнеевич	1914	КАССР, Троицкий улус, п. Оргакин		гв. рядовой		622 гв. сп ¹	24.11.1942
5.	Болдырев Тюма Мукашович	1924		Лаганский РВК	гв. рядовой	39 гв. сд		10.01.1943
6.	Бунаев Василий Яковлевич	1909	КАССР, Долбанский улус		рядовой	112 сд	416 сп	30.09.1942
7.	Ганажев Дермен Бадмаевич	1922	КАССР, Долбанский улус, п. Долбан		гв. рядовой	39 гв. сд	117 гв. сп	17.11.1942
8.	Гордин Николай Александрович	1923		Элистинский ГВК	рядовой		77-й армейский заградотряд	02.11.1942
9.	Джалдаев (Джелдеев) Цаста	1913	КАССР, Черноземельский улус		рядовой		1390 сп	18.01.1943

¹ Так в документе. Номер части приведен с ошибкой, такого полка в Красной армии не существовало..

10.	Джаллетаев Бембе	1923	КАССР, Долбанский улус		рядовой	13 гв. сд		
11.	Джамбинов Бембе Кондратьевич	1924	КАССР, Западный улус		рядовой			29.09.1942
12.	Долин Николай Иванович	1922	КАССР, Черноземельский улус		рядовой	244 сд	911 сп	17.09.1942
13.	Дорджиев Николай Убушаевич	1924	КАССР, Лаганский улус, п. Бергута		гв. рядовой	13 гв. сд	34 гв. сп	25.10.1942
14.	Дорджинов Очир-Гаря Убушиевич	1913	КАССР, Лаганский улус		лейтенант	169 сд	680 сп	10.01.1943
15.	Дорошенко Никита Алексеевич	1902	КАССР, Яшалтинский улус, п. Бага-Тугтун		рядовой	45 сд		30.01.1943
16.	Ерднеев Ничаодеевич	1908	КАССР, Черноземельский улус		рядовой	47 сд	334 сп	27.12.1942
17.	Захаров Алексей Фомич	1923	КАССР, Сарпинский улус, с. Обильное		рядовой	204 сд		02.10.1942
18.	Зверев Семен Иванович	1918	КАССР, Мало-Дербетовский улус		рядовой	38 сд		12.10.1942
19.	Зоткин Иван Сергеевич	1914		Западный РВК	гв. рядовой	13 гв. сд	39 гв. сп	04.10.1942
20.	Кабаков Дмитрий Степанович	1923	КАССР, Черноземельский улус, п. Чилгир		гв. рядовой	13 гв. сд	39 гв. сп	01.02.1943
21.	Кадомцев Анатолий Владимирович	1923		Элистинский ГВК	гв. рядовой		9 гв. орс	17.09.1942
22.	Кензеев Ирдня	1918	КАССР, Сарпинский улус, п. Кануково		гв. рядовой	13 гв. сд	34 гв. сп	29.09.1942

23.	Кикеев Евгений Корнеевич	1899	КАССР, Троицкий улус, п. Бага-Чонос		рядовой	45 сд		29.11.1942
24.	Кикеев Хеси Санжеевич	1903	КАССР, Мало-Дербетовский улус, совхоз № 2		гв. рядовой	13 гв. сд		26.09.1942
25.	Клюшин Сергей Иосифович	1924	КАССР, Приволжский улус, п. Шамбай		рядовой	87 сд	1378 сп	06.1943
26.	Ковалев Федор Ильич	1911	КАССР, Мало-Дербетовский улус, с. Плодовитое		старшина	32 сбр		22.09.1942
27.	Коростылев Иван Кириллович	1921	КАССР, г.Элиста		рядовой	37 гв. сд		10.10.1942
28.	Кочубей Александр Федорович	1897 (1905)	КАССР, Сарпинский улус, с. Садовое		рядовой		383 инжб	06.09.1942
29.	Криворотов Федор Алексеевич	1914		Западный РВК	гв. рядовой	37 гв. сд	114 гв. сп	10.10.1942 (14.10.1942)
30.	Кувангалеев Мутай Кувангалиевич	1905	КАССР, Улан-Хольский улус		рядовой	422 сд	1392 сп	04.10.1942
31.	Кузнецов Петр Никифорович	1906	КАССР, Троицкий улус, с. Троицкое		рядовой	Сталин. корпус. район ПВО	1080 зенап	26.10.1942
32.	Латкый Пантелей Тихонович	1907	КАССР, Приютинский улус		рядовой	138 сд	650 сп	22.12.1942
33.	Левочкин Иван Григорьевич	1912		Элистинский ГВК	сержант	244 сд		11.1942
34.	Леонтьев Геннадий Андреевич	1921		МалоДербетовский РВК	сержант			20.09.1942
35.	Лиджев Манхан	1907		Приютинский РВК	рядовой	422 сд		16.09.1942

36.	Лиманский Никита Яковлевич	1904		Западный РВК	рядовой	422 сд	1334 сп	20.11.1942
37.	Линник Сергей Александрович	1923	КАССР, Западный улус		гв. младший сержант	64 А	19 гв. мп	20.10.1942
38.	Лукшанов Берик Шушкевич	1908	КАССР, Черноземельский улус		рядовой	422 сд	1392 сп	20.09.1942
39.	Лукьянов Николай Иванович	1922	КАССР, Долбанский улус, с. Караванное		рядовой	138 сд	768 сп	24.10.1942
40.	Лычагин Дмитрий Федорович	1905	КАССР, Долбанский улус, п. Долбан		рядовой	112 сд	416 сп	16.09.1942
41.	Малец Трофим Михайлович	1922		Лаганский РВК	рядовой	13 гв. сд	34 гв. сп	03.11.1942
42.	Мальшев Степан Сергеевич	1909	КАССР, Западный улус, п. Башанта		рядовой	Сталин. корпус. район ПВО	1079 зенап	09.09.1942
43.	Мангутов Сангаджи Халгаевич	1916	КАССР, Приволжский улус, с. Джакуевка		гв. младший лейтенант	37 гв. сд	114 гв. сп	05.10.1942
44.	Манжеев Димитрий Васильевич	1923		Сталинградская обл., Ворошиловский РВК	рядовой	120 сд	538 сп	02.02.1943
45.	Манджиев Очир	1923	КАССР, Долбанский улус		младший сержант	67 гв. сд		25.08.1942– 10.09.1942
46.	Манжиев Зула	1916		Улан-Хольский РВК	рядовой	9 мсбр		08.02.1943

47.	Манжиев Манжий Алясевич	1912	КАССР, Лаганский улус		сержант	45 сд	61 сп	24.01.1943
48.	Манжиков Николай Цыбокаевич	1911	Ростовская обл., Калмыцкий улус		рядовой	87 сд	1379 сп	02.01.1943
49.	Мансажаров Бахалхат	1909		Приютинский РВК	сержант	422 сд		25.09.1942
50.	Мирошниченко Иван Кириллович	1923	КАССР, Лаганский улус, Белозерский сельсовет		рядовой	38 мсбр		11.12.1942
51.	Мутеев Тайхин	1907		Приютинский РВК	рядовой	422 сд	1392 сп	20.09.1942
52.	Мучиряев Нимя Явашаевич	1923	КАССР, Лаганский улус		гв. рядовой	36 гв. сд	108 гв. сп	29.01.1943
53.	Мучхаев Ольга	1916	КАССР, Кетченеровский улус, Алцынхутинский сельсовет		рядовой	38 мсбр		12.12.1942
54.	Надбаев Иван Яковлевич	1923	КАССР		рядовой	13 гв. сд	34 гв. сп	15.09.1942
55.	Налаев Бамба	1924	КАССР, Лаганский улус		рядовой	13 гв. сд	34 гв. сп	30.10.1942
56.	Намунов Нука	1906	КАССР		рядовой	422 сд	1392 сп	09.10.1942
57.	Ноганов Монжа	1912	КАССР, Кетченеровский улус		рядовой	38 мсбр		10.10.1942
58.	Носев Сергей Иванович	1923	КАССР, Троицкий улус, с. Троицкое		гв. рядовой	13 гв. сд	34 гв. сп	12.12.1942
59.	Нурунов Нура	1906	КАССР, Улан-Хольский улус		рядовой	422 сд	1326 сп	19.09.1942
60.	Овшинов Бембе Манджинович	1922	КАССР, Западный улус		рядовой		п/п 4798 ¹	01.09.1942

61.	Орлов Василий Григорьевич	1923	КАССР, Приютинский улус, с. Приютное		рядовой	244 сд	907 сп	08.09.1942
62.	Очиргариев Алексей Бокович	1904	КАССР, Лаганский улус		рядовой	13 гв. сд	34 гв. сп	03.11.1942
63.	Очиров Эреджен Алексеевич	1913	КАССР, Мало-Дербетовский улус, Бага-Бухусовский сельсовет		зам. политрука	13 гв. сд	39 гв. сп	17.09.1942 (01.10.1942)
64.	Патаев Очир	1923	КАССР, Кетченеровский улус, Туктуновский сельсовет		рядовой	38 сд		08.12.1942
65.	Погорелов Николай Спиридонович	1919		Элистинский ГВК	рядовой	124 сбр		24.11.1942
66.	Полоусов Александр Алексеевич	1922	КАССР, Приютинский улус, п. Бислюрта		лейтенант		121 отд. заградотряд	19.01.1943
67.	Приходько Иван Иванович	1908	КАССР, Черноземельский улус, п. Яшкуль		гв. младший сержант	13 гв. сд	39 гв. сп	17.09.1942
68.	Рыбалко Иван Потапович	1901	КАССР, Яшалтинский улус		рядовой	44 запас. сд	60 запас сп	24.11.1944
69.	Самойленко Ефрем Федорович	1913	КАССР, Яшалтинский улус, с. Яшалта		рядовой	64 А	1159 пап	16.10.1942

¹ Согласно справочнику полевых почт, этот номер принадлежал 654 сп 148 сд, однако это соединение осенью 1942 г. входило в состав Брянского фронта и не участвовало в обороне Мамаева кургана, где был захоронен этот военнослужащий.

70.	Сангаджиев Агра Джалаевич	1924	КАССР, Лаганский улус		гв. рядовой	13 гв. сд	34 гв. сп	03.11.1942
71.	Сангаджиев С.				рядовой			
72.	Санжиев Сатык				рядовой	149 сбр		24.10.1942
73.	Сарлов Шовкур Саранович	1925	Ростовская обл., Калмыцкий улус, ст. Батлаевская		рядовой			1943
74.	Свердов Иван Ильич	1925	КАССР, Сарпинский улус, с. Обильное		рядовой	138 сд	650 сп	28.10.1942
75.	Серов Яков Павлович	1923	КАССР, Сарпинский улус, с. Уманцево		рядовой	13 гв. сд	39 гв. сп	16.09.1942
76.	Скорик Василий Ильич	1911	КАССР, г. Элиста		сержант	38 мсбр		11.12.1942
77.	Смагин Семен Алексеевич	1911	КАССР, Троицкий улус, ЗОС (Зональная опытная станция)		рядовой	39 гв. сд		21.01.1943
78.	Сяриев Гаря Манджиевич	1923	КАССР, Приютинский улус, п. Ульдючины		гв. рядовой	13 гв. сд	42 гв. сп	22.09.1942
79.	Толочко Василий Николаевич	1919	КАССР, Сарпинский улус, с. Садовое		сержант		651 ап	25.08.1942
80.	Хечеев Лиджи Саламович	1923	КАССР, Юстинский улус		рядовой	97 сд	233 сп	12.08.1942
81.	Цветков Виктор Михайлович	1922	КАССР, Лаганский улус		лейтенант	244 сд	911 сп	11.9.1942
82.	Цеденов Бембе Эрднесевич	1908	КАССР, Приютинский улус, п. Манджикины		гв. рядовой	37 гв. сд	114 гв. сп	10.10.1942

83.	Черненко Михаил Иванович	1899	КАССР, Долбанский улус, п. Басы		рядовой	13 гв. сд	34 гв. сп	16.11.1942
84.	Чернухин Андрей Антонович	1925	КАССР, г. Элиста		сержант	13 гв. сд	34 гв. сп	29.09.1942
85.	Шаповалов Никита Тарасович	1915	КАССР, Мало-Дербетовский улус, с. Плодовитое		рядовой	99 сд		23.01.1943
86.	Шаповалов Степан Иванович	1913	КАССР, Приютинский улус, с. Приютное		лейтенант	284 сд	1047 сп	31.10.1942
87.	Швачко Павел Леонтьевич	1906	КАССР, г. Элиста		рядовой	37 гв. сд	114 гв. сп	10.10.1942
88.	Шептухин Михаил Кузьмич	1903		Элистинский ГВК	рядовой	1 ТА	397 иптап	25.08.1942
89.	Шиндеев Дата Мунтович	1915	КАССР, Юстинский улус, п. Тагал		сержант	64 А	29 сп	20.11.1942
90.	Шкргучев Манджа Сергеевич	1917	КАССР, Приволжский улус		младший лейтенант	13 тбр		09.09.1942
91.	Эритнеев Ула Эритнеевич	1910		Лаганский РВК	гв. рядовой	13 гв. сд	34 гв. сп	26.09.1942
92.	Ятаев Манжик	1909	КАССР, Приютинский улус		гв. рядовой	5 гв. кд	22 гв. кп	12.09.1942
93.	Яценко Федор Алексеевич	1911		Западный РВК	рядовой	15 запас. сд	356 запас. сп	26.03.1945

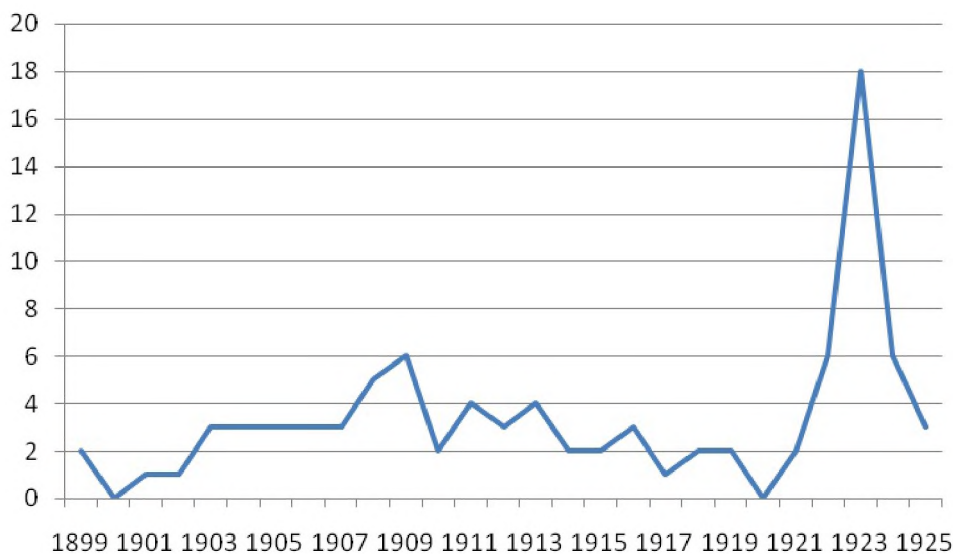

Диаграмма 2. Распределение погибших военнослужащих, призванных из Калмыкии и захороненных на Мамаевом кургане, по годам рождения

[Diagram 2. Distribution of deceased servicemen mobilized from Kalmykia, buried at Mamaev Kurgan, by year of birth]

6, Юстинского улуса — 2, Яшалтинского улуса — 2 чел., в Элисте родились 2 чел. Кроме того, у 11 чел. место рождения не указано, но у 5 из них содержатся сведения, что их родственники проживали в Калмыцкой АССР.

Затем был произведен анализ по годам рождения захороненных на Мамаевом кургане. Результаты анализа можно увидеть на диаграмме 2 (без учета трех персоналий, возраст которых установить не удалось).

Здесь мы тоже видим «провалы» в 1910 г. и в 1917–1921 гг., хотя они больше нивелировались. Однако резко возрастают потери молодежи 1922–1925 гг. рождения, их (в возрасте от 20 лет и моложе) 31 чел., или каждый третий (при этом среди них больше половины — это юноши 1923 г. рождения). С большой долей уверенности можно предположить, что почти все они были призваны в 1942 г. и почти сразу направлены на пополнение воинских частей, обороняющих Сталинград. Их значительные потери объясняются еще и тем, что зачастую новобранцы шли в бой без достаточной подготовки.

Следующий анализ мы осуществили по месту призыва. У 11 из 93 чел. сведения о месте призыва не указаны. Военкоматами Калмыцкой АССР был призван 71 чел.: Долбанским РВК — 6 чел., Западным РВК — 7, Кетченеровским РВК — 1, Лаганским РВК — 13, Малодербетовским РВК — 4, Приволжским РВК — 3, Приютинским РВК — 11, Сарпинским РВК — 6, Троицким РВК — 2, Улан-Хольским РВК — 2, Черноземельским РВК — 3, Элистинским РВК — 9, Юстинским РВК — 1, Яшалтинским РВК — 3. Каких-то особых аномалий мы здесь не замечаем, распределение призванных приблизительно коррелируется с численностью соответствующих районов.

Еще 9 чел. призваны из приграничных с Калмыкии регионов: из Сталинградской области (включая Астраханский округ) — 6 чел., из Ростовской — 3 чел. Еще 1 чел. (уроженец Лаганского улуса) был призван Автозаводским РВК

Горьковской области (по всей видимости, работал на Горьковском автомобильном заводе — ГАЗе), а еще 1 (уроженец Элисты) — Акмолинским областным военкоматом Казахской ССР (возможно, был эвакуированным).

8. Анализ персоналий, захороненных на Мамаевом кургане, по категориям и времени потерь и месту службы в момент выбытия

Анализ по категориям потерь показал, что 77 чел. из 93 были убиты, 12 — умерли в госпиталях, 1 — пропал без вести. Причины выбытия 3 чел. не установлены.

Результаты анализа по времени потерь приведены на диаграмме 3 (в анализ не включены две персоналии, дату выбытия которых установить не удалось).

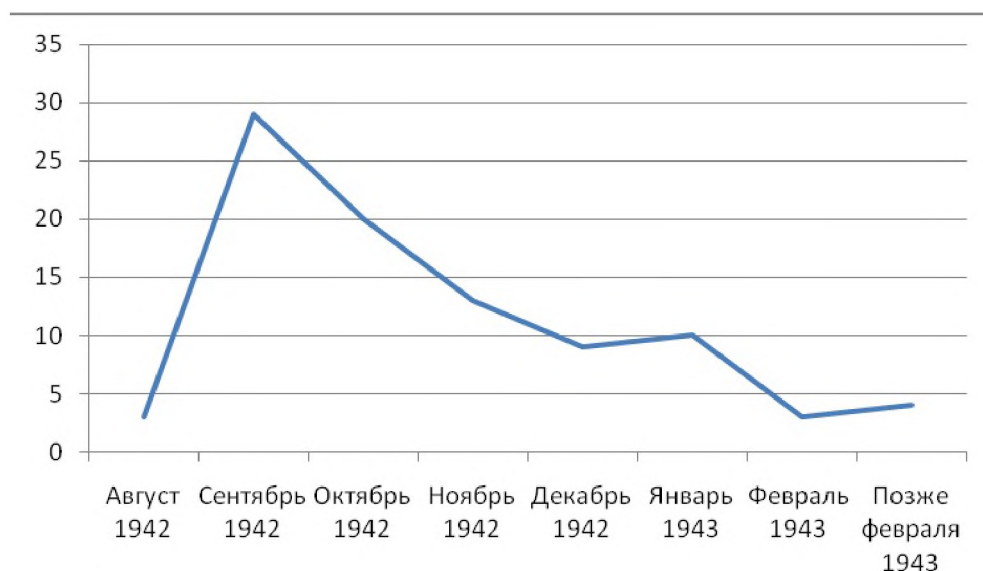

Диаграмма 3. Распределение погибших военнослужащих, призванных из Калмыкии, захороненных на Мамаевом кургане, по времени выбытия
 [Diagram 3. Distribution of dead servicemen mobilized from Kalmykia, buried at Mamaev Kurgan, at the time of departure]

Как видно, большинство потерь (49 чел., или более 52 %) пришлось на сентябрь–октябрь 1942 г. — самый напряженный период сталинградского противостояния.

Все 8 погибших офицеров относились к среднему командному составу: командиры рот лейтенанты Очир-Горя Доржинов и Степан Шаповалов, командиры взводов старший лейтенант Виктор Цветков, младшие лейтенанты Сангаджи Мангутов и Сергей Агапов, а также заместитель политрука Эренджен Очиров, заместитель командира отряда Александр Полоусов и командир танка Т-34 младший лейтенант Манджи Шургучев.

Если мы проанализируем распределение потерь по воинским соединениям, то увидим, что самое большое количество (21 чел., или 22,5 %) служило в составе 13-й гв. сд, что неудивительно. Именно это соединение сражалось на Мамаевом кургане и обороняло его вплоть до завершения сражения. В их

числе: 1 чел. — 1925 г. рождения, 4 — 1924 г. рождения, 7 — 1923 г. рождения, по 1 чел. — 1918, 1914 и 1913 г. рождения, остальные 6 чел. — 1899–1908 гг. рождения. Можно с уверенностью сказать, что в основном они (в первую очередь молодые ребята) влились в состав 13-й гвардейской дивизии в августе 1942 г. почти сразу после призыва. В этот период соединение, понесшее значительные потери за год постоянных, в том числе и майских оборонительных, перешедших в отступление боев, но сохранившее ядро из десантников, было выведено в резерв для отдыха и пополнения в пос. Николаевск, неподалеку от Камышина на левом берегу Волги. Впрочем, часть бойцов из старшей возрастной группы могла служить в дивизии и ранее. При этом 11 гвардейцев погибли в сентябре, 3 — в октябре, 5 — в ноябре 1942 г., по 1 чел. — в январе и феврале 1943 г. 11 из 21 чел. служили в 34-м гв. сп этой дивизии.

Если проанализировать места гибели, то видно, что наши земляки в составе 13-й гв. сд генерала А. И. Родимцева сражались в районе Мамаева кургана, площади 9-го января, железнодорожного вокзала, набережной Волги, тракторного завода, заводов «Красный Октябрь», «Баррикады». Бились за каждый дом, внутри каждого дома за каждый этаж, каждую квартиру, каждый подвал. Вот лишь некоторые сведения из материалов архива Министерства обороны России.

15 сентября 1942 г. — в период переправы и боев на ул. Набережной погиб разведчик 34-го гв. сп красноармеец Иван Яковлевич Надбаев, 1923 г. рождения. Вот что пишет журнал боевых действий 13-й гв. сд об этом дне: «Катер, направленный на зап. берег с автоматчиками 34 гв. сп, утром 15.09 был затоплен в результате прямого попадания снаряда. Погибли 66 автоматчиков и 70 автоматов¹, лишь немногим удалось спастись вплавь, добравшись до восточного берега... В этот день 34 гв. сп вел бой с превосходящими силами противником в районе 2-й Набережной» [ЦАМО. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 4. Л. 4].

16 сентября 1942 г. стрелок 39-го гв. сп красноармеец Яков Павлович Серов, 1923 г. рождения, уроженец с. Уманцево, погиб в бою за овладение Мамаевым курганом. В сводке штаба 62-й армии лишь скупая строка: «13 гв. сд во взаимодействии с частями северного боевого участка проводит наступление по овладению выс. 102,0» [ЦАМО. Ф. 345. Оп. 5487. Д. 39. Л. 88].

Следует заметить, что в этот же день и на этой же высоте 102,0 погиб и боец 416-го сп 112-й сд красноармеец Дмитрий Федорович Лычагин, 1905 г. рождения, уроженец пос. Долбан, когда «416 сп, имея задачу продолжить наступление на выс. 102,0, совместно с батальоном 39 гв. сп в 8:00 перешел в наступление на выс. 102,0 и к 11:00 овладел гребнем высоты...» [ЦАМО. Ф. 1039. Оп. 1. Д. 7. Л. 54–55].

17 сентября 1942 г. погибли гв. заместитель политрука 39-го гв. сп Эренджен Алексеевич Очиров, 1913 г. рождения, уроженец пос. Бага-Бухус Малодербетовского улуса, красноармейцы 39-го гв. сп Анатолий Владимирович Кадомцев, 1923 г. рождения, призванный Элистинским ГВК, и Иван Иванович Приходько, 1908 г. рождения, из пос. Яшкуль. «112 сд и 39 гв. сп с утра продолжали наступление, овладевая по южным скатам выс. 102,0. В Центре города 13 гв. сд продолжает уличные бои с пехотой и танками противника...» — так говорится об этих боях в шифрограмме 62-й армии [ЦАМО. Ф. 345. Оп. 5487. Д. 39. Л. 90].

¹ Так в источнике.

19 сентября 1942 г. под Мамаевым курганом погиб уроженец с. Троицкого красноармеец 39-го гв. сп Сергей Иванович Носев. О событиях этого дня на страницах своей книги рассказал историк Е. Кобяков: «19 сентября ... В центре города находилось два полка 13-й гв. сд — 42-й и 34-й, третий (39-й) все еще занимал оборону на Мамаевом кургане» [Кобяков 2023: 119].

22 сентября 1942 г. в боях в центре города погиб санинструктор 42-го гв. сп гв. красноармеец Гаря Манджиевич Сяриев, 1923 г. рождения, уроженец пос. Ульдючины. В справке боевых действий 13-й гв. сд так говорится об этом дне: «С утра противник подтянул свежие части (до ПП и до 100 танков) и вновь перешел в решительное наступление... В этот день было подбито и сожжено частями дивизии 42 танка противника. Одновременно противник прорвался в центр города на левом фланге 42 гв. сп и 272 сп 10 сд НКВД, отрезал и окружил 1/42 гв. сп ...» [ЦАМО. Ф. 345. Оп. 5487. Д. 9. Л. 162].

26 сентября в боях в районе 2-й Набережной погибли воины 34-го гв. сп — красноармеец Ула Эритнеевич Эритнеев, 1910 г. рождения, уроженец Лаганского улуса, и красноармеец Хеси Санжеевич Кикеев, 1903 г. рождения, уроженец совхоза № 2 Малодербетовского улуса.

29 сентября 1942 г. на все той же 2-й Набережной погиб пулеметчик 34-го гв. сп красноармеец Ирдня Кензеев, 1918 г. рождения, уроженец пос. Кануково Сарпинского улуса. Из донесения штаба 62-й армии «... 13 гв. сд в течение дня... вела мелкими группами активные действия по очистке зданий от засевших в них мелких групп автоматчиков противника...» [ЦАМО. Ф. 345. Оп. 5487. Д. 39. Л. 204].

Напряженнейшие боестолкновения с врагом происходили в течение всего сталинградского противостояния.

В 422-й сд служили 8 человек, в том числе 4 — в 1392-м сп, все четверо погибли в боях в районе Сталинградского тракторного завода (далее — СТЗ).

Пять человек воевали в составе еще одного «десантного» соединения — в 37-й гв. сд, причем все они служили в одной части — 114-м гв. сп и погибли в районе СТЗ. Один из них погиб 5 октября 1942 г. В тот день полк вел ожесточенные бои с пехотой и танками противника, но не отступил ни на шаг. Танки противника поджигали термитными снарядами дома, но и в пылающих домах бойцы и командиры ожесточенно сражались, самоотверженно защищая каждый клочок родной земли. В этот день 159 бойцов и командиров полка пали смертью храбрых, среди них был и командир минометного взвода гв. младший лейтенант Сангаджи Халгаевич Мангутов [ЦАМО. Ф. 1128. Оп. 1. Д. 20. Л. 3]. Еще четверо бойцов 114-го гв. сп (И. К. Коростылев, Ф. А. Криворотов, Б. Э. Цеденов и П. Л. Швачко) погибли в одном бою 10 октября.

Четыре персоналии служили в 244-й сд, по трое воевали в составе 38-й и 39-й гв. сд (тоже «десантных»), 138-й «людишковской» сд. Остальные 46 чел. воевали в частях других войсковых соединений, сражавшихся за Сталинград (по 1–2 чел.).

Четверо из числа захороненных на Мамаевом кургане совершили подвиги в боях за г. Сталинград, которые отмечены государственными наградами, трое из них — посмертно.

Снарядный батареи 120-мм минометов 108-го гв. сп гв. красноармеец Нимя Явашевич Мучириев (Мичураев Нимя Явошеевич), 1923 г. рождения, в бою в районе р. Царица 27.01.1943 в составе группы блокировал блиндаж противника и уничтожил 1 станковый пулемет и до 8 гитлеровцев. Погиб смертью храбрых. Награжден посмертно медалью «За боевые заслуги» (приказ 64-й армии № 13/н от 06.02.1943) [[Подвиг народа 2010–2023](#)].

Наводчик батареи 112-го гв. отд. минометного дивизиона гв. младший сержант Сергей Алексеевич Линник, 1923 г. рождения, в бою 14.09.1942 выпустил 69 залпов по врагу, уничтожил 766 солдат и офицеров противника, одно орудие, один танк и один миномет. Это дало возможность нашей пехоте продвинуться вперед. Награжден медалью «За боевые заслуги» (приказ № 60/н 64-й армии от 09.10.1942). Уже через 6 дней он погиб в районе завода «Красный Октябрь» [[Подвиг народа 2010–2023](#)].

Командир взвода 911-го сп 244-й сд лейтенант Виктор Михайлович Цветков 1922 г. рождения, 07.09.1942, во время наступления выдвинувшись с пулеметом на огневую позицию на расстоянии 30–40 метров от противника, вывел из строя 3 огневые точки и уничтожил несколько автоматчиков противника. В бою 09.09.1942 в районе ст. Садовой погиб смертью храбрых. За подвиг представлялся к ордену Красной Звезды. Награжден посмертно медалью «За боевые заслуги» (приказ № 28/н 62-й армии от 28.09.1942) [[Подвиг народа 2010–2023](#)].

Ординарец командира 1-го стрелкового батальона 29-го сп 38-й сд сержант Далта Мунтиевич Шиндяев, 1915 г. рождения, в бою 20 и 21.11.1942 г. у высоты 128,2 под шквальным огнем противника четко и своевременно доносил боевые приказания командира батальона до командиров рот, чем помог управлению боем. 21 ноября 1942 г. Шиндяев погиб смертью храбрых. Награжден посмертно медалью «За отвагу» (приказ № 3/н 29-го сп от 26.11.1942) [[Подвиг народа 2010–2023](#)].

Среди павших в боях за Сталинград были и совсем молодые ребята — 1925 г. рождения — семнадцатилетние бойцы Шовкур Сарлов, Иван Свердлов и Андрей Чернухин. Они, скорее всего, попали на фронт, приписав себе возраст, чтобы защищать Родину.

Например, красноармеец 650-го сп 138-й сд Иван Ильич Свердлов родился в с. Обильное, призван Сарпинским РВК 08.03.1942. 138-я сд в мае 1942 г. была разгромлена в Крыму вместе с войсками Крымского фронта. После переправы в Тамань ее остатки были выведены на доукомплектование в хутор Выселки станицы Кореновской. Среди контингента пополнения был и Иван Свердлов. 12 июля 1942 г. пополненная (до 10 783 чел.) дивизия была переброшена в район Котельниково [[ЦАМО. Ф. 1205. Оп. 1. Д. 13](#)]. При этом «около 70 % пополнения не имело первичной военной подготовки и требовало 35–40 дневного обучения» [[ЦАМО. Ф. 1205. Оп. 1. Д. 3. Л. 1](#)]. Этого времени, достаточного для обучения личного состава, конечно же, не было. 14 октября 1942 г. дивизия вошла в состав 62-й армии и была направлена на западный берег Волги.

В журнале боевых действий 650-го сп так описаны бои 28 октября в районе завода «Баррикады», где погиб семнадцатилетний красноармеец И. И. Свердлов: «Противник после сильной артиллерийской и авиационной подготовки перешел в наступление... группа состояла из 6 тяжелых танков и 60 чел. пехоты. Полк,

имея задачу не пропустить пр-ка к р. Волга и в глубину своей обороны, открыл ураганный ружейно-пулеметный, минометный огонь. Следом за первой атакой противник делает вторую... Потери противника: подбито 2 танка и сожжен — 1, уничтожено до 125 солдат и офицеров... Наши потери: убито — 6, ранено — 14 чел. ...» [ЦАМО. Ф. 6633. Оп. 0445085с. Д. 0014. Л. 2]. Иван Свердлов захоронен на Мамаевом Кургане, его имя вписано на скрижали мозаичного знамени 29 / 55 / 1 (номер знамени, строка, столбец) в Зале Воинской Славы.

Вместе с тем при изучении материалов установлен и такой факт: сведения о двоих наших земляках, считающихся захороненными на Мамаевом кургане, в исследуемые источники внесены ошибочно.

Один из них — стрелок 39-го гв. сп 13-й гв. сд красноармеец Иван Сергеевич Зоткин, 1914 г. рождения, призванный Западным РВК Калмыцкой АССР, по донесению о безвозвратных потерях личного состава числится погибшим 04.10.1942 в районе северной окраины вокзала. В Книге памяти Республики Калмыкия значится, что красноармеец И. С. Зоткин захоронен на Мамаевом кургане [Память 1995: 242]. На самом деле И. С. Зоткин остался жив. Это подтверждает ходатайство замполита начальника эвакуационного госпиталя № 1262 от 17.01.1947 о представлении к правительственной награде И. С. Зоткина, полностью потерявшего зрение после тяжелого ранения в бою 04.10.1942 в Сталинграде. Указом Президиума Верховного Совета № 223/102 от 06.11.1947 старший сержант Зоткин Иван Сергеевич удостоен ордена Отечественной войны I степени.

Другим подтверждением является письмо И. С. Зоткина, отправленное 04.05.1955 на имя Министра вооруженных сил СССР Г. К. Жукова [ЦАМО. Ф. 58. Оп. 977528. Д. 42. Л. 2–7]. В письме гвардеец пишет, что его, тяжело раненного в бою в октябре 1942 г., посчитали убитым, из части домой направили похоронку. Через некоторое время его, еле подающего признаки жизни, подобрали санитары другого подразделения и переправили в медсанбат. После ранения остался слепым, долгое время находился на излечении в госпиталях. После войны вернулся домой, но до сих пор по райсобесу числится погибшим. Со словами «Мне уже надоело быть убитым, хочу быть живым», И. С. Зоткин просит маршала Г. К. Жукова дать соответствующие поручения, чтобы из штаба 13-й гв. сд выслали справку в райсобес, о том, что при защите Сталинграда он был ранен, но не убит. Умер И. С. Зоткин в 2003 г. на 90-м году жизни [Память народа 2015–2023].

Ошибочно внесен в списки захороненных в Большой братской могиле на Мамаевом кургане красноармеец А. А. Смагин. Согласно донесению о безвозвратных потерях личного состава стрелок 117-го гв. сп 39-й гв. сд гв. красноармеец Семен Алексеевич Смагин, 1911 г. рождения, уроженец пос. ЗОС Троицкого улуса, погиб в бою 21.01.1943 западнее завода «Красный Октябрь». На самом деле Семен Смагин был жив и провоевал до конца войны, что подтверждается награждением его медалями «За отвагу» (приказ 8-й гв. А № 184/н от 14.12.1943) и «За боевые заслуги» (приказ 112-го гв. сп № 91 от 11.05.1945). В документах о награждении говорится, что водитель 48-го автосанитарного взвода С. А. Смагин имел ранение. В районе Сталинграда сам восстановил трофейную санитарную автомашину и, работая шофером, прошел на ней с боями до Берлина, эвакуи-

ровал в госпитали и медсанбаты более двух тысяч раненых бойцов и офицеров, в том числе сотни тяжелораненых, требующих срочной медицинской помощи. Автор лично был знаком с Семеном Алексеевичем, который, вернувшись домой после войны, долгое время работал в местной больнице водителем машины скорой помощи.

9. Выводы

Анализируя списки остальных 159 наших земляков, погибших, умерших от ран и пропавших без вести в боях за г. Сталинград, мы пришли к выводу, что многие из них тоже захоронены на Мамаевом кургане, несмотря на то, что в исследованных источниках свидетельств этому найти не удалось.

Во многих источниках говорилось о том, что «по завершении Сталинградской битвы на Мамаевом кургане хоронили погибших со всего города. Здесь похоронено около 34,5 тысяч человек» [Толкаченко 2017]. Об этом говорится и в статье газеты «Волгоградская правда» «Шесть фактов о Мамаевом кургане, которых вы не знали»: «Первые месяцы после битвы перед жителями Сталинграда остро стояла санитарно-гигиеническая проблема — большое количество непогребенных тел... А при попытке вырыть котлован под строительство люди всюду наткнулись на стихийные захоронения. Тогда было решено свезти все останки советских воинов на Мамаев курган и захоронить там. Оpoznать и пересчитать всех погибших не представлялось возможным, поэтому была принята мера — ведро. Одно ведро — один человек. Так и подсчитали приблизительно количество захороненных на Мамаевом кургане — 34 с половиной тысячи человек...» [Толкаченко 2017].

В Сетевом издании «НовостиВолгограда.ру» в материале «Эхо Сталинграда: и 75 лет спустя под Волгоградом хоронят полками» от 24 сентября 2018 г. говорилось: «Во время возведения скульптуры „Родина-мать зовёт!“ с 1959 по 1967 год у ее подножия были перезахоронены останки 45 955 защитников города (со всего города). Большая часть фамилий (26 158) выбита на гранитных плитах. ... начиная с 1995 года, на мемориальном кладбище Мамаева кургана появились 8 братских могил с останками 1 911 советских воинов (скорее всего безымянных) и еще 136 индивидуальных захоронений...» [Эхо Сталинграда 2018].

Это дает основания полагать, что красноармеец 34-го гв. сп 13 гв. сд Нимгир Церенадбитович Дорджиев, 1924 г. рождения, уроженец Лаганского района, погибший 25.10.1942 в бою районе 2-й Набережной, тоже может быть похоронен на Мамаевом кургане, как и его однополчанин Николай Убушаевич Дорджиев, Ирдня Кензеев, Хеси Кикеев и еще 10 наших земляков, погибших в бою в районе 2-й Набережной.

На Мамаевом кургане захоронены погибшие у ст. Садовая наши земляки Н. И. Долин, Ф. А. Криворотов, В. М. Цветков, значит, здесь же могут быть захоронены красноармеец Алексей Васильевич Цибуля, 1906 г. рождения, уроженец Лаганского района, стрелок 911-го сп 244-й сд 57-й армии, погибший 09.09.1942 в районе ст. Садовая г. Сталинграда, и числящийся пропавшим без вести 05.09.1942 в этом же районе красноармеец 748 зенитно-артиллерийского полка Василий Федорович Лещенко, 1918 г. рождения, призванный Сарпинским РВК.

Значатся захороненными на Мамаевом кургане погибшие в районе пос. Бекетовки О.-Г. У. Дорджинов, А. Ф. Захаров, Д. М. Шиндеев и еще четверо уроженцев

Калмыкии. Соответственно, там могут быть захоронены и другие погибшие в этом районе: красноармеец 106-го гв. сп 36-й гв. сд 64-й армии Кагил Ачанов, 1909 г. рождения, из п. Бага-Чонос (погиб у Бекетовки 16.09.1942); командир отделения 204-й сд 64-й армии сержант Сумак Бевиевич Бавуев, 1905 г. рождения, призванный Сарпинским РВК (погиб у Бекетовки 24.11.1942); командир отделения 716-го сп 157-й сд 64-й армии сержант Николай Андреевич Козачек, 1923 г. рождения, из конезавода № 80 Троицкого улуса (погиб у Бекетовки 24.11.1942); красноармеец Очир Ерисомович Санжиев, 1912 г. рождения, из совхоза № 2 Малодербетовского района, служивший в части п/п 82603¹ (погиб у Бекетовки 03.12.1942).

Это предположение подтверждает и известная на всю страну «бабушка-поисковик» Дзя Григорьевна Вразова, коренная жительница Кировского района Волгограда, родившаяся 20 февраля 1941 г. в Бекетовке. Рассказывая о погибших и захороненных воинах, защищавших Бекетовку, она сказала: «В документах и даже в Интернете указывают, что „похоронены в Бекетовке“. На самом деле, когда строился Мамаев курган, из нашего Кировского района было перезахоронено около 2 000 воинов, захороненных в различных братских и одиночных могилах Кировского района...» [Вразова: 4].

Вполне возможно, вышеперечисленные и другие фамилии земляков из списка 82 павших защитников г. Сталинграда удастся найти среди тысяч имен, выбитых на гранитных плитах Большой и Малой братских могил мемориального комплекса «Героям Сталинградской битвы», где уже найдены фамилии П. В. Бессарабова, Д. С. Кабакова и А. В. Кадомцева. Если получится отыскать на памятных скрижалях чью-то фамилию, тогда будем точно знать, что наш земляк — здесь. И это окончательно и бесповоротно.

23 августа 2022 г. благодарные потомки-земляки в камне увековечили память павших героев-участников Сталинградской битвы — уроженцев Калмыцкой АССР, торжественно открыв памятный знак, посвященный воинам из Калмыкии, на аллее Памяти Мамаева Кургана.

Источники

- Большая — Большая братская могила советских воинов, погибших в 1942–1943 гг. [электронный ресурс] // URL: <https://knigapamyaty.ru/fallen-warriors-place/34-87a/> (дата обращения: 01.08.2023).
- Вразова — Вразова Д. Г. Письма из Луганска, Украина // Служу Отечеству и детям [электронный ресурс] // URL: http://retlin.ru/pisma_4.php (дата обращения: 26.09.2023).
- Имена — Имена погибших, занесенные на знамена в Зале Воинской Славы на Мамаевом кургане [электронный ресурс] // URL: <https://mamaev-hill.ru/lists/a> (дата обращения: 01.08.2023).
- Мемориал 2006–2023 — ОБД «Мемориал» [электронный ресурс] // Обобщенный банк данных «Мемориал». Военно-мемориальный центр ВС РФ, МО РФ; корпорация «ЭЛАР» // URL: <http://www.obd-memorial.ru> (дата обращения: 16.10.2023).
- Память 1995 — Память. Санл: в 2 тт. / сост.: С. С. Васькин и др.; редкол.: К. Н. Максимов (пред.) и др. Т. I. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 416 с.
- Память народа 2015–2023 — ГИС «Память народа» [электронный ресурс] // Государственная информационная система «Память народа». Управление по увековечению

¹ Номер полевой почты относится к 7-й гв. мсбр, которая до 1 марта 1943 г. была 38-й мсбр.

- памяти погибших при защите Отечества; корпорация «ЭЛАР». [электронный ресурс] // URL: <https://pamyat-naroda.ru> (дата обращения: 05.09.2023).
- Подвиг народа 2010–2023 — ОБД «Подвиг народа» [электронный ресурс] // Обобщенный банк данных «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». МО РФ: Департамент развития информационных технологий, Управление по увековечению памяти погибших при защите Отечества; корпорация «ЭЛАР» [электронный ресурс] // URL: <http://podvignaroda.ru/?#tab=navHome> (дата обращения: 07.08.2023).
- Республика Калмыкия 2019 — Республика Калмыкия. Административно-территориальное деление. 1918–2017: справочник / сост.: А. О. Тапкина и др.; отв. ред. К. Н. Максимов. Элиста: КалмНЦ РАН, 2019. 908 с.
- ЦАМО — Центральный архив Министерства обороны РФ.

Sources

- Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation.
- GIS «Pamyat' naroda». The state information system “Memory of the people”. Department for the Perpetuation of the Memory of those who died in the Defense of the Fatherland; ELAR Corporation]. Available at: URL: <https://pamyat-naroda.ru> (accessed: 01 November 2023). (In Russ.)
- Memory. Sanl: in 2 vol. / ed.: K. N. Maksimov. T. I. Elista: Kalmykia Book Publ., 1995. 416 p. Republic of Kalmykia. Administrative-territorial division. 1918–2017: handbook / ed. K. N. Maksimov. Elista: KalmSC RAS, 2019. 908 p.
- OBD «Memorial». Generalized data bank “Feat of the people in the Great Patriotic War of 1941–1945”. Available at: URL: <http://www.obd-memorial.ru> (accessed: 01 November 2023). (In Russ.)
- OBD «Podvig naroda». Generalized data bank “The Feat of the people in the Great Patriotic War of 1941–1945”. Ministry of Defense of the Russian Federation: Department of Information Technology Development, Department for Perpetuating the Memory of those Killed in the Defense of the Fatherland; ELAR Corporation]. Available at: URL: <http://podvignaroda.ru/?#tab=navHome> (accessed: 01 November 2023). (In Russ.)
- The big mass grave of Soviet soldiers who died in 1942–1943. Available at: <https://knigapamyaty.ru/fallen-warriors-place/34-87a/> (accessed: 01 November 2023). (In Russ.)
- The names of the dead listed on the banners in the Hall of Military Glory on Mamaev Kurgan. Available at: <https://mamaev-hill.ru/lists/a> (accessed: 01 November 2023). (In Russ.)

Литература

- Бембинов 1993 — *Бембинов Г.* Братство на святой крови (к 50-летию Сталинградской битвы) // Российская газета. 1993. № 21. 2 февраля. С. 4.
- Богаев 2005 — *Богаев Б. А.* Несгибаемый Долан // *Богаев Б. А.* Яшкуляне в боях за Родину. Элиста: АПП «Джангар», 2005. С. 134–140.
- Булиев 1985 — *Булиев С. М.* От Сталинграда до Праги. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. 80 с.
- Великая 1965 — *Великая Победа на Волге* / под ред. К. К. Рокоссовского. М.: Воениздат, 1965. 528 с.
- Илишкин 1988 — *Илишкин Н. У.* Адьютант маршала Рокоссовского // Илишкин Н. У., Оглаев Ю. О. Родина помнит. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1988. С. 4–12.
- Исаев 2008 — *Исаев А. В.* Сталинград. За Волгой для нас земли нет. М.: Яуза, Эксмо, 2008. 448 с.
- Кичиков 1970 — *Кичиков М. Л.* Во имя победы над фашизмом. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 208 с.
- Кобяков 2023 — *Кобяков Е.* Неизвестный Сталинград. Новый взгляд на величайшую битву. М.: Яуза-пресс, 2023. 320 с.
- Кутыгин 2006 — *Кутыгин Т. Я.* Этот день мы не забудем никогда! // Элистинская пано-

- рама. 2006. № 76. 13 мая. С. 2.
- Максимов 2010 — *Максимов К. Н.* Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. 2-е изд., доп. Москва: Наука, 2010. 406 с.
- Нармаев 1970 — *Нармаев М.* Фронтовая тетрадь / пер. с калм. И. Трояновского. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 111 с.
- Оглаев 2013 — *Оглаев Ю. О.* Сталинград, и несть ему конца. Элиста: НПП «Джангар», 2013. 248 с.
- Очиров и др. 2018 — *Очиров У. Б., Ершов С. Г., Гунаев Е. А.* Уроженцы Калмыкии — участники Сталинградской битвы. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 501 с.
- Поваляев 2008 — *Поваляев Е. А.* Прерванный полет. Статьи и очерки. Элиста: НПП «Джангар», 2008. 224 с.
- Поваляев 2009 — *Поваляев Е. А.* Это было... было... Элиста: НПП «Джангар», 2009. 351 с.
- Родимцев 1969 — *Родимцев А. И.* Гвардейцы стояли насмерть. М.: ДОСААФ, 1969. 192 с.
- Роковые 2000 — *Роковые решения. Поход на Сталинград.* СПб.: Полигон, 2000. 640 с.
- Самсонов 1989 — *Самсонов А. М.* Сталинградская битва. М.: Наука, 1989. 630 с.
- Толкаченко 2017 — *Толкаченко М.* Шесть фактов о Мамаевом кургане, которых вы не знали // Волгоградская Правда. 2017. 15 октября.
- Трембач 1963 — *Трембач И. С.* Боец, ученый, писатель // Трембач И. С. Дорогой подвиг: очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1963. С. 97–109.
- Эхо Сталинграда 2018 — Эхо Сталинграда: и 75 лет спустя под Волгоградом хоронят полками (дата публикации 24 сентября 2018 г.) [электронный ресурс] // URL: <https://novostivolgograda.ru/> (дата обращения: 01.02.2023).

References

- Bembinov G. Brotherhood on Holy Blood. On the 50th Anniversary of Stalingrad Battle. *Rossiyskaya gazeta*. 2 February 1993. No. 21. Pp. 4. (In Russ.)
- Bogaev B. A. Indomitable Dolan. Bogaev B. A. Yashkul Inhabitants in the Battles for the Motherland. Elista: Dzhangar, 2005. Pp. 134–140. (In Russ.)
- Buliev S. M. From Stalingrad to Prague. Elista: Kalmykia Book Publ., 2005., 1985. 80 p. (In Russ.)
- Fatal decisions. The March on Stalingrad. St. Petersburg: Poligon, 2000. 640 p. (In Russ.)
- Ilshkin N. U. Adjutant of Marshal Rokossovsky. Ilshkin N. U., Oglaev Y. O. Motherland Remembers. Elista: Kalmykia Book Publ., 1988. Pp. 4–12. (In Russ.)
- Isaev A. V. Stalingrad. There is no Land beyond the Volga for us. Moscow: Yauza, Eksmo, 2008. 448 p. (In Russ.)
- Kichikov M. L. In the Name of Victory over Fascism. Elista: Kalmykia Book Publ., 1970. 208 p. (In Russ.)
- Kobyakov E. Unknown Stalingrad. A New Look at the Greatest Battle. Moscow: Yauza-press, 2023. 320 p. (In Russ.)
- Kutygin T. We Will Never Forget this Day! *Elistinskaya panorama*. 13 May 2006. No. 76. P. 2. (In Russ.)
- Maksimov K. N. The Great Patriotic War: Kalmykia and the Kalmyks. 2nd add. ed. Moscow: Nauka, 2010. P. 406. (In Russ.)
- Narmaev M. Front-line Notebook. Transl. from Kalmyk by I. Troyanovsky. Elista: Kalmykia Book Publ., 1970. 111 p. (In Russ.)
- Oglaev Yu. O. Stalingrad and there is no End to it. Elista: Dzhangar, 2013. 248 p. (In Russ.)
- Ochirov U. B., Ershov S. G., Gunayev E. A. Natives of Kalmykia — Participants of the Battle of Stalingrad. Elista: KalmSC RAS, 2018. 501 p. (In Russ.)
- Povalyayev E. A. Aborted Flight. Articles and Essays. Elista: Dzhangar, 2008. 224 p. (In Russ.)
- Povalyayev E. A. It was... it Used to be... Elista: Dzhangar, 2009. 351 p. (In Russ.)

- Rodimtsev A. I. The Guards Stood to the Death. Moscow: DOSAAF, 1969. 192 p. (In Russ.)
- Samsonov A. M. Stalingrad Battle. Moscow: Nauka, 1989. 630 p. (In Russ.)
- The Great Victory on the Volga ed. K. K. Rokossovsky. Moscow: Voenizdat, 1965. 528 p. (In Russ.)
- Tolkachenko M. Six Facts about Mamayev Kurgan that You didn't Know. Volgogradskaya Pravda. 15 October 2017. (In Russ.)
- Trembach I. S. Fighter, Scientist, Writer. On the Roads of Exploits: Essays. Elista: Kalmykia Book Publ., 1963. Pp. 97–109. (In Russ.)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 94

DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-643-668

*Посвящается 80-летию со дня депортации
калмыцкого народа*

Калмыки-спецпереселенцы в Аральском районе Казахстана в документах и воспоминаниях очевидцев

Эльза Петровна Бакаева¹, Жансауле Алиевна Макатова²

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, заместитель директора, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-5188-1202. E-mail: [ebakaeva\[at\]yandex.ru](mailto:ebakaeva[at]yandex.ru)

² Архив Президента Республики Казахстан (д. 876, пр. Достык, 050010 Алматы, Республика Казахстан)

доктор педагогических наук, профессор, старший эксперт

E-mail: [zh.makatova\[at\]mail.ru](mailto:zh.makatova[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Бакаева Э. П., Макатова Ж. А., 2023

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена истории калмыков, находившихся в период ссылки народа (1943–1957 гг.) на территории Аральского района в Казахстане. *Цель* исследования — осветить отдельные материалы из документов о калмыках-спецпереселенцах и ввести в научный оборот сведения устных историй о депортированных калмыках, находившихся в период ссылки народа в Аральском районе Кызылординской области Казахской ССР. *Результаты.* Депортация части калмыцкого народа в Аральский район Кызылординской области Казахской ССР была внеплановой. Но решение о выселении калмыков в этот регион было принято сразу после принятия документов о депортации калмыцкого народа, и уже 2 января 1944 г. райком ВКП(б) и райсовет рассматривали вопросы расселения направленных в Аральский район калмыков. Местом назначения эшелона № СК-406 была обозначена железнодорожная станция Аральское море. Депортация части калмыков — жителей приморского Лаганского улуса в Аральский регион была обусловлена стремлением власти использовать депортируемых в рыбной отрасли, которая понесла значительный урон в период ведения военных действий на европейской части территории СССР и перед которой стояли огромные задачи по обеспечению фронта и тыла. Депортированные калмыки в Аральском районе испытывали те же ограничения в правах и лишения, что и калмыки-спецпереселенцы, оказавшиеся в сибирских регио-

нах. Вместе с тем относительно компактное расселение крупной группы, более мягкий в сравнении с сибирским климат являлись благоприятными факторами. Калмыки оставили след в памяти местного населения Аральского района Казахстана. Особую известность среди населения здесь обрели главные врачи больниц Э. Н. Лиджиев, в прошлом нарком здравоохранения Калмыцкой АССР, и В. Б. Мухараев, также прославившийся участием в фильме «Дочь степей» (1954 г.). Уважение к калмыкам проявляется и в памяти об известных деятелях, проявивших себя уже после возвращения на родину, но молодость которых прошла в Аральском районе: память о них жива среди казахского населения.

Ключевые слова: калмыки, депортация, Казахская ССР, Аральский район, рыбная промышленность, воспоминания

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134–6) и проект «Национальные информационные ресурсы в научном и культурном пространстве» (номер госрегистрации: АААА-А19-119090590086-0).

Для цитирования: Бакаева Э. П., Макатова Ж. А. Калмыки-спецпереселенцы в Аральском районе Казахстана в документах и воспоминаниях очевидцев // Монголоведение. 2023. Т. 15. № 4. С. 643–668. DOI:10.22162/2500-1523-2023-4-643-668

Kalmyk Special Settlers in the Aral Region of Kazakhstan in the Documents and Memoirs of Eyewitnesses

*Elza P. Bakaeva*¹, *Zhansaule A. Makatova*²

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Deputy Director, Leading Research Associate
 0000-0002-5188-1202. E-mail: ebakaeva[at]yandex.ru

² Archive of the President of the Republic of Kazakhstan (87b, Dostyk ave., 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan)
Dr. Sc. (Pedagogics), Professor, Senior Expert
E-mail: zh.makatova[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Bakaeva E. P., Makatova Zh. A., 2023

Abstract. Introduction. The article is devoted to the history of the Kalmyks who were in exile (1943–1957) on the territory of the Aral region in Kazakhstan. The *purpose* of the study is to highlight individual materials from documents about Kalmyk special settlers and to introduce into scientific circulation the information about oral stories of deported Kalmyks who were exiled to the Aral region of Kyzylordinskaya oblast of the Kazakh SSR. *Results.* The deportation of a part of the Kalmyk people to the Aral region of Kyzylordinskaya oblast of the Kazakh SSR was initially not planned. However, the decision to evict the Kalmyks to this region was made immediately after the adoption of the documents on the deportation of the Kalmyk people, and on January 2, 1944, the district committee of the CPSU (b) and the district council were already considering the resettlement of Kalmyks sent to the Aral region. The destination of the SK-406 train was the Aral Sea railway station. The deportation of part of the Kalmyks, residents of the sea-side Lagan ulus, to the Aral region was due to the aim of the authorities to use the deportees in the fishing industry, which suffered significant damage during the period of hostilities in the European part of the territory of the USSR and thus which faced huge tasks

to ensure the front and rear. The deported to the Aral region Kalmyks experienced the same restrictions in rights and deprivation as those Kalmyks who found themselves in the regions of Siberia. At the same time, the relatively compact settlement of the large group and the milder climate, compared to the Siberian one, were favorable factors. The Kalmyks left a mark in the memory of the local population of the Aral region of Kazakhstan. The chief doctors of the hospitals E. N. Lidzhiev, previously the People's Commissar of Health of the Kalmyk ASSR, and V. B. Mukharaev, who also became famous for his participation in the film "Daughter of the Steppes" (1954), gained special fame among the population here. The respect for Kalmyks is also manifested in the memory of famous figures who showed themselves after returning to their homeland, but who spent their youth in the Aral region: the memory of them is alive among the Kazakh population.

Keywords: Kalmyks, deportation, Kazakh SSR, Aral region, fishing industry, memories

Acknowledgments. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134–6 'The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups' and project no. AAAA-A19-119090590086-0 'National Information Resources in Scientific and Cultural Space'.

For citation: Bakaeva E. P., Makatova Zh. A. Kalmyk Special Settlers in the Aral Region of Kazakhstan in the Documents and Memoirs of Eyewitnesses. *Mongolian Studies (Elista)*. 2023; 15(4): 643–668. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-643-668

1. Введение

История депортаций в СССР — тема многоплановая. Активное ее исследование началось в постсоветский период [Бугай 1992; Бугай 1995; Убушаев 1991; Вашкау 1994; Земсков 1990; Земсков 1991а; Земсков 1991б; Земсков 2003; Кокурин 1993; Полян 2001; и др.], в ряде работ содержатся историографические обзоры опубликованных статей и монографий, книг, посвященных проблемам депортаций, в том числе по национальному признаку (например: [Земсков 2003; Полян 2001: 14–18]). Исследование истории калмыцкого народа периода депортации, последствий сибирской ссылки, а также изучение антропологии травмы народа, процесса реабилитации осуществлено в ряде работ [Бугай 1991; Бугай 1992; Бакаев 1992; Бакаев 2003; Гучинова 2002; Гучинова 2020а; Гучинова 2020б; Дорджиев 1992; Дорджиев 2000; Иванов 2013; Иванов 2014; Максимов 2004; Национальная политика 2003; Номинханов 1967; Оглаев 1992; Оглаев 1993; Репрессированные народы 1992; Репрессированные народы 1993; Репрессированные народы 1994а; Репрессированные народы 1994б; Убушаев 1991; Убушаев, Убушаев 2007; Убушаев 2009; Убушаев, Авлиев 2015]; опубликованы сборники документов и материалов, воспоминаний [Ссылка калмыков 1993; Иванов 2005; Память в наследство 1995; Годаев 1999; Мы — из высланных навечно 2003; Так это было I, 1993; Так это было II, 1993; Так это было III, 1993; Широклаг: Широкстрой 2000; и др.].

Тем не менее до настоящего времени остаются недостаточно исследованными многие вопросы истории калмыков периода депортации. В частности это касается калмыков-спецпоселенцев, которые были расселены на территории Казахской ССР. Имеются лишь отдельные публикации, содержащие воспоминания спецпоселенцев о пребывании в период ссылки народа на территории Казахстана [Иванов 2005: 20–26; Дорджиев 2000: 8–12; и др.] и статья [Орлова 2023], в которой дан предварительный обзор материалов архива одного района.

Источниковая база по изучению периода депортации и ссылки калмыцкого народа охарактеризована в работе [Убушаев, Убушаев 2007: 26–47]. Авторы отмечают, что «все основные материалы по выселению калмыцкого народа, пребыванию

его в ссылке сосредоточены в Государственном архиве Российской Федерации, главным образом, в фондах НКВД-МВД, НКГБ СССР, а также в Информцентре МВД Республики Калмыкия, в архивах восточных и северных областей и краев Российской Федерации» [Убушаев, Убушаев 2007: 26]. В этой связи особое значение приобретают материалы архивов областей и краев бывшего СССР, в которых были расселены представители депортированного народа.

Цель исследования — осветить отдельные материалы из документов о калмыках-спецпереселенцах и ввести в научный оборот сведения устных историй о депортированных калмыках, находившихся в период депортации в Аральском районе Кызылординской области Казахской ССР. История «аральских» калмыков еще почти не затрагивалась в научных публикациях. Благодаря состоявшейся в 2023 г. научной экспедиции Калмыцкого научного центра РАН в Республику Казахстан (далее — РК) и взаимодействию с сотрудниками Архива Президента РК, Центрального государственного архива РК, региональных архивов удалось собрать материалы о калмыках-спецпереселенцах, расселенных во время депортации и ссылки калмыцкого народа (1943–1957 гг.) на территории Казахстана. Выражаем особую благодарность сотрудникам Архива Президента Республики Казахстан за поддержку делегации из Калмыкии в организации сбора материалов к 80-летию депортации калмыков в Казахстан, регионального Архива Кызылординской области, Аральского районного архива, которые приложили все усилия по поиску материалов, архивных документов, сведений о судьбе тысяч депортированных калмыков, а также жителям аральской земли за живой рассказ об историях депортированных калмыков в Приаралье.

2. Депортация калмыков в Казахскую ССР зимой 1943–1944 гг.

2.1. Официальные документы и цифры...

Известно, что на момент прибытия на места спецпоселения было всего учтено 608 749 чел., выселенных с Северного Кавказа, 228 392 чел. — из Крыма, 94 955 чел. — из Грузии, и 91 919 калмыков [Земсков 1990: 8]. До 01.10.1948 из этого числа были исключены 979 калмыков и 32 981 представитель народов, выселенных с Северного Кавказа, как дважды учтенных, таким образом, получалось, что депортации были подвергнуты 90 940 калмыков [Земсков 1990: 8]. «По состоянию на 1 января 1949 г. на учете состояло всего 2 300 223 спецпоселенца, из них 1 835 078 человек относились к категории выселенных навечно (... 77 270 калмыков) [Земсков 1990: 9]. Что касается географии расселения, то на 1 января 1949 г. среди упомянутых 2 300 223 спецпоселенцев в Казахской ССР учтены были 2 062 калмыка [Земсков 1990: 10].

Цифры, опубликованные уже в первых работах по истории насильственных переселений в СССР, соответствовали официальным документам. Но часть этих документов еще была не исследована.

Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР № 115/114 «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР» от 27 декабря 1943 г., все калмыки, проживавшие в Калмыцкой АССР, подлежали переселению «в другие районы СССР» [Ссылка калмыков 1993: 18–19]. В соответствии с этим указом Совет народных комиссаров СССР (далее — СНК СССР) принял постановление № 1432–425сс от 28 декабря 1943 г., определившее места выселения калмыков: Алтайский и Красноярский края (по 25 тыс. чел.), Омская

(25 тыс. чел.) и Новосибирская (20 тыс. чел.) области [[Ссылка калмыков 1993: 19](#)], хотя, как отмечает Н. Ф. Бугай, еще в середине октября 1943 г. было принято постановление СНК СССР № 1118-346сс о подготовке к приему спецпоселенцев-калмыков в Алтайском и Красноярском краях, Омской и Новосибирской областях [[Бугай 1995: 69](#)].

26 января 1944 г. начальник отдела перевозок Народного комиссариата внутренних дел (далее — НКВД) СССР, комиссар госбезопасности Аркадьев сообщал начальнику Управления НКВД Астраханской области об отправленных эшелонах со спецпереселенцами-калмыками. Всего им перечислено 46 эшелонов, отправленных со станций Трусово, Правый берег, Басинская, Зензели, Улан-Хол, Разъезд № 6, Разъезд № 8, Разъезд № 9, Разъезд № 10, Тингута, Абганерово, Котельниково, Куберле, Сальск, Дивное.

В этом материале комиссара госбезопасности перечислялись станции и дороги назначения, среди которых были:

1) станции Красноярской дороги: Канск, Клюквенная, Енисейск, Козулька, Абакан, Шира, Ачинск, Боготол, Ужур, Ададым;

2) станции Томской дороги: Барнаул, Болотное, Искитим, Озерки, Алейск, Топчиха, Большая Речка, Бийск, Зональное, Шипуново, Рубцовск, Третьяково;

3) станции Омской дороги: Любинская, Каргат, Чаны, Омск, Славгород, Чистоозерная, Купино, Убинское, Кормиловка, Марьяновка, Москаленки, Исилькуль, Каменск, Ишим, Омутинское;

4) станции Свердловской дороги: Тюмень, Ялуторовск [[Ссылка калмыков 1993: 118–119](#); [ссылка на: Информационный центр МВД РК. Д. 26. Л. 258](#)]. Это были станции, куда отправляли калмыков, в двух краях и двух областях, упоминавшихся в постановлении СНК СССР от 28 декабря 1943 г. о выселении калмыцкого народа;

5) среди эшелонов, отправленных с калмыками на восток, был также и эшелон № СК-406, который отправился со станции Улан-Хол. Станцией его назначения была ст. Аральское море Оренбургской дороги [[Ссылка калмыков 1993: 119](#); [ссылка на: Информационный центр МВД РК. Д. 26. Л. 258](#)].

Соответственно в справке о местонахождении переселенного калмыцкого населения, составленной в январе 1944 г. начальником Первого спецотдела Управления НКВД Астраханской области майором госбезопасности Собачкиным, сообщалось, что документы на спецпереселенцев-жителей Лаганского улуса ликвидированной Калмыцкой АССР, отправленных эшелонном № СК-406 со станции Улан-Хол, следует направлять в Кызылординскую область, так как спецпереселенцы, находившиеся в этом эшелоне, были отправлены на железнодорожную станцию Аральское море Оренбургской дороги [[Ссылка калмыков 1993: 120](#); [ссылка на: Информационный центр МВД РК. Д. 26. Л. 259](#)].

В справке отдела спецпоселений ГУЛАГа НКВД СССР от 02 февраля 1944 г. о количестве спецпереселенцев-калмыков, расселенных в Сибири и Казахстане, указывалось, что всего были выселены 26 148 калмыцких семей, включавших 92 983 человека, в том числе 40 147 детей, 33 809 женщин, 19 017 мужчин. Из них в Омскую область были выселены 27 069 калмыков, в Красноярский край — 24 998 калмыков, в Алтайский край — 22 212, в Новосибирскую область — 16 436 калмыков, а в Казахскую ССР — 2 268 калмыков, составивших 648 семей, из них 509 мужчин, 780 женщин, 979 детей [[Ссылка калмыков 1993: 142](#)].

Таким образом, несмотря на постановление СНК СССР № 1432–425сс от 28 декабря 1943 г., выселение калмыков уже на первом этапе (впоследствии калмыков переселяли в более отдаленные области) прошло как в четыре сибирские региона, так и в Казахскую ССР. Сведения о численности членов калмыцких семей, выселенных на территорию Казахской ССР, разнятся. По данным, собранным в документах НКВД и указываемым В. Н. Земсковым, в Казахской ССР учтены были 2 062 калмыка [Земсков 1990: 10]. По другим сведениям — 2 268 человек [Ссылка калмыков 1993: 142; ссылка на: ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп.1 Д. 136. Л. 6]. Приводятся в литературе и другие цифры: «По учетным данным МВД КазССР ... в республику были направлены ... калмыки (648 семей, в них 2 336 чел.) [Из истории депортаций 2019: 30].

По предварительным данным, введенным в научный оборот К. В. Орловой, «в январе 1944 г. по решению бюро Аральского районного комитета КП(б)К¹ и районного совета депутатов трудящихся было принято к размещению 745 семей для рыбной системы, в апреле 1944 г. в новой депеше секретарю обкома КП(б)К и начальнику Кызылординского УНКВД указано к принятию 1 200 человек, или 400 семей „спецконтингента“, после этого вновь было принято 2 200 рыбаков и членов их семей» [Орлова 2023: 1149]. Хотя в справке начальника Управления при СНК Казахской ССР по хозяйственному устройству спецпереселенцев и эвакуированных поселенцев Д. Родина о хозяйственном и трудовом устройстве спецпереселенцев по состоянию на 1 июля 1946 г. отмечалось, что «в соответствии с решением Правительства Союза ССР в Казахскую республику на постоянное местожительство переехали спецпереселенцы» разных национальностей, в том числе калмыков — 648 семья, 2 336 чел. [Депортированные в Казахстан 2022: 152–153].

2.2. О причинах выселения части калмыков в Казахскую ССР

В постановлении СНК СССР от 28.12.1943 отмечалась необходимость расселения калмыков «главным образом в сельском хозяйстве, животноводстве и рыболовецких хозяйствах», лишь рабочих и служащих полагалось расселять в предприятиях районов вселения с использованием по специальности [Ссылка калмыков 1993: 19]. Пополнение трудовых ресурсов контингентом спецпереселенцев являлось одной из задач, решавшихся при насильственной депортации народов. Однако официальный документ, содержащий приказ о выселении части калмыков в Кызылординскую область зимой 1943–1944 г., нами пока не обнаружен.

В последние годы в Республике Казахстан проведена масштабная научно-исследовательская работа по изучению истории массовых репрессий советского периода. Изданы сборники документов и материалов, исследования, позволяющие по-новому взглянуть на некоторые моменты истории того периода [Депортированные 1998; Депортированные в Казахстан 2022; Из истории депортаций 2012; Из истории депортаций 2014; Из истории депортаций 2019; Спецпереселенцы в Карагандинской 2007; и др.]. Исследователи и общественность Казахстана осуществили 33-томное издание «Материалы Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий (20–50 годы XX века)» [Материалы Государственной 2022]. Материалы опубликованных и неопубликованных

¹ Коммунистическая партия (большевиков) Казахстана.

архивных документов позволяют дать общую картину проживания спецпереселенцев-калмыков, выселенных 28 декабря 1943 г. из родных мест и привезенных в начале 1944 г. в Аральский район Кызылординской области Казахской ССР.

Казахстанские ученые на основании анализа документов о депортированных калмыках пишут о том, что переселение калмыков на территорию Казахстана было не запланированным, и это соответствует вышеупомянутому постановлению СНК СССР № 1432/425сс от 28 декабря 1943 г. «О выселении калмыков, проживающих в Калмыцкой АССР», в котором были определены четыре сибирских региона для размещения «народа-спецпереселенца», и постановлению СНК СССР еще от середины октября 1943 г. № 1118-346сс о подготовке к приему спецпоселенцев-калмыков в Алтайском и Красноярском краях, Омской и Новосибирской областях.

Опубликованные архивные документы (например: [Депортированные калмыки 2018]) позволяют проследить, как готовились к приему спецпереселенцев-калмыков в сибирских регионах. Так, «подготовка к приему спецпереселенцев в Новосибирской области началась в начале декабря 1943 г. На первом этапе были определены районы для вселения, выбор сделан в пользу районов, имеющих железнодорожное сообщение. Восьмого декабря в г. Новосибирске проведено оперативное совещание председателей райисполкомов и начальников райотделов НКВД с разъяснением задач по приему, расселению и трудоустройству спецпереселенцев-калмыков. 14–15 декабря в райкомах ВКП(б) прошло обсуждение возможностей расселения людей. 17 декабря в районы вселения выехали представители Новосибирского облисполкома и Управления НКВД по Новосибирской области для оказания практической помощи на местах» [Депортированные калмыки 2018: 3, 4].

В Казахстане же «... в феврале 1944 г. г. Аральск Кызыл-Ординской обл. принял калмыков. **Кампания была внеплановой**¹, Казахстан не готовился к приему этого контингента. Поэтому возникли многочисленные преграды: уже на месте в Аральском р-не² калмыков неоднократно переселяли (док. № 151). Небольшая часть попала на север республики: в Кустанайской обл. на спецучете состояли 20 калмыков» [Из истории депортаций 2019: 30]. Действительно, в документе № 151 сборника документов «Из истории депортаций» (первом документе этого сборника, касающемся поселения калмыков в Аральском районе), датированном 7 февраля 1944 г., начальник Аральского райотдела НКВД сообщал о 5 калмыцких семьях, первоначально направленных в колхоз «Раим», который их не принял, затем в пос. Камбаш — в распоряжение Камбашского подсобного пункта Рыбтреста, директор которого не принимал калмыков на работу в связи с отсутствием рабочих мест и распоряжения Аралтреста об их приеме [Из истории депортаций 2019: 295].

Всего в 1943–1944 г. в Казахскую ССР были направлены 114 456 семей, или 507 480 чел. (другие цифры: 114 484 семьи, или 506 656 чел.) спецпереселенцев с Северного Кавказа, из Калмыцкой, Крымской автономных республик и Грузинской ССР [Из истории депортаций 2019: 32].

В сообщении за подписью Л. П. Берии от 2 января 1944 г. в Государственный комитет обороны об операции по переселению лиц калмыцкой национальности в восточные районы было написано: «Всего погружено в 46 эшелонов 26 359 семей или 93 139 переселенцев, которые отправлены к местам расселения в Алтайский

¹ Выделено нами. — Э. Б., Ж. М.

² Так в источнике.

и Красноярский края, Омскую и Новосибирскую обл.» [Депортированные в Казахстан 2022: 129–130]. Тем не менее в процессе выселения калмыков решен был вопрос о том, чтобы часть калмыков оставить в колхозах и на рыбозаводах у Аральского моря, где местное население занималось ловом рыбы и имела рыбная промышленность.

Особенностью депортированного в Аральский район Кызылординской области контингента спецпереселенцев-калмыков явилось то, что все они являлись жителями Лаганского улуса — приморского, где большое значение в экономике имели рыболовство и рыбная промышленность. Нужно учитывать, что в среде калмыков жители приморских и приволжских улусов издавна занимались рыболовством. В 1930-е гг. в экономике Калмыкии, как отмечают исследователи, наряду с основной отраслью — животноводством — одно из основных мест заняла рыбная отрасль [Манджиев 2020: 913]. Действовали Калмыцкий государственный рыбный трест (Калмгосрыбрест) и объединение «Калмырбаксоюз»; в 1935 г. был построен Лаганский рыбоконсервный, холодильный комбинат [Манджиев 2020: 909–910]. Во второй половине 1930-х гг. в Калмыкии, как и в целом по стране, уделялось большое внимание выполнению плановых заданий, в том числе в связи с задачами создания стратегических запасов. Приказом Наркомата рыбной промышленности (далее — Наркомрыбпром) СССР от 19 января 1940 г. были установлены планы рыбтрестам, в том числе Калмгосрыбпромтресту¹, по производству сушеной, вяленой, копченой рыбы для нужд Красной армии в счет фондов Наркомата обороны СССР, а в 1941 г. планы производства Калмгосрыбпромтреста включали поставки по ежемесячному графику и по пятидневым [Максимов 2023: 382–383]. Накануне начала войны Калмыкия поставляла в значительных размерах рыбную продукцию в фонды обороны, на снабжение армии [Максимов 2023: 382, 386]. Согласно плану на 1941 г., всего Калмгосрыбпромтрест должен был заготовить 14 400 тонн соленой, копченой и мороженой рыбы [Максимов 2023: 386]. Ставился вопрос об увеличении поставок рыбы Калмгосрыбпромтрестом. Об объемах поставлявшейся рыбной продукции свидетельствуют и следующие цифры: «Калмгосрыбпромтрест по мобзаданию № 20 (литер., „А“) в первые месяцы войны обязан был поставить рыбы крупной частиковой породы: мороженой — 500 т, соленой — 4 000 т. По мобилизационному заданию № 32 Консервному заводу Лаганского рыбокомбината подлежало поставке в год войны Севкаспрыбасбыту 5 000 тыс. условных банок рыбных консервов» [Максимов 2023: 380].

В условиях предвоенного и военного времени значение рыбной отрасли возрастало, о чем свидетельствует выделение в начале 1939 г. Наркомрыбпрома СССР из Наркомата пищевой промышленности СССР. Руководство Наркомрыбпрома СССР (в 1939 г. нарком — П. С. Жемчужина, с июня 1940 г. — А. А. Ишков) курировало рыбную отрасль в целом, включая промысел, переработку, флот, отраслевые научно-исследовательские институты [Курапова 2011: 66].

Руководство Наркомрыбпрома СССР, с 1939 г. контролировавшего среди других регионов также и добычу и переработку рыбы в Каспийском бассейне (см., например: [Курапова 2011]), не могло не оценить последствия ликвида-

¹ Калмырбтрест с развитием рыбной промышленности и в соответствии с созданием в стране наркомата рыбной промышленности стал именоваться Калмгосрыбпромтрестом.

ции Калмыцкой АССР и депортации калмыцкого народа, которые означали невыполнение планов по поставке рыбной продукции в довольно значимых объемах (сотни тысяч центнеров добытой рыбы и десятки тысяч тонн соленой, вяленой и копченой рыбы), выполнявшихся Калмгосрыбпромтрестом, в том числе и через скупку рыбы-сырца у Калмыбакколхозсоюза. Необходимость же увеличения поставок рыбной продукции обусловила принятие 6 января 1942 г. постановления № 19 СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке», долженствовавшего способствовать обеспечению рыбной продукцией армии и мирного населения. Объемы поставлявшейся Калмгосрыбпромтрестом продукции можно оценить, сравнив план создаваемого в соответствии с постановлением № 19 СНК СССР и ЦК ВКП(б) Красноярскому госрыбпромтреста, которому на 1942 г. был установлен план добычи рыбы 300 тыс. ц [Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 19]. У Калмгосрыбпромтреста на 1941 г. план добычи рыбы-сырца составлял 310 тыс. ц [Максимов 2023: 386].

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 6 января 1942 г. № 19 содержало указания на необходимость переселения десятков тысяч «спецпереселенцев для использования их на лову и предприятиях рыбной промышленности» в разные регионы, где создавались рыбпромтресты [Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 19]. Этот факт явился прецедентом, который был использован при депортации (в том числе вторичной) калмыцкого народа.

В связи с вышеизложенным становится ясно, что Наркомрыбпром СССР решил вопрос о направлении в рыболовные колхозы и на рыбные заводы на Аральском море части калмыков, которые могли бы выполнять функции работников рыбной отрасли. Нами пока не обнаружен документ, которым было внесено дополнение к постановлению Совнаркома СССР о выселении калмыков в 4 сибирских региона; его предстоит найти в архивных фондах. Однако документы Аральского районного архива Кызылординской области позволяют сделать вывод о том, что таковой документ имелся, поскольку часть калмыцкого населения направлена была со станции Улан-Хол конкретно для работы в рыбной отрасли. Так, спецпереселенцы-калмыки из Лаганского улуса ликвидированной Калмыцкой АССР в документах Аральского райкома ВКП(б) называются «контингентом людей для рыбной ловли в количестве 745 семей» [АРА КО РК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 20. Л. 258]. В постановлении бюро Аральского райкома ВКП(б) и райсовета депутатов говорилось о приеме и размещении «контингента рыбаков в колхозах Рыбакколхозсоюза, рыбозаводах, МРС системы Аралрыбтреста» [АРА КО РК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 20. Л. 258].

Вышеуказанное постановление бюро Аральского райкома ВКП(б) и райсовета было принято 2 января 1944 г. Таким образом, можно сделать вывод о том, что, несмотря на наличие постановления СНК СССР № 1432–425сс от 28 декабря 1943 г., в котором определялись четыре региона для места ссылки калмыков, с момента выселения калмыков одним из мест ссылки были определены поселки у Аральского моря, куда переселяли калмыков из приморского Лаганского улуса, поскольку в этом улусе имелись рыбаки — как мужчины, так и женщины. Переселение в места локализации предприятий рыбной отрасли, таким образом, было обусловлено необходимостью каким-то образом восполнить потери, кото-

рые понесла рыбодобывающая отрасль и рыбная промышленность в результате ликвидации вместе с Калмыцкой АССР и ее успешно развивавшейся и перевыполнявшей планы поставок рыбной отрасли.

Отправка отдельного эшелона с номером «СК-406» до станции Аральское море со станции Улан-Хол — также свидетельство того, что вопрос об ином направлении ссылки для части калмыков-рыбаков решался на самом высоком уровне. Подтверждением тому является следующее. В годы Великой Отечественной войны деятельность «рыбной промышленности ... представлялась настолько важной, что контролировалась непосредственно Государственным комитетом обороны», а нарком рыбной промышленности А. А. Ишков¹ лично руководил работой Главного управления рыбной промышленности Каспийского бассейна, созданного сразу после начала войны в процессе реорганизации структуры наркомата, и постоянно информировал лично о результатах работы этого управления Государственный комитет обороны [Виноградов, Ещенко 2018: 31]. Личная ответственность наркома за обеспечение условий работы рыбпромтрестов была установлена постановлением о развитии рыбной промышленности в восточных районах страны [Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 19].

Известно, что схема движения депортированного населения во время операции «Улусы» 28 декабря 1943 г. была тщательно разработана. На станцию Улан-Хол отправляли калмыков из Лаганского улуса, Черноземельского (2 072 чел., остальные 5 810 чел. были увезены на станцию Дивное), Уланхольского (из Центрального, Хамхултинского, Северного сельсоветов, с. Нарын Худук, совхоза «Улан туг») улуса [Убушаев, Убушаев 2007: 175, 180]. Лаганский улус был известен тем, что здесь имелся «большой отряд рыбопромышленного рабочего класса», а многие артельные группы калмыков-рыбаков находились в море, выполняя мобилизационные задания [Убушаев, Убушаев 2007: 173]. Из числа каспийских рыбаков после начала Великой Отечественной войны был сформирован морской дивизион, служба в котором приравнена была к несению воинской службы. Дальнейшее изучение архивных материалов, в том числе Аральского районного архива, позволит уточнить, население каких калмыцких поселков было направлено на станцию Аральское море.

Направление части депортированных калмыков в Казахскую ССР в район рыбодобывающей и рыбообрабатывающей отрасли явилось первым шагом, за которым последовали и следующие. Уже начиная с весны 1944 г. рыбаки-калмыки подверглись новым переселениям в связи с решением властями вопроса обеспечения рабочей силой на промыслах и предприятиях рыбной промышленности в Ханты-Мансийске, на Таймыре, и др., позже состоялось переселение на Сахалин... Так, в Омской области 30 апреля 1944 г. было принято постановление обкома ВКП(б) и исполкома облсовета «О переселении спецпереселенцев-калмыков в рыбопромышленные районы области», которое принято было в соответствии с постановлением Госкомитета по обороне от 18 января 1944 г. «О подготовке к весенней путине и увеличении добычи рыбы в 1944 г. по Наркомрыбпрому СССР» [Иванов 2014: 57–58]. Основанием для постановления ГКО послужило все то же

¹ Нарком рыбной промышленности СССР с 1940 г. Будучи в 1939 г. заместителем наркома, А. А. Ишков лично утверждал основные показатели промышленно-финансовых планов Калмгосрыбпромтреста [Максимов 2023: 379].

постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 6 января 1942 г. № 19 «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке», «которым предусматривалось выделение значительного количества рабочей силы для рыбных промыслов и санкционировалось переселение спецпереселенцев для нужд рыбной промышленности в 1942 г.» [Иванов 2014: 58]. Калмыков-рыбаков переселяли в северные округа Омской области в районы работы трех рыбпромтрестов, причем «калмыки существенно пополнили оскудевшие за годы войны трудовые ресурсы предприятий рыбной промышленности. Из общего количества занятых в 1945 г. в промышленности по предприятиям трестов калмыки составляли: в Тобольском — 26 %; Ханты-Мансийском — 17 %; Ямало-Ненецком — около 15 %» [Серазетдинов, Иванов 2009: 69].

Таким образом, депортация части калмыков в Аральский район Кызылординской области Казахской ССР была незапланированной, она была обусловлена решением власти использовать депортируемых согласно их специализации в хозяйствах принимающих регионов, в частности в рыбной отрасли, которая понесла значительный урон в период ведения военных действий на европейской части территории СССР и перед которой стояли огромные задачи по обеспечению фронта и тыла соответствующей продукцией. Вместе с тем новые архивные документы, обнаруженные в Аральском районном архиве, позволяют внести поправку в ранее высказывавшееся положение о том, что «все эшелоны с населением Уланхольского улуса были направлены в два сибирских региона — Алтайский край и Новосибирскую область, за исключением эшелона № 406, который по приказу НКВД повернули на Аральское море» [Убушаев, Убушаев 2007: 180], «в ходе высылки один из эшелонов (648 семей) был возвращен на Аральское море, где потребовались опытные рыбаки (Кзыл-Ординскую область Казахской ССР)» [Жуканова, Очиров 2021: 752]. Состав № СК-406 был отправлен именно на станцию Аральское море. И уже 2 января в г. Аральске состоялось совместное заседание бюро Аральского райкома ВКП(б) и районного совета депутатов с повесткой о приеме и размещении прибывающих в район калмыков и их устройстве на работу в системе Аралрыбтреста [АРА КО РК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 20. Л. 258]. Таким образом, решение об определении местом спецпоселения Аральского района Кызылординской области было принято в первые дни осуществления операции «Улусы»: иначе говоря, пока калмыки ждали на станции Улан-Хол отправки в ссылку. В 1944 г. суббота, 1 января, была объявлена выходным днем в связи с перенесением дня отдыха с воскресенья 2 января 1944 г.¹ Следовательно, уже в первый рабочий день 1944 г. в Аральском районе обсуждались вопросы приема спецпереселенцев.

3. Первые годы жизни калмыков в Приаралье

По воспоминаниям депортированного в Аральск В. П. Дорджиева, жителей близлежащих хотонов привезли на студебеккерах на грузовую станцию Улан-Хол, там погрузили в товарные вагоны поезда, который поехал через Астрахань на восток. «Недели через две в г. Аральске Кзыл-Ординской области Казахстана из состава поезда отцепили 10 вагонов, в основном рыбаков Каспия, и выгрузили.

¹ Постановление СНК СССР № 1411 от 22 декабря 1943 г. «О перенесении дня отдыха с воскресенья 2 января 1944 года на субботу 1 января 1944 года» [Постановление СНК № 1411].

Здесь нас распределили по островам Аральского моря, а несколько семей оставили в городе» [Дорджиев 2000: 8–9].

Воспоминания калмыка-спецпереселенца не противоречат документам: военный эшелон мог включать от одного и более вагонов, которые имели особое место назначения (прибытия). Однако в любом случае более двух тысяч калмыков (по разным данным от 648 до 745 семей) не могли быть размещены в 10 вагонов, которых должно было быть большее количество. Все они были направлены в Аральском районе Кызылординской области в колхозы Рыбакколхозсоюза, рыбозаводы, меньшая часть калмыков осталась в г. Аральске.

По прошествии десятилетий со времени восстановления автономии Калмыкии и возвращения калмыков на свою родину можно задать вопрос, насколько отличались условия жизни калмыков, депортированных в Аральский район Кызылординской области Казахской ССР, от условий, в которых оказались калмыки, проследовавшие в товарных вагонах далее и доставленные зимой 1944 г. в сибирские края и области. Ведь «аральским» калмыкам пришлось пробыть в пути в товарных вагонах меньшее время, они попали в регион, который по природным условиям имел сходство с районом, откуда были выселены прикаспийские калмыки. В литературе встречается мнение о том, что оказавшиеся в Приаралье «многие приморские калмыки... оказались в более благоприятных условиях» [Убушаев, Убушаев 2007: 180].

Ответ на такой вопрос неоднозначен. С одной стороны, приморские калмыки оказались расселены в условиях относительно мягкого климата, что явилось преимуществом в сравнении с теми, кто попал в суровые сибирские условия в разгар зимы. Шесть с половиной сотен семей, более двух тысяч калмыков, расселены были хотя и в разных поселках, но в относительной близости, имели возможность общения с родственниками и представителями своего народа. Немаловажным являлся и фактор антропологического типа, который не выделялся на фоне коренного населения Аральского района — казахов. В отличие от Аралрыбтреста, к примеру, в Ханты-Мансийском госрыбтресте было решено не допускать расселения калмыков-спецпереселенцев в национальных колхозах и в глубинных пунктах [Ссылка калмыков 1993: 156]. С другой стороны, спецпереселенцы-калмыки в Приаралье были так же ограничены в правах, как и их сородичи в сибирских регионах, подвергались унижениям со стороны комендатуры, и лишь немногим из них удалось впоследствии получить образование и стать специалистами. Один из них, депутат Верховного Совета РСФСР и министр сельского хозяйства Калмыцкой АССР, В. П. Дорджиев, вспоминал, как получал «жесткие удары» в детстве и юности, и особенно запоминающимся был факт того, что был пущен слух, что прибывшие калмыки — людоеды, а не зная русского языка, мальчишка отзывался, когда недруги называли его «людоедом», и только позже, изучив русский язык, понял смысл этого обвинения и дал отпор обидчику [Дорджиев 2000: 9–10].

Особенно тяжелыми были условия жизни спецпереселенцев-калмыков в Приаралье в первое время, когда необходимо было обустроиваться на новом месте. Прием и расселение калмыков не были запланированы в Казахстане, в отличие от четырех сибирских регионов, которые были извещены о грядущей операции по депортации калмыков заранее.

На этапе приема спецпереселенцев колхозы не стремились принимать семьи, в

которых некому было работать, имелись иждивенцы — такое же положение было и в других регионах. Так, в книге о ссылке калмыков опубликован документ, в котором управляющего Ханты-Мансийским рыбтрестом уведомляли с места о том, что пароходом прибыла одинокая и слепая спецпереселенка: «что делать?» [Ссылка калмыков 1993: 156].

Жилищно-бытовые условия были очень тяжелыми. В отчете о выполнении мероприятий по хозяйственному устройству спецпереселенцев за 1946 г. под грифом «Не подлежит оглашению» констатировалось: «Прибытие единовременно в республику спецконтингента свыше 500 тысяч человек, при наличии в республике значительного количества эвакуированного населения, создало серьезные трудности в вопросе представления спецпереселенцам жилья. По этой причине, а также первоначальное нежелание многих спецпереселенцев устраиваться на новых местах жительства, хозяйственное и трудовое устройство спецпереселенцев приняло затяжной характер» [Депортированные в Казахстан 2022: 169].

Большой была смертность населения. В Казахстане пытались организовать продовольственную помощь спецпереселенцам. Но, как отмечалось в информации Аральского райотдела НКВД Аральскому райкому ВКП(б) в апреле 1944 г., положение спецпереселенцев-калмыков, расселенных в рыболовецких колхозах, было бедственным. Перечислялись семьи, опухшие от голода. Начальник Аральского НКВД, старший лейтенант госбезопасности Осыко писал в райком: «Подчеркиваю, что некоторые семьи находятся на грани голодной смерти, так как не получают хлеба или муки в течение 3-х месяцев. Требуются экстренные меры помощи» [Из истории депортаций 2019: 296–297]. В ноябре 1944 г. Кызылординский областной отдел обустройства спецпереселенцев констатировал: «Хорошо организовано хозяйственное устройство спецпереселенцев в Аралсульфате... Спецпереселенцы жилплощадью хорошо обеспечены в организациях Судоверфь, Сульфат и Госпароходство... Плохо обстоит с обеспечением квартирами в организациях рыбной промышленности, где имеются большие скученности... Фактической помощи руководителями предприятий истощенным и больным не оказывалось, т. к. этим вопросом руководители района не интересуются. Плохо обстоит дело с выплатой госпособия, как семьям красноармейцев, а также многодетным матерям, из 270 семей военнослужащих пособие получают только 17 семей» [Из истории депортации 2019: 302–303]. О тяжелейшем положении спецпереселенцев писали в самом начале 1945 г. в Аральский райком и представители районного отдела НКВД: «Положение спецпереселенцев калмыков и чеченцев, проживающих в городе, весьма тяжелое. Ряд семей дошли до крайней степени истощения из-за отсутствия продуктов питания и топлива. Отдельные семьи дошли до такого состояния по причине наплевательского отношения руководителей предприятий, которые спецпереселенцев, болеваемых на почве истощения, немедленно увольняют и тем самым оставляют их на гибель. Есть семьи, в которых трудоспособная только мать (чаще семьи фронтовиков), имеющая 3–4 детей и поэтому со дня прибытия нигде не работающая. Эти семьи находятся в особенно тяжелом состоянии» [Из истории депортаций 2019: 306].

Тяжелейший период обустройства в местах спецпоселений продолжился и после окончания войны, так как меры помощи спецпереселенцам, предусмотренные решениями властей, не всегда могли быть реализованы в полном объеме:

численность населения Казахстана в период войны увеличилась, кроме эвакуированных, как выше отмечалось, в республику были переселены более полумиллиона спецпереселенцев. Тем не менее, как и в других регионах, предпринимались меры по обеспечению жильем, по выдаче скота семьям спецпереселенцев (по одной голове крупного рогатого скота на семью). Большое значение уделялось массовой политической работе среди спецпереселенцев и среди местного населения («... в некоторых районах еще до сих пор не искоренено предубежденное, а порой прямо враждебное отношение к спецпереселенцам») [Депортированные в Казахстан 2022: 165–166].

Даже в 1949 г. среди спецпоселенцев имелись «продовольственные затруднения»: «По имеющимся в отделе спецпоселений МВД СССР неполным данным, в Акмолинской, Актюбинской, Кокчетавской, Кустанайской, Северо-Казахстанской и Семипалатинской областях на 1-е апреля с. г. было учтено остро нуждающихся в продовольствии — 118 259 выселенцев, из них 2 590 человек больных дистрофией, и зарегистрировано 18 случаев смертности вследствие истощения от недоедания» [Депортированные в Казахстан 2022: 202].

Тем не менее, несмотря на имевшиеся трудности, спецпереселенцы-калмыки, с 1948 г. получившие статус «высланных навечно», постепенно обустроили свой быт, жили и работали, общались между собой, преодолевая вместе с местным населением сложности послевоенного периода. Пройдя адаптационный период, длившийся в разных регионах и среди разных групп различное количество лет, спецпереселенцы-калмыки обрели удовлетворительные условия жизни, наладили межкультурный диалог с местным населением. За годы совместного проживания многие калмыки освоили казахский язык, в процессе социальной коммуникации с коренным населением региона обрели новых друзей. После принятия Указа Президиума Верховного Совета СССР от 9 января 1957 г. «Об образовании Калмыцкой автономной области в составе РСФСР» калмыки стали возвращаться на свою родину.

4. Калмыки-спецпереселенцы в памяти аральских казахов

Тринадцать лет жизни калмыков в Аральском районе не могли не оставить след в памяти местного коренного населения, и сбор устной информации, устных историй о периоде ссылки калмыков является одной из задач, стоящих перед исследователями. До настоящего времени такие исследования еще не проводились. И потому актуальным является введение в научный оборот сведений, записанных у коренных аральцев. В отличие от «официальной» истории, устная история дает возможность не только детализировать события на микроуровне, но и провести сравнительно-историческое исследование данных их официальных источников (архивных материалов) и устных рассказов рядовых участников исторических событий. Одновременно в устных историях фиксируются наиболее памятные события и лица, что позволяет запечатлеть интерпретацию очевидцев о поворотных явлениях и случаях, а также о людях, которые занимали значимое место в жизни сообщества.

Несомненно, что сведения о рыбаках-калмыках, проживавших в Аральском районе в течение тринадцати лет, остались в памяти местного населения. Как и в любой устной истории, очевидцы рассказывают о тех, с кем были лично знакомы,

с кем учились или трудились рядом. В социальных сетях зафиксированы сведения учащихся аральских школ 1940-х, 1950-х гг. об их одноклассниках-калмыках. Свидетели событий того периода в настоящее время ныне находятся в солидном возрасте (рожденным после депортации ныне за 80 лет), что затрудняет сбор устных рассказов о трудовой деятельности депортированных калмыков. Среди работавших в рыболовецких колхозах и на рыбозаводах, вероятно, возможно записать истории о калмыках — тружениках этой отрасли. Но с 1960-х по 1980-е гг. Аральское море сократилось вдвое. В связи с экологической катастрофой — обмелением Аральского моря, разделившегося на две части (Большой и Малый Арал), в регионе в 1980-х гг. рыболовство практически прекратилось. Впоследствии благодаря проведенным мероприятиям по спасению Малого Арала в Казахстане началось восстановление рыболовного промысла. Однако преэмиграционная была прервана, в связи с чем работа по сбору устных источников о калмыках, трудившихся в 1944–1956 гг. на рыбных предприятиях Аральского моря, весьма затруднена.

Тем не менее память о депортированных калмыках жива и в настоящее время. И свидетельством этого могут явиться два небольших рассказа о калмыках, записанные во время интервью одним из соавторов данной статьи в марте 2023 г.

Согласно рассказу Бахытжана Жумахметовича Жумахметова [ПМА 2023: Инф. 1], он и его ровестники были маленькими детьми, когда в Аральск и близлежащие поселки прибыли калмыки-спецпереселенцы. У них были такие же маленькие дети:

В 1943–1944 гг., когда были переселены калмыки, положение местного населения тоже было тяжелое... Аральцы, несмотря на тяжелую ситуацию в регионе, поддерживали переселенцев из Калмыкии, как могли, помогали в быту, делились едой, дровами... Без разрешения коменданта они никуда не могли выйти. У них забрали всех мужчин в армию, детей и стариков, негодных для армии, грузили в вагоны... В то время у жителей Аральского района были проблемы с едой, нехватка еды, питания, воды, в каждой семье было 7–8 душ, а то и больше. Было дано указание сверху, со стороны руководства региона, давать рыбу по количеству людей в каждом доме. Например, если в одной семье 2–3 человека, на руки 3 рыбы. Чтобы прокормить себя и детей, женщины, бабушки-калмычки обращались к соседям-казахам, просили остатки рыбной ухи, рыбьей кожи, а также рыбьи хвосты не выкидывать, и казахи делились чем могли... Калмычки мололи оставшиеся косточки от рыб, делали из них муку, подмешивали в рыбный суп, и так выживали...и выжили.

Калмыки готовили калмыцкий чай с использованием соли, молока, а вместо масла добавляли рыбий жир. При входе в дом соседней-калмыков был всегда специфический запах от чая, сильно пахло рыбьим жиром. Все дети калмыков, которые обучались в школах, очень хорошо знали казахский язык, многие обучались в казахских школах. Помню Андрея, калмыка, в школе писал, читал стихи на казахском языке.

Калмыки из совхоза Карашалан были рыбаками, у них был бригадиром Шарав, его сыновья Борис и Андрей обучались в казахской школе. В команде Шаравы было 10–15 человек. Они занимались ловлей рыбы, сдавали рыбу государству, им за это платили, питались рыбой, так и выживали.

Между Богеном и Карашаланом было село под названием Кызылаир. Там был пункт по приему рыбы. И там тоже жили калмыки, хотя их было немного.

Калмыки Богена, Карашалана и Кызылаира подчинялись одной комендатуре. Они, калмыки, были между собой очень дружные, поддерживали друг друга. Калмыки были очень дружелюбные, добрый, искренний народ [ПМА 2023: Инф. 1].

По мнению Б. Ж. Жумахметова, многие из сосланных в Казахстан калмыков выжили, и выживаемость, несмотря на сложные условия, была большей, чем среди спецпереселенцев-калмыков, сосланных в сибирские регионы. В Аральск товарными эшелонами прибыли люди от мала до велика. Многие из них, не выдержав тяжелых испытаний, умирали по дороге, не доехав даже до не столь отдаленного по сравнению с Сибирью места назначения — до Арала... Для калмыков Аральский регион оказался психологически более комфортным и климатически более привычным. Так, Б. Ж. Жумахметов привел пример вполне обеспеченной семьи спецпереселенцев: «В нашем селе Карашалане были калмыки, которые держали 5–6 овец и зарабатывали на жизнь рыбной ловлей» [ПМА 2023: Инф. 1].

В рассказе Б. Ж. Жумахметова, работавшего в 1969–1975 гг. заместителем главного врача г. Аральска, также содержатся сведения о работе заслуженного врача Республики Калмыкия, хирурга Владимира Борисовича Мухараева (1930–2014, см. фото 1):

Мухараев Владимир в Аральске был известный человек... Он закончил в Алма-Ате медицинский институт. Был высокий, красивый, смуглый мужчина... До 1966 г. жил и работал в Аральске, работал главным врачом района, затем главным врачом лепрозория... За один год под его руководством было построено 12 лепрозорных пунктов и один межрайонный лепродиспансер на 25 коек.

Он снимался в фильме «Дочь стеней». Жена у него была русская, она работала заместителем заведующего терапевтического отделения. Владимир Мухараев работал главным врачом города Аральска до Лизы Кирабаевой, которая проработала главным врачом Аральска до 1965 г., после нее главным врачом работал Макатов Заур Абдрахманович (1965–1978 гг.).

В. Мухараев был главным врачом Аральского района до 1961 г. Через 2–3 года он был переведен главным врачом лепрозория. Он был хорошим парнем, мы ходили вместе в те годы... Мухараев с женой были на нашей свадьбе в 1966 г., у нас дома...

Врачей в те годы в Аральске было мало. Он уехал из Аральска через 2–3 года после моего выпуска, после окончания мной Алматинского государственного медицинского института. Мы работали вместе с ним в лепродиспансере 1–2 года. В 1966 г. он уехал в Калмыкию...

В 2005 г. в город Аральск приезжала большая делегация для посещения малой родины, в 2010 г. на 100-летие средней школы №14 им. Н. К. Крупской приехали и выпускники школы из далекой Калмыкии. На это мероприятие приехали и выпускники школы из далекой Калмыкии. Встречали их одноклассники на перроне вокзала города Аральска... Выйдя из поезда, вступив через столько лет на землю Арала, они со слезами на глазах целовали родную землю. После приезда делегация выпускников школ разных лет из Калмыкии дала поминальный „ас“¹ в честь умерших родителей, родственников, похороненных в Приаралье [ПМА 2023: Инф. 1].

Судьба В. Б. Мухараева уникальна: статус спецпоселенца не помешал ему добиться разрешения на выезд из Аральска в столицу Казахской ССР г. Алма-Ату и поступить в медицинский институт, что было большой удачей в конце 1940

¹ Поминальный ас — в казахской культуре угощение, поминальный обед.

Фото 1. В. Б. Мухараев в фильме «Дочь степей» (1954 г.)

[*Photo 1.* V. B. Mukharaev in the film “The Daughter of the Steppes” (1954)]

– начале 1950-х гг. Он также стал знаменитостью, в студенческие годы сыграв одну из главных ролей в казахстанском фильме «Дочь степей» и получив приглашение стать профессиональным актером и поступить в театральный институт. Несомненно, это легенда истории калмыков-спецпереселенцев Казахстана. Но В. Б. Мухараев посвятил всю свою жизнь медицине и известен как замечательный врач. И потому в памяти аральцев он остался прекрасным врачом и организатором здравоохранения, который возглавлял городскую и районную больницу, был также главным врачом лепрозория. Примечательно, что сведения об открытии всего за год его работы 12 лепрозорных пунктов и межрайонного лепродиспансера остались в памяти и его коллег-калмыков: в письме в калмыцкую республиканскую газету «Хальмг үнн» о необходимости увековечения памяти В. Б. Мухараева его коллега, заслуженный врач Калмыкии О. А. Иванова, также когда-то высланная с родителями в Аральский район Казахской ССР и затем учившаяся в Алма-Атинском медицинском институте, писала об этих событиях начала врачебной карьеры калмыка-спецпереселенца [Иванова 2015].

Рассказ Б. Ж. Жумахметова о калмыках-спецпереселенцах, проживавших в Аральском районе, — это фрагмент «живой истории», на микроуровне зафиксировавший отдельные события и факты жизни «аральских» калмыков. В кратком рассказе — внимание не только к калмыкам-рыбакам поселка Карашалан и известному персонажу истории здравоохранения района описываемого периода, но и к отдельным фактам и явлениям, не привлекавшим внимания историков, работающих с архивными материалами. Впервые «история микроуровня» дает возможность зафиксировать изменения в пищевом рационе, сложившемся в экстремальных условиях: заправка калмыками рыбьим жиром молочного чая. Весьма значимыми являются и такие детали оценки социального благополучия, как число овец в хозяйстве семьи спецпереселенцев, а также сочетание традиций животноводства, характерных для хозяйства калмыков в прошлом, и рыболовства, которым занимались лаганцы в период до депортации и во время поселения в Аральском районе.

Особый интерес в отношении культуры калмыков, проживавших в Аральском районе, вызывают сведения, сообщенные нам Асылханом Нурхожаевичем Нурхожаевым, работавшим хирургом и главным врачом Аральского районного противотуберкулезного диспансера в 2002–2015 гг. По его воспоминаниям, дома, где проживали калмыки, отличались особой конструкцией печи: «у всех вертикальные, а у них — горизонтальные». Калмыцкие печи были невысокими, около 40–50 см, и довольно большими, прямоугольной формы. С одной стороны в печи имелась дверца, с этой стороны находилась топка (топили камышом), с другой стороны на печь стелили одеяла, на теплой поверхности располагались дети [ПМА 2023: Инф. 2].

Интервью с жителями г. Аральска дают возможность записи историй, полученных ими в устной передаче от старшего поколения. Такими стали сведения из интервью с А. Н. Нурхожаевым.

В Аральском районном ЗАГСе есть все сведения о калмыках, депортированных в г. Аральск и близлежащие поселки Аральского района (Камбаш, Боген, Аманоткел, Каракум, Аралсульфат, Карашалан, Кызылаир) со дня их прибытия в данный регион. Там хранятся все данные по прибывшим калмыкам, свидетельствующие об их смерти, диагнозах, истории заболеваний, о том, кто сообщил о смерти, подтверждающие документы. В Аральске есть кладбище калмыков, куда приезжают дети, потомки бывших переселенцев из Калмыкии. Стало традицией среди выпускников школы № 14 им. Н. К. Крупской, прибывших из далекой Калмыкии, посещение мест захоронений отцов, дедов, чтобы почтить память предков...

Лиджиев тоже был калмык, работал главным врачом кожвендиспансера. Жена Лиджиева, Галина, была красивой женщиной, она была татаркой.

Лагаев — фельдшер поселка Боген — также был депортирован из Калмыкии...

Сохранилась фотография молодежи Аральского района Кызылординской области, обучавшихся в городе Алма-Ата в 1956–1957 гг., где есть фото Дорджиева Владимира и его младшего брата. Он приезжал в Аральск на мероприятие школы, на встречу с одноклассниками... Не помню, в какие годы... Но помню, что он останавливался у своего одноклассника, друга детства, Макатова Заура Абдрахмановича... В. Дорджиев поступил в сельскохозяйственный институт, а после окончания уехал к себе на родину. Мы слышали, что он был министром сельского хозяйства Калмыкии, депутатом Верховного Совета... Аральцы очень гордятся нашими земляками-калмыками, депортированными в те тяжелые годы на нашу родную землю... Мы помним их имена, с большим уважением относимся к их памяти... [ПМА 2023: Инф. 2].

Цитата из интервью с А. Н. Нурхожаевым — свидетельство памяти аральцев о калмыках, проживавших и трудившихся рядом с казахами в период ссылки народа. С уважением он, как и Б. Ж. Жумахметов, отмечает соблюдение калмыками, посещающими г. Аральск, обычая поминовения предков, и обращает внимание на наличие архивных материалов. Вместе с тем в его интервью звучат имена ряда калмыков, с которыми ассоциируется целый народ. С большим уважением он отзывается об известном государственном, партийном и общественном деятеле, кандидате экономических наук Владимире Павловиче Дорджиеве (1934–2007), внесшем значительный вклад в развитие экономики Калмыкии и защиту прав репрессированных народов [Дорджиев 2000; и др.]. В. П. Дорджиев в разные годы

работал секретарем райкома партии, министром сельского хозяйства Калмыцкой АССР, директором Калмыцкого НИИ мясного скотоводства, являлся депутатом Верховного Совета Российской Федерации (1990–1993), членом Комиссии Совета национальностей по репрессированным и депортированным народам, был инициатором принятия «Закона о реабилитации репрессированных народов».

А. Н. Нурхожаев упоминает Лиджиева, главного врача кожно-венерологического диспансера. Речь идет об Эренцене Нимгировиче Лиджиеве (1910–1980, см. фото 2), одном из старейших врачей Калмыкии, который работал заведующим Юстинским врачебным участком Приволжского улуса Калмыцкой АССР, затем врачом Яшкульского оздоровительного центра Черноземельского района, заведующим районной больницей и вендиспансером в Кетченеровском улусе, директором фельдшерско-акушерской школы в г. Элисте. С октября 1940 г. по август 1943 г. Э. Н. Лиджиев являлся народным комиссаром здравоохранения Калмыцкой АССР. В суровые военные годы Э. Н. Лиджиев, помимо большой работы по обеспечению медицинского обслуживания населения и прибывавших на территорию республики эвакуированных и беженцев, профилактики инфекционных болезней, занимался организацией санитарно-оборонной работы, на развертывание которой были переключены все медицинские работники республики [Очерки истории 2006: 197, 198].

Во время депортации Э. Н. Лиджиев попал с семьей в Аральский район Кызылординской области Казахстана. Здесь он с января 1944 по сентябрь 1945 гг. заведовал Камбашским врачебным участком Аральского района, затем Аральской городской амбулаторией, работал врачом кожно-венерологического диспансера. В 1948–1950 гг. Э. Н. Лиджиев являлся главным врачом Аральской городской больницы, в 1950–1956 гг. — заведующим отделением этой больницы, а с 1956 г. до отъезда на родину — главным врачом районного кожно-венерологического диспансера в г. Аральске [Очерки истории 2006: 198].

С созданием Калмыцкой автономной области в 1957 г. Э. Н. Лиджиев был назначен заведующим областным отделом здравоохранения, затем на первой сессии областного совета депутатов трудящихся, в которой он принимал участие и как депутат, был утвержден в этой должности. После преобразования Калмыцкой автономной области в Калмыцкую АССР в 1958 г. отдел здравоохранения был преобразован в министерство здравоохранения. Заместителем министра был назначен Э. Н. Лиджиев. С 1962 г. он работал главным врачом санатория «15 лет ВЛКСМ», а позже — директором Калмыцкого медицинского училища им. Т. Хахлыновой [Очерки истории 2006: 199]. Вместе с Э. Н. Лиджиевым весь путь в ссылке и после возвращения на родину прошла его супруга Галина Умаровна Ахметова (Лиджиева), также медицинский работник. Э. Н. Лиджиев также известен как поэт, член Союза писателей СССР. Он — автор нескольких книг: «Волна», «Движение жизни», «Аромат родной степи», «Дурн дун хойрм», «Павлиньи крылья», «Четыре времени года».

Интервью, в которых упоминаются врачи В. Б. Мухараев и Э. Н. Лиджиев, записаны у их коллег. Вместе с тем необходимо учитывать, что в середине XX в. медики, а особенно имевшие высшее специальное образование опытные врачи были в центре внимания общества, и потому неудивительно, что именно о них записаны сведения от свидетелей событий того времени.

Фото 2. Э. Н. Лиджиев
[Photo 2. E. N. Lidzhiev]

5. Заключение

Депортация части калмыцкого народа в Аральский район Кызылординской области Казахской ССР положила начало формированию группы калмыков, которые оказались в ссылке на территории Казахской ССР. Переселение в район Аральского моря было внеплановым и было связано с решением проблемы трудовых ресурсов для рыбной отрасли, оперативно был решен вопрос о привлечении калмыков из приморского улуса к работе в рыболовных колхозах и рыбозаводах на Аральском море. Перед рыбной отраслью в 1942 г. были поставлены большие задачи по основанию ряда новых рыбопромышленных трестов и рыбных заводов, увеличению добычи и переработки рыбы, обеспечению фронта и тыла рыбной продукцией. В связи с этим переселение части калмыков Лаганского улуса в район рыбной добычи на Аральском море было связано с тем, что вследствие депортации калмыцкого народа рыбная отрасль лишалась поставок тысяч центнеров рыбы, которую были в планах Калмрыбпромтреста и Калмрыбаксоюза.

Депортированные калмыки в Аральском районе испытывали те же ограничения в правах и лишения, что и калмыки-спецпереселенцы, оказавшиеся в сибирских регионах. Вместе с тем относительно компактное расселение крупной группы, более мягкий в сравнении с сибирским климат являлись благоприятными факторами. Калмыки оставили след в памяти местного населения Аральского района Казахстана. Особую известность среди населения здесь обрели главные врачи больниц Э. Н. Лиджиев, в прошлом нарком здравоохранения Калмыцкой АССР, и В. Б. Мухараев, также прославившийся участием в фильме «Дочь степей» (1954 г.). Уважение к калмыкам проявляется и в памяти об известных деятелях, проявивших себя уже после возвращения на родину, но молодость которых прошла в Аральском районе: память о них жива среди казахского населения.

Полевые материалы авторов

Список информантов

- ПМА 2023: Инф. 1 — Информант Жумахметов Бахытжан Жумахметович, 1939 г. р., в 1969–1975 гг. заместитель главного врача города Аральска. Опрос проведен Ж. А. Макатовой в марте 2023 г. в г. Алматы.
- ПМА 2023: Инф. 2 — Информант Нурхожаев Асылхан Нурхожаевич, 1951 г. р., в 2002–2015 гг. главный врач Аральского районного противотуберкулезного диспансера. Опрос проведен Ж. А. Макатовой в марте 2023 г. в г. Алматы.

Author's Field Data

- Inf. 1: Informant Zhumakhmetov Bakhytzhon Zhumakhmetovich, born in 1939. Deputy the chief physician of the hospital of Aral'sk in 1969–1975. The survey was conducted by Zh. A. Makatova in March 2023 in Almaty.
- Inf. 2: Informant Nurkhodzhaev Asylkhan Nurkhodzhaevich, born in 1951. Chief physician of the Aral regional Tuberculosis dispensary in 2002–2015. The survey was conducted by Zh. A. Makatova in March 2023 in Almaty.

Источники

- АРА КО РК — Аральский районный архив Кызылординской области Республики Казахстан.

Sources

- Aral Regional Archive of the Kyzylorda region of the Republic of Kazakhstan.

Литература

- Бакаев 1992 — *Бакаев П. Д.* Размышления о геноциде. Элиста: [б. и.], 1992. 115 с.
- Бакаев 2003 — *Бакаев П. Д.* О трагедии в истории калмыцкого народа. Элиста: Джангар, 2003. 176 с.
- Бугай 1991 — *Бугай Н. Ф.* Операция «Улусы». Элиста: [б. и.], 1991. 88 с.
- Бугай 1992 — Иосиф Сталин — Лаврентию Берия: Их надо депортировать... Документы, факты, комментарии / вступ. ст., сост., послесл. Н. Ф. Бугая. М.: Дружба народов, 1992. 288 с.
- Бугай 1995 — *Бугай Н. Ф.* Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М.: АИРО-XX, 1995. 320 с.
- Вашкау 1994 — *Вашкау Н. Э.* Немцы в России: история и судьба. Волгоград: Волгогр. ун-т, 1994. 75 с.
- Виноградов, Ещенко 2018 — *Виноградов С. В., Ещенко Ю. Г.* Рыбный промысел на Каспийском море в годы Великой Отечественной войны: значение и результаты // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. № 3(56). С. 30–34.
- Годаев 1999 — *Годаев П. О.* Боль памяти. Элиста: Джангар, 1999. 351 с.
- Гучинова 2002 — *Гучинова Э.-Б. М.* Кто старое помянет, кто старое забудет: о стиле переживания калмыками депортационной травмы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. V. № 2. С. 90–112.
- Гучинова 2020а — *Гучинова Э.-Б. М.* Этническая идентичность как стигма: калмыки в депортации (1943–1956 гг.) // Антропологический форум. 2020. № 47. С. 154–180.
- Гучинова 2020б — *Гучинова Э.-Б. М.* У каждого своя Сибирь. Два рассказа о депортации калмыков // Антропологический форум. 2005. № 3. С. 400–442.
- Депортированные 1998 — *Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы* / сост. Г. Анес. Алматы: Арыс-Казахстан, 1998. 428 с.
- Депортированные в Казахстан 2022 — *Саяси қуғын-сүргін құрбандарын толық ақтау жөніндегі Мемлекеттік комиссияның материалдары (XX ғасырдың 20-50 жылдары) = Материалы Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий (20–50 годы XX века)*. Т. 7: Депортированные в Казахстан народы и спецпоселенцы. Сб. док. и мат-в / сост. тома: Г. В. Кан, Р. М. Жумашев, Л. К. Шотбакова, Б. Р. Шериязданов, С. В. Елеуханова, В. В. Козина, Ю. И. Подопригра, ...

- А. К. Мейрамбеков / под общ. ред. Е. Т. Карина. Астана: Институт истории и этнологии им. Ч. Валиханова, 2022. 334 с.
- Депортированные калмыки 2018 — Депортированные калмыки на Новосибирской земле: расселение и обустройство. Декабрь 1943–1946 гг.: сб. док. / сост. О. В. Выдрина, И. В. Самарин. Новосибирск: [б. и.], 2018. 199 с.
- Дорджиев 1992 — *Дорджиев В. П.* И родился закон: записки депутата // Теегин герл. 1992. № 4. С. 103–118.
- Дорджиев 2000 — *Дорджиев В. П.* Дело всей жизни. Ставрополь: Ставроп. краевая тип., 2000. 155 с.
- Земсков 1990 — *Земсков В. Н.* Спецпоселенцы (по документам НКВД – МВД СССР) // Социологические исследования. 1990. № 1. С. 3–17.
- Земсков 1991a — *Земсков В. Н.* Массовое освобождение спецпоселенцев и ссыльных (1954–1960) // Социологические исследования. 1991. № 1. С. 5–26.
- Земсков 1991b — *Земсков В. Н.* Заключение, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (статистико-географический анализ) // Социологические исследования. 1991. № 5. С. 151–165.
- Земсков 2003 — *Земсков В. Н.* Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М.: Наука, 2003. 306 с.
- Иванов 2005 — *Иванов М. П.* Годы ссылки: воспоминания и мысли // *Иванов М. П.* Судьба народа — его судьба. Элиста: Джангар, 2005. 223 с.
- Иванов 2013 — *Иванов А. С.* Депортированные калмыки на территории Омской и Тюменской областей (1943–1959 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2013. 26 с.
- Иванов 2014 — *Иванов А. С.* «Изъять, как антисоветский элемент...»: Калмыки в государственной политике (1943–1959 гг.). М.: [б. и.], 2014. 294 с.
- Иванова 2015 — *Иванова О. А.* Неутомимый труженик, заслуженный хирург // Хальмг үнн. 2015. 27 февраля.
- Из истории депортаций 2012 — Из истории депортаций. Казахстан. Сб. док. В 3 тт. Т. 1. 1930–1935 гг. Алматы: LEM, 2012. 772 с.
- Из истории депортаций 2014 — Из истории депортаций. Казахстан. Сб. док. В 3 тт. Т. 2. 1935–1939 гг. Алматы: LEM, 2014. 740 с.
- Из истории депортаций 2019 — Из истории депортаций. Казахстан. Сб. док. В 3 тт. Т. 3. 1939–1945 гг. Алматы: LEM, 2019. 708 с.
- Кокурин 1993 — *Кокурин А. И.* Спецпоселенцы в СССР в 1944 году, или Год большого переселения // Отечественные архивы. 1993. № 5. С. 98–111.
- Куканова, Очиров 2021 — *Куканова В. В., Очиров У. Б.* Исчезающая история «13 лет и 13 дней»: проблемы поиска и сохранения архивных материалов о калмыках на спецпоселении в Сибири. Ч. 1 // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 4. С. 744–763. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-744-763
- Курапова 2011 — *Курапова Е. Р.* «Не подписанные и не отправленные письма». Материалы секретариата наркома рыбной промышленности СССР. 1939–1940 гг. // Исторический архив. 2011. № 2. С. 56–69.
- Максимов 2023 — *Максимов К. Н.* Перевод рыбной промышленности Калмыкии во второй половине 1930-х гг. в положение военного времени // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 2. С. 375–387. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-375-387
- Максимов 2004 — *Максимов К. Н.* Трагедия народа. Репрессии в Калмыкии в 1918–1940-е годы. М.: Наука, 2004. 311 с.
- Манджиев 2020 — *Манджиев А. К.* Рыбная отрасль Калмыкии в 1926–1932 гг. // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 4. С. 902–915. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-902-915
- Материалы Государственной 2022 — Материалы Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий (20–50 годы XX века) (= Саяси кугын-сүргін құрбандарын толық ақтау жөніндегі Мемлекеттік комиссияның материалдары (XX ғасырдың 20–50 жылдары)). Т. 33. Астана : Литера-М, 2022. 392 с.
- Мы — из высланных навечно 2003 — Мы — из высланных навечно. Воспоминания депортированных калмыков (1843–1957 гг.). Элиста: Джангар, 2003. 464 с.

- Национальная политика 2003 — Национальная политика советского государства: репрессии против народов и проблемы их возрождения. Элиста: КалмГУ, 2003. 257 с.
- Номинханов 1967 — *Номинханов Д. Ц.-Д.* В единой семье. Элиста: Калмиздат, 1967. 108 с.
- Оглаев 1992 — *Оглаев Ю. О.* Проблемы депортации калмыцкого народа в советской историографии // Репрессированные народы: история и современность. Элиста: [б. и.], 1992. С. 40–44.
- Оглаев 1993 — *Оглаев Ю. О.* Докладные записки ОСП УНКВД как источник по истории депортации калмыцкого народа (по материалам архива Омского областного УМВД РФ) // Репрессированные народы: упразднение их государственности и проблемы реабилитации. Элиста, 1993. С. 120–121.
- Орлова 2023 — *Орлова К. В.* Обзор документов из Аральского районного архива Кызыл-Ординской области Республики Казахстан // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 5. С. 1140–1151. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1140-1151.
- Очерки истории 2006 — Очерки истории здравоохранения Калмыкии (воспоминания министра). К 80-летию со дня рождения П. Н. Сусеева. Элиста: Джангар, 2006. 296 с.
- Память в наследство 1995 — Память в наследство (депортация калмыков в школьных сочинениях) / сост. С. И. Шевенова, Э.-Б. М. Гучинова. СПб.: Алетейя, 2005. 236 с.
- Полян 2001 — *Полян П. Н.* Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: О.Г.И.–Мемориал, 2001. 328 с.
- Постановление СНК № 1411 — Постановление СНК СССР № 1411 от 22 декабря 1943 г. «О перенесении дня отдыха с воскресенья 2 января 1944 года на субботу 1 января 1944 года». Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 222 [электронный ресурс] // URL: //Перечень постановлений СНК за 1943 год // <https://statearchive.ru/snk/pp43.htm> (дата обращения: 02.10.2023).
- Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 19 — Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 6 января 1942 г. N 19 «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке» [электронный ресурс] // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=43386#Uful7xTsvazxzYcy> (дата обращения: 02.10.2023).
- Репрессированные народы 1992 — Репрессированные народы: история и современность. Тезисы докладов и сообщений Росс. науч.-практ. конф. (г. Элиста, 28–29 мая 1992 г.). Элиста: [б. и.], 1992. 191 с.
- Репрессированные народы 1993 — Репрессированные народы: упразднение их национальной государственности и проблемы реабилитации. Тезисы докладов и сообщений Росс. науч.-практ. конф. (г. Элиста, 26–27 декабря 1993 г.). Элиста: [б. и.], 1993. 230 с.
- Репрессированные народы 1994а — Репрессированные народы: история и современность. Тезисы докл. и сообщ. III Всеросс. науч.-практ. конф. Нальчик: КЧГУ, 1994. 139 с.
- Репрессированные народы 1994б — Репрессированные народы: история и современность. Мат-лы II Всеросс. науч. конф. Карачаевск: КЧГПУ, 1994. 215 с.
- Серазетдинов, Иванов 2009 — *Серазетдинов Б. У., Иванов А. С.* Спецпереселенцы-калмыки Омской и Тюменской областей в годы Великой Отечественной войны (1944–1945): особенности использования принудительного труда в рыбной промышленности // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 41(179). История. Вып. 38. С. 68–72.
- Спецпереселенцы в Карагандинской 2007 — Спецпереселенцы в Карагандинской области: сб. док. и мат-в / сост. Р. М. Жумашев, Л. В. Михеева. Караганда: Карагандинский гос. ун-т, 2007. 324 с.
- Ссылка калмыков 1993 — Ссылка калмыков: как это было Сборник документов и материалов. Т. I. Кн. 1 / сост.: П. Д. Бакаев, Н. Ф. Бугай, Л. С. Бурчинова и др. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 264 с.
- Очерки здравоохранения 2006 — *Сусеев П. Н.* Очерки здравоохранения Калмыкии (воспоминания министра). Элиста: Джангар, 2006. 296 с.
- Так это было I, 1993 — Так это было. Национальные репрессии в СССР. 1919–1952 годы: худож.-док. сб. / ред.-сост. С. У. Алиева. В 3-х тт. Т. I. М.: Инсан, 1993. 337 с.

- Так это было II, 1993 — Так это было. Национальные репрессии в СССР. 1919–1952 годы. В 3-х тт. Т. II. М.: Инсан, 1993. 336 с.
- Так это было III, 1993 — Так это было. Национальные репрессии в СССР. 1919–1952 годы. В 3-х тт. Т. II. М.: Инсан, 1993. 352 с.
- Убушаев 1991 — *Убушаев В. Б.* Калмыки: выселение и возвращение. Элиста: Санан, 1991. 92 с.
- Убушаев, Убушаев 2007 — *Убушаев В. Б., Убушаев К. В.* Калмыки: выселение, возвращение, возрождение. 1943–1959 гг. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2007. 496 с.
- Убушаев 2009 — *Убушаев В. Б.* Проблемы изучения депортации калмыцкого народа в отечественной историографии [электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2009. № 4. // URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_4/917-ubushaev.html (дата обращения: 01.08.2023).
- Убушаев, Авлиев 2015 — *Убушаев В. Б., Авлиев В. Н.* Депортация калмыков 1943 г. в трудах калмыцких исследователей // Вестник Прикаспия: археология, история, этнология. 2015. № 5. С. 99–110.
- Широклаг: Широкстрой 2000 — Широклаг: Широкстрой. Списки воинов-калмыков рядового и сержантского состава, отозванных с фронтов в 1944–1945 гг. Книга памяти. Т. 3. Кн. 1. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2000. 293 с.

References

- Bakaev P. D. Reflections on the Genocide. Elista: [w. p.], 1992. 115 p. (In Russ.)
- Bakaev P. D. About the Tragedy in the History of the Kalmyk people. Elista: Dzhangar, 2003. 176 p. (In Russ.)
- Bugai N. F. Operation “Uluses”. Elista: [w. p.], 1991. 88 p. (In Russ.)
- Bugai N. F. L. Beria — to I. Stalin: “According to your Instructions...” Moscow: AIRO-XX, 1995. 320 p. (In Russ.)
- Deported Kalmyks on Novosibirsk land: Settlement and Settlement. December 1943–1946: Sat. doc. comp. O. V. Vydrina, I. V. Samarin. Novosibirsk: [w. p.], 2018. 199 p. (In Russ.)
- Dordzhiev V. P. And the Law was Born. *Teegin Gerl*. 1992. No. 4. (In Russ.)
- Dordzhiev V. P. The Business of a Lifetime. Stavropol: Stavropol. Regional type. 155 p. (In Russ.)
- Essays on the History of Health Care in Kalmykia (memoirs of the Minister). To the 80th Anniversary of the birth of P. N. Suseev. Elista: Dzhangar, 2006. 296 p. (In Russ.)
- From the History of Deportations. Kazakhstan. In 3 vol. Vol.1. 1930–1935 Almaty: LEM, 2012. 772 p. (In Russ.)
- From the History of Deportations. Kazakhstan. Sat. doc. In 3 vol. Vol. 2. 1935–1939. Almaty: LEM, 2014. 740 p. (In Russ.)
- From the History of Deportations. Kazakhstan. In 3 vols. Vol. 3. 1939–1945 Almaty: LEM, 2019. 708 p. (In Russ.)
- Godaev 1999 — Godaev P. O. The Pain of Memory. Elista: Dzhangar, 1999. 351 p. (In Russ.)
- Guchinova E.-B. M. Who will Remember the Old, who will Forget the Old: on the Style of Kalmyks Experiencing Deportation Trauma. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2002. Vol. V. No. 2. Pp. 90–112. (In Russ.)
- Guchinova E.-B. M. Ethnic Identity as a Stigma: Kalmyks in Deportation (1943–1956). *Forum for Anthropology and Culture*. 2020. No. 47. Pp. 154–180. (In Russ.)
- Guchinova E.-B. M. Everyone has their own Siberia. Two Stories about the Deportation of the Kalmyks. *Forum for Anthropology and Culture*. 2005. No. 3. Pp. 400–442. (In Russ.)
- Iosiph Stalin — to Lavrenti Beria: They must be Deported... Documents, facts, comments / introductory article, comp., afterword by N. F. Bugai. Moscow: Friendship of Peoples, 1992. 288 p. (In Russ.)
- Ivanov M. P. Years of Exile: Memories and Thoughts. In: Ivanov M. P. The Fate of the People is its Fate. Elista: Dzhangar, 2005. 223 p. (In Russ.)
- Ivanov A. S. Deported Kalmyks in the Omsk and Tyumen regions (1943–1959): Cand. diss. (History) thesis. Yekaterinburg, 2013. 26 p. (In Russ.)

- Ivanov A. S. "To Withdraw as an anti-Soviet Element...": Kalmyks in State Politics (1943–1959). Moscow: [w. p.], 2014. 294 p. (In Russ.)
- Ivanova O. A. Indefatigable Worker, Honored Surgeon. *Halmgunn*. 2015. 27 February. (In Russ.)
- Kokurin A. I. Special Settlers in the USSR in 1944, or the Year of the Great Migration. *Domestic Archives*. 1993.No. 5. Pp. 98–111. (In Russ.)
- Kukanova V. V., Ochirov U. B. The Disappearing story "13 years and 13 days": Problems of Searching and Preserving Archival Materials about Kalmyks in a Special Settlement in Siberia. Part 1. *Mongolian Studies*. 2021. Vol. 13. No. 4. Pp. 744–763. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-744-763. (In Russ.)
- Kurapova E. R.. Unsigned and Unsent Letters. Materials of the Secretariat of the People's Commissar of the Fishing Industry of the USSR. 1939–1940. *Historical Archive*. 2011. No. 2.Pp. 56–69. (In Russ.)
- Maksimov K. N. The Transfer of the Fishing Industry of Kalmykia in the Second Half of the 1930s to the Wartime Situation. *Oriental Studies*. 2023. Vol. 16. No. 2. Pp. 375–387. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-375-387 (In Russ.)
- Maksimov K. N. The Tragedy of the People. Repressions in Kalmykia in the 1918–1940s, Moscow: Nauka, 2004. 311 p. (In Russ.)
- Mandzhiev A. K. The Fishing Industry of Kalmykia in 1926–1932. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13. No. 4. Pp. 902–915. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-902-915 (In Russ.)
- Materials of the State Commission for the Complete Rehabilitation of Victims of Political Repression (20–50 years of the twentieth century). Vol. 7: Peoples Deported to Kazakhstan and Special Settlers. Astana: Valikhanov Institute of History and Ethnology, 2022. 334 p. (In Russ.)
- Materials of the State Commission for the Full Rehabilitation of the State Commission for Political Repression (20–50 years of the XX century). T. 33. Astana: Litera-m, 2022.392 p. (In Russ.)
- Memory in Inheritance (deportation of Kalmyks in school essays). comp. S. I. Shevenova, E.-B. M. Guchinova. St. Petersburg: Aletya, 2005. 236 p. (In Russ.)
- Nominkhanov D. Ts.-D. In a Single Family. Elista: Kalmizdat, 1967. 108 p. (In Russ.)
- Oglaev Yu. O. Memos of the Central Committee of the NKVD as a Source on the History of the Deportation of the Kalmyk People (based on the materials of the archive of the Omsk Regional Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation). *Repressed Peoples: the Abolition of their Statehood and the Problems of Rehabilitation*. Elista, 1993. (In Russ.)
- Oglaev Yu. O. Problems of Deportation of the Kalmyk People in Soviet Historiography. *Repressed Peoples: History and Modernity*. Elista, 1992. (In Russ.)
- Orlova K. V. Review of Documents from the Aral Regional Archive of the Kyzyl-Orda Region of the Republic of Kazakhstan. *Oriental Studies*. 2023. No. 5. Pp. 1140–1151. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-69-5-1140-1151 (In Russ.)
- Peoples Deported to Kazakhstan: Time and Fate. comp. G. Anes. Almaty: Arys-Kazakhstan, 1998. 428 p. (In Russ.)
- Polyan P. N. Against his Will... The History and Geography of Forced Migrations in the USSR. Moscow: O.G.I.–Memorial, 2001. 328 p. (In Russ.)
- Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR No. 1411 of December 22, 1943 "On the postponement of the day of rest from Sunday, January 2, 1944 to Saturday, January 1, 1944". F. R-5446. Op. 1. D. 222 Available at: URL: [http:// List of resolutions of the Council of People's Commissars for 1943 //https://statearchive.ru/snk/pp43.htm](http://List of resolutions of the Council of People's Commissars for 1943 //https://statearchive.ru/snk/pp43.htm) (accessed: 02 October 2023). (In Russ.)
- Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR and the Central Committee of the CPSU(b) dated January 6, 1942 No. 19. On the development of fisheries in the river basins of Siberia and the Far East. Available at: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=43386#Uful7xTsvaxzYcy> (accessed: 02 October 2023). (In Russ.)
- Repressed Peoples: History and Modernity. Elista, 1992. (In Russ.)
- Repressed Peoples: the Abolition of their National Statehood and the Problems of Rehabilitation. Elista, 1993. (In Russ.)
- Repressed Peoples: History and Modernity. Nalchik, 1994a. (In Russ.)

- Repressed Peoples: History and Modernity. Karachaevsk, 1994b. (In Russ.)
- Serazetdinov B. U., Ivanov A. S. Special Settlers-Kalmyks of Omsk and Tyumen Regions during the Great Patriotic War (1944-1945): Features of the Use of Forced Labor in the Fishing Industry. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2009. № 41 (179). History. Is. 38. Pp. 68–72. (In Russ.)
- Shirokklag; Shirokstroy. Lists of Kalmyk Soldiers of the Rank and File and non-Commissioned Officers Recalled from the Fronts in 1944-1945. The Book of memory. Vol. 3. Book 1. Elista: Kalmykia Book Publ., 2000. 293 p. (In Russ.)
- Special Settlers in Karaganda Region: sat. doc. and mat-in. comp. R. M. Zhumashev, L. V. Mikheeva. Karaganda: Karaganda State University, 2007. 324 p. (In Russ.)
- Suseev P. N. Essays on Healthcare in Kalmykia (memoirs of the Minister). Elista: Dzhangar, 2006. 296 p. (In Russ.)
- That's how it was. National Repressions in the USSR. 1919–1952. Collection, ed.-comp. S. U. Aliyev. In 3 vols. T. I. Moscow: Insan, 1993. 337 p. (In Russ.)
- That's how it was. National Repressions in the USSR. 1919–1952. In 3 vol. Vol. II. Moscow: Insan, 1993. 336 p. (In Russ.)
- The Kalmyk Link: how it was. A collection of Documents and Materials. T. I. Book 1. Comp.: P. D. Bakaev, N. F. Bugai, L. S. Burchinova, etc. Elista: Kalmykia Book Publ., 1993. 264 p. (In Russ.)
- The National Policy of the Soviet State: Repression against Peoples and the Problems of their Revival. Elista: KalmSU, 2003. 257 p. (In Russ.)
- So it was. National Repressions in the USSR. 1919–1952. In 3 vol. Vol. II. Moscow: Insan, 1993. 352 p. (In Russ.)
- Ubushaev V. B. Kalmyks: Eviction and Return. Elista: Sanan, 1991. 92 p. (In Russ.)
- Ubushaev V. B., Ubushaev K. V. Kalmyks: Eviction, Return, Rebirth. 1943–1959. Elista: Kalmyk University, 2007. 496 p.
- Ubushaev V. B. Problems of Studying the Deportation of the Kalmyk People in Russian Historiography. *New Research of Tuva*. 2009. № 4. Available at: URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_4/917-ubushaev.html. (In Russ.)
- Ubushaev V. B., Avliev V. N. The Deportation of the Kalmyks in 1943 in the Works of Kalmyk Researchers. *Bulletin of the Caspian Region: archeology, history, ethnology*. 2015. No.5. Pp. 99–110. (In Russ.)
- Vashkau N. E. Germans in Russia: History and Fate. Volgograd: Volga Region University, 1994. 75 p. (In Russ.)
- Vinogradov S. V., Eshchenko Yu. G. Fishing in the Caspian Sea during the Great Patriotic War: Significance and Results. *Bulletin of the Caspian Region: archeology, history, ethnology*. 2018. No. 3 (56). P. 30–34. (In Russ.)
- We are from the Exiled Forever. Memoirs of the Deported Kalmyks (1843–1957). Elista: Dzhangar, 2003. 464 p. (In Russ.)
- Zemskov V. N. Special Settlers (according to the documents of the NKVD – the Ministry of Internal Affairs of the USSR). *Sociological Studies*. 1990. No. 1. Pp. 3–17. (In Russ.)
- Zemskov V. N. Mass Liberation of Special Settlers and Exiles (1954–1960). *Sociological research*. 1991a. No. 1. Pp. 5–26. (In Russ.)
- Zemskov V. N. Prisoners, Special Settlers, Exiled Settlers, Exiles and Exiles (statistical and geographical analysis) // *Sociological Studies*. 1991b. No.5. Pp. 151–165. (In Russ.)
- Zemskov V. N. Special Settlers in the USSR. 1930–1960. Moscow: Nauka, 2003. 306 p. (In Russ.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 15, Is. 4, pp. 669–682, 2023
 DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-669-682

МОНГОЛОВЕДИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 94(47).084.8

DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-669-682

Участие молодежи и комсомольцев во Всесоюзной ударной комсомольской стройке (на примере строительства Сарпинской оросительно-обводнительной системы)

*Баатр Андреевич Оконов*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, научный сотрудник

 0000-0001-8568-4330. E-mail: [vostok80\[at\]mail.ru](mailto:vostok80[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Оконов Б. А., 2023

Аннотация. *Введение.* Проведение ирригационных работ в условиях засушливого климата Калмыцкой АССР имело огромное значение. Особое место в комплексе технических мероприятий с целью повышения эффективности использования водных и земельных ресурсов заняло строительство оросительных систем Сарпинской низменности Калмыцкой АССР. Важным фактором, повлиявшим на ускорение темпов возведения этого объекта, стало объявление строительства второй очереди оросительных систем Сарпинской низменности Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Впоследствии построенные орошаемые объекты дали возможность для развития новой отрасли в республике □ рисосеяния. *Целью* данной статьи является изучение истории участия комсомольцев и молодежи во Всесоюзной ударной стройке на примере строительства Сарпинской оросительно-обводнительной системы и вклада молодежи в социально-экономическое развитие республики. Исследование проведено на архивных и опубликованных материалах Национального архива Республики Калмыкия. Анализ архивных материалов осуществлен на принципах научности, объективности и историзма, что позволило исследовать изучаемую проблему в ее развитии и взаимосвязи со сложившимися конкретно-историческими обстоятельствами, а также с опорой на факты и учетом как негативных, так и положительных явлений. *Результаты.* Рассмотрены особенности строительства Сарпинской обводнительной оросительной системы. Показано, что строители и мелиораторы досрочно ввели в строй строительные и водохозяйственные объекты Сарпинской оросительно-обводнительной системы. Шефство комсомола над Всесоюзной ударной комсомольской стройкой Сарпинской оросительно-обводнительной системы оказывало положительное влияние на организацию труда, ускорение ввода

строительных объектов, повышение производительности труда и решение культурно-бытовых вопросов.

Ключевые слова: Калмыцкая АССР, мелиорация, комсомол, рисосяние, Всесоюзная ударная стройка, Калмыцкий обком ВЛКСМ

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Оконов Б. А. Участие молодежи и комсомольцев во Всесоюзной ударной комсомольской стройке (на примере строительства Сарпинской оросительно-обводнительной системы) // Монголоведение. 2023. Т. 15. № 4. С. 669–682. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-669-682

Participation of Youth and Komsomol Members in the All-Union Komsomol Shock Construction (on the example of the Construction of the Sarpa Irrigation System)

*Baatr A. Okonov*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Cand. Sc. (History). Research Associate

 0000-0001-8568-4330. E-mail: [vostok80\[at\]mail.ru](mailto:vostok80[at]mail.ru)

© KalmSC RAS, 2023

© Okonov B. A., 2023

Abstract. *Introduction.* Carrying out irrigation works in the arid climate of the Kalmyk ASSR was of great importance. A special place in the complex of technical measures to improve the efficiency of the use of water and land resources was occupied by the construction of irrigation systems in the Sarpinsk lowland of the Kalmyk ASSR. An important factor that influenced the acceleration of the pace of construction of this facility was the announcement of the construction of the second stage of irrigation systems in the Sarpinsk lowland by the All-Union Komsomol Shock Construction Site. Subsequently, the irrigated facilities built provided an opportunity for the development of a new industry in the republic □ rice growing. The *purpose* of this article is to study the history of the participation of Komsomol members and youth in the All-Union shock construction on the example of the construction of the Sarpa irrigation system and the contribution of youth to the socio-economic development of the republic. The research was conducted on archival and published materials of the National Archive of the Republic of Kalmykia. The analysis of archival materials was carried out on the principles of science, objectivity and historicism, which made it possible to explore the studied problem in its development and relationship with the prevailing concrete historical circumstances, as well as based on facts and taking into account both negative and positive phenomena. *Results.* The features of the construction of the Sarpa irrigation system are considered. It is shown that builders and meliorators prematurely commissioned the construction and water management facilities of the Sarpa irrigation system. The patronage of the Komsomol over the All-Union Komsomol shock construction site of the Sarpa Irrigation System had a positive impact on the organization of labor, accelerating the commissioning of construction facilities, increasing labor productivity and solving cultural and everyday issues.

Keywords: Kalmyk ASSR, land reclamation, Komsomol, rice planting, All-Union shock

construction, Kalmyk Regional Committee of the Komsomol

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 ‘The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups’.

For citation: Okonov B. A. The Participation of Youth and Komsomol Members in the All-Union Komsomol Shock Construction (on the example of the Construction of the Sarpa Irrigation System). *Mongolian Studies (Elista)*. 2023; 15(4): 669–682. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-669-682

1. Введение

В Калмыцкой АССР в условиях засушливого климата проведение ирригационных работ имело огромное значение. Орошаемое земледелие помогло создать устойчивую базу для увеличения производства сельскохозяйственных продуктов. Особое место в комплексе технических мероприятий с целью повышения эффективности использования водных и земельных ресурсов заняло строительство оросительных систем Сарпинской низменности Калмыцкой АССР. История строительства оросительных систем Сарпинской низменности берет свое начало в 1950-х гг. и продолжается в 1960-е гг. Важным моментом, благодаря которому ускорилось возведение этого объекта, стало объявление строительства оросительных систем Сарпинской низменности Всесоюзной ударной комсомольской стройкой (далее — ВУКС). Впоследствии построенные орошаемые объекты дали возможность для развития новой отрасли в республике — рисоводства.

В отечественной историографии известны работы, раскрывающие различные аспекты истории всесоюзных ударных комсомольскихстроек в истории XX в. в разных регионах СССР [Всесоюзные 2015; Ещенко 2016; Воробьев 2022; и др.]. Но исследования, посвященные участию молодежи и комсомольцев в строительстве оросительных систем Сарпинской низменности, которое было объявлено всесоюзной ударной комсомольской стройкой, не предпринимались. В целях масштабного строительства к мелиоративным работам в Сарпинской низменности привлекались трудовые резервы со всей страны. Однако имеется только одна статья, в которой авторы осветили участие корейцев в создании и развитии рисоводческих хозяйств на территории Сарпинской низменности [Ким, Ким 2021]. В опубликованной литературе об оросительной системе Сарпинской низменности большая часть посвящена рекомендациям по организации рисоводства и кормопроизводства [Шматкин 1978], продуктивности риса [Настинова 1982; Пак, Степанец 1966], особенностям возделывания риса в условиях Сарпинской низменности [Очирова 2011]. Целью данной статьи является изучение участия молодежи в строительстве оросительных систем в Сарпинской низменности, которое было объявлено Всесоюзной ударной стройкой, ее вклада в социально-экономическое развитие республики.

2. Материалы и методы

Источниковой базой к настоящей статье послужили материалы из фондов Национального архива Республики Калмыкия. Большую ценность представляют документы фондов П-22, в которых содержатся материалы об отправке молодежи на ВУКС, протоколы штаба ВУКС на строительстве оросительных систем Сарпинской низменности, паспорта ВУКС. Эти документы свидетельствуют об

активной работе советско-партийных и комсомольских органов по привлечению трудовых резервов, стремлении к сохранению ударных темпов строительства, проведении мероприятий по культурному и бытовому обслуживанию строителей.

Анализ архивных материалов осуществлен на принципах научности, объективности и историзма. Это позволило исследовать изучаемую проблему в ее развитии и взаимосвязи со сложившимися конкретно-историческими обстоятельствами, а также с опорой на факты и учетом как негативных, так и положительных явлений. Это дало возможность изучить особенности строительства Сарпинской обводнительной оросительной системы в контексте сложившихся исторических событий.

3. Общее положение в деле мелиорации в Калмыкии

Сельское хозяйство республики велось в сложных климатических условиях. Более 70 % посевных площадей размещалось в аридной зоне, где среднее количество осадков не превышало 200–250 мм в год [История мелиорации]. Засуха часто уничтожала посевы, пастбища и сенокосы. Это являлось одной из причин неустойчивого развития сельскохозяйственного производства, чередования периодов его подъема и резкого спада. Такие колебания были не только в производстве зерна, но и в производстве сена, однолетних и многолетних трав, силосных культур. Все это создавало трудности в проведении зимовки скота, вело к снижению производства животноводческой продукции, увеличению падежа и уменьшению рентабельности.

Первые мероприятия мелиоративного характера были предприняты в Калмыкии во второй половине 1930-х гг., когда была основана Аршань-Зельменская оросительно-обводнительная система. Но вскоре началась Великая Отечественная война, прервавшая поступательное развитие страны и ее экономики. В первые годы послевоенного периода на территории бывшей Калмыцкой АССР, входившей в тот период в состав Астраханской области, Сталинградской области и Ставропольского края, мелиоративные мероприятия не проводились, с 1954 г. начались мероприятия по орошению участков Право-Егорлыкской оросительно-обводнительной системы и строительство первой очереди Сарпинской оросительно-обводнительной системы (далее — Сарпинская ООС) [История мелиорации].

Со времени восстановления автономии Калмыкии в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 января 1957 г. на территории республики вновь внимание стало уделяться работам по орошению и мелиорации земель. В 1959 г. было создано Министерство орошаемого земледелия, которое в дальнейшем было реорганизовано в Министерство мелиорации водного хозяйства Калмыцкой АССР [История мелиорации].

По воспоминаниям ветеранов Калмыцкой гидромелиоративной службы, в первое время на местах ставили плотины для устройства прудов, копали колодцы и бурили скважины. В 1960-е гг. были выполнены работы по сооружению более 100 прудов на местном стоке, более 1 000 колодцев, около 300 скважин, на естественных урочищах освоено более 20 тыс. гектаров лиманного орошения. На территории Октябрьского и Малодербетовского районов положено начало строительству первой очереди Сарпинской ООС. Однако это не закрывало

полностью потребности сельского хозяйства в поливе растений и водопое скота [История мелиорации].

В конце 1950–1960-х гг. в Калмыцкой АССР развитие сельского хозяйства шло за счет увеличения площадей пашни и пастбищ, вовлечения в сельскохозяйственный оборот целинных земель. Молодежь и комсомольцы активно участвовали в мероприятиях по развитию сельского хозяйства. За десять лет производство мяса в колхозах возросло с 20,7 тыс. т до 40,9 тыс. т, шерсти с 7,4 тыс. т до 9,4 тыс. т, молока с 23 тыс. т до 30 тыс. т [НА РК. Ф. П-22. Оп. 7. Д. 12. Л. 2].

4. Решения партии и правительства о развитии мелиорации в стране и участии в важнейших стройках молодежи

На майском Пленуме ЦК КПСС 1966 г. было положено начало ускоренному развитию мелиорации в стране. Было принято постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 16 июня 1966 г. № 465 «О широком развитии мелиорации земель для получения высоких и устойчивых урожаев зерновых и других сельскохозяйственных культур» [Постановление 1966а; Решения партии 1968: 135–158]. Мелиорация земель признана важнейшей составной частью мероприятий по подъему сельского хозяйства в СССР. Пленум ЦК КПСС определил, что работы по мелиорации должны пройти по всему Советскому Союзу и носить комплексный характер. На основе мелиоративных мероприятий должны решаться важнейшие проблемы увеличения производства зерна, а также задача обеспечения потребностей населения в рисе, овощах и других продуктах. Кроме этого, за счет орошения земель планировалось увеличить производство кормов для животноводства [Материалы пленума 1966: 5].

Большую роль в запланированных мелиоративных мероприятиях отводили ученым. Предполагалось, что научные организации СССР расширят исследования и на основе теоретических и практических исследований дадут рекомендации по проведению мелиоративных работ в разных климатических зонах страны. Предполагалось, что такие работы будут проведены в рамках межведомственного взаимодействия между Министерством сельского хозяйства, Министерством мелиорации и водного хозяйства, Госпланом, Академией наук СССР, Всесоюзной академией сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина и Советами министров союзных республик в ближайшие 3 года и определят дальнейшие пути развития сельского хозяйства в соответствии с климатическими зонами на будущее десятилетие [Материалы пленума 1966: 7].

Решать поставленные задачи, связанные с принятым ЦК КПСС и Советом министров СССР постановлением № 465 от 16 июня 1966 г., предлагалось и молодежи. Так, 6 июня 1966 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об общественном призыве молодежи на важнейшие стройки пятилетки» [Постановление 1966б; Решения партии 1968: 118–119]. В документе отмечалось, что труд молодежи в значительной мере ускорил строительство таких объектов, как Братская ГЭС, металлургические и алюминиевые заводы в северных районах, химический комплекс и калийные комбинаты, целлюлозно-бумажные предприятия в Архангельской области и Карельской АССР и многие другие объекты. Центральным комитетом партии было при-

нято предложение ЦК ВЛКСМ и профильных министерств о направлении в 1966–1970 гг. на важнейшие стройки страны в порядке общественного призыва 250 тыс. юношей и девушек, преимущественно из городского населения. ЦК ВЛКСМ было поручено совместно с профильными министерствами ежегодно определять количество молодых рабочих, направляемых на стройки пятилетки. Партийным и советским органам предлагалось оказывать помощь комсомольским организациям в работе по отбору и направлению юношей и девушек, желающих принять участие в запланированном строительстве. Хозяйственные, партийные и профсоюзные организации на местах должны были обеспечить молодых специалистов жилыми помещениями, подготовить рабочие места, создать условия для их отдыха, образовательной и профессиональной подготовки [Постановление 1966б; Решения партии 1968: 118–119].

5. Решения руководства Калмыкии, связанные с программой мелиорации

В рамках мелиорации Калмыкии партийно-государственными органами ставилась задача вместе с производством продукции животноводства — мяса крупного и мелкого рогатого скота, а также тонкой шерсти, резко увеличить производство зерна, молока, каракульских смушек, овощей, фруктов и другой сельскохозяйственной продукции. Для решения этой задачи необходимо было интенсифицировать сельскохозяйственное производство, повышать урожайность и вводить в сельскохозяйственный оборот земли за счет мелиорации.

В целях выполнения решений майского Пленума ЦК КПСС в июле 1966 г. прошел II Пленум Калмыцкого областного комитета партии, который принял программу проведения мелиоративных мероприятий по каждому району республики. Важнейшей частью программы являлись мероприятия по увеличению строительства орошаемых земель и реализацию на этой основе орошаемого земледелия [НА РК. Ф. П-22. Оп. 7. Д. 12. Л. 6].

В разработанной программе важное место отводилось развитию рисоводства на территории Сарпинской низменности. Благодаря жаркому климату, географическому положению и возможности регулярного орошения стало возможным выращивать рис. Научными сотрудниками проектного института «Южгипроводхоз» в 1964 г. была разработана схема использования Сарпинской низменности для рисосеяния. В этом документе была показана перспективность выращивания риса в Калмыцкой АССР и разработаны мероприятия, необходимые для рисоводства. Последующие опыты показали, что на территории Сарпинской низменности можно выращивать рис [НА РК. Ф. П-22. Оп. 7. Д. 12. Л. 7].

На действующей Сарпинской ООС было построено экспериментальное хозяйство «Восход» с площадью рисовых севооборотов по проекту 4 074 га. В 1966 г. совхоз «Восход» на участке общей площадью 486 га получил по 44 ц риса-сырца с каждого гектара, а в 1967 г. хозяйство с площади 1 063 га собрало по 61,7 ц риса-сырца с гектара. В 1967 г. было начато строительство второго рисоводческого хозяйства — «Калмыцкий», с общей площадью рисовых севооборотов по проекту 5 500 га.

Всего по плану использования Сарпинской низменности под рисоводство было предусмотрено довести площадь рисовых севооборотов до 452 тыс. га и для кормовых севооборотов — 119 тыс. га. Схемой было запланировано создание на территории республики хозяйств рисоводческого, рисо-животноводческого,

овцеводческого и мясомолочного направления в количестве 70 хозяйств, из них рисоводческих — 45 [НА РК. Ф. П-22. Оп. 7. Д. 12. Л. 7].

ЦК ВЛКСМ и Министерство мелиорации и водного хозяйства СССР, придавая исключительно важное значение повышению роли комсомольских организаций в осуществлении решения Политбюро ЦК КПСС от 18 сентября 1969 г. «О широком развитии орошения земель в Поволжье», объявило строительство рисовых систем в Калмыцкой АССР Всесоюзной ударной стройкой [НА РК. Ф. П-22. Оп. 7. Д. 12. Л. 7]. В соответствии с указанным решением Политбюро от 18 сентября 1969 г. в Калмыцкой АССР были широко развернуты работы мелиоративного характера.

6. Строительство оросительных систем Сарпинской низменности как Всесоюзная ударная комсомольская стройка

В первом полугодии 1970 г. на ВУКС вели строительство три передвижных механизированных колонны (ПМК) — № 1, № 2, № 67 и военно-строительный отряд (ВСО). Строительство шло ударными темпами, и местные комсомольские, хозяйственные, партийные и профсоюзные организации должны были обеспечить молодых строителей жильем и подготовленными рабочими местами, создать условия для их отдыха и быта в короткие сроки. Фактически строительство охватывало 3 стройки: строительство жилья и обустройство строителей Сарпинской ООС, подготовку к орошению земель, а также возведение кирпичного завода. ПМК № 1 выполнила план на 144 %, ПМК № 2 выполнила план на 138,2 %. За первое полугодие 1970 г. были сданы следующие объекты: кирпичный завод, жилые помещения — 1 903 м², детский сад на 90 мест; подготовлены были под орошение 353 га земли [НА РК. Ф. П-22. Оп. 7. Д. 12. Л. 25].

Строительство оросительных систем шло на большой территории. ПМК располагались в разных районах: ПМК № 67 базировалась в райцентре Сарпинского района — с. Садовом, ПМК № 1 — в райцентре Малодербетовского района — с. Малые Дербеты, а ПМК № 2 — в пос. Большой Царын (впоследствии районный центр Октябрьского района). Само Управление «Калмводстрой» находилось в г. Элисте.

В целях материального поощрения строителей и мелиораторов Сарпинской ООС оплата труда была сдельной. Участникам строительства Сарпинской ООС также был предоставлен ряд надбавок согласно распоряжению Совета министров СССР. Так, был установлен коэффициент за работу в «пустынной и безводной местности» в размере от 10 % до 20 % в зависимости от района, коэффициент за «передвижной характер» в размере 30 % [НА РК. Ф. П-22. Оп. 7. Д. 12. Л. 35].

Штабом ВУКС по согласованию с обкомом ВЛКСМ и штабом содействия были разработаны «Условия труда и быта в подразделениях управления строительства «Калмводстрой»», в которых был указан средний заработок основных строительных профессий. Средняя заработная плата рабочего составляла: скрепериста — 150–200 руб., бульдозериста — 150–200 руб., экскаваторщика — 180–200 руб., каменщика — 140–180 руб., бетонщика — 140–180 руб. [НА РК. Ф. П-22. Оп. 7. Д. 12. Л. 37].

В целях развития трудовой активности молодежи, обмена опытом и пропаганды наиболее эффективных форм работы 25 июля 1970 г. был проведен I республиканский слет молодых строителей и освоителей Сарпинской низменности. На

слет было приглашено более 170 человек, в том числе 80 молодых строителей, секретарей районных и городских организаций ВЛКСМ, представители Калмыцкого обкома КПСС и министерства мелиорации и водного хозяйства КАССР. На обсуждение слета был вынесен вопрос «О повышении роли комсомольских организаций, комсомольцев и молодежи в выполнении задач дальнейшего развития рисосеяния в республике». Среди недостатков были отмечены: плохая работа по повышению квалификации молодых рабочих, тяжелые бытовые условия. Также отмечалась текучка местных молодых кадров, обращалось внимание на то, что рост количества рабочих произошел за счет организованного набора из различных краев и областей Советского Союза. В торговых точках пос. Большой Царын отмечено нерегулярное поступление продуктов питания. В поселке не был укомплектован фельшерско-акушерский пункт, отсутствовали аптека, пункты ремонта одежды и обуви, не было прачечной, требовалось расширение площади бани.

По итогам I республиканского слета молодых строителей оросительных систем Сарпинской низменности за успехи в труде и активное участие в общественной жизни 12 человек были отмечены Почетными грамотами Калмыцкого обкома ВЛКСМ. Каждая районная комсомольская организация, в которой находились ПМК, брала шефство над колонной. Кроме этого, на слете был утвержден Штаб содействия Всесоюзной ударной стройке, в который вошли: члены Калмыцкого обкома КПСС, заместитель председателя Совета министров Калмыцкой АССР, первый секретарь Калмыцкого обкома ВЛКСМ, министр здравоохранения Калмыцкой АССР, министр мелиорации и водного хозяйства КАССР, министр бытового обслуживания Калмыцкой АССР, министр культуры КАССР, управляющий трестом «Калмыкстрой», председатель «Калмпотребсоюза», редактор газеты «Комсомолец Калмыкии», заместитель председателя Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете министров Калмыцкой АССР [НА РК. Ф. П 22. Оп. 7. Д. 12. Л. 35].

Большое внимание уделялось созданию необходимых условий труда и быта на ВУКС. На совместном заседании бюро обкома ВЛКСМ, облсовпрофа и управления строительства «Калмводстрой» от 10 августа 1970 г. было принято постановление «О повышении роли руководителей, инженерно-технических работников ПМК, профсоюзных и комсомольских организаций по улучшению труда и быта молодых рабочих и мелиораторов и расширения участия молодежи в решении этих вопросов». В принятом документе руководителям ПМК указывалось, что при обсуждении коллективных договоров обязательно должен участвовать секретарь комитета комсомола. При заключении коллективного договора включать в них обязательства о правильном использовании труда молодых рабочих, улучшении техники безопасности, культурно-бытового обслуживания, оздоровительной работы, профессионально-технического обучения, развития физкультуры и спорта [НА РК. Ф. П 22. Оп. 8. Д. 12. Л. 40–42].

Создание управления «Калмводстрой» позволило более широко осваивать государственные капитальные вложения по строительству оросительно-обводнительной системы. Если, в 1971 г. управлением было выполнено строительно-монтажных работ на сумму более чем на 12 млн руб. то в последующие годы объем выполненного строительства превышал 20 млн руб. (см. табл. 1). Несмо-

Таблица 1. Численность работников на строительстве ВУКС — оросительных систем Сарпинской низменности и сведения об объемах работ в 1971–1978 гг.

[Table 1. The number of workers in the construction of irrigation systems in the Sarpinsk lowland and information on the volume of work in 1983–1986]

Год	Число занятых на стройке, всего, тыс. чел	Количество молодежи до 30 лет, всего, тыс. чел.	Количество молодежи до 30 лет, %	Количество комсомольско-молодежных коллективов	Выполнено строительно-монтажных работ, тыс. руб.
1971 [НА РК. Ф. П-22. Оп. 8. Д. 8. Л. 17]	2 217	631	28,4	55	12 965
1974 [НА РК. Ф. П-22. Оп. 10. Д. 15. Л. 1–2]	3 150	710	22,5	17	21 860
1975 [НА РК. Ф. П-22. Оп. 12. Д. 15. Л. 21]	3 413	459	13,4	13	27 350
1978 [НА РК. Ф. П-22. Оп. 16. Д. 1. Л. 108]	3 182	600	18,5	16	22 596

тря на общественную разрядку ЦК ВЛКСМ и постоянный приток молодежи на ВУКС, ее численность не превышала и трети от всего количества рабочих. Несмотря на все проводимые мероприятия по улучшению быта, выплате стимулирующих средств на объектах ВУКС наблюдалась большая текучка молодых кадров. Как следует из данных таблицы 1, численность молодежи среди всех рабочих составляла в разные годы от 13 до 28 %.

В целях обеспечения роста производительности труда и повышения темпов строительства среди рабочих проводились социалистические соревнования на звание самой лучшей комсомольской организации, лучшего комсомольско-молодежного коллектива, лучшего молодого рабочего. Кроме этого, проводились социалистические соревнования среди коллективов, участвующих в ВУКС, и подразделений Управления строительства «Калмводстрой». Итоги этих соревнований подводились ежеквартально, на каждом заседании Штаба ВЛКСМ ВУКС «Оросительные системы Сарпинской низменности», победители награждались вымпелами и переходными Красными знаменами. Так, между комсомольскими организациями соревновались ПМК № 2 с ПМК № 1, а ПМК № 3 с ПМК № 38. Соревнования также велись и внутри организаций. Так, бригада каменщиков ПМК № 2 соревновалась с бригадой монтажников этого же ПМК. Лучшими строителями за 1971 г. стали: Николай Ефентьев, Виктор Кобозев, Петр Меляков, Валентина Борискина, Николай Медведев и др. Переходящее Красное знамя и переходящий вымпел ЦК ВЛКСМ в честь 50-летия комсомола Калмыкии за

высокие производственные показатели получила комсомольская организация ПМК № 2 [НА РК. Ф. П-22. Оп. 8. Д. 8. Л. 21].

Для ударников социалистического труда также предусматривалась и система материального поощрения по разрядке. В соответствии с ней лучшим молодым рабочим вручались квитанции на получение ряда товаров. Так, в 1970 г. были вручены: холодильники «Бирюса», «Орск» (60 шт.), ковры (55 шт.), радиоприемники (25 шт.) и мотоциклы «Иж-Юпитер» (10 шт.) [НА РК. Ф. П-22. Оп. 7. Д. 12. Л. 24].

В соответствии с разрядкой ЦК ВЛКСМ в 1970 г. на стройку должно было быть направлено по комсомольскому общественному призыву 400 чел.: из них 100 чел. из Рязанской области, 100 чел. из Грузинской ССР и 200 демобилизованных солдат [НА РК. Ф. П-22. Оп. 7. Д. 12. Л. 21]. В первом полугодии 1971 г. должны были также приехать 50 человек из Брянской области. Однако разрядка ЦК ВЛКСМ 1970 г. по общественному призыву молодежи на ВУКС не была выполнена. В 1970 г. на ВУКС Сарпинской ООС прибыло только 3 человека из Грузии, 15 человек из Рязанской области и 9 демобилизованных. В этой связи областной комитет комсомола обратился в ЦК ВЛКСМ с просьбой улучшить выполнение разрядки по общественному призыву молодежи из других районов и областей ССР [НА РК. Ф. П-22. Оп. 8. Д. 12. Л. 45]. В дальнейшем эта работа была отлажена. Так, в 1978 г. прибыло по общественному призыву 194 чел.: 61 чел. из Грузии, 90 чел. из Литвы и 43 чел. из Латвии [НА РК. Ф. П-22. Оп. 14. Д. 25. Л. 1].

Большую помощь в строительстве культурно-бытовых объектов молодым строителям оказывали студенческие строительные отряды (ССО). В 1970-е гг. на территории Сарпинской низменности работали отряды Донецкого политехнического института «Луч» и «Металлург 70». Члены стройотрядов построили механизированный ток с сушилками и культурно-бытовые объекты: 17 жилых домов, детский сад-ясли, общежитие, гостиницу и столовую [НА РК. Ф. П-22. Оп. 7. Д. 12. Л. 18]. В 1978 г. Штаб ВУКС принял ССО в количестве 300 человек, которые работали в строительных подразделениях «Союзкалмводстрой».

Большое внимание Штаб ЦК ВЛКСМ ВУКС уделял культурному обслуживанию рабочих стройки. Так, по направлению ЦК ВЛКСМ весной 1970 г. с концертами выступили агитбригады студентов г. Ташкента, а также из Армении. Районные комсомольские организации сотрудничали со Штабом ВУКС и регулярно отправляли агитбригады. Так, летом 1970 г. перед рабочими выступала агитбригада Элистинского музыкального училища. В 1971 г. в рамках празднования 50-летия комсомола Калмыкии на ударную стройку направили группу молодых советских поэтов. В 1974 г. перед рабочими ВУКС выступили 23 агитбригады, в составе которых были творческие работники, лекторы и т. д. В 1975 г. коллективы сельских домов культуры г. Городовиковска, с. Садового, п. Яшкуля, коллективы г. Элисты с концертами приехали к рабочим ВУКС. По направлению обкома ВЛКСМ Калмыцкой государственной филармонией направлялись бригады Росконцерта, сельская бригада Москонцерта, эстрадный ансамбль «Вита» и т. д.

Большую работу на ударной стройке проводил Дом культуры пос. Большой Царын. В его работе стали традиционными проведение «Дня мелиоратора»,

чествование передовиков производства. Проводились тематические вечера, на которых рассказывали о достижениях молодых строителей, делились достигнутым опытом.

Штаб ВУКС регулярно проводил рейды «Комсомольского прожектора» (КП), которые должны были проверять условия труда, учебы, отдыха и быта строителей. Результаты проверок обсуждались на заседаниях районных и областного штабов. На обсуждении итогов рейдов «Комсомольского прожектора» в областной штаб приглашались руководители министерств и ведомств республики. Итоги рейдов освещались в газете «Комсомолец Калмыкии», молодежными редакциями радио и телевидения [НА РК. Ф. П-22. Оп. 8. Д. 12. Л. 44].

Осенью 1975 г. Министерством мелиорации и водного хозяйства СССР совместно с объединением «Союзкалмводстрой» и с привлечением ученых и молодых специалистов была проведена научно-производственная конференция «Сарпинская низменность: проблемы освоения». Материалы конференции по освоению Сарпинской низменности Калмыцкой АССР под рисоводство и производство кормов впоследствии были опубликованы [Сарпинская низменность 1975].

Повышение эффективности использования орошаемых земель позволило получить высокие урожаи с каждого поливного гектара. План производства риса совхозом «Восход» за пятилетку был выполнен за три года. В республике складывался опыт выращивания риса, вырастали новые сельскохозяйственные кадры мелиораторов и рисоводов. Как и многие другие объекты всесоюзного строительства советского периода, Сарпинская ООС действует и поныне, сейчас ее общая площадь составляет более 650 тыс. га [Шумова 2021: 124].

7. Заключение

Успешное строительство рисовых инженерных систем позволило добиться хороших показателей. Строители и мелиораторы досрочно ввели в строй строительные и водохозяйственные объекты Сарпинской ООС. Первые экспериментальные рисоводческие хозяйства «Восход» и «Калмыцкий» положили начало созданию новых совхозов. Впоследствии на базе совхозов «Восход», «Калмыцкий», «50 лет Октября» и Калмыцкой опытно-мелиоративной станции в 1977 г. был образован Октябрьский район.

Шефство комсомола над ВУКС Сарпинской ООС оказывало положительное влияние на организацию труда, ускорение ввода строительных объектов, повышение производительности труда и решение культурно-бытовых вопросов.

Общественный призыв комсомольцев и молодежи из различных регионов СССР к участию на возводимых объектах мелиорации в Калмыцкой АССР способствовал решению ряда задач. Во-первых, призыв молодежи об участии в решении монументальных государственных задач привел к появлению новых совхозов, новых предприятий в некогда безводной степи. Во-вторых, другой задачей являлось воспитание молодежи в коммунистическом русле. Несмотря на большую текучку молодых кадров, большинство из них участвовало в социалистических соревнованиях как в составе молодежно-комсомольских бригад, так и индивидуально, многие показывали высокие трудовые результаты. Активные участники ударной стройки были отмечены Грамотами и ценными подарками.

Источники

- Материалы пленума 1966 — КПСС. ЦК. Пленум (1966, май). Материалы Майского (1966 года) Пленума ЦК КПСС [Текст]. М.: Политиздат, 1966. 62 с.
- НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.
- Постановление 1966а — Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 16 июня 1966 года № 465 «О широком развитии мелиорации земель для получения высоких и устойчивых урожаев зерновых и других сельскохозяйственных культур» [электронный ресурс] // URL: <https://docs.cntd.ru/document/765711670> Sources (дата обращения: 04.07.2023).
- Постановление 1966б — Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «Об общественном призыве молодежи на важнейшие стройки пятилетки» [электронный ресурс] // URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/355457-postanovlenie-tsk-kpss-i-soveta-ministrov-sssr-6-iyunya-1966-g-ob-obschestvennom-prizyve-molodezhi-na-vazhneyshie-stroyki-pyatiletki> (дата обращения: 04.07.2023).
- Решения партии 1968 — Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: Сб. док. за 50 лет. Т. 6. 1966 – январь-июнь 1968 гг. М.: Политиздат, 1968. 816 с.

Sources

- Central Committee. Plenum (1966, May). Materials of the May (1966) Plenum of the Central Committee of the CPSU. Moscow: Politizdat, 1966. 62 p.
- Decisions of the party and the government on economic issues: Collection of documents for 50 years. Vol. 6. 1966 – January-June 1968. Moscow: Politizdat, 1968. 816 c.
- National Archive of the Republic of Kalmykia.
- Resolution of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR dated June 16, 1966 No. 465 “On the wide development of land reclamation to obtain high and sustainable yields of cereals and other agricultural crops”. Available at: URL: <https://docs.cntd.ru/document/765711670> Sources (accessed: 07 April 2023).
- Resolution of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR “On the public appeal of young people to the most important construction projects of the Five-year plan”. Available at: URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/355457-postanovlenie-tsk-kpss-i-soveta-ministrov-sssr-6-iyunya-1966-g-ob-obschestvennom-prizyve-molodezhi-na-vazhneyshie-stroyki-pyatiletki> (accessed: 07 April 2023).

Литература

- Воробьев 2022 — Воробьев Д. А. Печорская ГРЭС как Всесоюзная ударная стройка // Проблемы истории материальной и духовной культуры народов России и зарубежных стран. Мат-лы Всеросс. науч. конф. студентов и аспирантов (г. Сыктывкар, 21 апреля 2022 г.): сб. докл. Сыктывкар: СГУ им. Питирима Сорокина, 2022. С. 25–28.
- Всесоюзные 2015 — Всесоюзные ударные стройки в истории XX века: сб. ст. / отв. ред. А. С. Бушуев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. 204 с.
- Дармаева 2020 — Дармаева Т. Б. Мелиорация Республики Калмыкия [электронный ресурс] // URL: <https://kalmmelio.ru/Статья-1/> (дата обращения: 20.08.2023).
- Ещенко 2016 — Ещенко Ю. Г. Организация труда рабочей молодежи на ударных комсомольских стройках (на примере строительства первой очереди Астраханского газового комплекса) // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: мат-лы XV Междунар. науч. конф.: в 2-х ч. (г. Иваново, 23–24 марта 2016 г.). Иваново: Ивановск. гос. ун-т, 2016. С. 344–351.
- История мелиорации — История мелиорации Калмыкии [электронный ресурс] // URL: <https://kalmmelio.ru/История/> (дата обращения: 01.09.2023).
- Ким, Ким 2021 — Ким И. К., Ким И. А. Выдающиеся корейцы старшего поколения Калмыкии // Корееведение в России: направление и развитие. 2021. Т. 3. № 1. С. 66–73.
- Настинова 1982 — Настинова Г. Э. Солеустойчивость и продуктивность риса при

- возделывании в Сарпинской низменности // Мат-лы II Респ. научно-практ. конф. Элиста: КГУ, 1982. С. 51–55.
- Очирова 2011 — *Очирова Е. Н.* Агротехнологические особенности возделывания различных сортов риса в условиях Сарпинской низменности: автореф. дисс. ... канд. сельхоз. наук. Саратов, 2011. 22 с.
- Пак, Степанец 1966 — *Пак К. П., Степанец И. Т.* Рис в Сарпинской низменности // Земледелие. 1966. № 5. С. 29–35.
- Сарпинская низменность 1978 — Сарпинская низменность: проблемы освоения: Мат-лы науч.-произв. конф. по освоению Сарпинской низменности Калмыцкой АССР под рисосеяние и пр-во кормов (г. Элиста, 13–15 октября 1977 г.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1978. 200 с.
- Шматкин 1978 — *Шматкин В. Ф.* Рекомендации по организации рисосеяния и кормопроизводства на орошаемых землях Калмыцкой АССР. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1978. 92 с.
- Шумова 2021 — *Шумова В. Ф.* Водохозяйственные аспекты землепользования в Республике Калмыкия в современных климатических условиях // Степи Северной Евразии. Мат-лы IX междунар. симпозиума. Оренбург: Оренбургск. гос. ун-т, 2021. С. 880–887.

References

- All-Union Shock Constructions in the History of the XX century: collection of articles / ed. by Bushuev A. S.. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2015. 204 p. (In Russ.)
- Darmaeva T. B. Land Reclamation of the Republic of Kalmykia (publication date 2020) Available at: URL: <https://kalmmelio.ru/Статья-1/> (accessed: 20 August 2023). (In Russ.)
- Eshchenko Yu. G. Organization of Labor of Working Youth at the Komsomol Shock Construction sites (on the example of the construction of the first stage of the Astrakhan gas complex). State, Society, Church in the History of Russia of the XX-XXI Centuries: Materials of the XV International scientific conference: in 2 parts (Ivanovo, 23–24 March 2016). Ivanovo: Ivanovo State University, 2016. Pp. 344–351. (In Russ.)
- Kim I. K., Kim I. A. Outstanding Koreans of the Older Generation of Kalmykia. *The Journal of Direction and Development of Korean Studies in Russia*. 2021. Vol. 3. No. 1. Pp. 66–73. (In Russ.)
- Nastinova G. E. Salt Resistance and Productivity of Rice in Cultivation in the Sarpinsk Lowland. Materials of the II Rep. scientific and practical conference. Elista: KSU, 1982. Pp. 51–55. (In Russ.)
- Ochirova E. N. Agrotechnological Features of Cultivation of Various Types of Rice in the Conditions of the Sarpinsk lowland: Cand. diss. (Agricultural sciences) thesis. Saratov, 2011. 22 p. (In Russ.)
- Pak K. P., Stepanets I. T. Rice in the Sarpinsk Lowland. *Agriculture*. 1966. No. 5. Pp. 29–35. (In Russ.)
- Sarpinsk Lowland: Problems of Development: Materials of Scientific and Production Conference on the Development of the Sarpinsk Lowland of the Kalmyk ASSR for Rice Sowing and Forage Production (Elista, 13–15 October, 1977). Elista: Kalmykia Book Publ., 1978. 200 p. (In Russ.)
- Shmatkin V. F. Recommendations on the Organization of Rice Sowing and Forage Production on Irrigated Lands of the Kalmyk ASSR. Elista: Kalmykia Book Publ., 1978. 92 p. (In Russ.)
- Shumova V. F. Water Management Aspects of Land Use in the Republic of Kalmykia in Modern Climatic Conditions. Steppes of Northern Eurasia. Materials of IX International symposium. Orenburg: Orenburg State University, 2021. Pp. 880–887. (In Russ.)

- The History of Land Reclamation of Kalmykia. Available at: URL: <https://kalmelio.ru/История> (accessed: 01 September 2023). (In Russ.)
- Vorobyov D. A. Pechorskaya GRES as an All-Union Shock construction site. Problems of the History of Material and Spiritual Culture of the Peoples of Russia and Foreign Countries. All-Russian Scientific Conference of Students and Postgraduates: coll. of reports. Syktyvkar: SSU named after Pitirim Sorokin, 2022. Pp. 25–28. (In Russ.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 15, Is. 4, pp. 683–699, 2023
DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-683-699

МОНГОЛОВЕДИЕ

(Монгол судлал)
(Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

ИСТОЧНИКОВЕДИЕ

УДК / UDC 94 (47)

DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-683-699

Архивные документы фонда И-3 «Совет калмыцкого управления. 1836–1848 гг.» Национального архива Республики Калмыкия как источник по изучению организации деятельности государственных учреждений в дореволюционной Калмыкии

Лариса Бадмаевна Манджикова¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

 0000-0003-3902-2664. E-mail: 0862larisa[at]gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2023

© Манджикова Л. Б., 2023

Аннотация. *Введение.* В статье рассматриваются вопросы истории создания и организации деятельности Совета калмыцкого управления, проводившего административное управление Калмыцкой степью Астраханской губернии в период с 1836 по 1848 гг. Совет калмыцкого управления руководствовался в своей работе «Положением об управлении калмыцким народом» от 24 ноября 1834 г., которым регламентировалась структура органа управления и порядок организации работы с документами. Изучение состава и содержания документов, созданных в процессе деятельности Совета и находящихся на хранении в архивном фонде И-3 «Совет Астраханского калмыцкого управления» Национального архива Республики Калмыкия, позволит провести анализ и определить направления его деятельности. *Цель* статьи — изучить архивные документы фонда И-3 «Совет калмыцкого управления» и выявить их источниковедческий потенциал по исследованию организации деятельности органа по управлению калмыцким народом, особенности в ведении делопроизводства и документооборота в дореволюционной Калмыкии. *Результаты.* В состав архивного фонда И-3 «Совет Астраханского калмыцкого управления» вошли документы официального делопроизводства: документы вышестоящих организаций и должностных лиц, относящиеся к деятельности Совета; годовые и текущие отчеты; сведения, рапорта, переписка, донесения, журналы, списки, ведомости и другие документы, созданные в процессе деятельности Совета. Содержание архивных документов свидетельствует о том, что Совет калмыцкого управления рассматривал административно-хозяйственные, финансовые, земельные и налоговые вопросы; решал кадровые и иные вопросы. Документы, созданные в процессе деятельности Совета, порядок их создания и рассмотрения полностью соответствовали общероссийским

требованиям по ведению делопроизводства и документооборота. Особенностью ведения калмыцкого делопроизводства является двуязычие, документы составлялись на русском и калмыцком языках, использовалась национальная старокалмыцкая письменность *тодо бичиг* («ясное письмо»).

Ключевые слова: Совет калмыцкого управления, Положение 1834 г., делопроизводство, документооборот, документ, архивное дело, источник, архивный фонд, Калмыкия

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Национальные информационные ресурсы в научном и культурном пространстве» (номер госрегистрации: АААА-А19-119090590086-0).

Для цитирования: Манджилова Л. Б. Архивные документы фонда И-3 «Совет калмыцкого управления. 1836–1848 гг.» Национального архива Республики Калмыкия как источник по изучению организации деятельности государственных учреждений в дореволюционной Калмыкии // Монголоведение. Т. 15. № 4. С. 683–699. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-683-699

Archival Documents of Fund I-3 “Council of Kalmyk Administration. 1836–1848”. The National Archive of the Republic of Kalmykia as a Source for Studying the Organization of Activities of State Institutions in pre-Revolutionary Kalmykia

Larisa B. Mandzhikova¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation) Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0003-3902-2664. E-mail: 0862larisa[at]gmail.com

© KalmSC RAS, 2023

© Mandzhikova L. B., 2023

Abstract. Introduction. The article discusses the history of the creation and organization of the activities of the Council of Kalmyk Administration, which carried out the administrative management of the Kalmyk steppe of the Astrakhan province in the period from 1836 to 1848. The Kalmyk Administration Council was guided in its work by the “Regulations on the Administration of the Kalmyk People” dated November 24, 1834, which regulated the structure of the governing body and the procedure for organizing work with documents. Studying the composition and content of documents created during the activities of the Council and stored in the archival fund I-3 “Council of the Astrakhan Kalmyk Administration” of the National Archive of the Republic of Kalmyk will allow for analysis and determination of the directions of its activities. The *purpose* of the article is to study the archival documents of the I-3 Foundation “Council of Kalmyk Administration” and to identify their source potential for studying the organization of activities of the body for governing the Kalmyk people, especially in the management of office work and document flow in pre-revolutionary Kalmykia. The purpose of the article is to study the archival documents of the I-3 Foundation “Council of Kalmyk Administration” and to identify their source potential for studying the organization of activities of the body for governing the Kalmyk people, especially in the management of office work and document flow in pre-revolutionary Kalmykia. **Results.** The documents created during the activities of the Kalmyk Administration Council are unique written sources for the study of the life of the Kalmyk people in pre-revolutionary Russia. In addition, these studies

will allow us to study the procedure for organizing work with documents in Kalmykia and identify their compliance with all-Russian regulatory requirements in the field of office work and document management.

Keywords: Council of Kalmyk Administration, Regulation 1834, office work, document flow, document, archival work, source, archival fund, Kalmykia

Acknowledgments. The reported study was funded by government subsidy, project no. AAAA-A19-119090590086-0 ‘National Information Resources in Scientific and Cultural Space’.

For citation: Mandzhikova L. B. Archival documents of the Fund I-3 “Council of Kalmyk Administration. 1836–1848”. National Archive of the Republic of Kalmykia as a Source for Studying the Organization of Activities of State Institutions in pre-Revolutionary Kalmykia. *Mongolian Studies (Elista)*. 2023; 15(4): 683–699. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-683-699

1. Введение

После упразднения Комиссии калмыцких дел (1825–1836) административное управление Калмыцкой степью Астраханской области стал осуществлять Совет Астраханского калмыцкого управления (1836–1848) (далее — САКУ).

Деятельность САКУ регламентировалась «Положением об управлении калмыцким народом» от 24 ноября 1834 г. (далее — Положение 1834 г.), датой официального опубликования считается 28 декабря 1835 г. [[Положение 1834: 18–40](#)]. Положение 1834 г. было вторым нормативным документом, принятым в развитие «Общего учреждения министерств» от 25 июня 1811 г., регламентировавшего деятельность государственных органов в дореволюционной России [[Манифест 1811](#)]. Первым законодательным актом, координировавшим жизнедеятельность калмыцкого народа и урегулировавшим организацию работы с документами, были «Правила для управления калмыцким народом» от 10 марта 1825 г. (далее — Правила 1825 г.). Текст документа опубликован в Полном собрании законов Российской империи [[Правила 1825: 155–161](#)] и сборнике документов и материалов «Государственное строительство Калмыкии. XVII–XXI вв.» [[Государственное строительство 2009: 154–162](#)].

Положением 1834 г. также руководствовалось в своей деятельности и Ордынское отделение Астраханской палаты государственных имуществ (1848–1867 гг.), сменившее Совет и продолжавшее осуществлять административные функции по управлению калмыцким народом вплоть до его ликвидации.

В процессе деятельности органов управления калмыцким народом создавались документы, которые сегодня являются историческими источниками по изучению истории жизнедеятельности калмыцкого народа, проживавшего в Калмыцкой степи Астраханской губернии. Кроме того, исследование порядка рассмотрения документов, их видового состава позволяет выявить общие черты в организации ведения делопроизводства и документооборота с центральными государственными учреждениями России, а также особенности в организации работы с документами, написанных на старокалмыцкой (ойратской) письменности, поскольку калмыки имели свою письменность *тодо бичиг* («ясное письмо») и делопроизводство велось на двух языках.

Тема организации делопроизводства и документооборота в калмыцкой историографии мало изучена. Отсутствуют фундаментальные научные исследе-

дования. Трудность в изучении архивных документов заключалась в том, что многие из них написаны на старокалмыцкой письменности, не транслитерированы и не переведены на современный калмыцкий и русский языки. В 2003 г. впервые издана монография, в которой делопроизводственные документы периода Калмыцкого ханства анализировались с точки зрения развития языка [Сусеева 2003]. В 2004 г. опубликован сборник писем наместника Калмыцкого ханства Убаши [Гедеева 2004], в который вошли 33 документа на калмыцком языке и в переводе на русский язык, а в 2009 г. вышел в свет сборник документов «Письма калмыцких ханов и их современников. 1713–1771 гг.» [Сусеева 2009], в котором опубликован 171 документ, переведенных на современный калмыцкий и русский языки [Орлова 2019]. Позже были опубликованы работы Д. Б. Гедеевой, посвященные калмыцкой деловой письменности и ее жанровому составу, отдельным терминам [Гедеева 2018; Гедеева 2019; Гедеева 2022]. По данной теме имеется статья И. В. Лиджиевой и Б. В. Когдановой, посвященная делопроизводственной практике управления калмыцким народом [Лиджиева, Когданова 2018]. Организация работы с документами в Комиссии калмыцких дел (1825–1836) рассмотрена в статьях Л. Б. Манджиковой [Манджикова 2022а; Манджикова 2022б; Манджикова 2023а; Манджикова 2023б].

Развитие делопроизводства и документооборота в калмыцких учреждениях велось в соответствии с общероссийскими законодательными, нормативными правовыми актами, регламентировавшими деятельность организации, а также порядок работы с документами. Исследование архивных документов и изучение научных трудов ученых, посвященных истории государственных учреждений России и ведения делопроизводства в центральных органах власти [Ерошкин 1968; Ерошкин 2008; Илюшенко 1993; Шепелев 2007; Емельянова 2012; Шушуннова 2012; Глотова 2014; Красникова 2022; и др.] позволит выявить общие черты и различия в организации работы с документами и ведения делопроизводства в дореволюционной Калмыкии.

Данные о создании Совета калмыцкого управления и направлениях его деятельности, составе и содержании архивных документов фонда И-3 «Совет Астраханского калмыцкого управления» содержатся в справочном издании «Фонды Национального архива Республики Калмыкия. 1713–1993» [Фонды 2002: 26–27].

2. Материалы и методы

Исследование основано на изучении архивных документов фонда И-3 «Совет Астраханского калмыцкого управления» (1836–1848) Национального архива Республики Калмыкия. Анализ состава и содержания документов даст возможность определить направления деятельности Совета. Видовой состав документов, их оформление и функциональное назначение в практике ведения делопроизводства выявит общие и отличительные черты в организации работы с документами в одном из инородческих регионов российского государства XIX в.

В работе использованы специальные исторические методы исследования, позволившие изучить документы, выявить и ввести в научный оборот новые архивные данные, а также установить их ценность как исторического источника.

3. Краткие сведения об организации деятельности Совета Астраханского калмыцкого управления (1836–1848)

Совет Астраханского калмыцкого управления был учрежден 21 мая 1836 г. и просуществовал до 4 октября 1848 г. [Фонды 2002: 26]. Он являлся коллегиальным органом. По характеру компетенций и полномочий САКУ относился к исполнительно-распорядительному органу, а по составу и форме организации — к сословно-распорядительному [НА РК. Ф. И-3. Историческая справка. Л. 1]. В состав САКУ калмыцкого управления входили: Главный попечитель — председатель САКУ, два его товарища; ассессор, избираемый из нойонов (князей) на 3 года; два заседателя, избираемые из зайсангов (владельцев аймаков) на 3 года. Штатный состав САКУ вместе с обслуживающим персоналом составлял 18 человек, в том числе:

- «1) Главный попечитель, председатель — 1 чел.,
- 2) товарищи Главного попечителя, члены от короны — 2 чел.,
- 3) ассессор из нойнов — 1 чел.,
- 4) заседатели из зайсангов — 2 чел.,
- 5) секретарь — 1 чел.,
- 6) казначей, он же экзекутор и смотритель за домом — 1 чел.,
- 7) столоначальники — 2 чел.,
- 8) переводчик — 1 чел.,
- 9) толмач — 1 чел.

Канцелярских служителей:

— среднего разряда — 3 чел.,

— низшего разряда — 3 чел.» [НА РК. Ф. И-3. Историческая справка. Л. 1–2].

Деятельность САКУ регламентировалась «Положением об управлении калмыцким народом» от 24 ноября 1834 г. [Положение 1834: 18–40; Государственное строительство 2009: 162–193]. Данное Положение 1834 г. вступило в силу с 1 января 1835 г., с его принятием в Калмыцкой степи вводилось областное и местное управление, при канцелярии астраханского губернатора был создан отдел для управления калмыцким народом, и губернатор выступал как представитель Министерства внутренних дел [Команджаев 2019: 231].

Данным нормативным документом также упорядочивался порядок организации работы с документами, созданными в процессе его деятельности. С учетом того факта, что калмыки имели свою письменность, в преамбуле Положения 1834 было записано: «повелеваем: к приведению оного в действие учинить надлежащее распоряжение, издав сие Положение на российском и калмыцком языках» [Государственное строительство 2009: 163]. Соответственно и делопроизводство в органе по управлению калмыцким народом должно было вестись на двух языках.

В настоящем исследовании на основании документов архивного фонда И-3 «Совет Астраханского калмыцкого управления. 1836–1849» изучен порядок организации работы САКУ с документами и тематика рассматриваемых им вопросов. Из предыдущих исследований известно, что Правила 1825 г. имели ряд существенных недостатков, которые характеризовались излишней бюрократизацией, что влекло за собой медлительность в рассмотрении дел, в некоторых случаях — по многу лет [Красникова 2022: 455; Манджикова 2023а: 611]. Так, например, в архивном деле № 126 фонда И-2 «Комиссии калмыцких дел», дати-

руемом 1832 г., описано рассмотрение представления инспектора Астраханской врачебной управы Соломона в адрес вице-губернатора Астраханской губернии В. И. Кошелева «Проекта для операции оспопрививания в калмыцких улусах» [НА РК. Ф. И-2. Оп. 1а. Д. 126. Л. 1–4], который на протяжении 7 лет находился на рассмотрении и только в 1839 г. был принят в форме «Положения об оспопрививании в Калмыцких улусах» [Положение 1839: 18–40]. Такая процедура прохождения документов была характерна как для центральных, так и для местных государственных учреждений, требовалось их усовершенствование [Деев 2002: 100; Абеева 2010: 96; Манджикова 2023б: 406]. Принятие нового нормативного акта внесло изменение в порядок организации работы административного органа, в связи с чем представляет интерес проведение сравнительного анализа видового состава документов, созданных в процессе деятельности Комиссии калмыцких дел и Совета калмыцкого управления, а также порядка ведения делопроизводства и документооборота в этих двух органах управления калмыцким народом. Необходимо выявить общие и отличительные черты в организации работы с документами Комиссии и его правопреемника.

В ходе проведенного сравнительного анализа выяснено, что общим в административном устройстве обоих органов является то, что они подчинялись Министерству внутренних дел. Астраханский военный губернатор осуществлял общее руководство, контролировал должностных лиц, ведение делопроизводства, утверждал решения Зарго и надзирал за правильностью его решений [Команджаев 2019: 232]. Новшеством являлось введение должности Главного попечителя калмыцким народом, который одновременно являлся председателем Совета управления калмыцким народом. Должности Главного попечителя и попечителей в улусах вводились вместо должностей Главного пристава и частных приставов. Согласно Положению 1834 г., Главный попечитель калмыцкого народа непосредственно подчинялся астраханскому губернатору и осуществлял надзорные функции за административным управлением и деятельностью судов, контролировал сбор налогов и работу улусных учреждений.

К высшему местному руководству относились Суд Зарго и Ламайское духовное правление [Государственное строительство 2009: 164]. Необходимо отметить, что в отличие от предыдущего законодательного акта в Положении 1834 г. полномочия судебной власти в лице Зарго и улусных судов, Ламайского духовного правления выделены в самостоятельные главы. В отдельных главах описаны полномочия Астраханского военного губернатора, Главного попечителя, Совета Калмыцкого управления, улусного управления, обязанности и права нойонов-владельцев, правителей улусов и зайсангов, улусных попечителей, их помощников и смотрителей Калмыцкого базара и Мочагов. Кроме того, в Положении 1834 г. регламентировались кадровые вопросы (назначение и освобождения, награждения), вопросы торговли, ярмарочной деятельности, найма калмыков на работу и переходе калмыков в другие сословия. От исполняемых должностными лицами полномочий и определяются направления их деятельности и тематика рассматриваемых дел.

Все вышеперечисленные должностные лица и органы управления являются основными адресантами и адресатами, так как между ними велась деловая переписка. Порядок внесения документов на рассмотрение напрямую был связан с иерархией органов власти и управления и, соответственно, прохождение документов было

строго регламентировано. Работу с документами обеспечивали «письмоводители улусных судов, переводчики, толмачи и канцелярские служащие по всем местам калмыцкого управления» [Государственное строительство 2009: 165]. Кадровые вопросы решались Советом калмыцкого управления [Государственное строительство 2009: 165].

Астраханский военный губернатор осуществлял контрольные функции, он согласно параграфу № 38 Положения 1834 должен «тщательно наблюдать за точным исполнением определяемых сим уставом обязанностей», кроме того, указывалось, что он осуществляет надзор «за течением дел во всех местах калмыцкого управления, а в случае медленности, побуждает к скорейшему оных окончанию» [Государственное строительство 2009: 167].

Согласно параграфу № 45, Военный губернатор должен был определять порядок письмоводства в Совете калмыцкого управления. Для производства дел, относящихся к калмыцкому народу, в канцелярии Военного губернатора учреждался особый стол [Государственное строительство 2009: 169].

В процессе деятельности САКУ созданы документы, которые сохранились по настоящее время и составили основу архивного фонда И-3 «Совет Астраханского калмыцкого управления. 1836–1849 гг.» Национального архива Республики Калмыкия.

4. Характеристика фонда И-3 «Совет Астраханского калмыцкого управления. 1836–1849 гг.» Национального архива Республики Калмыкия

В архивном фонде И-3 «Совет Астраханского калмыцкого управления. 1836–1849 гг.» Национального архива Республики Калмыкия насчитывается 374 ед. хр. за 1836–1849 гг. Согласно имеющемуся научно-справочному аппарату к архивному фонду И-3, документы описаны в пяти описях дел постоянного хранения:

- опись № 1 — 348 ед. хр. за 1803–1849 гг.,
- опись № 2 — 12 ед. хр. за 1831–1848 гг.,
- опись № 3 — 12 ед. хр. за 1836–1847 гг.,
- опись № 4 — 4 ед. хр. за 1941–1846 гг.,
- опись № 5 — 2 ед. хр. за 1836–1847 гг.

В представленных описях нет записей об их утверждении, и в описи с № 2 по № 5 под последним порядковым номером вошли ранее имевшиеся описи, т. е. первичные описи¹, из чего следует, что архивные описи прошли процедуру усовершенствования.

¹ В соответствии с «Методическими рекомендациями к Правилам организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, научных организациях» в ранее имевшиеся описи должны быть внесены в новую опись под последним учетным номером, и усовершенствованная опись не подлежит утверждению экспертно-проверочной комиссией органа управления архивным делом [Методические рекомендации 2021]. До принятия «Правил организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, научных организациях» [Правила 2015] употреблялся термин «первичные описи», в настоящее время употребляется словосочетание «ранее имевшиеся описи».

Особый интерес представляет опись № 1, так как архивные дела с № 1 по № 7 — это описи дел и учетных документов структурных подразделений, сданные в архив САКУ с период с 1825 по 1849 гг.:

- от столоначальника [НА РК. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 4. Д. 5];
- от 1-го и 2-го отделений САКУ [НА РК. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 6. Д. 7];
- журналы и книги САКУ [НА РК. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 2. Д. 3].

И только одно дело — архивное дело № 1 «Опись делам Яндыка Икицохуровского улуса» за период с 28.04.1803 г. по 08.12.1861 г. было передано от улусного управления. В исторической справке отсутствуют пояснения относительно этих архивных дел. Возникает вопрос, каким образом данные описи вошли в фонд И-3 «Совет Астраханского калмыцкого управления», а не в архивный фонд № 2 «Комиссии калмыцких дел», действовавшего до образования Совета.

В составе фонда отложились документы, относящиеся к категории управленческих документов, в том числе принятых вышестоящими организациями, такие как указы Сената [НА РК. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 9, 55]. Это копии документов, выполненные типографским способом, присланные к исполнению. Необходимо отметить, что при формировании дела сначала подшивалось сопроводительное письмо, а потом сам официальный документ. Например, в деле № 9 письмо начинается со слов «Из Астраханского губернского правления господину исправляющему должность Главного при калмыцком народе приставу» и далее идет изложение сути вопроса. Письмо подписано советником и экзекутором. Имеется резолюция «К сведению», написанная наискось внизу текста письма, чернилами коричневого цвета. Еще ниже, справа, указана фамилия исполнителя Петрова.

В состав архивного фонда вошло «Положение о калмыцком народе» от 24 ноября 1834 г., основополагающего документа по созданию Совета, его полномочий. Текст документа напечатан типографским способом [НА РК. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–51; Фонды 2002: 26].

Циркуляры поступали из Министерства внутренних дел и рассматривались в кратчайшие сроки. Например, из исследованного дела № 352 «Копия с предписания Министерства внутренних дел в САКУ о порядке назначения пенсии медроботникам» следует, что с момента регистрации входящего документа 24 марта 1835 г. и до принятия решения по нему прошло 7 дней. Сроки рассмотрения значительно уменьшились по сравнению с предыдущими годами, когда документ из-за бюрократической волокиты мог рассматриваться месяцами и даже годами.

В фонде имеются документы, принятые в развитие Положения 1834 г. Так, например, в развитие положений § 26 главы 1, в котором прописано, что «все российские чиновники, составляющие калмыцкое управление, равно и канцелярские служащие, в случае нарушения своих обязанностей или других преступлений предаются суду уголовной палаты» [Государственное строительство 2009: 166], были приняты «Правила о порядке увольнения чиновников от должности и о предании оных суду» 1836 г., регламентировавшие порядок наказания должностных лиц [НА РК. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 30]. Данное дело относится к секретному делопроизводству. В первом подшитом документе имеется гриф ограниченного доступа, слева сверху написано слово «Секретно». Это предложение Управления Астраханского Военного губернатора по части гражданской от 13 августа 1836 г.

№ 1041, направленное в адрес САКУ. Астраханский губернатор, генерал-майор И. С. Тимирязев писал: «Нужным считаю препроводить при сем в Совет калмыцких улусов для руководства одного списки о двух предписаний господина Министра внутренних дел: 1) от 5 января 1835 года, по Секрету, касательно предания суду чиновников; 2) от 14 апреля того же года о порядке увольнения неспособных чиновников, предложил о получении этих бумаг мне донести» [НА РК. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 130. Л. 1]. Из вышеизложенного следует, что некоторые кадровые вопросы, в зависимости от тяжести преступления, совершенного чиновником, рассматривались судом и не предавались огласке.

В фонде имеются два дела, также относящиеся к секретному делопроизводству: «Реестры секретных бумаг САКУ» [НА РК. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 31] и «Секретные протоколы заседаний САКУ» [НА РК. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 430]. Только на обложках этих дел указан гриф «Секретно». Эти архивные дела представляют интерес в аспекте изучения ведения секретного делопроизводства и документооборота в органах по управлению калмыцким народом в XIX в., выявления общих и отличительных черт в организации работы с документами, содержащими сведения ограниченного доступа.

Как исторический источник по истории взаимоотношений России и Франции представляет интерес архивное дело № 165 «Циркуляр. Астраханского губернского Правления САКУ, протокол заседания последнего о запрещении въезда в Россию принца Луи Бонапарта», датированное 15 марта 1840 г. [НА РК. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 165. Л. 1–4].

Но все же наибольшее количество архивных дел относится к учетным документам, к ним относятся: реестры или регистры входящих документы [НА РК. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 13, 14, 54, 55, 91, 92, 144–147, 161–163, 201, 203, 205, 252, 255, 256, 282, 284, 285, 288, 346, 347, 351, 381, 415, 416, 423; НА РК. Ф. И-3. Оп. 2. Д. 1], реестры или регистры исходящих документов [НА РК. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 15, 16, 27, 49–51, 56, 60–65, 148, 164, 202, 204, 206, 253, 257, 286, 289, 324, 325, 350, 356, 418–420, 429; НА РК. Ф. И-3. Оп. 2. Д. 6], журналы входящих и исходящих бумаг [НА РК. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 26], книги записи [НА РК. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 28, 29, 220]. Согласно описям, в Совете велись реестры входящих и исходящих документов, но в заголовках архивных дел встречается написание — регистры. Так, например, дело № 15 в описи записано как «Реестр исходящих бумаг I-го отделения САКУ», а на обложке дела записано «Регистр исходящих бумаг I-го Отделения 1836 года № 3» [НА РК. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 15]. Таким образом, в описании архивных дел встречаются разночтения. Реестры, регистры заводились в начале календарного года и заканчивались в конце года, при этом количество входящих документов было намного больше, чем исходящих. Если входящие документы в течение года были зарегистрированы в трех журналах, то исходящие — в одном. Необходимо отметить, что в описях № 3, № 4, № 5 таких видов учетных документов не имеется. В данные описи включены документы за период 1836–1844 гг., они отражают добор документов для передачи их в архив.

Реестры и регистры входящих бумаг оформлялись в табличной форме и состояли из 4-х столбцов: «номер входящей бумаги, м[еся]цы и числа, содержание бумаг и кто в получении бумаг расписался» [НА РК. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 26. Л. 2]. Реестры исходящих бумаг состояли также их 4-х столбцов, но содержали дру-

гие сведения: «номер, м[еся]цы и числа, содержание, соответственные номера бумаги по входящему Регистру» [НА РК. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 15. Л. 1].

Наибольшее количество сохранившихся архивных дел составляют Журналы заседаний САКУ. Данный вид документов наиболее информативный, из содержания рассматриваемых вопросов можно определить направления деятельности САКУ и информацию о принятых решениях. Совет рассматривал вопросы: о заселении дорог, проходивших через калмыцкие земли; о разделении аймаков на хотоны; о работе хотонных старост; о численном составе кибиток в аймаках; об отводе земель казакам для пастьбы, сенокосения и о земельных спорах, об оседлости калмыков и выдаче им денежных пособий и других вопросов [Фонды 2002: 26–27].

Сведения о вопросах, рассматриваемых на заседании Совета, и принятых решениях фиксировались в протоколах заседаний САКУ. Архивные дела так и назывались: «Протоколы заседаний САКУ». Дела начинаются с оглавления, в которых в табличной форме заполнялись следующие данные: «1) номер по порядку, 2) месяц и наименование рассматриваемого вопроса, 3) в котором журнале¹ (номера листов)» [НА РК. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 10. Л. 1]. Например, в деле № 10 оглавление носит название «Список состоявшихся в Совете калмыцкого управления продолжений² декабря месяца 1831 года». Такие дела довольно объемные, в них подшиты до 600 и более листов [НА РК. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–606]. Оформление протокола Совета несколько отличается от протокола Комиссии калмыцких дел. Протоколы условно разделены на два столбца, при этом в левой половине указаны наименование органа, дата, день недели проведения заседания. Далее имеются различия: в протоколе Комиссии время начала заседания записано в левой части, а в протоколе Совета время записано справа. Кроме того, протокол Совета начинается с перечисления всех членов Совета, присутствующих на заседании с указанием фамилии, имени, отчества, занимаемой должности. Протоколы велись на двух языках: справа — на русском языке, слева — на калмыцком с записью на старокалмыцкой письменности *тодо бичиг* («ясное письмо»).

По завершении рассматриваемого вопроса выносилось решение. Если в протоколах Комиссии калмыцких дел писали «комиссия положила», то в протоколах САКУ — «Совет определил» и могли быть записаны «Примечания к определению».

Особый интерес представляет оформление записки 2-го отделения от 10 декабря 1836 г. Обычно на каждом листе внизу справа имеется подпись или указывается фамилия исполнителя или переводчика, в данной же записке данные исполнителя растянуты по слогам на каждом листе:

Номер листа	Данные об исполнителе
Л. 185	«В»
Л. 186	«Долж»
Л. 187	«но»
Л. 188	«сти»

¹ Так в документе.

² Так в документе.

Л. 189	«СТОЛО»
Л. 190	«началь»
Л. 191	«ника»
Л. 192	«Балан»
Л. 193	«дин»
Л. 194	«ский»
Л. 195	«В Долж»
Л. 196	«ности»

Источник: [НА РК. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 10. Л. 185–196].

Такая заверительная запись впервые встречается в ведении делопроизводства в органе управления калмыцким народом.

Представляет также интерес группа архивных дел, в которых рассматривается один вопрос — вопрос о строительстве дома САКУ и Астраханской Палаты государственных имуществ (ПГИ). По данному вопросу имеется несколько дел: «Книга записи прихода и расхода сумм по строительству дома САКУ и ПГИ» (Д. 207), «Материалы переписки комиссии по строительству дома для САКУ и ПГИ (о выделении средств и материалов, рабочей силы, сметы и ведомости учета работ и др.)» (Д. 208), «Материалы переписки комиссии по строительству дома для САКУ и ПГИ (сведения о ходе работ, ведомости с учетом материалов и др.)» (Д. 209), «Журналы заседаний и др. материалов комиссии по строительству САКУ и ПГИ» (Д. 215), «Материалы деятельности комиссии по строительству дома САКУ и ПГИ (предложения САКУ, постановление заседаний комиссии, рапорта и др.)» (Д. 218), «Материальная книга САКУ» (Д. 223) и другие дела. Согласно указанным крайним датам документов, вопрос о строительстве дома САКУ и ПГИ начал рассматриваться 12 апреля 1841 г. и закончился 5 апреля 1844 г.

Особое внимание необходимо уделить содержанию следующих двух архивных дел: «Переписка САКУ с пом. Попечителя о предоставлении семейных списков зайсангов Яндыковского улуса на 1840 г.» [НА РК. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 150] и «Списки зайсангов и их родственников, а также сведения о числе кибиток в аймаках» [НА РК. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 151]. Скорее всего, данные списки появились во исполнение указа Александра I от 9 марта 1825 г., поставившего цель «вести местное (национальное) законодательство в единое правовое пространство страны и провести подготовительную работу по введению калмыцкого населения в общие российские сословия» и для этого необходимо было составить родословные книги нойонов, владельцев, зайсангов, духовенства, провести перепись кибиток по улусам [Максимов 2021: 64].

Из состава архивных документов фонда И-3 прослеживается кадровая политика Совета (о назначении на должность, об увольнении, награждении, жаловании, наказании); финансовое обеспечение (приход, расход, распределение). Например, дела «Кассовая книга прихода и расхода по Калм[ыцкому] управлению» [НА РК. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 149], «Материалы следствия о финансовых нарушениях чиновников Калм[ыцкого] управления при закупке для каз-

ны верблюдов (предписание губернатора, указы Сената, рапорта и донесения, объяснительные записки). Предписание губернатора о найме рабочей силы на рыбные промыслы и др.» и другие дела [НА РК. Ф. И-3. Оп. 2. Д. 1а].

Ежегодно составлялись годовые финансовые отчеты, и в архивном фонде имеются отчеты за период с 1839 по 1846 г. Также в Совет представляли свои отчеты Зарго. Отчеты САКУ и Зарго подшивались отдельно или формировались в совместное дело. Например: «Финансовый отчет Зарго за 1836 г. Счета экономических сумм, находящихся в ведении САКУ за 1842 г.» [НА РК. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 40], «Финансовый отчет САКУ и Зарго за 1837 г.» [НА РК. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 57] и т. д. Всего имеется 17 годовых отчетов: опись № 1, дела: № 90 (за 1839 г.), № 134 (за 1840 г.), № 200 (за 1841 г.), № 280 и № 281 (за 1843 г.), № 311 (за 1844 г.), № 348 и № 349 (за 1845 г.), № 383 и № 384 (за 1846 г.), № 417 (за 1847 г.); опись № 3, дела: № 5 (за 1841 г.), № 8 (за 1842 г.), № 10 (за 1844 г.); опись № 4, дело № 1 (за 1841 г.).

В деятельности Совета продолжались вести обязательные виды документов, содержащие сведения конфиденциального характера и послужные данные. К ним относятся формулярные списки. В архивном фонде И-3 имеются четыре дела с одноименным названием «Формулярные списки о службе чиновников штаба Калм[ыцкого] Управления» за 1843, 1845, 1846 годы [НА РК. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 283, 365, 389; НА РК. Ф. И-3. Оп. 2. Д. 10]. Сведения биографического характера и послужные данные являются источниками по исследованию генеалогических, социологических и иных вопросов.

Исследовав состав и содержание документов архивного фонда И-3 «Совете калмыцкого управления», научно-справочный аппарат к фонду, тематику рассматриваемых вопросов и принятых решениях, можно сказать, что архивные документы являются ценными историческими источниками по изучению государственного строительства Калмыкии в определенный период времени, интеграции калмыцкого общества в общероссийскую политическую, правовую и социальную систему.

5. Заключение

С принятием Положения 1834 г. продолжился процесс реформирования и определения правового статуса Калмыкии. В правовом отношении отдельные группы калмыцкого общества были приравнены к соответствующим сословиям Российской империи [Абеева 2012: 81]; вводилась попечительская система управления.

В Положении 1834 г. указаны полномочия Совета, регламентирован порядок его работы, рассмотрения и прохождения дел. Исследованные документы архивного фонда И-3 «Совет Астраханского калмыцкого управления» позволили установить, что в состав фонда вошли документы официального делопроизводства: документы вышестоящих организаций и должностных лиц, относящиеся к деятельности Совета; годовые и текущие отчеты; сведения, рапорта, переписка, донесения, журналы, списки, ведомости и другие документы, созданные в процессе деятельности Совета. Из содержания архивных документов выяснено, что Совет калмыцкого управления рассматривал административно-хозяйственные, финансовые, земельные и налоговые вопросы; решал кадровые и иные вопросы.

Несомненно, архивные документы фонда И-3 «Совет Астраханского калмыцкого управления» являются историческими источниками по изучению государственного устройства Калмыкии в середине XIX в., взаимосвязей с вышестоящими органами царской власти. Документы, созданные в процессе деятельности Совета, порядок их создания и рассмотрения полностью соответствовали общероссийским требованиям по ведению делопроизводства и документооборота. Особенностью ведения калмыцкого делопроизводства является двуязычие, документы составлялись на русском и калмыцком языках, использовалась национальная старокалмыцкая письменность *тодо бичиг* («ясное письмо»).

Изменения, происходившие в Калмыкии в рассматриваемый период, свидетельствуют о продолжающемся процессе вовлечения калмыцкого общества в общероссийскую государственную систему.

Источники

- Манифест 1811 — Манифест об «Общем учреждении министерств». 25 июня 1811 г. (№ 24686) // Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т. XXXI. СПб.: Тип. II Отд. Собств. его имп. величества канцелярии, 1830. С. 686–719.
- НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.
- Положение 1834 — Положение об управлении калмыцким народом. 24 ноября 1834 г. (№ 7560а) // Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Собр. II. Т. IX. Ч. 1. СПб.: Тип. II Отд. Собств. его имп. величества канцелярии, 1835. 891 с.
- Положение 1839 — Положение об оспопрививании в калмыцких улусах от 8 июля 1839 г. (№ 12518) // Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. №. 14. Ч. 1. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Его имп. величества канцелярии, 1840. С. 610–614.
- Правила 1825 — Правила для управления калмыцкого народа. 10 марта 1825 г. (№ 30290) // Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Собр. I. Т. XXXX. СПб.: Тип. II Отд. Собств. его имп. величества канцелярии, 1830. 692 с.
- Правила 2015 — Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, научных организациях. Утв. приказом Федерального архивного агентства от 2 марта 2020 г. № 24. Зарегистр. Минюстом России 20 мая 2020 г. № 58396. [Электронный ресурс] URL: <https://archives.gov.ru/documents/rules/pravila-2020.shtml> (дата обращения: 08.09.2023 г.)

Sources

- Manifest on the “General Establishment of Ministries”. June 25, 1811 (No. 24686). Complete Collection of Laws of the Russian Empire Since 1649. T. XXXI. St. Petersburg: Type. II Dept. Own his imp. Majesty's Office, 1830. Pp. 686–719.
- National Archive of the Republic of Kalmykia.
- Regulations on the Management of the Kalmyk People. November 24, 1834 (No. 7560a). Complete Collection of Laws of the Russian Empire since 1649. Collection. II. T. IX. Part 1 / St. Petersburg: Type. II Dept. Own his imp. Majesty's Office, 1835. 891 p.
- Regulations on Smallpox Vaccination in the Kalmyk Uluses of July 8, 1839 (No. 12518). Complete Collection of laws of the Russian Empire. Collection II. No. 14. Part 1. St. Petersburg: Type. II Dept. Own His Imp. Majesty's Office, 1840. Pp. 610–614.
- Rules for the Governance of the Kalmyk People. March 10, 1825 (No. 30290). Complete Collection of Laws of the Russian Empire since 1649. Collection. I. T. XXXX. St. Petersburg: Type. II Dept. Own his imp. Majesty's Office, 1830. 692 p.

Rules for Organizing the Storage, Acquisition, Recording and Use of Documents from the Archival Fund of the Russian Federation and other Archival Documents in State and Municipal Archives, Museums and Libraries, Scientific Organizations. Approved by Order of the Federal Archival Agency of March 2, 2020 No. 24. Registered. Ministry of Justice of Russia May 20, 2020 No. 58396. Available at: URL: <https://archives.gov.ru/documents/rules/pravila-2020.shtml> (accessed: 09 August 2023).

Литература

- Абеева 2012 — *Абеева О. Н.* Система управления кочевниками Прикаспия в XIX в. (на материалах Калмыкии) // Вестник Прикаспия: археология, история, этнология. 2012. № 3. С. 77–86.
- Гедеева 2004 — Письма наместника Калмыцкого ханства Убаши (XVIII в.). Факсимиле писем. Издание текстов, введение, транслитерация, перевод со старокалмыцкого на современный калмыцкий язык, словарь Д. Б. Гедеевой. Элиста: Джангар, 2004. 196 с.
- Гедеева 2018 — *Гедеева Д. Б.* О слове *bičiq* в языке калмыцкой деловой письменности XVIII–XIX вв. // *Oriental Studies*. 2018. Т. 39. № 5. С. 145–150.
- Гедеева 2019 — *Гедеева Д. Б.* Архивные письма XVIII в. как памятники калмыцкой деловой письменности // Башкирский язык и литература в условиях глобализации и полиэтнической среды: опыт и перспективы. Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Уфа, 22–25 октября 2019 г.). Уфа: Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН, 2019. С. 107–109.
- Гедеева 2022 — *Гедеева Д. Б.* О жанровом составе калмыцкой деловой письменности XVII–XIX вв. // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2022. № 3. С. 10–15.
- Глотова 2014 — *Глотова С. А.* Возникновение и тенденции развития распорядительной документации в России в дореволюционный период // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Сер.: документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность. 2014. № 2(124). С. 70–77.
- Государственное строительство 2009 — Государственное строительство Калмыкии. XVII–XXI вв. Сб. док. и мат-лов. Элиста: Джангар, 2009. 399 с.
- Деев 2002 — *Деев С. Ю.* Организация управления калмыцким народом после упразднения Калмыцкого ханства (1771–1825 гг.) // Вестник КИГИ РАН. Вып. 17. Элиста: Джангар, 2002. С. 93–105.
- Емельянова 2012 — *Емельянова В. С.* Делопроизводство в России как элемент системы государственного управления: историко-правовой анализ // Право и безопасность. 2012. № 3–4(43). С. 129–134.
- Ерошкин 1968 — *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высшая школа, 1968. 368 с.
- Ерошкин 2008 — *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М.: РГГУ, 2008. 710 с.
- Илюшенко 1993 — *Илюшенко М. П.* История делопроизводства в дореволюционной России. М.: РГГУ, 1993. 79 с.
- Команджаев 2019 — *Команджаев Е. А.* Институты публичной власти в Калмыкии в XVII – начале XX вв. с позиции цивилизационно культурного подхода // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2019. Т. 23. № 2. С. 219–241.
- Красникова 2022 — *Красникова Ю. Н.* Эволюция делопроизводства в государственных учреждениях Российской империи в первой половине XIX века (на примере Департамента уделов) // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 4. С. 451–469.
- Лиджиева, Когданова 2018 — *Лиджиева И. В., Когданова Б. В.* Делопроизводственная практика управления калмыцким народом // *Oriental Studies*. 2018. Т. 36. № 2. С. 29–37. DOI 10.22162/2075-7794-2018-36-2-29-37

- Максимов 2021 — *Максимов К. Н.* Организация управления калмыцким народом в конце XVIII – первой четверти XIX вв. // *Кочевая цивилизация: исторические исследования.* 2021. № 1. С. 54–65.
- Манджикова 2022a — *Манджикова Л. Б.* Архивные документы фонда И-2 «Комиссия калмыцких дел. 1825–1836 гг.» Национального архива Республики Калмыкия как источник по изучению истории государственных учреждений в дореволюционной Калмыкии (некоторые вопросы организации делопроизводства) // *Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН.* 2022. № 2. С. 70–87. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-2-22-70-87
- Манджикова 2022б — *Манджикова Л. Б.* Документы Комиссии калмыцких дел как источник по изучению организации делопроизводства и документооборота в Калмыкии в XIX в. (на примере рассмотрения прошения калмыцкого владельца Э. Ц. Кичикова о дозволении носить бронзовую медаль) // *Oriental Studies.* 2022. Т. 15. № 5. С. 1126–1135. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-63-5-1126-1135
- Манджикова 2023a — *Манджикова Л. Б.* О порядке рассмотрения наградных материалов за оспопрививание в дореволюционной Калмыкии XIX в. (на примере архивного дела № 141 фонда И-2 «Комиссии калмыцких дел» Национального архива Республики Калмыкия) // *Oriental Studies.* 2023. Т. 16. № 3. С. 602–615. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-602-615
- Манджикова 2023б — *Манджикова Л. Б.* Архивный фонд И-2 «Комиссия калмыцких дел» Национального архива Республики Калмыкия как источник по изучению организации делопроизводства и документооборота в Калмыкии в первой половине XIX в. (на примере рассмотрения проекта об оспопрививании в калмыцких улусах, разработанного инспектором Соломоном в 1832 г.) // *Гуманитарные и юридические исследования.* 2023. Т. 10(3). С. 398–409.
- Методические рекомендации 2021 — *Методические рекомендации к Правилам организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, научных организациях.* М., 2021. 330 с.
- Орлова 2019 — *Орлова К. В.* Национальный архив Республики Калмыкия: письма калмыцких ханов // *История и архивы.* 2019. № 3. С. 12–19.
- Сусеева 2003 — *Сусеева Д. А.* Письма Аюки хана и его современников (1714–1724 гг.): Опыт лингвосociологического исследования. Элиста: Джангар, 2003. 456 с.
- Сусеева 2009 — *Сусеева Д. А.* Письма калмыцких ханов и их современников (1713–1771 гг.). Избранное / сост.: Л. Б. Шалданова, Г. С. Санджиева. Элиста: Джангар, 2009. 992 с.
- Фонды 2002 — *Фонды Национального архива Республики Калмыкия, 1713–1993 / сост.: В. З. Атуева и др. 2-е изд., испр. и доп.* Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 205 с
- Шепелева 2007 — *Шепелев Л. Е.* Аппарат власти в России. Эпоха Александра I и Николая I. СПб.: Искусство-СПб., 2007. 461 с. 43.
- Шушунова 2012 — *Шушунова Е. В.* Реформа министерского делопроизводства в первой половине XIX столетия // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской Академии МВД России.* 2012. № 2(18). С. 55–59.

References

- Abeeva O. N. Management System of Caspian Nomads in the 19th Century (based on materials from Kalmykia). *Bulletin of the Caspian Sea: Archeology, History, Ethnology.* 2012. No. 3. Pp. 77–86. (In Russ.)
- Deev S. Yu. Organization of Governance of the Kalmyk People after the Abolition of the Kalmyk Khanate (1771–1825). *Bulletin of KIGIRAS.* 2002. Vol. 17. Pp. 93–105. (In Russ.)
- Emelyanova V. S. Office Work in Russia as an Element of the Public Administration system:

- Historical and Legal Analysis. Law and Security.* 2012. No. 3–4(43). Pp. 129–134. (In Russ.)
- Eroshkin N. P. History of State Institutions of Pre-Revolutionary Russia. Moscow: Higher School, 1968. P. 368. (In Russ.)
- Eroshkin N. P. History of State Institutions of pre-Revolutionary Russia. Moscow: RSUH, 2008. 710 p. (In Russ.)
- Funds of the National Archives of the Republic of Kalmykia, 1713–1993. compiled by: V. Z. Atueva [and others]. 2nd ed., rev. and additional. Elista: Kalmykia Book Publ., 2002. 205 p. (In Russ.)
- Gedeyeva D. B. About the Word *biçiq* in the Language of Kalmyk Business Writing of the 18th–19th Centuries. *Oriental Studies*. 2018. Vol. 39. No. 5. Pp. 145–150. (In Russ.)
- Gedeyeva D. B. Archival Letters of the 18th Century. as Monuments of Kalmyk Business Writing. Bashkir Language and Literature in the Context of Globalization and a Multiethnic Environment: Experience and Prospects. Materials International. Scientific-Practical conf. (Ufa, October 22–25, 2019). Ufa: Institute of History, Language and Literature, UC RAS, 2019. Pp. 107–109. (In Russ.)
- Glotova S. A. The Emergence and Trends in the Development of Administrative Documentation in Russia in the pre-Revolutionary Period. *Vestnik RGGU. Series: Document Science and Archival Science. Computer Science. Information Protection and Information Security.* 2014. No. 2(124). Pp. 70–77. (In Russ.)
- Ilyushenko M. P. History of Office Work in pre-Revolutionary Russia. Moscow: RSUH, 1993. 79 p. (In Russ.)
- Komandzhaev E. A. Institutions of Public Power in Kalmykia in the 17th – early 20th Centuries. from the Perspective of a Civilizational-Cultural Approach. *Vestnik RUDN. Series “Legal Sciences”*. 2019. Vol. 23. No. 2. Pp. 219–241. (In Russ.)
- Krasnikova Yu. N. The Evolution of Office Work in Government Institutions of the Russian Empire in the First Half of the 19th Century (on the example of the Department of Departments). *Nauchnyi Dialog*. 2022. Vol. 11. No. 4. Pp. 451–469. (In Russ.)
- Lidzhieva I. V., Kogdanova B. V. Office-Work Practice of Managing the Kalmyk people. *Oriental Studies*. 2018. Vol. 36. No. 2. Pp. 29–37. (In Russ.)
- Maksimov K. N. Organization of Governance of the Kalmyk People at the End of the 18th - first Quarter of the 19th centuries. *Nomadic Civilization: Historical Research*. 2021. No. 1. Pp. 54–65. (In Russ.)
- Mandzhikova L. B. Archival Documents of the Fund I-2 “Commission of Kalmyk Affairs. 1825–1836”. National Archive of the Republic of Kalmykia as a Source for Studying the History of State Institutions in pre-Revolutionary Kalmykia (some issues of organizing office work). *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2022. No. 2. Pp. 70–87. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-2-22-70-87 (In Russ.)
- Mandzhikova L. B. Documents of the Commission of Kalmyk Affairs as a source for studying the Organization of Office Work and Document flow in Kalmykia in the 19th century. (using the Example of Consideration of the Request of the Kalmyk Owner E. Ts. Kichikov for Permission to Wear a Bronze Medal). *Oriental Studies*. 2022. Vol. 15. No. 5. Pp. 1126–1135. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-63-5-1126-1135 (In Russ.)
- Mandzhikova L. B. On the Procedure for Considering Award Materials for Smallpox Vaccination in pre-Revolutionary Kalmykia in the 19th Century. (Using the Example of Archival file No. 141 of Fund I-2 of the “Commission of Kalmyk Affairs” of the National Archives of the Republic of Kalmykia). *Oriental Studies*. 2023. Vol. 16. No. 3. Pp. 602–615. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-602-615 (In Russ.)
- Mandzhikova L. B. Archival fund I-2 “Commission of Kalmyk Affairs” of the National Archive of the Republic of Kalmykia as a Source for Studying the Organization of Office Work and Document Flow in Kalmykia in the First Half of the 19th Century. (Using the Example of Consideration of the Project on Smallpox Vaccination in the Kalmyk

- Uluses, Developed by Inspector Solomon in 1832). *Humanities and Law Research*. 2023. Vol. 10(3). Pp. 398–409. (In Russ.)
- Methodological Recommendations for the Rules for Organizing the Storage, Acquisition, Recording and Use of Documents of the Archival Fund of the Russian Federation and other Archival Documents in State and Municipal Archives, Museums and Libraries, Scientific Organizations. Moscow, 2021. 330 p. (In Russ.)
- Orlova K. V. National Archive of the Republic of Kalmykia: Letters of Kalmyk Khans. *History and Archives*. 2019. No. 3. Pp. 12–19. (In Russ.)
- Suseeva D. A. Letters of Kalmyk Khans and their Contemporaries (1713–1771). Selected. [compiled by: L. B. Shaldanova, G. S. Sandzhieva]. Elista: Dzhangar, 2009. 992 p. (In Russ.)
- Shepelev L. E. The Apparatus of Power in Russia. The Era of Alexander I and Nicholas I. St. Petersburg: Art-SPB, 2007. 461 p. 43. (In Russ.)
- Shushunova E. V. Reform of Ministerial Office Work in the First Half of the 19th century. *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2012. Vol. 2. No. 18. Pp. 55–59. (In Russ.)
- State Construction of Kalmykia. XVII–XXI Centuries Sat. documents and materials. Elista: Dzhangar, 2009. 399 p. (In Russ.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 15, Is. 4, pp. 700–717, 2023
 DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-700-717

МОНГОЛОВЕДИЕ

(Монгол судлал)
 (Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
 ISSN 2712-8059 (Online)

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

УДК / UDC 392.8: 664

DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-700-717

Исследование потребительских предпочтений в отношении традиционных продуктов питания (на примере туристов Байкальского региона)

Анна Платоновна Никифорова¹, Ольга Платоновна Никифорова²

¹ Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления (д. 40в, стр. 1, ул. Ключевская, 670013 Улан-Удэ, Российская Федерация)
 кандидат технических наук, доцент

 0000-0002-3003-8638. E-mail: [anna.p.nikiforova\[at\]gmail.com](mailto:anna.p.nikiforova[at]gmail.com)

² Министерство здравоохранения Республики Бурятия (д. 47, ул. Коммунистическая, 670000 Улан-Удэ, Российская Федерация)
 кандидат экономических наук

 0000-0001-9520-7677. E-mail: [nikiforovaolya\[at\]mail.ru](mailto:nikiforovaolya[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Никифорова А. П., Никифорова О. П., 2023

Аннотация. *Введение.* Изучение традиций питания разных стран и регионов мира является актуальным научным направлением, а сфера гастрономического туризма активно развивается в последние годы. Байкальский регион уникален с точки зрения природы, истории и культуры. Развитие туризма в нем возможно в том числе за счет гастрономического направления. В связи с этим *целью* данной работы является изучение потребительских предпочтений туристов Байкальского региона в отношении традиционных продуктов питания. *Методы* исследования. В процессе исследования по специально разработанной двуязычной анкете опрошено 43 респондента — туристы Байкальского региона, постоянно проживающие в других регионах России или зарубежных странах. Статистическая обработка результатов проводилась с применением стандартных методов математической статистики. *Результаты.* Установлено, что из традиционных продуктов питания наиболее часто туристы Байкальского региона употребляют буузы, шулэн, традиционный зеленый чай (*ногоон сай*), бухлёр. Качеством этих продуктов довольны большинство опрошенных. В то же время имеется перечень традиционных продуктов питания, которые опрошенные не попробовали во время своего пребывания в Байкальском регионе. Например, продукты из байкальского омуля и продукты из дикоросов — только 79 % и 86 % соответственно. Несмотря на это, большинство опрошенных туристов хотели бы приобрести ферментированный продукт из байкальского

омуля, наиболее важными потребительскими показателями качества которого являются приятный вкус, приемлемая цена, выраженный аромат и полезность для здоровья.

Выводы. Большинство респондентов остались довольны качеством традиционных продуктов питания Байкальского региона. Продукты из байкальского омуля и ферментированный омуль, в частности, пробовал лишь небольшой процент опрошенных, что, по всей видимости, связано с запретом на промышленный вылов байкальского омуля. Для успешного развития бренда ферментированного байкальского омуля требуется маркетинговое сопровождение.

Ключевые слова: туристы, пищевые продукты, традиционные продукты питания, потребительские предпочтения, Байкальский регион, Республика Бурятия, специалитеты, гастрономическая культура

Благодарность. Работа выполнена при поддержке гранта «Молодые ученые Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления».

Для цитирования: Никифорова А. П., Никифорова О. П. Исследование потребительских предпочтений в отношении традиционных продуктов питания (на примере туристов Байкальского региона) // Монголоведение. Т. 15. № 4. С. 700–717. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-700-717

Research of Consumer Preferences in Relation to Traditional Food Products (on the Example of Tourists of the Baikal Region)

*Anna P. Nikiforova*¹, *Olga P. Nikiforova*²

¹ East Siberian State University of Technology and Management (40b, buil. 1, Klyuchevskaya St., 670013 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (Technical Sciences), Associate Professor

 0000-0002-3003-8638. E-mail: anna.p.nikiforova[at]gmail.com

² Ministry of Health of the Republic of Buryatia (47, Kommunisticheskaya St., 670000 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (Economics)

 0000-0001-9520-7677. E-mail: nikiforovaolya[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Nikiforova A. P., Nikiforova O. P., 2023

Abstract. *Introduction.* The article is devoted to the study of the consumption of traditional food products by tourists of the Baikal region. The study of the food traditions of different countries and regions of the world is an actual scientific topic. The field of gastronomic tourism has been actively developing in the recent years. The Baikal region is a unique region of Russia. The development of tourism in this region is possible through gastronomic tourism. It is known that traditional dishes play an important role in increasing the popularity of tourist destinations. In this regard, the purpose of this work is to study the consumer preferences for traditional food products (on the example of tourists from the Baikal region). *Methods of research.* For assessment of the satisfaction and consumer preferences of tourists in the Baikal region in relation to traditional food products, a questionnaire was developed (in Russian and English languages). During the study, 43 respondents were interviewed — tourists of the

Baikal region, permanently residing in other regions of Russia or foreign countries. Statistical processing of the results was carried out using standard methods of mathematical statistics. *Results* and its discussion. It has been found that buuzy, shulen, traditional green tea (nagoon sai), buchler are the most popular foods for the tourists of the Baikal region. The majority of respondents are satisfied with the quality of these products. At the same time, the study has shown that there is a list of traditional food products that the respondents haven't tried during their stay in the Baikal region. For example, products from Baikal omul and products from wild-growing plants were tried only 79 % and 86 % of respondents respectively. Despite of this fact, the most of the surveyed tourists would like to purchase a fermented product from the Baikal omul. The most important consumer indicators of the quality of fermented Baikal omul are pleasant taste, reasonable price, pronounced aroma and health benefits. *Conclusions.* The majority of the respondents were satisfied with the quality of traditional food products of the Baikal region. Products from Baikal omul and fermented omul, in particular, were tasted only by a small percentage of respondents. It can be related to the fact that the commercial fishery was prohibited when the survey was conducted. Successful development of the Baikal fermented omul brand requires marketing support.

Keywords: tourists, foodstuffs, traditional foodstuffs, consumer preferences, Baikal region, Republic of Buryatia, specialties, gastronomic culture

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy «Young scientists of the ESSUTM».

For citation: Nikiforova A. P., Nikiforova O. P. Research of Consumer Preferences in Relation to Traditional Food Products (on the Example of Tourists of the Baikal Region). *Mongolian Studies (Elista)*. 2023; 15(4): 700–717. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-700-717

1. Введение

Изучение традиций питания жителей различных регионов мира является важным научным направлением и предметом устойчивого научного интереса [Amuquandoh, Asafo-Adjei 2013: 987–1002; Bessiere, Tibere 2013: 3420–3425; Dixit, Prayag 2022: 217–220; Pavlidis, Markantonatou 2020: 1–10; Rodríguez-Gutiérrez et al. 2020: 1–12]. Известно, что пищевые традиции народов имеют способность сохраняться в течение длительного времени, т. е. являются одним из наиболее устойчивых элементов культуры этноса [Сарманова 2020: 175].

Актуальным в настоящее время является исследование механизмов функционирования повседневной культуры. В 1980–1990-е гг. сформировалось новое научное направление — Food Studies — которое объединило ученых из различных сфер [Капкан 2010: 5]. Это направление является междисциплинарным и включает различные научные направления, связанные с изучением исторических, культурных, биологических аспектов, связанных с питанием [Капкан 2010: 5].

Интересным и многозначным является понятие гастрономической культуры. По мнению М. В. Капкан, «гастрономическая культура — это культурно специфическая система норм, принципов и образцов, воплощающаяся в способах приготовления пищи, наборе принятых в данной культуре продуктов и их сочетаниях, практике потребления пищи, а также рефлексии над процессами приготовления и принятия пищи» [Капкан 2010: 9]. В последние годы наблюдается активное распространение гастрономических культур различных стран и регионов мира. Традиции питания являются объектом устойчивого интереса у различных категорий потребителей, а также объектом научного интереса.

Важную роль в процессе распространения гастрономических культур, традиций питания и кулинарии играет развитие туризма и увеличение мобильности населения [Никифорова и др. 2017: 949].

Озеро Байкал — самое глубокое озеро планеты, уникальный природный объект, известный во всем мире. Байкальский регион включает в себя территорию водосборного бассейна Байкала — три субъекта Российской Федерации (Республику Бурятия, Иркутскую область и Забайкальский край) и Монголию [Суходолов 2010: 103]. С 1996 г. озеро Байкал является объектом мирового природного наследия ЮНЕСКО [Sukhodolov 2021: 530; Суходолов 2010: 104]. Для региона характерна эндемичная флора и фауна. В настоящее время сохранение уникальной природы Байкальского региона, его флоры и фауны является одной из важнейших задач [Суходолов 2010: 106].

Следует отметить и уникальность культуры Байкальского региона. Для нее характерно разнообразие, многоконфессиональность, сочетание традиций народов [Абалаков, Панкеева 2011: 3–4]. По мнению А. Д. Абалакова и Н. С. Панкеевой, Байкальский регион является перспективным для развития этнокультурного туризма [Абалаков, Панкеева 2011: 3–16]. Это связано с рядом факторов. Так, регион имеет удачное расположение вблизи уникального природного объекта — озера Байкал, через регион проходит Транссибирская магистраль, которая является популярным туристическим маршрутом у туристов, а также регион граничит с Монголией, привлекающей большое количество туристов. Следующим фактором является сохранение в регионе традиционных типов хозяйствования кочевников-скотоводов и охотников. Одним из факторов также является и то, что в Байкальском регионе сочетаются различные этнические культуры. Республика Бурятия является центром буддизма в России [Абалаков, Панкеева 2011: 8–9].

Сфера гастрономического туризма является активно развивающейся [Dixit, Prayag 2022: 217–220; Pavlidis, Markantonatou 2020: 1–10]. Ряд трудов зарубежных ученых был связан с изучением потребительских предпочтений туристов в отношении традиционных продуктов питания в различных странах мира [Amuquandoh, Asafo-Adjei 2013: 987–1002; Bessiere, Tibere 2013: 3420–3425; Rodríguez-Gutiérrez et al. 2020: 1–12]. Например, работа Ф. Е. Амукуандо и Р. Асафо-Аджей посвящена изучению потребительских предпочтений в отношении традиционных продуктов питания туристов, посещающих Гану [Amuquandoh, Asafo-Adjei 2013: 987–1002]. Исследование позволило определить 17 наиболее популярных у туристов традиционных блюд. Было показано, что Гана имеет высокий потенциал развития местной пищевой промышленности на основе семи наиболее популярных пищевых продуктов [Amuquandoh, Asafo-Adjei 2013: 987–1002].

В работе Н. Уллах и других авторов проведено исследование удовлетворенности туристов блюдами национальной кухни в северной части Пакистана [Ullah et al. 2022: 1–15]. Согласно исследованию, мотивация, связанная с гастрономическими предпочтениями, влияет на выбор туристического направления, а гастрономический опыт, полученный в путешествии, влияет на общую удовлетворенность поездкой [Ullah et al. 2022: 1–15].

Работа П. Родригез-Гутьеррес и других ученых посвящена изучению удовлетворенности туристов гастрономической культурой города Попаян (Колумбия)

[Rodríguez-Gutiérrez et al. 2020: 1–12]. В результате исследования сделан вывод, что гастрономический опыт туристов играет важную роль в удовлетворенности поездкой. Удовлетворенность туристов блюдами местной кухни влияет на вероятность повторного посещения [Rodríguez-Gutiérrez et al. 2020: 1–12].

Известно, что для 15 % туристов основной причиной посещения определенного туристического направления является гастрономическая культура, кулинарные традиции и блюда конкретной местности [Ullah et al. 2022: 1]. Попробовав местную кухню, туристы более полно погружаются в атмосферу региона. Интерес туристов к гастрономической культуре отдельных местностей в свою очередь является фактором развития регионов [Ullah et al. 2022: 1]. Удовлетворенность туристов блюдами местной кухни зависит от качества и безопасности этих продуктов. Ранее проведенные исследования показали, что традиционные блюда являются инструментами, способными повысить привлекательность туристических направлений [Ullah et al. 2022: 1].

Целью данной работы является изучение потребительских предпочтений туристов Байкальского региона в отношении традиционных продуктов питания.

2. Материалы и методы исследования

Оценка потребления туристами Байкальского региона традиционных продуктов питания проводилась в несколько этапов:

- разработка программы выборочного обследования туристов;
- разработка анкеты;
- статистическая обработка результатов опроса.

Для определения особенностей потребления в 2018–2020 гг. проводился опрос туристов, приезжавших в Байкальский регион (Республику Бурятия, Иркутскую область). Для проведения опроса была составлена анкета на русском и английском языках.

Выборка состояла из 43 респондентов — туристов, постоянно проживающих в зарубежных странах или в других регионах России. При отборе респондентов учитывались сведения о структуре въездного турпотока [Об утверждении Государственной программы... 2018; Об утверждении Стратегии... 2019; Отчет агентства по туризму Иркутской области... 2019]. Опрос респондентов проводился с применением социальных сетей «ВКонтакте» (VK.ru) и CouchSurfing (couchsurfing.org), а также посредством личного анкетирования.

Статистическая обработка результатов проводилась при использовании программы Microsoft Excel 2019 (Microsoft Corporation) с применением стандартных методов математической статистики.

3. Характеристика респондентов

Анкета, предназначенная для сбора данных о потребительских предпочтениях в отношении традиционных продуктов питания Байкальского региона, состояла из нескольких частей.

На рис. 1 представлены результаты обработки первой части анкеты, связанные с данными о респондентах. Представленные на рис. 1а, 1б данные показывают, что большинство опрошенных туристов Байкальского региона было представлено мужчинами (61 %) молодого возраста (21–30 лет — 82 %, 31–40 лет — 9

%). По роду занятий большая часть респондентов (72 %) являются студентами, 14 % — специалистами, среди опрошенных было по 5 % рабочих и безработных, 2 % пенсионеров, вариант «другое» указали 2 % (см. рис. 1в). По уровню образования среди опрошенных нами туристов 57 % имеют неоконченное высшее образование, 22 % — степень бакалавра, 12 % — степень магистра, 7 % имеют среднее специальное образование, а 2 % — неоконченное среднее образование (см. рис. 1г). На вопрос о религиозной принадлежности 70 % респондентов отнесли себя к буддистам, 19 % — к христианам, а вариант «атеизм» выбрали 11 % опрошенных (см. рис. 1д).

Известно, что Байкальский регион привлекает туристов не только из других регионов России, но и из различных стран мира [Об утверждении Государственной программы... 2018; Об утверждении Стратегии... 2019; Отчет агентства по туризму Иркутской области... 2019]. Полученные данные показывают, что большинство опрошенных постоянно проживают в странах Азии: 52 % в Китае, 14 % — в Монголии, 2 % — в Сирии (см. рис. 1е). В число опрошенных вошло 12 % жителей других регионов России. 10 % опрошенных постоянно живут в европейских странах (по 3 % — в Германии и Италии, по 2 % — в Сербии и Чехии). В странах Северной и Южной Америки проживают 7 % респондентов (5 % — в США, 2 % — в Чили) (см. рис. 1е).

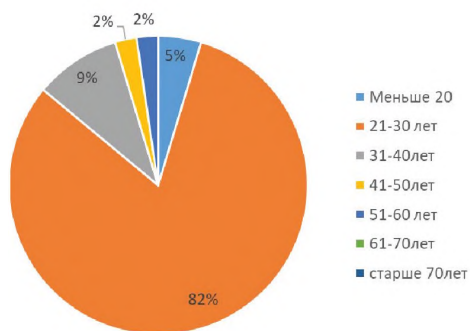
Полученные данные подтверждаются сведениями из официальных источников. Так, по данным агентства по туризму Иркутской области на протяжении последних лет туристы из Китая занимают первое место по числу посещений Иркутской области. Большую долю числа иностранных туристов также занимают гости из Республики Корея, Германии, Франции, Монголии, США, Японии, Великобритании, Польши, Швейцарии [Отчет агентства по туризму Иркутской области... 2019].

В соответствии со сведениями, представленными в Государственной программе Республики Бурятия «Развитие внутреннего и въездного туризма в Республике Бурятия» (2018 г.), за последнее десятилетие увеличилось число иностранных туристов, приезжающих в Республику Бурятия. Наблюдается увеличение числа туристов из стран Азиатско-Тихоокеанского региона, в том числе Монголии, Китая, Республики Корея, что, вероятно, связано с упрощением процедур въезда из этих стран. Так, с 2000 г. действовало соглашение о безвизовых групповых туристических поездках между Россией и КНР, с 2014 г. — безвизовый режим с Монголией и с Южной Кореей [Об утверждении Государственной программы... 2018].

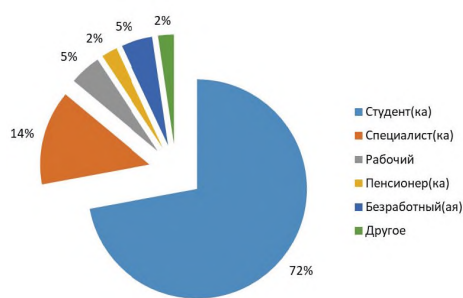
В соответствии с Распоряжением Правительства Республики Бурятия «Об утверждении Стратегии развития внутреннего и въездного туризма в Республике Бурятия на период до 2035 года» Республика Бурятия имеет большой потенциал в развитии гастрономического туризма, так как имеет свою национальную кухню, свои традиции гостеприимства [Об утверждении Стратегии... 2019]. Важным этапом для развития туризма в республике является организация городских гастрономических туров, где турист сможет познакомиться с национальной кухней в ресторанах и кафе города, на мероприятиях гастрономического направления и на предприятиях пищевой промышленности [Об утверждении Стратегии... 2019].

а) пол

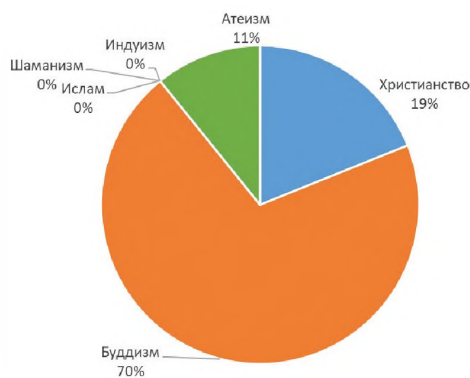
б) возраст

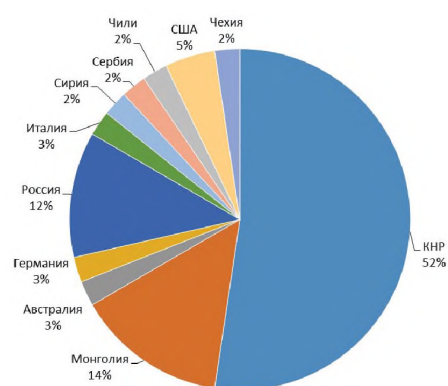
в) род занятий

г) уровень образования

д) религия

е) страна постоянного проживания

Рис. 1. Сведения о респондентах — туристах, приезжающих в Байкальский регион
 [Fig. 1. Information on the respondents — tourists coming to the Baikal region]

а) буузы — блюдо из теста с мясной начинкой, приготовленное на пару

б) шулэн — традиционный мясной суп с лапшой

в) хушуур — блюдо из теста с мясной начинкой, обжаренное в масле

г) боовы — десерт из теста, приготовленный путем обжаривания в масле

д) ногоон сай — специальным образом приготовленный зеленый чай с молоком

е) бухлёр — мясной бульон с мясом, сваренным куском

ж) хошхоног — блюдо, изготовленное из вареной прямой кишки

и) урмэ — десерт, изготовленный из молочных пенек

к) куруंगा — традиционный кисломолочный напиток

л) аарса — сытный кисломолочный напиток, изготовленный с добавлением муки

м) кумыс — традиционный кисломолочный напиток из козьего молока

н) саламат — блюдо, изготовленное из сметаны с добавлением муки

п) борсо — сушеное мясо

р) продукты из байкальского омуля

с) продукты из дикоросов Байкальского региона

Фото 1. Традиционные продукты питания Байкальского региона
[Photo 1. Traditional food products of the Baikal region]

4. Оценка потребления традиционных пищевых продуктов туристами Байкальского региона

Вторая часть анкеты была посвящена оценке потребления традиционных пищевых продуктов туристами Байкальского региона. В ней содержались фотографии продуктов питания Байкальского региона и описание блюда (см. фото 1). Опрошенным предлагалось оценить, насколько удовлетворены туристы традиционными продуктами питания. Дать оценку предлагалось по шкале, включающей наименования от «совсем не удовлетворен» до «очень доволен». Респондентам также предлагался вариант «никогда не пробовал».

Известно, что блюда национальной кухни могут включать «репрезентативные блюда» и «специалитеты», т. е. продукты, характерные для отдельной местности [Капкан 2010: 6]. К характерным специалитетам Байкальского региона можно отнести продукты из пресноводной рыбы, главным образом, из байкальского омуля [Никифорова и др. 2017: 950]. Продукты, изготовленные из дикорастущих растений Байкальского региона, также являются специалитетами. Традиционная кухня Республики Бурятия характеризуется традициями мясной и молочной кухни. Например, так называемая «белая пища» — традиционные молочные продукты [Никифорова и др. 2017: 950].

Следующий этап исследования был посвящен оценке удовлетворенности туристов, приезжающих в Байкальский регион, качеством традиционных продуктов питания. Для этого туристам предлагалось оценить, насколько они остались довольны качеством традиционных блюд, и отметить в анкете один из вариантов: «очень доволен», «доволен», «нейтрально», «не удовлетворен», «совсем не удовлетворен» и «никогда не пробовал».

К наиболее популярным у туристов продуктам можно отнести буузы, шулэн, ногоон сай, бухлёр. Для многих остальных традиционных блюд вариант «никогда не пробовал» выбрал значительный процент респондентов. Наиболее популярными у туристов продуктами являются блюда мясной кухни. Несмотря на то, что традиционными для Бурятии также являются молочные продукты [Pan et al. 2018: 1–2], ассортимент которых является широким, блюда из молочного сырья пробовало незначительное количество опрошенных туристов. Курунгу, аарсу, саламат, кумыс не пробовали 93 %, 95 %, 79 %, 74 % опрошенных соответственно.

Буузы можно отнести к одному из самых известных продуктов питания Байкальского региона. Результаты опроса показали, что 41 % опрошенных туристов очень довольны, а 55 % — довольны качеством бууз. Характеристиками шулэна также остались довольны большинство опрошенных (64 %), 21 % — очень довольны, никогда не пробовали этот продукт 9 % опрошенных. *Ногоон сай* также является достаточно популярным у туристов продуктом. Так, 40 % опрошенных туристов остались довольны, попробовав этот продукт, 7 % оценили его нейтрально, 5 % — были очень довольны, 2 % не были удовлетворены этим продуктом. 46 % выбрали вариант «никогда не пробовал». Бухлёр не пробовали 63 % опрошенных, а остались довольны 33 %, очень довольны — 2 %, оценивают продукт нейтрально 2 %.

5. Специфические продукты Байкальского региона и потребительские предпочтения в отношении байкальского омуля

Одним из традиционных видов промысла в Байкальском регионе является сбор дикоросов, в том числе ягод, орехов, грибов, черемши, лекарственных

растений и т. д. В результате анализа данных анкет установлено, что продукты из дикоросов не пробовали 86 % опрошенных, 7 % — очень довольны, 2 % — довольны качеством дикоросов, 2 % — оценивают нейтрально.

Жители многих регионов мира традиционно используют дикорастущие растения в качестве компонентов для приготовления пищи, приправ, а также в лекарственных целях [Aryal et al. 2018: 1; Bundela et al. 2023: 109; Tahir et al. 2023: 1–2]. В последние годы рынок дикоросов активно развивается [Савельев 2020: 3]. Известно, что в России в год может быть заготовлено 7,4–8,5 млн тонн дикоросов, но на настоящий момент производится только 6 % от этого объема [Савельев 2020: 3]. Перспективным и развивающимся в России и мире является рынок органических продуктов [Савельев 2020: 3]. Представляют большой интерес технологии комплексной переработки растительного сырья, позволяющие расширить ассортимент и получить продукцию высокого качества [Алексеевко и др. 2023: 22–44; Горбунова и др. 2017: 120–126]. Создание и продвижение региональной продукции является важным фактором развития имиджа региона [Бузина и др. 2020: 146].

Следует отметить, что Байкальский регион имеет высокий потенциал заготовки дикоросов и их комплексной переработки для получения продукции, обладающей уникальными характеристиками и высоким качеством. Это позволит не только повысить социально-экономическое развитие, но и сформировать позитивный имидж региона.

Байкальский омуль (*Coregonus migratorius*) — эндемик, символ и бренд озера Байкал [Nikiforova et al. 2020: 596; Sukhodolov 2021: 530]. На протяжении многих лет он являлся главным промысловым видом рыб Байкальского региона [Sukhodolov 2021: 530]. Ассортимент продуктов из байкальского омуля является широким. Проведенное нами исследование показало, что продукты из байкальского омуля никогда не пробовали 79 % опрошенных туристов. Возможно, это связано с запретом на промышленный вылов байкальского омуля, действующий с 1 октября 2017 г. 12 % респондентов оценивают эти продукты нейтрально, 2 % — довольны, а 7 % — очень довольны их качеством.

Следует отметить, что в 2023 г. снят запрет на лов байкальского омуля для рыбаков-любителей, а для восстановления численности популяции байкальского омуля проводится комплекс мероприятий. В связи с тем, что байкальский омуль является брендом Байкальского региона, известным не только на территории России, но и в других странах мира, перспективным является развитие производства и расширение ассортимента продуктов из омуля.

Рыба и рыбные продукты имеют высокую популярность во всем мире. Особую роль они играют в рационе жителей стран Азии в связи с традициями в питании (две трети общемирового потребления) [Никифорова и др. 2017: 949]. Они являются важным источником белка, микро- и макроэлементов, омега-3 жирных кислот [Li et al. 2020: 273–283; Mendivil 2021: 1–6]. Исследования российских и зарубежных ученых показали, что регулярное употребление рыбы имеет ряд преимуществ для здоровья человека. Так, было доказано, что рыба обладает антиоксидантными, противовоспалительными свойствами, положительно влияет на здоровье сердца [Chen et al. 2022: 1; Li et al. 2020: 273–283; Mendivil 2021: 1–6].

Консервирование рыбы происходит с применением различных способов. Во многих странах мира для консервирования рыбы используется ферментация. Например, в странах Северной Европы производятся такие продукты, как раффис (Норвегия) сюрстрёмминг (Швеция), хакарл (Исландия), а в странах Азии — нам пла (nam pla, Таиланд), джеотгал (jeotgal, Корея), буду (budu, Малайзия) и другие [Zang et al. 2019: 3–4].

Среди продуктов из байкальского омуля особый интерес представляет так называемый омуль «с душком» — ферментированный рыбный продукт. Готовый продукт обладает своеобразным запахом, нежной консистенцией и приятным маслянистым вкусом. Характерной его особенностью является специфический аромат, интенсивность которого может варьироваться от слабой до выраженной [Никифорова и др. 2017: 951–952].

Третья часть анкеты была посвящена изучению потребительских предпочтений в отношении ферментированного байкальского омуля. В этой части анкеты содержались вопросы о том, пробовали ли они ферментированный байкальский омуль и о желании респондентов приобрести ферментированный продукт из байкальского омуля.

Полученные данные показали, что большинство опрошенных (88 %) не пробовали омуль «с душком», 2 % респондентов пробовали этот продукт только один раз, и 10 % — несколько раз. По всей видимости, такие результаты обусловлены тем, что данный продукт не производится промышленно. Несмотря на это, готовность приобрести омуль «с душком» выразило большинство опрошенных туристов (77 %). Это свидетельствует о высоком интересе к ферментированному байкальскому омулю, о желании попробовать новые продукты.

Полученные результаты подтверждают интерес к ферментированным рыбным продуктам. Данные, полученные в ранее проведенном нами исследовании, которое посвящено было изучению потребительских предпочтений жителей Республики Бурятия в отношении ферментированного байкальского омуля, показали, что 50,9 % жителей республики готовы приобрести данный продукт, при этом в прибрежных районах готовность купить продукт выразили 70,7 % опрошенных, а в г. Улан-Удэ — 44 % [Никифорова и др. 2017: 955].

На следующем этапе определяли потребительские показатели ферментированного байкальского омуля, которые респондентам предлагалось оценить по 5-балльной шкале. Результаты представлены на рис. 2.

Полученные данные (см. рис. 2) показывают, что наибольшее значение для туристов имеют приятный вкус, приемлемая цена, выраженный аромат, полезность для здоровья.

В ранее проведенном исследовании, в котором оценивались потребительские предпочтения жителей Республики Бурятия в отношении ферментированного байкальского омуля, показано, что наиболее важными для потребителей показателями являются приятный вкус (важен для 75,44 % опрошенных), свежесть (67,54 %), безопасность (58,33 %). Далее по значимости следуют отсутствие «химических» добавок (46,49 %), приемлемая цена, выраженный приятный аромат (42,11 %), красивый внешний вид (41,23 %) [Никифорова, Никифорова 2020: 31].

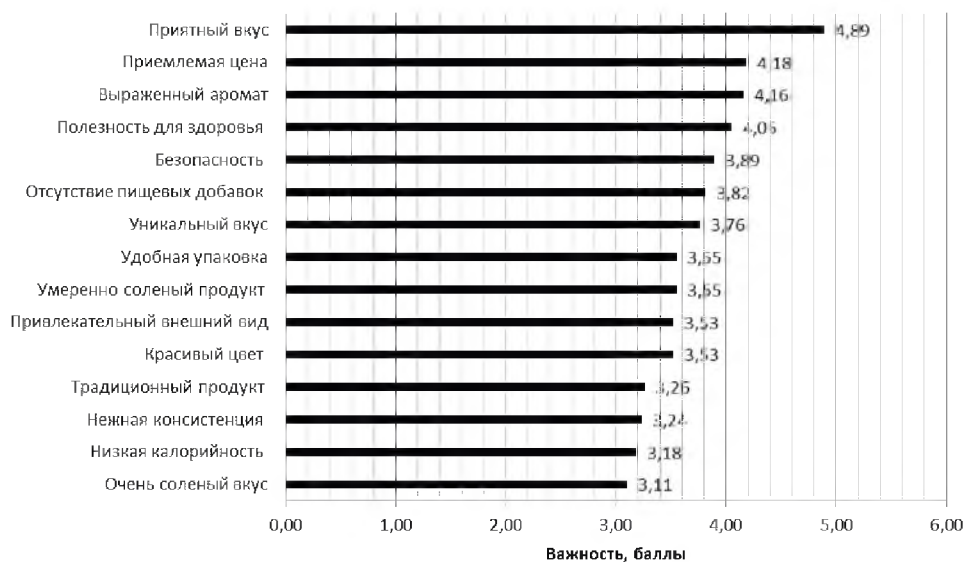

Рис. 2. Потребительские предпочтения туристов Байкальского региона в отношении ферментированного байкальского омуля
 [Fig. 2. Consumer preferences of tourists of the Baikal region in relation to fermented Baikal omul]

В последние годы большой научный интерес представляет применение бактериальных культур при производстве рыбных продуктов. Их использование позволяет улучшить органолептические показатели, повысить безопасность, сократить продолжительность производственного процесса [An et al. 2022: 1–2; Speranza et al. 2020: 2].

Таким образом, для совершенствования технологии ферментированного байкальского омуля с учетом требований потребителей может применяться биотехнологический подход, основанный на применении молочнокислых микроорганизмов. Это позволит улучшить органолептические характеристики, повысить безопасность готового продукта. За счет содержания в рыбе омега-3 жирных кислот, белков, микро- и макроэлементов, а также использования пробиотических микроорганизмов ферментированный омуль будет полезным для здоровья. Ферментированный байкальский омуль («омуль „с душком“») может стать одним из ярких региональных брендов, способствующих формированию позитивного имиджа территории. Для этого требуется привлечение специалистов из сферы маркетинга.

6. Выводы

Согласно проведенному исследованию, большинство респондентов, туристов Байкальского региона, остались довольны качеством традиционных продуктов питания. Наибольшей популярностью у туристов Байкальского региона пользуются такие продукты, как буузы, шулэн, традиционный зеленый чай (ногоон сай). Следует отметить, что многие другие традиционные продукты туристы никогда не пробовали, и это свидетельствует о том, что они являются недостаточно известными или доступными.

Большинство опрошенных туристов не пробовали продукты из дикоросов Байкальского региона. Разработка новых технологий из дикорастущего сырья является перспективным направлением. В связи с этим требуются дополнительные мероприятия, предназначенные для повышения популярности традиционных блюд и узнаваемости местных продуктов у туристов.

Продукты из байкальского омуля и в частности ферментированный омуль пробовал лишь небольшой процент опрошенных, что, по всей видимости, связано с запретом на промышленный вылов байкальского омуля, который действовал во время проведения опроса. Тем не менее большинство респондентов выразили желание приобрести ферментированный продукт из байкальского омуля.

Для большинства опрошенных туристов наиболее важными потребительскими показателями качества ферментированного байкальского омуля являются приятный вкус, приемлемая цена, выраженный аромат и полезность для здоровья.

Для формирования узнаваемого бренда «омуль „с душиком“», как уникального ферментированного продукта с использованием результатов новейших биохимических исследований, требуется маркетинговое сопровождение.

Литература

- Абалаков, Панкеева 2011 — *Абалаков А. Д., Панкеева Н. С.* Этноэкологический туризм в Байкальском регионе // *Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Науки о Земле.* 2011. Т. 4. № 2. С. 3–16.
- Алексеевко и др. 2023 — *Алексеевко Е. В., Каримова Н. Ю., Цветкова А. А.* Способы переработки ягод черники: современное состояние и перспективы развития // *Хранение и переработка сельхозсырья.* 2023. № 1. С. 22–44. DOI: 10.36107/spr.2023.353
- Бузина и др. 2020 — *Бузина Т. С., Иванько Я. М., Петрова С. А.* Оптимизация взаимодействия участников кластера по получению пищевой дикорастущей продукции в регионе // *Лесной вестник // Forestry bulletin.* 2020. Т. 24. № 4. С. 138–149.
- Горбунова и др. 2017 — *Горбунова Н. В., Евтеев А. В., Банникова А. В., Решетник Е. И.* Перспективы использования продуктов комплексной переработки растениеводства в качестве источников получения антиоксидантов // *Дальневосточный аграрный вестник.* 2017. № 2(42). С. 120–126. DOI: 10.24411/1999-6837-2017-00020
- Капкан 2010 — *Капкан М. В.* Феномен гастрономической культуры : специфика форм репрезентации: на примере России XIX–XX веков: дисс. ... канд. культурологии. Екатеринбург, 2010. 173 с.
- Никифорова и др. 2017 — *Никифорова А. П., Никифорова О. П., Антохонова И. В.* Оценка тенденций потребления рыбных продуктов жителями Республики Бурятия // *Экономика региона.* 2017. Т. 13. № 3. С. 948–958.
- Никифорова, Никифорова 2020 — *Никифорова А. П., Никифорова О. П.* Изучение потребительских показателей качества рыбных продуктов // *Технологии пищевой и перерабатывающей промышленности АПК — продукты здорового питания.* 2020. № 4. С. 28–34.
- Об утверждении Государственной программы... 2018 — Об утверждении Государственной программы Республики Бурятия «Развитие внутреннего и въездного туризма в Республике Бурятия»: Постановление Правительства Республики Бурятия от 25 сентября 2018 г. № 524 [электронный ресурс] // URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=165029984&backlink=1&&nd=165193186> (дата обращения: 03.08.2023).
- Об утверждении Стратегии... 2019 — Об утверждении Стратегии развития внутреннего и въездного туризма в Республике Бурятия на период до 2035 года. № 714-р

[электронный ресурс] // URL: <https://base.garant.ru/73082230/> (дата обращения: 03.08.2023).

- Отчет агентства по туризму Иркутской области... 2019 — Отчет агентства по туризму Иркутской области о проделанной работе за 2019 год [электронный ресурс] // URL: <https://irkobl.ru/sites/tour/%D0%9E%D1%82%D1%87%D0%B5%D1%82%20%D0%BD%D0%B0%20%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82%20%D0%B7%D0%B0%202019.pdf> (дата обращения: 03.08.2023).
- Савельев 2020 — *Савельев Ю. В.* Биотехнологический потенциал лесных регионов России и технико-экономическое обоснование комплексной переработки лесного биотехнологического сырья // *Отходы и ресурсы*. 2022. Т. 9. № 1. С. 595–605.
- Сарманова 2020 — *Сарманова С. П.* Пищевые традиции немцев Сибири как маркер их этнической идентичности // *Вестник Омского университета*. Сер.: Исторические науки. 2020. № 1. С. 175–179.
- Суходолов 2010 — *Суходолов А. П.* Байкальский регион как модельная территория устойчивого развития // *Baikal Research Journal*. 2010. № 4. С. 103–108.
- Amuquandoh, Asafo-Adjei 2013 — *Amuquandoh F. E., Asafo-Adjei R.* Traditional food preferences of tourists in Ghana // *British Food Journal*. 2013. Vol. 115. № 7. Pp. 987–1002. DOI: 10.1108/BFJ-11-2010-0197
- An et al. 2022 — *An Y., Cai X., Cong L., Hu Y., Liu R., Xiong S., Hu X.* Foods. Quality Improvement of Zhayu, a Fermented Fish Product in China. 2022. № 11. 2756. DOI: 10.3390/foods11182756.
- Aryal et al. 2018 — *Aryal K.P., Poudel S., Chaudhary R.P., Chettri N., Chaudhary P., Ning W., Kotru R.* Diversity and use of wild and non-cultivated edible plants in the Western Himalaya // *Journal of Ethnobiology and Ethnomedicine*. 2018. Vol. 14. № 10. DOI: 10.1186/s13002-018-0211-1
- Bessiere, Tibere 2013 — *Bessiere J., Tibere L.* Traditional food and tourism: French tourist experience and food heritage in rural spaces // *Journal of the Science of Food and Agriculture*. 2013. Vol. 93 № 14. Pp. 3420–3425. DOI: 10.1002/jsfa.6284
- Bundela et al. 2023 — *Bundela A. K.* Securing Wild Edible Plants for Planetary Healthy Diet / *A. K. Bundela, P. C. Abhilash, J. Peñuelas* // *Anthropocene Science*. 2023. № 2. Pp. 109–111. DOI: 10.1007/s44177-023-00054-4
- Chen et al. 2022 — *Chen J., Jayachandran M., Bai W., Xu B.* A critical review on the health benefits of fish consumption and its bioactive constituents // *Food Chemistry*. 2022. Vol. 369. 130874. DOI: 10.1016/j.foodchem.2021.130874
- Dixit, Prayag 2022 — *Dixit S. K., Prayag G.* Gastronomic tourism experiences and experiential marketing // *Tourism Recreation Research*. 2022. Vol. 47. № 3. Pp. 217–220. DOI: 10.1080/02508281.2022.2065089
- Li et al. 2020 — *Li N., Wu X., Zhuang W., Xia L., Chen Y., Wu C., Rao Z., Du L., Zhao R., Yi M., Wan Q., Zhou Y.* Fish consumption and multiple health outcomes: Umbrella review // *Trends in Food Science & Technology*. 2020. Vol. 99. Pp. 273–283. DOI: 10.1016/j.tifs.2020.02.033
- Mendivil 2021 — *Mendivil C. O.* Fish Consumption: A Review of Its Effects on Metabolic and Hormonal Health // *Nutrition and Metabolic Insights*. 2021. Vol. 14. 11786388211022378. DOI: 10.1177/11786388211022378
- Nikiforova et al. 2020 — *Nikiforova A., Zamaratskaia G., Pickova J.* Fatty acid composition of salted and fermented products from Baikal omul (*Coregonus autumnalis migratorius*) // *Journal of Food Science and Technology*. 2020. Vol. 57. Pp. 595–605. DOI: 10.1007/s13197-019-04091-z
- Pan et al. 2018 — *Pan L., Yu J., Mi Z., Mo L., Jin H., Yao C., Ren D., Menghe B.* A Metabolomics Approach Uncovers Differences between Traditional and Commercial Dairy Products in Buryatia (Russian Federation) // *Molecules*. 2018. Vol. 23. № 4. 735. DOI: 10.3390/molecules23040735

- Pavlidis, Markantonatou 2020 — *Pavlidis G., Markantonatou S.* Gastronomic tourism in Greece and beyond: A thorough review // *International Journal of Gastronomy and Food Science*. 2020. Vol. 21. № 100229.
- Rodríguez-Gutiérrez et al. 2020 — *Rodríguez-Gutiérrez P., González Santa Cruz F., Pemberthy Gallo L.S., López-Guzmán T.* Gastronomic satisfaction of the tourist: empirical study in the Creative City of Popayán, Colombia // *Journal of Ethnic Foods*. 2020. Vol. 7. № 8. DOI: 0.1186/s42779-019-0044-0
- Speranza et al. 2020 — *Speranza B., Racioppo A., Campaniello D., Altieri C., Sinigaglia M., Corbo M. R. and Bevilacqua A.* Use of Autochthonous Lactiplantibacillus plantarum Strains to Produce Fermented Fish Products // *Frontiers in Microbiology*. 2020. № 11. 615904. DOI: 10.3389/fmicb.2020.615904
- Sukhodolov 2021 — *Sukhodolov A. P., Fedotov A. P., Makarov M. M., Kolesnikova A. V., Sukhodolov Y. A., Sorokina P. G.* Eco-legal and economic aspects of developing Malomorsky fishing area of Lake Baikal // *Aquaculture and Fisheries*. 2021. № 6. Pp. 530–534.
- Tahir et al. 2023 — *Tahir M., Abraham A., Beyene T.* The traditional use of wild edible plants in pastoral and agro-pastoral communities of Mieso District, eastern Ethiopia // *Tropical Medicine and Health*. 2023. Vol. 51. № 10. DOI: 10.1186/s41182-023-00505-z
- Ullah et al. 2022 — *Ullah N., Khan J., Saeed I., Zada S., Xin S., Kang Z., Hu Y.* Gastronomic Tourism and Tourist Motivation: Exploring Northern Areas of Pakistan // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2022. Vol. 19. № 13. 7734. DOI: 10.3390/ijerph19137734.
- Zang et al. 2019 — *Zang J., Xu Y., Xia W., Regenstein J. M.* Quality, functionality, and microbiology of fermented fish: a review // *Critical Reviews in Food Science and Nutrition*. 2019. DOI: 10.1080/10408398.2019.1565491

References

- Abalakov A. D, Pankeeva N. S. Ethno-Ecotourism in the Baikal region. *Izvestiya Irkutskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. Series “Nauki o Zemle”. 2011. Vol. 4. No. 2. Pp. 3–16. (In Russ.)
- Alekseenko E. V, Karimova N. Yu., Tsvetkova A. A. The Current State and Prospects for the Development of Methods for Processing Bilberries: Scoping Review. *Storage and Processing of Farm Products*. 2023. No. 1. Pp. 22–44. DOI: 10.36107/spfp.2023.353 (In Russ.)
- Amuquandoh F. E., Asafo-Adjei R. Traditional Food Preferences of Tourists in Ghana. *British Food Journal*. 2013. Vol. 115. No. 7. Pp. 987–1002. DOI: 10.1108/BFJ-11-2010-0197 (In Eng.)
- An Y., Cai X., Cong L., Hu Y., Liu R., Xiong S., Hu X. Quality Improvement of Zhayu, a Fermented Fish Product in China: Effects of Inoculated Fermentation with Three Kinds of Lactic Acid Bacteria. *Foods*. 2022. No. 11. 2756. DOI: 10.3390/foods11182756 (In Eng.)
- Aryal K. P., Poudel S., Chaudhary R. P., Chettri N., Chaudhary P., Ning W., Kotru R. Diversity and Use of Wild and Non-Cultivated Edible Plants in the Western Himalaya. *Journal of Ethnobiology and Ethnomedicine*. 2018. Vol. 14. No. 10. DOI: 10.1186/s13002-018-0211-1 (In Eng.)
- Bessiere J., Tibere L. Traditional Food and Tourism: French Tourist Experience and Food Heritage in Rural Spaces. *Journal of the Science of Food and Agriculture*. 2013. Vol. 93. No. 14. Pp. 3420–3425. DOI: 10.1002/jsfa.6284. (In Eng.)
- Bundela A.K., Abhilash P.C., Peñuelas J. Securing Wild Edible Plants for Planetary Healthy Diet. *Anthropocene Science*. 2023. Vol. 2. Pp. 109–111. DOI: 10.1007/s44177-023-00054-4. (In Eng.)
- Buzina T. S., Ivan'ko Ya. M., Petrova S. A. Optimization of Interaction between Cluster

- Participants in Obtaining Wild Food Products in the Region. *Forestry Bulletin*. 2020. Vol. 24. No. 4. Pp. 138–149. (In Russ.)
- Chen J., Jayachandran M., Bai W., Xu B.. A Critical Review on the Health Benefits of Fish Consumption and its Bioactive Constituents. *Food Chemistry*. 2022. Vol. 369.130874. DOI: 10.1016/j.foodchem.2021.130874. (In Eng.)
- Dixit S. K., Prayag G. Gastronomic Tourism Experiences and Experiential Marketing. *Tourism Recreation Research*. 2022. Vol. 47. No. 3. Pp. 217–220. DOI: 10.1080/02508281.2022.2065089. (In Eng.)
- Gorbunova N. V., Evteev A. V., Bannikova A. V., Reshetnik E. I. Prospects of Using Complex Processing Products of Crop Production as Sources of Obtaining Antioxidants. *Far Eastern Agrarian Bulletin*. 2017. Vol. 2. No. 42. Pp. 120–126. DOI:10.24411/1999-6837-2017-00020. (In Russ.)
- Li N., Wu X., Zhuang W., Xia L., Wu C., Rao Z. et al. Fish Consumption and Multiple Health Outcomes: Umbrella review. *Trends in Food Science & Technology*. 2020. Vol. 9. Pp. 273–283. DOI: 10.1016/j.tifs.2020.02.033.
- Kapkan M. V. The Phenomenon of Gastronomic Culture: the Specificity of Forms of Representation: on the Example of Russia in the 19th–20th Centuries: Cand. Diss. (Cultural Studies) thesis. Ekaterinburg, 2010. 173 p. (In Russ.)
- Mendivil C.O. Fish Consumption: A Review of Its Effects on Metabolic and Hormonal Health. *Nutrition and Metabolic Insights*. 2021. Vol. 14. January–December. 11786388211022378. DOI: 10.1177/11786388211022378 (In Eng.)
- Nikiforova A. P., Nikiforova O. P., Antokhonova I. V. Assessment of Trends in Fish Products Consumption by the Citizens of the Republic of Buryatia. *Economy of Regions*. 2017. Vol. 13. No. 3. Pp. 948–958. (In Russ.)
- Nikiforova A. P., Nikiforova O. P. Study of Consumer Indicators of the Quality of Fish Products. *Technologies of the Food and Processing Industry of the Agro-Industrial Complex — Healthy Food Products*. 2020. Vol. 4. Pp. 28–34. (In Russ.)
- Nikiforova A., Zamaratskaia G., Pickova J. Fatty Acid Composition of Salted and Fermented Products from Baikal Omul (*Coregonus autumnalis migratorius*). *Journal of Food Science and Technology*. 2020. Vol. 57. Pp. 595–605. DOI: 10.1007/s13197-019-04091-z. (In Russ.)
- On the Approval of the State Program of the Republic of Buryatia. Development of Domestic and Inbound Tourism in the Republic of Buryatia: Resolution of the Government of the Republic Buryatia dated 25 September 2018. No. 524. Available at: URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=165029984&backlink=1&&nd=165193186> (accessed: 03 October 2023). (In Russ.)
- On the Approval of the Strategy for the Development of Domestic and Inbound Tourism in the Republic of Buryatia for the Period until 2035: Order of the Government of the Republic of Buryatia dated 28 November 2019. No. 714-r. Available at: URL: <https://base.garant.ru/73082230/> (accessed: 03 October 2023). (In Russ.)
- Pan L., Yu J., Mi Z., Mo L., Jin H., Yao C., Ren D., Menghe B. A. Metabolomics Approach Uncovers Differences between Traditional and Commercial Dairy Products in Buryatia (Russian Federation). *Molecules*. 2018. Vol. 23. No. 4. Pp. 735. DOI: 10.3390/molecules23040735 (In Eng.)
- Pavlidis G, Markantonatou. S. Gastronomic Tourism in Greece and beyond: A Thorough Review. *International Journal of Gastronomy and Food Science*. 2020. Vol. 21. 100229. (In Eng.)
- Report from the Tourism Agency of the Irkutsk Region on the work fulfilled for the year of 2019. Available at: URL: <https://irkobl.ru/sites/tour/%D0%9E%D1%82%D1%87%D0%B5%D1%82%20%D0%BD%D0%B0%20%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82%20%D0%B7%D0%B0%202019.pdf> (accessed: 03 October 2023). (In Russ.)
- Rodríguez-Gutiérrez P., González Santa Cruz F., Pemberthy Gallo L.S. et al. Gastronomic

- Satisfaction of the Tourist: Empirical Study in the Creative City of Popayán, Colombia. *Journal of Ethnic Foods*. 2020. Vol. 7. No. 8. DOI: 10.1186/s42779-019-0044-0 (In Eng.)
- Savel'yev Yu. V. Biotechnological Potential of the Forest Regions of Russia and a Feasibility Study for Integrated Processing of Forest Biotechnological Resources. *Russian Journal of Resources, Conservation and Recycling*. 2022. Vol. 9. No. 1. Pp. 595–605. (In Russ.)
- Sarmanova S.R. The Food Traditions of Germans of Siberia as a Marker of Their Ethnic Identity. *Herald of Omsk University. Series: Historical Studies*. 2020. No. 1 (28). Pp. 175–179. (In Russ.)
- Speranza B., Racioppo A., Campaniello D., Altieri C., Sinigaglia M., Corbo M. R. and Bevilacqua A. Use of Autochthonous Lactiplantibacillus Plantarum Strains to Produce Fermented Fish Products. *Frontiers in Microbiology*. 2020. Vol. 11. 615904. DOI: 10.3389/fmicb.2020.615904. (In Eng.)
- Sukhodolov A. P. Baikal Region as a Model Territory for Sustainable Development. *Baikal Research Journal*. 2010. Vol. 4. Pp. 103–108. (In Russ.)
- Sukhodolov A. P., Fedotov A. P., Makarov M. M., Kolesnikova A. V., Sukhodolov Y. A., Sorokina P. G. Eco-Legal and Economic Aspects of Developing Malomorsky Fishing Area of Lake Baikal. *Aquaculture and Fisheries*. 2021. Vol. 6. Pp. 530–534. (In Eng.)
- Tahir M., Abraham A., Beyene T. The Traditional Use of Wild Edible Plants in Pastoral and Agro-Pastoral Communities of Mieso District, Eastern Ethiopia. *Tropical Medicine and Health*. 2023. Vol. 51. No. 10. DOI: 10.1186/s41182-023-00505-z (In Eng.)
- Ullah N., Khan J., Saeed I., Zada S., Xin S., Kang Z., Hu Y. Gastronomic Tourism and Tourist Motivation: Exploring Northern Areas of Pakistan. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2022. Vol. 19. No. 13. 7734. DOI: 10.3390/ijerph19137734 (In Eng.)
- Zang J., Xu Y., Xia W., Regenstein J.M. Quality, Functionality and Microbiology of Fermented Fish: a review. *Critical Reviews in Food Science and Nutrition*. DOI: 10.1080/10408398.2019.1565491. (In Eng.)

ЛИНГВИСТИКА

УДК / UDC 811.512.31

DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-718-726

Семантика терминов имущества в бурятском языке (на примере эд бараа)

Арюна Лопсоновна Брюханова¹, Екатерина Александровна Бардамова²

¹ Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова (д. 24а, ул. Смолина, 670000 Улан-Удэ, Российская Федерация)

преподаватель

 0000-0002-4160-8237. E-mail: bryuxanova[at]yandex.ru

² Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова (д. 24а, ул. Смолина, 670000 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор филологических наук, доцент

 0000-0002-1718-0672. E-mail.ru: bardam_k[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Брюханова А. Л., Бардамова Е. А., 2023

Аннотация. *Введение.* Целью данной статьи послужило установление дифференциальных семантических признаков бурятского термина *эд бараа*, представленного в памятниках старомонгольской письменности XVIII–XIX вв., которые отражают обычную правовую практику бурят в отношении совокупности вещей, принадлежащих лицу на правах собственности. Актуальность исследования обусловлена интересом к специфике осмысления имущественных отношений и формированию имущественных терминов в бурятском языке того времени. *Материалом* исследования послужили письменные источники сборника «Обычное право хоринских бурят. Памятники старомонгольской письменности», в которых представлены законодательные акты хоринских бурят. *Результаты.* Анализ текстов, в которых функционирует изучаемый термин, позволил авторам установить, что *эд бараа* является инвариантным термином движимого имущества. *Эд бараа* служит для обозначения совокупности бытовых материальных предметов и вещей, находящихся во владении человеком, исключая скот, кроме того, используется при обозначении имущественных прав собственника в отношении материальных благ, принадлежащих ему. Исходя из внутренней формы слова, *эд бараа* представляет собой парное слово, образованное путем сложения двух независимых слов и имеющее абстрактное значение. Абстрактность и собирательность значения термина становится возможной в результате суммирования значения слов, его составляющих, где *эд* отражает признак относительно большой имущественной количественности и представляет собой характеристику составных частей в отвлечении от конкретных признаков. *Бараа* как номинант ядерного компонента несет признак ‘мелкое имущество, домашние вещи, скарб’. Во внутренней форме слова содержится ключевой признак множественности товара, которое рассматривается как имущество. В данном термине имплицитно содержится семантика того, что это имущество может быть предметом купли и продажи, имеется указание на приобретение имущества, так как

это был продукт труда, произведенный для продажи, с целью обмена на другие продукты труда или деньги.

Ключевые слова: имущественная лексика, обычное право хоринских бурят, движимое имущество, термины, номадный образ жизни, семантический анализ, парные слова

Для цитирования: Брюханова А. Л., Бардамова Е. А. Семантика терминов имущества в бурятском языке (на примере *эд бараа*) // Монголоведение. Т. 15. № 4. С. 718–726. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-718-726

Semantics of Property Terms in the Buryat Language (based on *ed baraa*)

Aryuna L. Bryukhanova¹, Ekaterina A. Bardamova²

¹ Banzarov Buryat State University (24a, Smolin St., 670000 Ulan-Ude, Russian Federation)
Lecturer

 0000-0002-4160-8237. E-mail: bryuxanova[at]yandex.ru

² Banzarov Buryat State University (24a, Smolin St., 670000 Ulan-Ude, Russian Federation)
Dr. Sc. (Philology). Assistant Professor

 0000-0002-1718-0672. E-mail: bardam_k[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Bryukhanova A. L., Bardamova E. A., 2023

Abstract. *Introduction.* The article is devoted to the establishment of differential semantic features of the Buryat term *ed baraa*, presented in the monuments of Old Mongolian writing of the 18th–19th centuries, reflecting the usual legal practice of the Buryats in relation to the totality of things owned by a person. The relevance of the study is due to the interest in the specifics of understanding property relations and the formation of property terms in the Buryat language of that time. *Materials and methods.* The research material was written sources from the collection “Customary Law of the Khorin Buryats. Monuments of Old Mongolian Writing”, which presents the legislative acts of the Khorin Buryats. The introduction briefly describes the extent to which the problem has been studied and defines the research methodology. *Results.* Analysis of the texts in which the term under study functions allowed the authors to establish that *ed baraa* is an invariant term for movable property. *Ed baraa* serves to designate the totality of household material objects and things in the possession of a person, excluding livestock, in addition, it participates in the implementation of the property rights of the owner in relation to material goods belonging to him. Based on the internal form of the word, *ed baraa* is a paired word, formed by adding two independent words with a coordinating connection, and having an abstract meaning. The abstractness and collective meaning of the term becomes possible as a result of summing up the meaning of the words and its components, where *ed* delegates the sign of a relatively large property quantity and represents a characteristic of the components in abstraction from specific signs. *Baraa*, as a nominee of the nuclear component, carries the attribute ‘small property, household items, belongings’. The internal form of the word contains a key feature of the plurality of goods, which is considered as property. This term implies the semantics that this property can be the subject of purchase and sale; there is an indication of the acquisition of property, since it was a product of labor produced for sale, in order to exchange for other products of labor or money.

Keywords: property vocabulary, Customary Law of the Khorinsky Buryats, movable property, terms, nomadic lifestyle, semantic analysis, conjugated words

For citation: Bryukhanova A. L., Bardamova E. A. Semantics of Property Terms in the Buryat Language (on example of *ed baraa*). *Mongolian Studies (Elista)*. 2023; 15(4): 718–726. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-718-726

1. Введение

В бурятском языке лексика имущественной сферы не подвергалась комплексному описанию, фрагментарно рассматривалась в статьях А. Л. Брюхановой, Е. А. Бардамовой [Брюханова, Бардамова 2022]. При этом имущественные отношения как одни из важнейших сфер социальных взаимоотношений представляют интерес в плане формирования и развития правосознания и норм правового регулирования в аспекте эффективности путей решения вопросов владения материальными ресурсами, осознания собственности как экономической основы имущественных отношений и правопорядка, постижения механизмов охраны и защиты прав человека. Исследование имущественных терминов, относящихся к общественно значимой лексике, представляет особый интерес с точки зрения становления и развития лексико-семантической системы литературного языка. В русском языке имущественная лексика была исследована К. П. Смолиной в диахроническом аспекте [Смолина 1990], наименования имущества в древнерусском языке в своих исследованиях рассматривал А. П. Майоров [Майоров 2018]. Ценнейшим источником по исследованию вещного права и имущественных отношений бурят в XVIII–XIX вв. являются документальные материалы, в том числе представленные в сборниках, посвященных обычному праву бурят, в которых отражены первичные сведения о разных сторонах их хозяйственной деятельности. Изучение словарного состава законодательных актов XVIII в. в связи с большим количеством памятников, всесторонним освещением в них действительности, существенными сдвигами в терминологии этой области юриспруденции, дает большой материал для различного рода наблюдений над особенностями развития терминологии правовой системы и обобщений в исторической лексикологии.

Исследование строится на наблюдении над функционированием наименований имущества в бурятском языке в первую очередь на материалах текстов законодательных сводов, что служит признаком их терминологического статуса. Изучение наименований имущества в деловых документах анализируемого периода позволяет углубить знания о природе формирования правового сознания представителей данной культуры, выявить концептуальные основы вербализации представлений об имуществе в бурятском языке. В то же время номинация видов имущества в разные исторические эпохи может многое рассказать о закономерностях развития упомянутых правовых понятий. Как отмечает в своем диссертационном исследовании Е. С. Гылыкова, имущественные отношения бурят в XVIII–XIX вв. были обусловлены хозяйственной деятельностью населения. Традиционные формы хозяйствования, которыми являлись скотоводство, охота, звероловство и ремесленное дело, определили круг объектов имущественных отношений бурят, регулируемых обычаями, сюда входили вещи, деньги, работы, услуги и имущественные права [Гылыкова 2005: 12].

2. Материалы и методы

Материалом исследования послужили тексты исторических законодательных сводов бурят, включенные в сборник «Обычное право хоринских бурят. Памятники старомонгольской письменности» [Обычное право 1992]. Эти документы регламентировали экономическую, общественно-политическую, социальную и правовую жизнь бурят. Сами же они являются ценнейшими лингвистическими источниками, недостаточно исследованными и в наши дни.

Цель исследования, результаты которого изложены в статье, — установить дифференциальные семантические признаки бурятского имущественного термина *эд бараа*.

3. Эд бараа как экспонент семантического признака ‘движимое имущество’ в текстах «Обычного права бурят»

Анализ текстов памятников старомонгольской письменности показал, что к XVIII–XIX вв. в бурятском языке сформировалось лексико-семантическое поле (далее — ЛСП) «имущество», в котором были представлены следующие имущественные термины: *зөөри* ‘имущество, средства, достояние, состояние, собственность’ [БРС 1951: 275], *мал* ‘скот’ [БРС 1951: 307], *эд бараа* (*эд* ‘вещи, имущество’ [БРС 1951: 722], *бараа* ‘пожитки, скарб, имущество; материя, ткань; товар’ [БРС 1951: 91]), *юумэн* ‘вещь, вещи, имущество, пожитки’ [БРС 1951: 745], *зэмсэг* ‘оружие, доспехи; орудие, инструмент; сбруя’ [БРС 1951: 288], *бууса* ‘стойбище, стоянка, стан’ [БРС 1951: 130], эксплицирующие инвариантный дифференциальный признак обладания чем-либо. Структурной спецификой изучаемого поля является то, что каждый из компонентов связан с другим парадигматическими признаками, образуя иерархическое единство. Так, ЛСП «имущество» включает *мал*, реализующий доминантный признак обладания движимой собственностью и репрезентирующий абсолютную ценность в жизни кочевника-скотовода, а также *зөөри*. *Эд бараа* и *юумэн* выступают средствами выражения возможной совокупности материальных благ, составляющих имущественную сферу субъекта и в некоторой степени отражающих социальный статус правообладателя.

В законодательных сводах термин *эд бараа* выступает в качестве родового наименования имущества в бурятском языке XVIII–XIX вв. Основанием отнесения *эд бараа* к ядерной зоне поля является частотность воспроизведения, однозначность, выводимость общего значения, нейтральность и гиперонимические свойства. Термин *эд бараа* употребляется в 20 статьях обычного права хоринских и селенгинских бурят, актуализирующих правовые рекомендации в области имущественных отношений.

Эд бараа является ключевым термином, которое номинирует движимое имущество. В памятниках «Обычного права бурят» *эд бараа* встречается в следующих примерах:

(1) *Орын мунгэн эд барааһараа хэзээ маймай бу хэгтэйн ...* (Согласительный устав 1800 г., далее — СУ 1800). ‘... никто из сайтов ... никогда не должен заниматься торговлей товарами, взятыми на свои деньги, и своими собственными товарами...’ [Обычное право 1992: 22].

Как видим, в примере № 1 изучаемый термин употребляется для обозначения предметов торговли, именуемых товаром, т. е. вещами, которые участвуют в

свободной купле-продаже. В качестве лица, который имеет право владеть, пользоваться и распоряжаться, выступает собственник. Обращает на себя внимание тот факт, что *эд бараа* используется для наименования целого класса материальных предметов, обобщенно-облигаторным признаком которых выступает их принадлежность субъекту описания, видовые признаки собственности не затрагиваются. В приведенном примере демонстрируется бытовавшее в XVIII–XIX вв. обычное право, запрещавшее высшему слою привилегированного класса получать доход от торговли собственными товарами, что свидетельствует о сформированности этико-правовых норм, исключающих действия, связанные с решением имущественных интересов представителей структур управления. Совершенно очевидно, что термин функционирует в правовых контекстах не только для наименования предметов собственности, но и имущественных прав и обязанностей.

(2) *Хэн хүн алиба юумэн хулхайдаа абтаха сагтаа тэрэ хүнын ахалагчид дза байсын табиha болбасу түгүнэй дисий мал дисий нэгэн бод, ехэ эд бараанай зүйл болхол тэдэнэй тол ахлагчид табиha хэрэгтэй...* (Положение 11 Хоринских родов 1808 г. по управлению внутренними делами и судопроизводству, далее — ПХР 1808). ‘Если у кого случится кража, то этот человек должен подавать записку главному сайту только в случае, если украденное будет заключаться в крупном скоте или в большом имуществе...’ [*Обычное право* 1992: 39]

Установлено, что в памятниках монгольской письменности отразились уже сформированные к XVIII–XIX вв. нормы сохранения собственности и пути возврата товара, имеющего материальную ценность, или их стоимости в случае незаконных действий со стороны других лиц. В примере № 2 кодификации в своде обычного права подверглись правила сохранения собственности и процедура привлечения подозреваемого человека к ответственности.

Термин *эд бараа* — гипероним синонимического ряда наименований собственности, доминантное значение которого покрывает все, что называется имуществом. Данный термин находится в ядре лексико-семантического поля «имущество» и представляет собой инвариантный термин движимого имущества, семантика которого включает всю совокупность материальных предметов и вещей, находящихся во владении человеком. Чаще всего это предметы ручной деятельности человека (исходя из уровня производства того времени), имеющие определенную стоимость, способные удовлетворять человеческие потребности и участвовать в натуральном обмене или купле-продаже. Во внутренней форме слова содержится ключевой признак множественности товара, которое рассматривается как имущество.

(3) *Хулгайшын мурье хэн хүнэй бууса нютаг тээшэ мүшхээжэ ябаад нэгэн модон зэргэн газар тэ хүроод. Тэрээ мүрээн тэндэхи нютагай бүлэг боёо селогайн зондо тушажа үхэ. Тэдэ болбол хулгайшын мурие нэгэн модон газарhaа эхилжэ мүшхээд тодорхэй хэхэ. Хулгайшын олодохогүй болбол хулгайшан хамадаалга үгый олодоугыйнэ бүлэгийн зон хулгайшнаай абаһан мал ба эд бараае орондонт түлхэ ёһотай* (Уложение 1823 г. 11 Хоринских родов, далее — УХР 1823). ‘Если воровской след будет прослежен в направлении к чьей-либо усадьбе или улусу, то на расстоянии одной версты от булука или селения следует передать его жителям этой местности. Если жители этой местности, проследив воровской след,

начиная от одной версты, не найдут настоящего вора, то за то, что не следили за вором и не нашли его, должны возместить украденный скот или вещь, заменив ее чем-либо» [[Обычное право 1992: 73](#)].

Третий пример демонстрирует, что *эд бараа*, в отличие от термина *зөөри*, не включает в себя скот. Термин служит регулярным и типизированным обозначением типа вещей в отвлечении от его конкретных признаков. Как видим, в примере присутствует толкование общепринятых правоприменительных практик в отношении вещей как собственности, из которых понятно, что *эд бараа* как вид имущества связан с понятием правообладания, права передавались вместе с передачей вещей и отдельно не вычленялись.

(4) *Хулгайда абтаһан ямар нэгэ юүмэнэй мүр ород хотоной гү, али буряад айлай хото гэртэнь хорин табан саажан тулатар асарбалнь, мүрэй харуулһан хүн өөрһөөн тэрэ мүр далдалуулжа гү, али хулгайшые оложо шадаагүй һаа, угы болоһон юүмэнэй сэн бүтэноөр түлэжэ бусааха ёһотой. Бодотоор хулгай хэһэн хүнэй хожом олдоболнь, хулгайн мүрөөр түлэхэ ёһотой байһан хүн түлэһэнөө эрьюулжэ абаха: хэрбээ малаар түлэһэн болбол, түлтэй мал абаха, мүнгөөр гү, али эд бараагаар түлэһэн болбол, гарзаяа бултыень бусаажэ абаха (УХР 1823). ‘Если след чего-либо украденного приведет прямо в русскую деревню или бурятский улус и доведет вплоть до усадьбы на 25 сажень и человек, к которому привел след, не сумеет отвести его или найти вора, то должен полностью возместить стоимость исчезнувшей вещи. Впоследствии, если отыщется настоящий вор, то человек, который вынужден был платить из-за ложного следа, должен получить: если он платил скотом, то вместе с приплодом, если платил деньгами или товарами, то с возмещением понесенных убытков» [[Обычное право 1992: 73](#)].*

В вышеприведенном примере *эд бараа* служит для номинации собственности, которой владел человек. Данное слово, обозначающее «товар», указывает на то, что имущество может быть предметом купли и продажи. В то время у бурят не было налажено производство товаров непосредственно на продажу, поэтому под товарами понималось то, чем владел человек. Термин актуализирует семы ‘владение’ и ‘распоряжение’. *Эд бараа* — это то имущество, которым кочевник не только владеет, но может и продать его.

(5) *Хэн хүн бос хүнос арга бос мүнгөөр үхэб, али мүнгэн, али мал, эд товар абаһад, хэрбээ мүнгөөр ольжа үл үгөөсын «Ямарша эд бараа, али мал бодожо абтаха»...* (ПХР 1808). ‘Если кто возьмет у другого взаймы деньги или скотину, или вещи, или товар с обязательством возратить непременно деньгами и если, будучи не в состоянии уплатить деньгами, скажет: «Бери товаром или скотом»» [[Обычное право 1992: 42](#)].

В примере № 5 под *эд бараа* понимается движимое имущество, которое может быть продано, изъято за долги, вся совокупность материальных предметов, вещей, используемых человеком. Имеется указание на приобретение имущества, так как именуемые вещи были продуктом труда, которые можно было бы обменять на другие продукты труда или деньги.

4. Влияние способа образования слова *эд бараа* на семантику

Эд бараа ‘имущество, товар’ отражает особенность бурятского языка, тяготеющего в аналитическом словообразованию, а процесс словосложения является

универсальным способом пополнения лексического состава агглютинативных языков. Данный способ номинации в бурятском языке востребован и в разной степени продуктивен в связи с тем, что позволяет более точно назвать конкретное понятие, охарактеризовать объект или действие, указать на их дополнительные признаки [Бардамова, Иванова 2014: 6]. В бурятской лингвистике слова, образованные подобным образом, принято называть парными словами. Парные слова (общепринятое наименование композитных слов и аппозитивов в бурятском языке) благодаря повышенной лаконичности и более простой структуре наименования обнаруживают тенденцию к формированию абстрактной семантики за счет усложнения восприятия и понимания неоднозначности обобщенно-родового содержания. *Эд бараа*, демонстрируя семантико-структурную целостность, нейтральность и высокую частотность воспроизводимости в памятниках, отличается прежде всего своей внутренней формой. Внутренняя форма отсылает нас к пониманию сущности абстрактного образования через суммарную семантику, где *эд* отражает признак относительно большой имущественной количественности и представляет собой характеристику составных частей абстрактного образования. *Бараа* как номинант ядерного компонента несет признак ‘мелкое имущество, домашние вещи, скарб’. В изучаемом парном слове компоненты являются синонимами. Данное слово демонстрирует комбинативную семантику, основанную на семантическом переразложении, в результате которого части композита вовлекаются в семантические отношения, сближаются по смыслу друг с другом, образуют семантическое единство на основаниях взаимодополняемости. Это сложное слово с открытой семантической структурой, содержание частей которого поддается непосредственному соотносению с соответствующими выражениями [Ахманова 2007: 244]. *Эд* — имущество, вещь, товар. *Бараа* — скарб, пожитки и товар. При этом предшествующее слово получает возможность конкретизации объема содержания слова и демонстрирует атрибутивные свойства. Единая семантическая структура парного образования передает значение обобщения, собирательности, множественности. Данное производное парное слово мотивировано и по форме, и по значению двумя словами одновременно [Дырхеева, Харанутова, Бардамова 2014: 32].

Для *эд бараа* как парного слова, образованного путем сложения двух независимых слов, в бурятском языке характерно комбинативное абстрактное значение, в котором *эд* актуализирует семантический признак ‘имущество’, ср., например: *эд зөөри* ‘имущество’, *эд баялиг* ‘богатство’, *туухэй эд* ‘сырье’ [БРС 1973: 755]. В то время как *бараа* участвует в композитном образовании для обозначения того, что можно обменять (условного *товара*), формируя идею собирательности, что позволяет использовать парное слово как наименование некоторого множества вещей, принадлежащих какому-либо лицу, как «целостной нечленимой совокупности однородных предметов» [ЛЭС 1990: 473]. В Бурятско-русском словаре К. М. Черемисова толкование второй части термина *бараа* основано на акцентуации признака материального предмета, имеющего стоимость, и обладание которым позволяет участвовать в обмене, купле и продаже: *Бараа* — 1 значение: товар (парное с *эд*); 2 значение: мебель, пожитки, скарб, имущество [БРС 1973: 85].

В этимологическом словаре монгольских языков происхождение слова *эд* относят к собственно монгольскому образованию, имеющемуся в халхасском, бурятском, калмыцком языках со значением ‘вещь; ткань, материя; имущество; товар’, указывается, что также имеется древнетюркская параллель *ed* ‘вещь, имущество, богатство’ [ЭСМЯ 2015: 207]. Авторы этимологического словаря монгольских языков относят *baraγan* к собственно монгольским словам, которое в халхасском и бурятском языке обозначает ‘скарб, пожитки; ткань, материя, товар, (диал.) сундук со скарбом’; в калмыцком — ‘скарб, пожитки; почетное место в юрте; богатство в доме’. При этом высказывают сопоставление с др.-уйг. *barq* ‘имущество’, предполагая следующий путь заимствования: ←* *bar-* (ср. *bar* ←* *baraγ* бытие) + -q. [ЭСМЯ 2015: 76].

5. Заключение

В околядерной зоне лексико-семантического поля «имущество» бурятского языка XVIII–XIX вв. представлен термин движимого имущества *эд бараа*, семантика которого указывает на совокупность материальных предметов и вещей, находящихся во владении человеком. На основании проведенного анализа можно сделать вывод, что в термине *эд бараа* отражены семы «обладание», «владение», «распоряжение». Появление термина *эд бараа* показывает, что в XVIII–XIX вв. развивались товарно-денежные отношения у кочевников-бурят, что они могли владеть не только тем имуществом, которое оставили им родители, но и имуществом, которое они могли произвести или купить. В результате анализа данного слова мы пришли к выводу, что с аксиологической точки зрения имущество, обозначенное словом *эд бараа*, представляется как ‘скарб’, ‘пожитки’, а также не несет большой ценности, так как основным богатством бурят того времени считался скот.

Источники

Обычное право 1992 — Обычное право хоринских бурят: Памятники старомонгольской письменности / пер. с монг., введ., коммент. Б. Д. Цибилов; отв. ред. Р. Е. Пубаев, Н. В. Ким. Новосибирск: Наука, 1992. 312 с.

Sources

Customary law of the Khorin Buryats: Monuments of the Old Mongolian writing / transl. from Mong., [introduced and also wrote a comment. condition] B. D. Cibikov; resp. ed. R. E. Pubaev, N. V. Kim. Novosibirsk: Nauka: Sib. izd. firma, 1992. 312 p. (In Russ.)

Литература

- Ахманова 2007 — Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: КомКнига, 2007. 576 с.
- Бардамова, Иванова 2014 — Бардамова Е. А., Иванова А. А. Парные слова с пространственной семантикой в русском и бурятском языках // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2014. № 10–3. С. 5–9.
- Брюханова, Бардамова 2022 — Брюханова А. Л., Бардамова Е. А. Наименования имущества в бурятском языке XVIII–XIX вв. (на материале памятника «Обычное право хоринских бурят. Памятники старомонгольской письменности») // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Филологические науки. Вып. 127. 2022. № 1(459). С. 100–108.
- БРС 1951 — Бурят-монгольско-русский словарь / сост. К. М. Черемисов. М.: Гос. изд-во иностр. и национ. словарей, 1951. 852 с.

- БРС 1973 — Бурятско-русский словарь / сост. К. М. Черемисов. М.: Сов. энцикл., 1973. 803 с.
- Гылыкова 2005 — *Гылыкова Е. С.* Обычное право бурят (историко-правовое исследование): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 21 с.
- Дырхеева, Харанутова, Бардамова 2014 — *Дырхеева Г. А., Харанутова Д. Ш., Бардамова Е. А.* Парные слова и парное словообразование в бурятском языке. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2014. 206 с.
- ЛЭС 1990 — Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Сов. энцикл., 1990. 682 с.
- Майоров 2018 — *Майоров А. П.* Слова имѣние и животь как наименования имущества в древнерусском языке // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2018. № 4. С. 10–5.
- Смолина 1990 — *Смолина К. П.* Лексика имущественной сферы в русском языке XI–XVII вв. М.: Наука, 1990. 204 с.
- ЭСМЯ 2015 — *Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В.* Этимологический словарь монгольских языков. Т. I. А–Е. М.: ИВ РАН, 2015. 224 с.

References

- Ahamanova O. S. Dictionary of Linguistic Terms. Moskva: Komkniga, 2007. 576 p. (In Russ.)
- Bardamova E. A., Ivanova A. A. Conjugated Words with Spatial Semantics in Russian and Buryat Languages. *BSU Bulletin. Series "Philosophy"*. 2014. No. 10-3. Pp. 5–9. (In Russ.)
- Bryukhanova A. L., Bardamova E. A. Property Names in Buryat Language of the 18–19th centuries (a case study of the "Common Law of the Khorinsk Buryats. Monuments of the old Mongolian writing"). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022. No. 1(459), Philological Sciences. No. 127. Pp. 100–108. (In Russ.)
- Buryat-Mongolian-Russian Dictionary / comp. K. M. Cheremisov. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1951. 852 p. (In Bur., Russ.)
- Cheremisov K. M. Buryat-Russian dictionary. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1973. 803 p. (In Bur., Russ.)
- Gylykova E. S. Customary Law of Buryat (historical and legal research). Cand. diss. (Law) thesis. Moscow, 2005. 21 p. (In Russ.)
- Dyr`xeeva G. A., Kharanutova D. Sh., Bardamova E. A. Paired Words and Paired Word Formation in the Buryat Language. Ulan-Ude`: BNC SO RAN, 2014. 206 p. (In Russ.)
- Yarceva V. N. Linguistic Encyclopedic Dictionary. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1990. 682 p. (In Russ.)
- Majorov A. P. The Words IMENIYE and ZIVOT as the Items of Property in the Ancient Language. *Buryat State University Bulletin. Language. Literature. Culture*. 2017. No. 4. Pp. 10–15. (In Russ.)
- Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V. Etymological Dictionary of Mongolian Languages. Vol. I. Moscow: IV RAN, 2015. 224 p. (In Russ.)
- Smolina K. P. The Vocabulary of the Property Sphere in the Russian Language of the 11th–17th centuries. Moscow, 1990. 204 p. (In Russ.)

ЛИНГВИСТИКА

УДК / UDC 811(=512.157)=512.31
DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-727-741

Образная (изобразительная) лексика в якутском и бурятском эпосах: лексические параллели

*Евгения Егоровна Жиркова*¹

¹ Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова (д. 42, ул. Кулаковского, 678013 Якутск, Российская Федерация)

научный сотрудник

 0000-0002-1821-5320. E-mail: jenyasyr[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Жиркова Е. Е., 2023

Аннотация. *Введение.* В статье проводится сравнительный анализ образной (изобразительной) лексики якутского и бурятского языков на материале эпических текстов. *Цель исследования* — выявить особенности использования лексических параллелей якутской и бурятской образной (изобразительной) лексики в текстах бурятского улигера и якутских олонхо. Актуальность исследования определяется нарастающим интересом в лингвофольклористике к изучению языка на материале эпических текстов для выявления специфики языка эпоса в целом. В ходе исследования были использованы *методы* лексико-семантического анализа и сравнительно-исторический. В качестве *материала* для исследования использованы тексты бурятского улигера «Аламжи Бэргэн» Е. Шалбыкова и якутских олонхо «Кыыс Дэбилэй» Н. П. Бурнашева, «Могучий Эр Соготох» В. О. Каратаева, «Хаан Джаргыстай» неизвестного верхоянского олонхосута (записан И. А. Худяковым). Три текста олонхо представляют три основные региональные эпические традиции, что дает возможность учесть практически все локальные особенности текста олонхо. *Результаты.* В ходе исследования выявлено 12 лексических параллелей в образной лексике, представленной в якутском и бурятском эпических текстах. Обнаруженные лексические единицы образной (изобразительной) лексики по объекту описания условно разделены на три тематические группы: 1) образные слова, описывающие внешний вид; 2) образные слова, описывающие мимику и лицо; 3) образные слова, описывающие форму предметов. Сравнительный анализ обнаруженных лексических параллелей показал, что они обладают ярким эмоционально-экспрессивным характером, позволяющим выразить отношение сказителя к сказываемому; имеют одинаковое семантическое значение и одинаковый принцип развития семантического значения образного слова; а также общие закономерности словообразования, что значительно расширяет лексическое разнообразие изучаемого пласта языка.

Ключевые слова: образная лексика, изобразительная лексика, эпический текст, олонхо, улигер, якутский язык, бурятский язык, семантика, словообразование

Для цитирования: Жиркова Е. Е. Образная (изобразительная) лексика в якутском и бурятском эпосах: лексические параллели // Монголоведение. Т. 15. № 4. С. 728–742. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-728-742

Figurative Vocabulary in the Yakut and Buryat Epics: Lexical Parallels

Eugenia E. Zhirkova¹

¹ M. K. Ammosov North-Eastern Federal University (42, Kulakovski St., Yakutsk, Russian Federation)

Research Associate

 0000-0002-1821-5320. E-mail: jenyasyr[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Zhirkova E. E., 2023

Abstract. *Introduction.* The article presents a comparative analysis of the figurative vocabulary of the Yakut and Buryat languages on the basis of epic texts. The figurative vocabulary in both languages is specific part of its lexicon which have a common roots. The *purpose* of the study is to identify the features of the use of lexical parallels of the Yakut and Buryat figurative vocabulary in the texts of the Buryat uliger and Yakut olonkho. The relevance of the study is determined by the growing interest in linguistic folklore in the study of language based on the material of epic texts in order to identify the specifics of the language of the epic as a whole. For research a lexical and semantic analysis and comparative historical *method* were used. *Materials.* The texts of the Buryat uliger “Alamzhi Bergen” by E. Shalbykov and the Yakut olonkho “Kyys Debiliye” by N. P. Burnashev, “Mighty Er Sogotokh” by V. O. Karataev, “Khaan Dzhargystai” by unknown olonkhosut from Verkhoyansk were used as material for the study. The three olonkho texts are represented by three main regional epic traditions, which makes it possible to take into account almost all the local features of the olonkho text. *Results.* The study revealed 12 lexical parallels in the figurative vocabulary presented in the Yakut and Buryat epic texts. These lexical parallels were divided into three thematic groups by the way of description. Thus, first group is figurative words describing the figure, second is the group of words describing facial expressions and face, and the last one is the words describing the shape of objects. A comparative analysis of the revealed lexical parallels showed that they have a emotionally expressive character that allows expressing the narrator’s attitude to the described object, have the same semantic meaning, the same ways of word formation and the general principle of word formation.

Keywords: figurative vocabulary, epic text, olonkho, uliger, Yakut language, Buryat language, semantics, word formation

For citation: Zhirkova E. E. Lexical Parallels in the Figurative Vocabulary of the Yakut and Buryat Languages in Epic Texts. *Mongolian Studies (Elista)*. 2023; 15(4): 728–742. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-728-742

1. Введение

Вопрос сходства тюркских и монгольских языков вызывает интерес у исследователей языка не одно столетие, в первую очередь в свете теории алтайского языкового родства, согласно которой многими алтаистами предполагается, что существовал единый тюрко-монгольский праязык (см., например: [Рамstedт 1957: 9–10; и др.]). Однако существует и другая гипотеза, согласно которой сходство между тюркскими и монгольскими языками возникло в результате разнообразных контактов между тюркскими и монгольскими этносами (см., например: [Котвич 1962: 351–352; и др.]).

Якутский язык относится к тюркским языкам, но занимает особое место среди них. Это связано с многочисленными заимствованиями из монгольских языков, которые глубоко проникли в лексический фонд якутского языка, а также в фонетику и систему словообразования. Вопрос соотношения якутского языка и монгольских языков всегда вызывал научный интерес среди исследователей якутского языка (О. Н. Бётлингк [Бётлингк 1989], В. В. Радлов [Radloff 1908], Ст. Калужинский [Kaluzynski 1961], Н. К. Антонов [Антонов 1966] и др.).

В рамках нашего исследования особое значение имеет работа Е. И. Убрятовой «Якутский язык в его отношении к другим тюркским языкам, а также к языкам монгольским и тунгусо-маньчжурским» [Убрятова 1960], в которой некоторая автономия образных слов в морфологической системе якутского языка объясняется заимствованием их основ из монгольской лексики. Е. И. Убрятова также утверждает, что «монголизмы в большинстве разделов лексики представляют собой единичные вкрапления. Единственная область, в которой они преобладают, это образные и звукоподражательные слова» [Убрятова 1960: 6].

Важными являются также исследования В. И. Рассадина по монголо-бурятским заимствованиям в тюркских языках Сибири [Рассадин 1980; Рассадин 2017]. Исследователем проведен анализ якутской лексики монгольского происхождения, которую он разбил по частям речи, внутри них сгруппировал слова по тематическому принципу. Так, В. И. Рассадин особо выделил среди имен прилагательных монгольского происхождения те, которые образованы посредством аффикса *-бар* от основ глагола и которые характеризуют предметы с внешней стороны, выделяя при этом их основные черты, и среди глаголов — семантически выделяющуюся группу образных глаголов. Исследователь отмечает их многочисленность в якутском языке и их семантическое разнообразие.

В настоящей статье образная лексика якутского языка рассматривается в сравнительном плане с изобразительной лексикой бурятского языка в рамках эпического текста (якутский героический эпос олонхо и бурятский улигер) с целью обнаружения лексических параллелей между якутской и бурятской образной (изобразительной) лексикой и определения их лексико-семантических особенностей функционирования в эпическом тексте.

Для сравнительного анализа образной (изобразительной) лексики якутского и бурятского языков привлечен материал из эпического текста. Выбор текстов якутского олонхо и бурятского улигера определяется тем, что язык эпоса в целом отличается высокой вариативностью и архаичностью, в нем сохранен ценный лингвистический материал, изучение которого позволит решить ряд существенных вопросов в языкознании, литературоведении и лингвофольклористике: от исторических языковых контактов до когнитологических аспектов языка.

Актуальность исследования обуславливается нарастающим интересом в лингвофольклористике к изучению языка эпоса. В связи с этим новизна принятого исследования заключается в выявлении лексических параллелей в образной (изобразительной) лексике, определении их лексико-семантических особенностей и специфики функционирования в рамках эпических текстов якутского и бурятского языков. В ходе исследования были применены следующие методы: метод сплошной выборки, лексико-семантический анализ, сравнительно-исторический метод.

2. История изучения образной (изобразительной) лексики в якутском и бурятском языках

Образные слова в современном якутском языке принято рассматривать как самостоятельную часть речи, наравне со звукоподражательными словами. Однако долгое время эти слова воспринимались лишь как изобразительное средство речи, но не как грамматическая категория языка. Первые упоминания об этом находим в небольшом параграфе «Образные речения» в «Грамматике якутского языка» С. В. Ястремского [Ястремский 1900: 36]. На удивительную описательность образных слов также обратил внимание А. Е. Кулаковский, дав им название «картинные слова». Он отмечал, что эти слова «заклучают в себе всю притягательную силу языка, вследствие своей гибкости, образности и меткости» [Кулаковский 1979: 385]. В якутской лингвистике Л. Н. Харитонов первым разграничил образные и звукоподражательные слова и рассмотрел в качестве отдельных самостоятельных частей речи [Харитонов 1954: 13–14; Харитонов 1960: 9]. Он выделил собственно образные слова, которые отнес к неизменяемым словам, и отметил, что «в функциональном отношении образные слова относятся к недостаточным, ущербным словам» [ГСЯЛЯ 1982: 375], которые могут выступать лишь как компонент аналитической формы глагола или в парной и редупликационной форме. Однако все богатство образной лексики якутского языка представлено производными глагольными, именными и наречными образными словами, в которых неизменяемые собственно образные слова выступают в качестве основы. Например, от образной основы *ным* ‘плотно закрытый, без звука и движения, мертвая тишина’ [ГСЯЛЯ 1982: 382] образуется глагол *нымий* ‘смыкать, плотно сжимать губы’ [БТСЯЯ, 7 2010: 108], прилагательное *нымигир* ‘сжатый, сомкнутый (о губах)’ [БТСЯЯ, 7 2010: 108], наречие *нымиччи* ‘пождав (напр., губы); плотно впритык’ [БТСЯЯ, 7 2010: 111]).

В бурятской лингвистике для обозначения образной лексики применяется термин «изобразительные слова», которые включают в себя и образные, и звукоподражательные слова. Изобразительные слова как самостоятельная часть речи впервые стали предметом исследования в работе Ц. Б. Цыдендамбаева [Цыдендамбаев 1958]. Позже изобразительные слова были рассмотрены Л. Д. Шагдаровым в монографии «Изобразительные слова в современном бурятском языке» [Шагдаров 1962]. В ней исследователь представил полную структурную и семантическую характеристику изобразительных слов. Данная работа особенно ценна тем, что исследователь приводит развернутый теоретический обзор трудов по образной (изобразительной) лексике тюркских, финно-угорских и некоторых тунгусо-маньчжурских языков. Среди них находим работу Л. Н. Харитонova «Типы глагольной основы в якутском языке», посвященную якутскому глаголу, в том числе и образным глаголам [Харитонов 1954]. В ходе обзора Л. Д. Шагдаров проводит сравнение с изобразительной лексикой бурятского языка и отмечает основные сходные и отличительные черты [Шагдаров 1962: 17–21].

Так, Л. Д. Шагдаров отметил сходство принципа разделения звукоподражательных и образных слов на неизменяемые и производные глагольные формы [Шагдаров 1962: 21]. Далее автор указал на то, что неизменяемые образные слова якутского языка употребляются в речи при помощи служебного глагола *гын* ‘делать’, образуя аналитическую форму глагола, другие — с послеложной частицей

курдук ‘подобный, похожий’, образуя аналитическую форму прилагательного. В бурятском языке возможно только сочетание неизменяемого образного слова со служебным глаголом гэхэ ‘говорить, сказать’. Еще одним сходным моментом, по мнению автора, является наличие видовых форм образных глаголов в обоих языках [Шагдаров 1962: 20].

В своем обзоре Л. Д. Шагдаров также дает оценку положений Л. Н. Харитонova в свете общей теории изобразительных слов. Автор отмечает одинаковую позицию якутского ученого с Н. И. Ашмариным в вопросе восприятия звуковых явлений у разных народов по-разному, тем самым подтверждая условный характер подражания звукам [Шагдаров 1962: 20–21]. Автор также указывает на то, что Л. Н. Харитонов сумел развить и конкретизировать мысль Н. И. Ашмарина о звукоподражательном происхождении некоторых образных слов [Шагдаров 1962: 21].

И заключает свой обзор исследователь тем, что изобразительные слова якутского и бурятского языков «имеют сходную структуру, общие их принципы словообразования и встречается много общих корней и аффиксов» [Шагдаров 1962: 21]. Ученый оставляет открытым вопрос об их взаимовлиянии, предполагая, что ответы может дать более подробное сравнительное изучение изобразительных слов в монгольских и тюркских языках.

Среди современных исследователей образной лексики якутского языка необходимо отметить Л. А. Афанасьева [Афанасьев 1992], изучившего влияние звукового оформления на семантику образных слов. В бурятском языкознании фоносемантическую сторону изобразительных слов изучила Е. В. Сундуева [Сундуева 2011].

Семантическая сторона образных прилагательных якутского языка с привлечением сравнительного материала из бурятского и киргизского языков рассмотрена С. Д. Егиновой [Егинова 2014]. В работе представлены лексико-семантические группы образных прилагательных, характеризующих различные формы предметов, внешнего вида человека и цветосветовые представления, а также даны их полные семантические характеристики.

Вопрос функционирования образной, в том числе звукоподражательной, лексики в эпическом тексте и в якутском, и в бурятском языках недостаточно раскрыт. Л. Ц. Санжеева в докторской диссертации о поэтике бурятского эпоса [Санжеева 2011] затрагивает вопрос функционирования в эпическом тексте звукоподражаний и звукоизображений в рамках изучения экспрессивных повторов и фонэстетических слов и выражений [Санжеева 2011: 222–228]. Исследователь заключает, что экспрессивные повторы с звукоподражаниями и звукоизображениями усиливают образ описываемого, а также демонстрирует методику установления значений, не зарегистрированных в словарях звукоподражательных и звукоизобразительных слов, по принципу фонэстетики [Санжеева 2011: 228].

В якутском языке использование образной лексики в олонхо остается недостаточно изученным, хотя еще Г. У. Эргис [Эргис 2008: 212–213] и П. А. Слепцов [Слепцов 1990: 208] отмечали высокий исследовательский потенциал этого материала. На сегодняшний день изучение образной лексики в якутском эпосе олонхо и других эпосах тюрко-монгольских народов началось в рамках научного проекта «Героические эпосы тюрко-монгольских

народов Евразии: проблемы и перспективы сравнительного изучения» Научно-исследовательского института Олонхо Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова [Герасимова 2020; Zhirkova 2019].

Таким образом, образная (изобразительная) лексика в обоих языках изучена достаточно подробно, их схожесть в структурном и семантическом аспектах подтверждена исследователями языка. Однако исследования образной лексики в плане ее функционирования в эпическом тексте только начинают разворачиваться.

3. Материалы исследования

Настоящая статья посвящена сравнительному исследованию лексических параллелей в образной (изобразительной) лексике якутского и бурятского языков на основе анализа текстов бурятского улигера «Аламжи Мэргэн» сказителя Е. Шалбыкова [АМ 1991] и якутских олонхо, представленных тремя основными региональными эпическими традициями: центральной («Кыыс Дэбилийэ» Н. П. Бурнашева из Усть-Алданского улуса [КД 1993]), вилюйской («Могучий Эр Соготох» В. О. Каратаева из Вилюйского улуса [МЭС 1996]) и северной (олонхо «Хаан Дьаргыстай», записанное от неизвестного олонхосута в Верхоянском улусе [ХДь 2016]). Эти тексты являются яркими образцами сказительского искусства и традиций преемственности эпического наследия своего региона и народа в целом.

Образная (изобразительная) лексика в якутском и бурятском эпических текстах преимущественно представлена образными глаголами, прилагательными и наречиями. Собственно образные слова и в якутском, и в бурятском текстах встречаются единично. Поскольку мы считаем, что существует общность образной (изобразительной) лексики якутского и бурятского языков, сравнительный анализ будет проведен только на материале обнаруженных лексических параллелей и особенностей их использования в эпическом тексте.

Лексические параллели образной (изобразительной) лексики, обнаруженные в эпических текстах, по семантическому значению разделены на тематические группы.

4. Образная (изобразительная) лексика, описывающая внешний вид персонажей

Уяатай-ла мориндол / Бэгэйхэжи байхаль-би [АМ 1991: 132] 'Буду сгорбленным, / Словно привязанный конь' [АМ 1991: 133].	Тобус сиринэн бөкчөбөр... / Куһи утуйа сьтар [ХДь 2016: 52] 'С горбами в десяти местах / Человек спит' ¹ .
--	---

В данном примере единицы образной (изобразительной) лексики представлены разными частями речи: бур. *бэгзыхэ* ('1) быть сутулым, горбиться; ёжиться; вид. *бэгзэгэд гэхэ* слегка сгорбиться; 2) сгибаться, изгибаться' [БРС, 1 2010: 170]) является глаголом, а як. *бөкчөбөр* 'согнутый, сгорбленный, горбатый (о спине человека)' [БТСЯ, 2 2005: 443]) — прилагательным. Общим для обоих слов выступает семантическое значение «иметь горб, быть сгорбленным».

¹ Здесь и далее в отсутствии указания на источник перевода дается перевод автора статьи.

Прилагательное *бөкчөбөр* произведено от образного глагола *бөкчөй* ‘согнуться, становиться согнутым, сгорбленным’ [БТСЯЯ, 2 2005: 444] с присоединением аффикса *-бар / -гар*. В бурятском языке этому аффиксу соответствует *-гар (-гэр, -гор)*, который образует от изобразительных глаголов прилагательные, обозначающие форму, объем и размер, представляющихся в образном виде. К. М. Черемисов отметил, что аффикс *-гар (-гэр, -гор)* придает прилагательным «качество, выходящее за пределы нормального, большей частью о внешнем виде человека, животного и частей тела (названия чрезвычайно эмоциональные)» [БМРС 1951: 817]. В данном случае глагол *бэгзыхэ* имеет прилагательную форму *бэгзэгэр* ‘сутулый, сгорбившийся; горбатый’ [БРС, 1 2010: 170].

Несмотря на сходство семантического значения, они различаются контекстом использования слова и объектом описания (Аламжи Бэргэн и абаасы). В бурятском эпосе *бэгзыхэ* использовано в значении «сгорбиться от усталости». В якутском олонхо *бөкчөбөр* имеет выраженную отрицательную коннотацию, так как речь идет о безобразном виде абаасы — богатыря-чудовища из Нижнего мира.

К этой же группе отнесем слова *арбагай* и *арбай*:

<p><i>Арбагай</i> эбэртэй бугайе / Алалдажи байгаальби [АМ 1991: 224] ‘Ты, догнав изюбра широкорогого, / С ним схватился’ [АМ 1991: 225]</p>	<p><i>Арбайа</i> сүүрбүт абааһылаах / Дойдуга тийэн кэлбитэ [МЭС 1996: 124] ‘и бесы беспорядочно мельгешат вот в такую страну пришел’ [МЭС 1996: 125]</p>
--	---

Здесь также единицы образной лексики представлены разными частями речи: бур. *арбагай* — прилагательное, означающее ‘растопыренный; лохматый, косматый’ [БРС, 1 2010: 76], як. *арбай* — глагол со значением «быть растрепанным, взьерошенным, взлохмаченным (о волосах)» [БТСЯЯ, 1 2004: 541]. Прилагательное *арбагай* образовано с помощью аффикса *-гай (-гэй, -гой)*, которое несколько напоминает прилагательные на *-гар* «как по условиям образования, так и частично по своему значению (отличаясь однако от них своей непродуктивностью)» [Грамматика бурятского языка 1962: 123]. При этом в словарном фонде бурятского языка также присутствует прилагательное *арбагар* «1) растопыренный; косматый, лохматый; ветвистый; 2) пушистый (о снеге)» [БРС, 1 2010: 76]. Значения этих двух прилагательных похожи, но *арбагар* имеет более широкое семантическое значение, так как описывает не только волосы, но и растения и снег. Глагол *арбайха*, от которого образованы прилагательные, имеет значение «растопыриться; растрепаться, взлохматиться, стать дыбом» [БРС, 1 2010: 76].

От якутского образного глагола *арбай* также может образоваться прилагательное с помощью аффикса *-бар*: *арбабар* «1) взьерошенный; растрепанный, всклоченный (о волосах); 2) раскидистый, разросшийся (о деревьях, кустах)» [БТСЯЯ, 1 2004: 540]. Семантическое значение якутского прилагательного шире, чем у бурятского *арбагай*, но уже, чем *арбагар*. В целом схожесть значения и внешнего облика рассматриваемых единиц образной (изобразительной) лексики якутского и бурятского языков очевидна.

Однако данный пример интересен еще и тем, как использованы рассматриваемые единицы образной лексики в тексте эпоса. В бурятском эпосе образное прилагательное *арбагай* относится к рогам изюбря, что не выходит за рамки семантического значения этого слова. В переводе дано вполне подходящее, передающее значение образа слово «широкорогое». В якутском эпосе образный

глагол *арбайа* использован при описании Нижнего мира через его обитателей, в том числе абаасы — чудовища из Нижнего мира. *Арбайа сүүрбүт абаанылаах / Дойдуга тийсэн кэлбитэ* буквально можно перевести как ‘приехал в страну, где бегают абаасы с **взъерошенными** волосами’. В данном контексте образный глагол приобретает отрицательную коннотацию, возможно, даже присутствует некая комичность, тем самым подчеркивается ироничное отношение сказителя к описываемому Нижнему миру.

Помимо вышеназванных образных слов в якутских и бурятском эпических текстах обнаружена еще одна лексическая параллель: бур. *алсайха* «1) раздвигать, расставлять ноги; 2) оттопыривать» [БРС, 1 2010: 55] и як. *алчай* (ср. *аччай*, *ахчай*) «расставлять, раздвигать ноги, раскорячиваться» [Харитонов 1954: 258].

5. Образная (изобразительная) лексика, характеризующая мимику и лицо персонажей

<p><i>Ангалзаха аматайхан / Байгтуй!</i>» — <i>гэжи хэлэбэл-даа</i> [АМ 1991: 276] ‘Будьте такими — / С разинутой пастью! — так он сказал’ [АМ 1991: 277]</p>	<p><i>Дьэбиннээх харахтарын тиэрэ көрөн, / Архахтаах айахтарын аначчы атан</i> [КД 1993: 94] ‘ржавые глаза скосив-выпучив, / воспаленные рты широко разинув’ [КД 1993: 95]</p>
--	--

В данном примере глагол *ангалзаха* означает «1) открывать, раскрывать; 2) *перен.* ротозейничать» [БРС, 1 2010: 67]. Образован от глагола *ангайха* ‘раскрываться, открываться, зиять; разверзаться’ [БРС, 1 2010: 67] при помощи аффикса *-ла*, придающего дополнительный семантический окрас мерного, ритмичного действия. Наречие из якутского примера *аначчы* «настежь, широко» [БТСЯЯ, 1 2004: 498] образовано от образного глагол *анай* «1) зиять большим черным отверстием; 2) распахиваться, раскрываться широко; 3) раскрыв рот, стоять неподвижно, как вкопанный (от испуга, удивления и пр.)» [БТСЯЯ, 1 2004: 495–496].

Как видно из определений, бур. *ангайха* и як. *анай* имеют одинаковое семантическое значение, эти глаголы могут относиться не только ко рту, но и ко всему, что открыто, распахнуто, зияет. Это подтверждается другим примером из бурятского эпоса: *Алтай сагаан хаданхъям / Ангалзажси ошолойл* ‘Священная гора Алтая / Раздалась, **приоткрылась**’ [АМ 1991: 162–163], в котором речь идет о горе.

К образным словам, характеризующим мимику, отнесем также следующее:

<p><i>Агуй Гоохон басаган / Буруу тээшээ харажси / Мишигэд гэжи неэжси-лэ</i> [АМ 1991: 200] ‘Агуй Гохон-сестрица / Глаза отвела в сторону, / Про себя усмехнулась’ [АМ 1991: 201]</p>	<p><i>Аан дайды иччитэ / Аан Алахчын Хатын / Бэттэх көрөн мичик гын</i> [КД 1993: 254] ‘Дух-хозяйка изначальной земли / Аан Алахчын Хагын, / в эту сторону погляди-улыбнись!’ [КД 1993: 199]</p>
---	--

Глагол *мишигэд гэхэ* (в западном наречии бурятского языка *мэшэгэд гэжэ* ‘улыбаться’ [БРС, 1 2010: 578]) является составным, употребляется в речи вместе со служебным глаголом *гэхэ* ‘говорить’. Такую же основу имеют глаголы *мэшэгэхэ* ‘высок. улыбаться’ [БРС, 1 2010: 578] и *мэшэлзэхэ* ‘улыбаться (время от времени и неприметно)’ [БРС, 1 2010: 578]. Якутское *мичик гын* имеет значение

‘улыбнуться’ и является примером употребления собственно образного слова в сочетании со служебным глаголом *гын* ‘делать’, которое «можно рассматривать как аналитическую (синтаксическую) форму глагола с моментально-однократным значением» [Харитонов 1954: 201]. Так же, как и в бурятском примере, от основы *мичик* могут быть образованы глаголы *мичий* «светиться, сиять тихой улыбкой» [БТСЯЯ, 6 2009: 267] и *мичилий* ‘1) светиться улыбкой, лучиться радостью; 2) поэт. предстать во всей красе» [БТСЯЯ, 6 2009: 268].

В тексте эпосов рассмотренные образные слова относятся к женским персонажам: в якутском олонхо — это обращение к духу земли Аан Ахталыйа, в бурятском — про главную героиню Агуй Гоохон. В обоих случаях в контексте эпоса прослеживается положительный оттенок значения.

6. Образная (изобразительная) лексика, характеризующая различные формы предметов

Поскольку основная функция образной лексики в целом — это передача сложного зрительного образа предмета или человека, в тексте якутского и бурятского эпосов данная группа наиболее многочисленна. Главная характеристика образной лексики данной группы — это соединение представления о движении с формой и структурой предмета, т. е. при определенном движении меняется форма или положение предмета. Рассмотрим пример:

<p><i>Булад сагаан ядан-ла / Арбан гурбан газар / Тэхэрэжи нугаржи / Ошоһонин тэрэл-даа!</i> [АМ 1991: 128] ‘Острое булатное копье / Тринадцатипятиаршинное / Согнулось, расплющилось / И отлетело назад’ [АМ 1991: 129]</p>	<p><i>Сотобунан долгуйар / Солко нуоҕай бытырыыс / Субуруйа долгуйууй</i> [МЭС 1996: 350] ‘До щиколоток моих / ниспадающая-трепещущая / шелковая бахрома, проколюхайся-ка’ [МЭС 1996: 351]</p>
--	--

Здесь образный глагол *нугарха* имеет значение ‘1) сгибаться; перегибаться, гнуться; 2) переламываться, разъединяться’ [БРС, 1 2010: 617]. Якутское образное слово *нуоҕай* может использоваться в качестве глагола ‘1) склониться, согнуться (о растениях); 2) покачиваться из стороны в сторону, пошатываться, двигаться плавно, переваливаясь с боку на бок’ [БТСЯЯ, 6 2009: 485], так и отглагольное прилагательное ‘гнувшийся, клонящийся (например, о ветке дерева)’ [БТСЯЯ, 6 2009: 486]. В данном случае *нуоҕай* используется как отглагольное прилагательное. Общим семантическим признаком якутского и бурятского образного слова будет ‘сгибаться, гнуться’. Однако *нуоҕай* имеет более узкое значение, так как применим в основном к растениям, тогда как *нугарха* имеет более широкое семантическое значение.

В тексте бурятского эпоса *нугарха* использован при описании булатного копья, которое согнулось после удара по Аламжи Мэргэну. Здесь образный глагол усиливает гиперболизацию несокрушимости главного героя. В якутском эпосе *нуоҕай* использован в речи удаганки, прилетевшей в облике стерха и приносящей от верховных божеств пожилым родителям благую весть об их сыне. В данном случае *нуоҕай* относится к бахроме — части удаганской одежды, а не растениям, как это принято в современном литературном языке. На наш взгляд, такой сдвиг семантики слова можно расценивать как индивидуальный стиль сказителя.

Далее рассмотрим пример, демонстрирующий развитие значения образных слов:

<p><i>харбайжи</i>-ла татана [АМ 1991: 180] ‘Курила она, трубку протягивая’ [АМ 1991: 181]</p>	<p><i>Сарбайа</i> үүнэн, Сараадыйа уааатан испитэ эбитэ үһү [МЭС 1996: 78] ‘растопыриваясь во все стороны, по- степенно увеличивалась, оказывается’ [МЭС 1996: 79]</p>
---	---

Так, бурятское *харбайха* имеет значения ‘1) протягивать руку (или что-л. в руках); 2) *парн.* к *hanaха*; 3) растрепываться, распускаться (о волосах); торчать; быть в беспорядке; 4) растопыриваться; раскидываться’ [БРС, 2 2010: 551], якутское *сарбай* — ‘1) вытягивать руку или лапу с растопыренными когтями к кому-чему-л. с намерением схватить; 2) быть раскидистым, разлапистым, широким (напр., о ветвях, листьях)’ [БТСЯЯ, 8 2011: 272]. В представленных глаголах первичнее было значение «представления о контурном и объемном расширении предмета, о раздвигании и выставлении отростков, отщепов и пр.» [Харитонов 1954: 224], т. е. представление о чем-то растопыренном, раскидистом. Затем ассоциация растопыренного, раскидистого вида перешла на ассоциацию движения с таким видом, что повлекло за собой появление нового значения ‘протянуть руки’, подразумевающего, что при этом растопыриваются пальцы. Весьма занятно, что развитие значения *сарбай* и *харбайха* произошло и в якутском, и в бурятском языках симметрично.

В тексте бурятского эпоса *харбайха* использован во вторичном значении ‘протянуть руку’, в якутском эпосе *сарбай* — в первичном ‘быть раскидистым, разлапистым, широким’, причем речь здесь идет об ушах важенки — самки северного оленя. Следует отметить, что *сарбай* в данном случае входит в состав распространенной преимущественно в вилкойской и северной традиции эпической формулы, описывающей создание мира. Встречается в зачине олонхо.

Следующий пример примечателен тем, что лексическая параллель обнаружилась сразу в трех текстах:

<p><i>Хүхүй улаан хадан-бэй / Хэлбэлзэжи ошобол</i> [АМ 1991: 276] ‘Гора-исполнин Хухэй / К ней наклонилась’ [АМ 1991: 276]</p>	<p><i>Онтон буоллабына, ол алаара-абы өттүгэр / Кэйбэлибэт кэтит үтүгэнгэ... / Аан Дараһы биһин ууһун / Атамаана буолбут Арсын Дуолай Тойон диэн, / Аан Дьааһын Хатын диэн бааллар үһү</i> [ХДЬ 2016: 20] ‘С той нижней стороны, / В не прогибающейся широкой бездне... / Племена Аан Дарасы / Ставший атаманом Арсын Дуолай Тойон и / Аан Джасын Хотун жили’</p>	<p><i>Кэбиэлээтэр кэйбэльдий-бэт / Кэтит киэлилээх... / Алыгыр-налыгыр / Аан-ийэ дойду диэн</i> [КД 1993: 74] ‘с [таким] необъятным простором, / [что] качнешь – не качнется, ... / безмятежно спокойная / изначальная мать-земля’ [КД 1993: 75]</p>
--	--	---

Бурятский глагол *хэлбэлзэхэ* имеет значение ‘1) наклоняться, крениться; 2) качаться, колыхаться, колебаться; 3) *перен.* плыть’ [БРС, 2 2010: 514]. В якутском языке *кэйбэльдий* означает ‘согнуться, прогнуться под тяжестью чего-л. (обычно употр. в отриц. ф.)’ [БТСЯЯ, 5 2008: 459] и является производной от *кэйбэй* ‘выгибаться, вилять в сторону средней частью тела’ [Харитонов 1954: 291] в форме раздельной кратности. Эта форма образуется путем присоединения

к основе образного глагола аффикса *-лдьаа*, который может быть соотносим с бурятским *-лза* (*-лзе*, *-лзо*), придающим образным глаголам значение «мерно-ритмических, длительно-прерывистых, длительно-комитативных и ослабленных действий» [Грамматика бурятского языка 1962: 185].

Кэйбэлдьий в основном употребляется в фольклорных текстах, в том числе и в олонхо, стилистически близок к высокой лексике и является компонентом устойчивого выражения при описании земли в зачине олонхо во всех региональных эпических традициях. Примечательно, что в представленных двух примерах из якутского олонхо в первом примере речь идет о Нижнем мире, во втором — о Среднем. В обоих случаях образный глагол показывает устойчивость и непоколебимость миров. Семантическое значение *хэлбэлзэхэ* шире и в тексте эпоса имеет нейтральный характер.

К этой группе также отнесем следующие лексические параллели: бур. *хэ-лтэйхэ* ‘отламывать, откалывать’ [БРС, 2 2010: 515] и як. *кэлтэгэй* ‘ущербный (месяц), имеющий только одну сторону, один бок (например, о шалаш)’ [БТСЯЯ, 5 2008: 476] от *кэлтэй* ‘убывать, ущербляться с одной стороны, становиться несимметричным; перевалить за середину’ [Харитонов 1954: 291]; бур. *мондогор* ‘круглый’ от *мондойхо* ‘1) быть округлым (или выпуклым); выдаваться; 2) *перен.* быть с горбинкой (о носе)’ [БРС, 1 2010: 556] и як. *мэндэй* (ср. *мондой*) ‘возвышаться над другими, выделяться масштабностью (о строительстве)’ [БТСЯЯ, 6 2009: 405]; бур. *нахилзаха* (от *нахиша*) ‘1) изгибаться, прогибаться; 2) пружиниться, качаться; 3) пластично двигаться (о походке)’ [БРС, 1 2010: 596] и як. *накырый* (от *накый*) ‘сгибать ноги в коленях, стоять на полусогнутых ногах’ [БТСЯЯ, 6 2009: 441]; бур. *хотойхо* ‘1) гнуться, прогибаться (под тяжестью); становиться вогнутым, прогнутым, ломиться; 2) *перен.* уменьшаться (обычно о богатстве); 3) изгибаться, искривляться’ [БРС 2, 2010: 453] и як. *хоточчу* от *хотой* ‘от тяжести прогибаться, оседать, провисать’ [БТСЯЯ, 13 2016: 620].

7. Заключение

Сравнительный анализ лексических параллелей образной (изобразительной) лексики якутского и бурятского языков в эпическом тексте показал, что благодаря яркому эмоционально-оценочному характеру они позволяют не просто вызвать ассоциацию с движением и объектом, совершающим это действие, но и выразить отношение сказителя к описываемому явлению.

Следует также отметить, что образные слова в эпических текстах в большинстве случаев подобраны по принципу вертикальной и горизонтальной аллитерации. Это говорит о гибкой природе образных слов, а также мастерстве сказителя, умении подобрать емкое слово, выражающее сложную картину, будучи ограниченным определенными фонетическим рамками.

В семантическом плане наблюдается аналогичное развитие значения образных слов, а также одинаковая широта или узость семантического значения слова.

Высокая производительность образных глаголов свойственна обоим языкам в одинаковой степени. Так, в исследуемых текстах якутского и бурятского выявлены отглагольные образные (изобразительные) прилагательные с аффиксами *-бар* / *-гар* и видовые формы глаголов с аффиксами *-лдьый* / *-лза*, имеющими дополнительный семантический окрас мерного, ритмичного действия.

Идентичные типовые образные представления у якутов и бурят объясняются удивительной общностью образной (изобразительной) лексики якутского и

бурятского языков, обусловленной длительными контактами народов. Наличие данной лексики в сохранных до наших дней памятниках эпического наследия якутского и бурятского народов позволит определить специфику их языкового восприятия мира и образного мышления.

Литература

- АМ 1991 — Бурятский героический эпос «Аламжи Мэргэн» / сост. М. И. Тулохонов. Новосибирск: Наука, СО, 1991. 312 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока). (На бур. и рус. яз.)
- Антонов 1966 — Антонов Н. К. О некоторых якутских именных основных монгольского происхождения // Труды историко-филологического факультета (Якутский университет). 1966. Вып. 1. С. 207–214.
- Афанасьев 1992 — Афанасьев Л. А. Фоносемантика образных слов якутского языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Якутск, 1992. 21 с.
- Бётлингк 1989 — Бётлингк О. Н. О языке якутов / пер. с нем. В. И. Рассадин; отв. ред. Е. И. Убрятова. Новосибирск: Наука, 1989. 646 с.
- БМРС 1951 — Бурят-монгольско-русский словарь / сост. К. М. Черемисов. М.: Гос. изд-во ин. и нац. словарей, 1951. 852 с.
- БРС, 1 2010 — Бурятско-русский словарь. В 2 тт. Т. 1. А–Н / Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. Улан-Удэ: Респ. тип., 2010. 636 с.
- БРС, 2 2010 — Бурятско-русский словарь. В 2 тт. Т. 2. О–Я / Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. Улан-Удэ: Респ. тип., 2010. 708 с.
- БТСЯЯ, 1 2004 — Большой толковый словарь якутского языка. Т. 1 / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2004. 679 с.
- БТСЯЯ, 2 2005 — Большой толковый словарь якутского языка. Т. 2 / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2005. 910 с.
- БТСЯЯ, 5 2008 — Большой толковый словарь якутского языка. Т. 5 / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2008. 615 с.
- БТСЯЯ, 6 2009 — Большой толковый словарь якутского языка. Т. 6 / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2009. 518 с.
- БТСЯЯ, 7 2010 — Большой толковый словарь якутского языка. Т. 7 / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2010. 518 с.
- БТСЯЯ, 8 2011 — Большой толковый словарь якутского языка. Т. 8 / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2011. 572 с.
- БТСЯЯ, 13 2016 — Большой толковый словарь якутского языка. Т. 13 / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2016. 638 с.
- Герасимова 2020 — Герасимова Л. Н. Функциональная особенность якутских и бурятских изобразительных глаголов в эпическом тексте // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Сер.: Эпосоведение. 2020. № 4(20). С. 137–145.
- Грамматика бурятского языка 1962 — Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология / отв. ред. Г. Д. Санжеев. М.: Вост. лит., 1962. 340 с.
- ГСЯЛЯ 1982 — Грамматика современного якутского языка. Фонетика и морфология / под ред. Е. И. Коркиной, Е. И. Убрятовой и др. М.: Наука, 1982. 495 с.
- Егинова 2014 — Егинова С. Д. Образные прилагательные якутского языка (в сопоставлении с бурятским и киргизским языками) / отв. ред. М. В. Зайнуллин. Новосибирск: Наука, 2014. 231 с.
- КД 1993 — Якутский героический эпос «Кыыс Дэбилэйэ» / сост. П. Н. Дмитриев. Новосибирск: Наука, 1993. 330 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока). (На як. и рус. яз.)
- Котвич 1962 — Котвич В. Л. Исследования по алтайским языкам / пер. с польск.

- А. И. Толкачева. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1962. 371 с.
- Кулаковский 1979 — *Кулаковский А. Е.* Научные труды / подг. к печ. Н. В. Емельянов. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1979. 494 с.
- МЭС 1996 — Якутский героический эпос «Могучий Эр Соготох» / отв. ред. Н. В. Емельянов. Новосибирск: Наука, 1996. 440 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; т. 10). (На як. и рус. яз.)
- Рамстедт 1957 — *Рамстедт Г. Й.* Введение в алтайское языкознание. Морфология / пер. с нем. Л. С. Слоним. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1957. 225 с.
- Рассадин 1980 — *Рассадин В. И.* Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М.: Наука, 1980. 114 с.
- Рассадин 2017 — *Рассадин В. И.* Бурятизмы в якутском языке // Рассадин В. И. Монголоведные исследования-2. Внешние связи монгольских языков (избранное) / под ред. С. М. Трофимовой. Элиста: Калм. ун-т, 2017. С. 4–9.
- Санжеева 2011 — *Санжеева Л. Ц.* Поэтика фольклорного текста (на материале бурятского эпоса): дисс. ... д-ра филол. наук. Улан-Удэ, 2011. 358 с.
- Слепцов 1990 — *Слепцов П. А.* Якутский литературный язык: формирование и развитие общенациональных норм. Новосибирск, Наука, 1990. 288 с.
- Сундуева 2011 — *Сундуева Е. В.* Звуки и образы: фоносемантическое исследование лексем с корневыми согласными [g/m] в монгольских языках / отв. ред. Л. В. Шулунова. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2011. 344 с.
- Убрятова 1960 — *Убрятова Е. И.* Якутский язык в его отношении к другим тюркским языкам, а также к языкам монгольским и тунгусо-маньчжурским. М.: Вост. лит., 1960. 34 с.
- Харитонов 1954 — *Харитонов Л. Н.* Типы глагольной основы в якутском языке / отв. ред. Н. К. Дмитриев. М.; Л.: АН СССР, 1954. 312 с.
- Харитонов 1960 — *Харитонов Л. Н.* Формы глагольного вида в якутском языке / отв. ред. Е. И. Убрятова. М.; Л.: Наука, 1960. 179 с.
- ХДь 2016 — Хаан Дьаргыстай: олонхо: текст / хомуйан онордо В. В. Илларионов. Дьокуускай: Алаас, 2016. 232 с. (На як. яз.)
- Цыдендамбаев 1958 — *Цыдендамбаев Ц. Б.* Изобразительные слова в бурятском языке // Филология и история монгольских народов. Памяти Б. Я. Владимирцова. М.: Вост. лит., 1958. С. 136–151.
- Шагдаров 1962 — *Шагдаров Л. Д.* Изобразительные слова в современном бурятском языке / отв. ред. И. Д. Бураев. Улан-Удэ, 1962. 149 с.
- Эргис 2008 — *Эргис Г. У.* Очерки по якутскому фольклору / отв. ред. В. Е. Гусев. Якутск: Бичик, 2008. 408 с.
- Ястремский 1900 — *Ястремский С. В.* Грамматика якутского языка С. В. Ястремского // Труды Якутской экспедиции, снаряженной на средства И. М. Сибирякова. Иркутск: Изд. книжного магазина П. И. Макушина, 1900. Отд. 2. Т. 3. Ч. 2. Вып. 2. С. 1–332.
- Kaluzynski 1961 — *Kaluzynski St.* Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache. Warszawa, 1961. 170 s. (На нем. яз.)
- Radloff 1908 — *Radloff W.* Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen. St.-Pb., 1908, T. VIII. №7. 87 s. (На нем. яз.)
- Zhirkova 2019 — *Zhirkova E. E.* Imitative Words in Yakut and Khakass Epic Texts: Lexical and Semantic Features // Journal of History Culture and Art Research. 2019. No. 8(4). Pp. 204–217. DOI: 10.7596/taksad.v8i4.2370.

References

- “Alamzhi Mergen” Buryat Heroic Epic. Comp. M. I. Tulohonov. Novosibirsk: Nauka, 1991. 312 p. (Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the far East). (In Bur., Russ.)
- Afanas'ev L. A. Phonosemantics of Figurative Words of the Yakut language. Cand. diss. (Philology). Yakutsk, 1992. 21 p. (In Russ.)

- Antonov N. K. About some Yakut Nominal Basic Mongolian Origin. Works of the History and Philology Faculty (Yakut University). 1966. No. 1. Pp. 207–214. (In Russ.)
- Big Explanatory Dictionary of the Yakut Language. V. 1 / ed. P. A. Sleptsov. Novosibirsk: Nauka, 2004. 679 p. (In Yakut.)
- Big Explanatory Dictionary of the Yakut Language. V. 2 / ed. P. A. Sleptsov. Novosibirsk: Nauka, 2005. 910 p. (In Yakut.)
- Big Explanatory Dictionary of the Yakut Language. V. 5 / ed. P. A. Sleptsov. Novosibirsk: Nauka, 2008. 615 p. (In Yakut.)
- Big Explanatory Dictionary of the Yakut Language. V. 6 / ed. P. A. Sleptsov. Novosibirsk: Nauka, 2009. 518 p. (In Yakut.)
- Big Explanatory Dictionary of the Yakut Language. V. 7 / ed. P. A. Sleptsov. Novosibirsk: Nauka, 2010. 518 p. (In Yakut.)
- Big Explanatory Dictionary of the Yakut Language. V. 8 / ed. P. A. Sleptsov. Novosibirsk: Nauka, 2011. 572 p. (In Yakut.)
- Big Explanatory Dictionary of the Yakut Language. V. 13 / ed. P. A. Sleptsov. Novosibirsk: Nauka, 2016. 638 p. (In Yakut.)
- Buryat-Mongolian-Russian Dictionary. comp. K. M. Cheremisov. Moscow: State publ. of Foreign and National Dict., 1951. 852 p. (In Bur. and Russ.)
- Buryat-Russian Dictionary. In 2 vol. Vol. 1. A–N / L. D. Shagdarov, K. M. Cheremisov. Ulan-Ude: Resp. typ., 2010. 636 p. (In Bur. and Russ.)
- Buryat-Russian Dictionary. In 2 vol. Vol. 1. 2. O–Ya / L. D. Shagdarov, K. M. Cheremisov. Ulan-Ude: Resp. typ., 2010. 708 p. (In Bur. and Russ.)
- Betlingk O. N. About the Language of Yakuts. Translation from German V. I. Rassadin; ed. E. I. Ubryatova. Novosibirsk: Nauka, 1989. 646 p. (In Russ.)
- Eginova S. D. Figurative Adjectives of the Yakut Language (in comparison with the Buryat and Kyrgyz languages) / ed. M. V. Zaynullin. Novosibirsk: Nauka, 2014. 231 p. (In Russ.)
- Ergis G.U. Essays on Yakut Folklore. ed. V. E. Gusev. Yakutsk: Bichik, 2008. 408 p. (In Russ.)
- Grammar of the Buryat Language. Phonetics and Morphology / ed. G. D. Sanzheev. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1962. 340 p. (In Russ.)
- Grammar of the Modern Yakut Language. Phonetics and Morphology / ed. E. I. Korkina, E. I. Ubryatova. Moscow: Nauka, 1982. 495 p. (In Russ.)
- Gerasimova L. N. Functional Feature of Yakut and Buryat Image-Forming verbs in Epic Text. *Vestnik of Noth-Eastern Federal University. Series “Epic Studies”*. 2020. No. 4(20). Pp. 137–145. (In Russ.)
- Kaluzynski St. *Mongolische Elemente in der Jakutischen Sprache*. Warszawa, 1961. 170 p. (In Germ.)
- Khaan Dzhangystai: olonkho: Textbook. comp. V. V. Illarionov. Yakutsk: Alaas, 2016. 232 p. (In Yakut.)
- Kharitonov L. N. Types of Verb Stem in the Yakut language. ed. N. K. Dmitriev. Moscow, Leningrad.: Academy of Sciences of the USSR, 1954. 312 p. (In Russ.)
- Kharitonov L. N. Verb forms in the Yakut language. ed. E. I. Ubryatova. Moscow; Leningrad: Nauka, 1960. 179 p. (In Russ.)
- Kotvich V. L. Studies in Altaic languages / transl. from Polish by A. I. Tolkacheva. M.: Publishing House of Foreign Languages Lit., 1962. 371 p.
- Kulakovskij A. E. Academic works / prep. to publ. N. V. Emelyanov. Yakutsk: Yakutsk Publ., 1979. 494 p. (In Russ.)
- “Kyys Debiliye” Yakut Heroic Epic. Comp. P. N. Dmitriev. Novosibirsk: Nauka. Siberian publ. company, 1993. 330 p. (Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the far East). (In Yakut. and in Russ.)
- “Mighty Er Sogotokh” Yakut Heroic Epic. ed. N. V. Emelyanov. Novosibirsk: Nauka, 1996. 440 p. (Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the far East; Vol. 10). (In Yakut. and in Russ.)

- Radloff W. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen. St. Petersburg, 1908. Vol. 8. No. 7. 87 p. (In Germ.)
- Rassadin V. I. Buryatisms in Yakut language. In: Rassadin V. I. Mongolian Studies 2. External Relations of the Mongolian Languages (selected) / ed. S. M. Trofimova. Elista: KSU Publ., 2017. Pp. 4–9. (In Russ.)
- Rassadin V. I. Mongolian-Buryat borrowings in Siberian Turkic languages. Moscow: Nauka, 1980. 114 p. (In Russ.)
- Ramstedt G. J. Introduction to Altai linguistics. Morphology / transl. from German L. S. Slonim. M.: Publishing House of Foreign Languages. Lit., 1957. 225 p.

ЛИНГВИСТИКА

УДК / UDC 811.512.3

DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-742-756

Заемствованная буддийская лексика бурятского языка в историко-лингвистическом освещении

Дарима Шагдуровна Харанутова¹, Лариса Батуевна Будажапова²,
Николай Сергеевич Байкалов³

¹ Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова (д. 24а, ул. Смолина, 670000 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор филологических наук, доцент

 0000-0001-5692-5393. E-mail: dkharanutova[at]mail.ru

² Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова (д. 24а, ул. Смолина, 670000 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, доцент

 0000-0001-6987-7255. E-mail: budlara[at]mail.ru

³ Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова (д. 24а, ул. Смолина, 670000 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор исторических наук, доцент

 0000-0002-2511-9003. E-mail: baikalov[at]bsu.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Харанутова Д. Ш., Будажапова Л. Б., Байкалов Н. С., 2023

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена буддийским терминам, представляющим значительный пласт в лексической системе бурятского языка. Заемствованная буддийская лексика бурятского языка — это результат проникновения буддийских терминов в бурятский язык, растянувшегося на века. Он не был равномерным, у него, как и у любого процесса, были периоды спада и активности. Безусловно, заимствование буддийских терминов — следствие развития буддологических идей. Основная цель исследования — описать особенности заимствованных буддийских терминов, являющихся итогом неразрывной связи процесса их проникновения в бурятский язык и истории распространения буддизма у монголоязычных народов. В задачи исследования входит: 1) обоснование периодов активизации проникновения буддийских терминов в лексико-логическую систему бурятского языка на историческом фоне; 2) краткое историко-лингвистическое описание периодов массового проникновения буддийских терминов; 3) выявление особенностей семантики отдельных заимствований, принадлежащих разным периодам заимствования и разным языкам-донорам. *Результаты.* На основе исторических и лингвистических фактов авторы обосновывают правомерность выделения периодов проникновения буддийских терминов, связанного с периодами интенсивного развития буддизма. Исследование показало, что в первый период заимствований буддийских терминов бурятского языка их проводниками являлись согдийский и уйгурский языки: из санскритского и тибетского буддийские термины попадали в согдийский, затем в

уйгурский. И только после уйгурского они проникали в монгольские языки через старописьменный монгольский язык. Во втором периоде буддийские термины напрямую приходили из тибетского языка в бурятский, в некоторых случаях посредником являлся монгольский язык. Третий период активизации проникновения буддийских терминов характеризуется возрождением ранее заимствованных слов. Авторы приходят к *выводу*, что особенности буддийских терминов зависят от языка-донора, при этом немаловажную роль играют и те пути, по которым они пришли в бурятский язык: напрямую или через язык-посредник, устным или письменным путем.

Ключевые слова: заимствование, буддийская лексика, бурятский язык, периодизация распространения буддизма и заимствования, старописьменный монгольский язык, согдийский язык, уйгурский язык, тибетский язык

Благодарность. Работа выполнена при финансовой поддержке Фонда содействия буддийскому образованию и исследованиям в рамках проекта «Краткий толковый бурятско-русский словарь буддийских терминов» (№ 45/2023).

Для цитирования: Харанутова Д. Ш., Будажапова Л. Б., Байкалов Н. С. Заимствованная буддийская лексика бурятского языка в историко-лингвистическом освещении // Монголоведение. Т. 15. № 4. С. 742–756. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-742-756

Borrowed Buddhist vocabulary of the Buryat Language: a Perspective from History and Linguistics

Darima Sh. Kharanutova¹, Larisa B. Budazhapova², Nikolay S. Baikalov³

¹ Dorzhi Banzarov Buryat State University (24a, Smolin St., 670000 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Associate Professor

 0000-0001-5692-5393. E-mail: dkharanutova[at]mail.ru

² Dorzhi Banzarov Buryat State University (24a, Smolin St., 670000 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

 0000-0001-6987-7255. E-mail: budlara[at]mail.ru

³ Dorzhi Banzarov Buryat State University (24a, Smolin St., 670000 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0002-2511-9003. E-mail: baikalov[at]bsu.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Kharanutova D. Sh, Budazhapova L. B., Baikalov N. S., 2023

Abstract. Introduction. The article is devoted to Buddhist terms, which represent a significant layer in the lexical system of the Buryat language. The borrowed Buddhist vocabulary of the Buryat language is the result of the entering process of Buddhist terms into the Buryat language taken place over centuries. It was not stable, it, like any process, had periods of decline and activity. Of course, borrowing of Buddhist terms is a consequence of the development of Buddhist ideas. The main *purpose* of the study is to describe the features of borrowed Buddhist terms, which are the result of an inextricable connection between the process of their appearing in the Buryat language and the history of Buddhism popularization among the Mongolian-speaking peoples. The *objectives* of the study include: 1) justification

of intensification periods of entering the Buddhist terms into the lexicological system of the Buryat language against a historical background; 2) a brief historical and linguistic description of periods of the mass appearance of the Buddhist terms; 3) identification of the peculiarities of the semantics of individual borrowings belonging to different periods of borrowing and different donor languages. *Results.* Based on the historical and linguistic facts, the authors justify the validity of the allocation of periods of appearing of Buddhist terms associated with periods of intensive development of Buddhism. The study showed that in the first period of borrowing Buddhist terms of the Buryat language, their guides were the Sogdian and Uighur languages: from Sanskrit and Tibetan they fell into Sogdian, then into Uighur. It was only after Uighur that they appeared in the Mongolian languages through the old-written Mongolian language. In the second period, Buddhist terms came directly from the Tibetan language to the Buryat language, in some cases the Mongolian language was the intermediary. The third period of intensification of the appearance of Buddhist terms is characterized by the revival of previously borrowed words. The authors conclude that the features of Buddhist terms depend on the donor language, while the roads along which they came to the Buryat language also play an important role: directly or through an intermediary language, orally or in writing.

Keywords: borrowing, Buddhist vocabulary, Buryat language, borrowing periodization, old-written Mongolian language, Sogdian language, Uighur language, Tibetan language

Acknowledgments. The work was carried out within the framework of the project of the Foundation for the Promotion of Buddhist Education and Research No. 45/2023 “A short explanatory Buryat-Russian dictionary of Buddhist terms”.

For citation: Kharanutova D. Sh., Budazhapova L. B., Baikalov N. S. Borrowed Buddhist Vocabulary of the Buryat Language: a Perspective from History and Linguistics. *Mongolian Studies (Elista)*. 2023; 15(4): 742–756. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-742-756

1. Введение

В развитии и обогащении словарного состава бурятского языка огромную роль играет заимствование буддийской лексики, тесно связанное с историей распространения буддизма. Большинство буддийских заимствований, которыми располагает бурятский язык, передают свойства и качества, приобретенные ими во время непростого миграционного пути.

Следует отметить, что в монголоведении уделялось особое внимание процессу заимствования буддийской лексики, рассматривались вопросы языка-источника (см. работы Б. Я. Владимирцова [Владимирцов 2005], Г. Д. Санжеева [Санжеев 1953; Санжеев 1960], А. М. Позднеева [Позднеев 1993] и др.). Вопросы структуры, семантики буддийских заимствований бурятского языка неоднократно поднимались в работах Л. Б. Будажаповой и Д. Ш. Харанутовой [Будажапова 2012; Будажапова, Харанутова 2020; Будажапова, Харанутова 2023; и др.].

Ранее нами предпринималась попытка установления периодизации процесса заимствования буддийских слов в бурятском языке [Будажапова, Харанутова 2023], в настоящей статье представлены материалы для ее обоснования, помимо лингвистических фактов приводятся и исторические.

Основной целью исследования является выявление особенностей процесса заимствования буддийских терминов, который рассматривается в неразрывной связи с историей распространения буддизма у монголызычных народов. К основным задачам исследования относим обоснование периодов массового проникновения буддийских терминов в бурятский язык, их краткое описание,

выявление особенностей семантики отдельных заимствований, принадлежащих разным периодам заимствования и разным языкам-донорам. При рассмотрении буддийских заимствований актуален вопрос о языке-источнике, языках-посредниках, так как каждый контактируемый язык привносит свои изменения в мигрирующую языковую единицу.

2. Источники исследования

Сбор и систематизация буддийской лексики бурятского языка проводились нами на основе лексикографических работ Д. Дагвадорж [Дагвадорж 1995], О. Сухбаатара [Сухбаатар 1999], Л. Н. Намжилон [Намжилон 1996], Л. Д. Шагдарова¹ и др. Материалами для исследования также послужили языковые сведения, содержащиеся в религиозно-этнографических исследованиях бурятских и монгольских ученых, в историко-этнографических трудах, в некоторых архивных документах.

3. Периодизация истории буддизма в Бурятии

Понадобилось несколько веков, чтобы буддизм получил широкое распространение среди бурят. Развитие буддизма на территории Бурятии представляет собой неравномерный процесс с периодами активности и спада. Период наибольшей активности заимствования буддийских терминов наблюдается во время массового распространения буддизма.

На основе исторических данных можно выделить условные периоды распространения буддизма и буддийских терминов в Бурятии: первый период датируется от конца XIII в. – начала XIV в. до конца XVI в., второй период — от XVI до начала XX вв., третий период (новейший) — от конца XX – начала XXI вв. до сегодняшнего времени.

3.1. Первый период (от конца XIII в. – начала XIV в. до конца XVI в.)

Современные монгольские исследователи придерживаются периодизации истории буддизма в Монголии согласно Зава Дамдину²: ранний — от эпохи хунну до Чингис-хана, средний — от Чингис-хана и Юань (буддизм преимущественно был распространен в форме тибетской школы Сакья), следующий — с XVI в. (в форме школы гелуг). Данная периодизация, по мнению Ц. П. Ванчиковой, поддерживается археологическими данными [Ванчикова 2019: 13].

Буддизм как религиозное и философское учение возник между VI и IV вв. до н. э. на территории современной Индии, затем распространился на страны Индокитая, Центральной и Юго-Восточной Азии. Распространение буддизма у монгольских народов тесно связано с Китаем.

Проникновение буддизма в Китай специалисты относят к первой половине I в. н. э. Первое упоминание буддизма в китайских источниках связано с импера-

¹ С 1994 по 1996 гг. ежемесячно в газете «Буряад Үнэн» выходила рубрика «Буддын шажанай нэрэ томъёонууд» («Буддийские термины»), где публиковались словарные статьи буддийских слов (автором-составителем являлся Л. Д. Шагдаров). В [БРС 2006] и [БРС 2008] имеются словарные статьи буддийской терминологии, выполненные под редакцией Л. Д. Шагдарова.

² Шагдарын Зава Дамдин — знаменитый монгольский ученый-лама, автор работы «Золотая книга / Алтан дэвтэр» — одного из наиболее ценных источников по истории буддизма в Монголии.

тором Ханьской династии Мином (58–79 гг.), которому якобы во сне привиделся Будда, после чего он пригласил в страну первых буддийских монахов. По мнению историков, буддийские миссионеры могли попасть в Китай из Центральной Азии, часть которой находилась под контролем буддийской Кушанской династии, через Дуньхуан и Ганьсу, или из северной Индии через Ассам, Верхнюю Бирму и Юньнань [Чебунин 2019: 23].

Во времена Чингис-хана буддизм проникал в Монголию благодаря тибетским ламам. Одно из ранних свидетельств знакомства монголов с тибетским буддизмом относится к середине XIII в. В это время Годан-хан, второй сын Угэдэя, послал монгольскую военную экспедицию в Центральный Тибет [Бобров, Худяков 2006: 191].

После завоевания Китая ханом Хубилаем (1279 г.) было образовано государство Юань, ставшее первым государственным образованием на территории Китая с династией не китайского (монгольского) происхождения [Кадырбаев 2009: 58]. Императорская власть нуждалась в новой политической идеологии, основой которой мог послужить тибетский буддизм. При дворе буддийские монахи пользовались особой поддержкой, выступали советниками монарха [Кадырбаев 2009: 59].

В результате восстания Красных повязок в 1351–1368 гг. Юаньская династия пала, и монголы отступили на исконные территории своего проживания. Монголия была поделена на наследственные улусы и вступила в период, именуемый в традиционной историографии эпохой «малых каганов» [Колесников и др. 2021: 120–121]. В это время буддизм интенсивно распространяется среди монгольского населения.

С вхождением Монголии в состав Цинской империи распространение буддизма продолжилось. Императоры маньчжурской династии считались ханами монголов и оказывали покровительство буддизму [Китинов, Лю Цян 2018: 81–82]. Они поддерживали монашеские общины и хубилганов, что в конечном счете привело к сосредоточению властных функций в руках известных религиозных иерархов и крупных монастырей. Вследствие сложившейся системы патронирования сформировалась сеть «императорских» монастырей, резиденций хубилганов и монастырей, возведенных на средства ханов, родовых общин и жителей определенных территорий [Цыремпилов 2014: 173].

Этот период характеризуется реализацией посреднической функции согдийского и уйгурского языков. Особо следует выделить уйгурскую письменность, при помощи которой монгольские народы, в том числе и буряты, познакомились с существующими в то время переводами буддийской литературы на уйгурский язык. Благодаря уйгурскому языку санскритские буддийские термины дополнили монгольские языки, при этом многие из терминов-«мигрантов» попадали в измененном виде: уйгурский язык старался адаптировать их к своей языковой системе.

«Карта путешествия» буддийских терминов в этот период выглядит таким образом: *санскритский* → *согдийский* → *уйгурский* → *монгольские языки (через старотписьменный монгольский язык)*, в том числе *бурятский язык*, и *уйгурский* → *монгольские языки (через старотписьменный монгольский язык)*, в том числе *бурятский язык*.

Любопытно, что некоторые буддийские лексемы, не подвергшиеся изменениям в уйгурском языке, до сих пор функционируют в бурятском языке в неизменном виде, как и в языке-источнике (санскритском языке). Например: лексема *багша* ‘учитель’ — это заимствованная из санскритского *bhikṣu* ‘учитель веры’ (бакшы), сумевшая сохранить в промежуточном уйгурском языке тот же фонетический и семантический облик *baḡʃi* (Mül, 47) (бакшы) [Владимирцов 2005: 41]. Лексема *багша* при миграции подверглась частичному изменению: значение «учитель веры» расширилось до значения «1) учитель, преподаватель, наставник; 2) высокий учитель; 3) будд. багша лама» [БРС 2006: 101].

Рассмотрим бурятскую лексему *шаби* ‘1) будд. послушник; 2) ученик’ [БРС 2008: 597]. «Карта путешествия» этого заимствования выглядит таким образом: санскр. *śrāmaṇa* ‘ученик, послушник’ → уйг. *šabi* ‘ученик, послушник’ → кит. *shāmi* → стпмя. *šabi* ‘послушник¹’ [Сүхбаатар 1999: 253]. Лексема *шаби* без изменений прошла через уйгурский язык, а старописьменный монгольский язык зафиксировал ее как в языке-источнике — *šabi*.

Следует отметить, что благодаря старописьменному монгольскому языку в буддийской лексике бурятского языка немало терминов уйгурского происхождения, влившихся без изменений. Например, из уйгурского языка заимствована лексема *qovga* ‘буддийская община, сонм буддийских монахов; буддийский монах’ [Владимирцов 1989: 342], которая закреплена старописьменным монгольским языком как *qubaḡa*, в бурятском языке она функционирует в таком же виде, как и в языке-источнике: *хубараг* ‘послушник (или ученик) лам’ [БРС 2008: 458].

С другой стороны, случались, конечно, и казусы. Например, буддийский уйгурский термин *ajaḡqa tekimlig* ‘оказывать почтение, почитание, почитать’ был заимствован старописьменным монгольским языком в значении «принимающий жертву чашей, в чаше», в бурятском языке он функционирует как *аяга тахимлиг* ‘буддийский священник, нищенствующий, гэлюнг’ [БРС 2006: 96]. Досадная путаница при адаптации, безусловно, возникла из-за того, что в бурятском языке и других монгольских языках функционирует лексема *аяга* ‘чаша, чашка; стакан; глубокая тарелка’ [БРС 2006: 95], тем более что в бурятском языке частотен и буддийский термин *бадар аяга* ‘чашка для подаяния’ (*шабараар хэгдэхэн, хараар шэрдэгдэхэн, горшоогшуу, дүрсэтэй эртэ урдын буддын шажантанай бадар суглуулдаг байһан аяга; булгэмэй гэшүүн бүхэндэ шимэ аяга байха ёһотой гэжэ Бурхан багша айладаһан*) [БРС 2008: 95]. Кстати, положение усугубила ошибка в восприятии монгольским языком значения слова *takimlig*, оно было понято как *тахил* ‘жертва; жертвоприношение; предметы подношения’ [БАМРС 2001: 203].

Что является причиной таких асимметрий — отдельный вопрос, ответ на который остается за пределами этой работы. Предстоит разобраться с разным характером адаптации заимствованных буддийских терминов в принимающем языке. Несомненно одно: большую роль в разноплановости поведения слов-мигрантов играют посреднические языки: уйгурский язык старался адаптировать слова-мигранты, подвергать их семантическим и фонетическим изменениям, а старописьменный монгольский язык бережно фиксировал и старался передавать их в монгольские языки, в том числе бурятский, без изменений. Мы склонны считать, что случай с уйгурским термином *ajaḡqa tekimlig* скорее исключение, чем правило.

¹ Перевод с монгольского языка авторов статьи.

3.2 Второй период (XVI – начало XX вв.)

Второй период распространения буддизма и проникновения заимствований растянут на несколько веков, но характеризуется более короткой стезей к принимаемому языку. Карта заимствований второго периода выглядит таким образом: *тибетский* → *монгольские языки*, в том числе *бурятский*. Отличается от первого периода прямыми заимствованиями из тибетского языка через посредничество старописьменного монгольского языка.

В этот период с середины XVII в. через миграции этнических групп из Восточной Монголии буддизм стал массово распространяться на территории Забайкалья. Необходимо отметить, что некоторые общины селенгинских монголов были знакомы с ним с XVI в., в связи с чем начало второго периода отмечаем этими сроками. Буддийские монахи кочевали вместе с кочевым населением на большие расстояния. Через них буддизм стал распространяться среди селенгинских бурят, а затем пришел к хори-бурятам [Ванчикова, Аюшиева 2019: 120–122].

Факты распространения буддизма среди населения Забайкалья зафиксированы в донесениях русских служилых людей — казачьего атамана Ивана Москвитина (1647 г.) и казачьего головы Петра Бекетова (1653 г.) [Чимитдоржиева 2009: 92–93]. О наличии «ламских юрт» в долине Селенги между речкой Хилок и Селенгинским острогом писал в своем «Путешествии через Сибирь до границ Китая» российский дипломат Николай Спафарий, когда проезжал Забайкалье по дороге в Пекин (1675–1678 гг.) [Спафарий 1960: 108]. В бурятских летописях Т. Тобоева, Д.-Ж. Ломбоцыренова и Д. Дарбаева описано прибытие в Забайкалье в 1712 г. 100 монгольских и 50 тибетских лам, которые спасались от междоусобной войны в Монголии [Бурятские летописи 1995: 170].

Первоначально последователи буддизма в Забайкалье использовали в качестве культовых сооружений княжеские молельни-юрты и разборные сумэ. В 40–50-е гг. XVIII в. началось возведение первых стационарных дацанов. В 1741 г. был основан Тамчинский (Гусиноозерский) дацан, ставший религиозным центром всех левобережных селенгинских бурят. В 1751 г. возник Цонгольский (Хилгантуйский) дацан. В 1773 г. был заложен Кудунский дацан (Даши Лхумбулинг). В 1775 г. хоринский тайша Дамба-Дугар Ринцеев основал Анинский дацан (Гандан Шаддублинг) [История Бурятии 2011: 170–171].

Царское правительство было заинтересовано в упрочении позиций России в Забайкалье и установлении контроля над зарубежными контактами местного населения. Со своей стороны, буддийское духовенство также стремилось к инкорпорации в систему государственного управления и получению официального статуса религии в Российском государстве. Поэтому в 1741 г. оно выступило с инициативой создания единой буддийской сангхи бурят-монголов Забайкалья.

Официальные власти подготовили материалы, которые вошли в знаменитый указ императрицы Елизаветы Петровны 1741 г. Современные исследователи считают, что это был не именной указ монарха, а распорядительный указ местной власти от лица императора, и издан он был в период регентства Анны Леопольдовны при малолетнем императоре Иоанне VI [Цыремпилов 2013: 60–61].

Согласно этому документу, буддизм забайкальских бурят-монголов признавался одним из вероисповеданий России, ламы выделялись в отдельное сословие и освобождались от податей, был определен штат буддийского духовенства в Бурятии в количестве 150 лам, допускалось существование 11 «ламских ка-

пищ» и пр. [История Бурятии 2011: 170]. Окончательная институционализация буддийской сангхи бурят-монголов Забайкалья происходит после утверждения императрицей Екатериной II титула Бандидо (Пандидо) Хамбо-ламы и признания Хамбо-ламой Дамба-Даржа Заяева в 1764 г. [Буряты 2004: 402].

В течение XIX – начала XX вв. происходят разработка и внедрение законодательства по управлению буддийским духовенством у бурят [Цыремпилов 2013: 92–93]. Все эти процессы интенсифицировали приобщение бурят к буддизму и новую волну заимствований в бурятский язык.

Пик активного притока в бурятский язык буддийских терминов, и устных, и письменных, приходится на это время. Безусловно, этому способствовало духовенство, основными распространителями тибетских слов являлись ламы, изучавшие религиозное учение и прикладные науки на тибетском языке [Будажалова 2012: 24–25].

Значительную роль в закреплении заимствованных буддийских слов сыграла в этот период посредническая деятельность старописьменного монгольского языка. Отметим, благодаря старописьменному монгольскому языку заимствованные тибетские лексемы сохраняют свой первоначальный облик в заимствующих монгольских языках, в том числе и в бурятском языке. Например, такие буддийские лексемы как *хадаг* ‘приветственный шарф’ (тиб. *kha dog*), *сан* ‘музыкальные медные тарелки’ (тиб. *bsangs*), *бумба* ‘ваза, кувшин, сосуд, бутылъ’ (тиб. *bumba*) и др., функционирующие в современном бурятском языке, претерпели за период миграции и адаптации только незначительные фонетические изменения.

С другой стороны, при заимствовании многое зависит и от принимающей стороны. Известно, что система языка-донора потребует изменений со стороны слова-мигранта, если в этом будет необходимость. Проиллюстрируем данный факт на примере двух заимствований из бурятского языка, обозначающих монашескую степень: *хаарамба* (тиб. *lharamspa*, стпмя. *lharamba*) и *доорамбо* (тиб. *rdo-gams-ra*, стпмя. *doramba*), где оба слова обладают значением «обладающий монашеской ученой степенью». Обратим внимание, лексема *доорамбо* влилась в бурятский язык без каких-либо изменений, так как старописьменный монгольский язык до этого внес свои коррективы в фонетический облик буддийского термина, заимствованного из тибетского языка. Второе слово *lharamspa* попало в несколько другую ситуацию: старописьменный монгольский язык аккуратно его заимствовал как *lharamba*, в бурятском же языке начальное *l* пропадает. Исчезновение *l* объясняется неприятием его системой принимающего бурятского языка, у которого отсутствует в первых слогах стечение согласных *lh*, в связи с чем тибетские слова типа *лхарамба*, *Лхаса*, *Лхама* имеют соответственно варианты *хаарамба*, *хаса*, *хама*. Кстати, «Бурятско-русский словарь» учитывает данный факт и дает толкование *хаарамба* как «будд. лхарамба (ученое звание ламы, закончившего весь курс цаннид и выдержавшего экзамен-состязание перед статуей Дзу (Цзу)» [БРС 2008: 533]. Надо иметь ввиду, что графема *лха* в бурятском языке читается как фарингальная *h*, на письме же сохраняется: бур. *хаса* = Лхаса (тиб. *Lha-sa*), бур. *хама* = Лхама собст. имя (тиб. *Lha-mo*).

3.3. Новейший (третий) период (конец XX – начало XXI вв.)

Политический курс на институционализацию буддизма, процесс активного вливания буддийских заимствований в монгольские языки, в частности в бурят-

ский язык, были прерваны известными революционными событиями в стране (в начале XX в.), вслед за которыми последовала череда гонений на религиозные культы, сложилась ситуация, связанная с «борьбой советской власти против буддизма и за замещение буддийского религиозного мировоззрения и традиций советской атеистической идеологией и новой нравственностью» [Амоголонова 2017: 299]. Закрылись последние дацаны, основная масса ламства была репрессирована. С 1937 по 1945 гг. в Бурятии не было официально действующих буддийских центров [Номогоева 2010: 79].

В этот непростой период буддийские термины использовались только в контексте с негативным содержанием в средствах массовой информации и художественных произведениях [Харанутова, Будажапова 2023: 66]. С 1940-х гг. ситуация начала меняться. Во время Великой Отечественной войны в Монголии начал действовать монастырь Гандантэгчэнлин (1944 г.), в Бурятии открылся Иволгинский дацан (1946 г.).

Однако подлинное возрождение буддизма в Бурятии произошло на рубеже XX–XXI вв., его в полной мере можно именовать началом новейшего периода в истории буддизма и буддийских заимствований.

В Республике Бурятия на 1 января 2019 г. зарегистрировано свыше 70 буддийских религиозных организаций, из которых около тридцати не состоят в централизованной религиозной организации (далее — ЦРО) «Буддийская традиционная сангха России», а входят в состав еще семи буддийских ЦРО, включающих общины в разных российских регионах [Бадмацыренов, Родионов 2020: 65].

Третий период обладает отличительной характеристикой, он воскрешает заимствования, воссоздает былое, возвращая забытое. Возрождение буддийских терминов дает возможность функционировать им и в религиозной сфере, и, деэтимологизировавшись, в общеупотребительном бурятском языке. Многие деэтимологизированные слова имеют деривационное развитие [Будажапова, Харанутова 2020].

Второе дыхание многочисленных буддийских терминов, полностью освоенных бурятским языком, их деривационное развитие, свидетельствует о динамике развития буддизма и значительном потенциале буддийских слов в развитии семантики. Известно, что заимствования приходят в язык-реципиент, как правило, в одном значении, тем более, если это касается терминов, в нашем случае, буддийских. Обратим внимание, при переносе в лексическую систему бурятского языка буддийские термины не только сохраняют свои специальные первичные значения, но и развивают новые, иногда переносные, значения.

Проиллюстрируем данный факт на примере заимствованной лексемы *нангин*. Это слово заимствовано из санскритского, в свое время оно проделало непростой путь: санскр. *nandin* — тиб. *nangbrten* — стпмя. *nandin / nangdin* — бур. *нангин*.

Сегодня буддийский термин превратился в полисемант, стал обладателем нескольких значений: «1) рел. святой, священный; *нангин шүтөөн*, *нангин эрдэни* святыня; *Нангин хүлдэ* Святой дух (в религии и мифологии: бесплотное сверхъестественное существо); *Нангин сударнууд* (Священное писание, признанные Православной Церковью как канонические 27 книг Нового завета и 38 книг Ветхого Завета); *нангин гэгээнтэдые шүтэлгэ* культ святых (т. е. людей, которые

посвятили свою жизнь церкви и религии, а после смерти признаны образцом праведной жизни и носителями чудодейственной силы); *нангин шүтөөнтэ газарнууд* святые места (места, связанные с представлениями о божественных деяниях, чудесах, жизни святых угодников); 2) чрезвычайно почетный и важный; священный; *нангин захяа заабари* священные заветы; *нангин зөөри* священная собственность; *үбгэ эсэгэнэрэй нангин юумэнууд* святые семейные реликвии; 3) сокровенный; *нангин нюуса* сокровенная тайна; *нангин бодолнууд* сокровенные мысли; 4) торжественный, нерушимый; *нангин үгэ* нерушимое слово (клятва)» [БРС 2006: 593].

При образовании новых слов, в которых производящим является буддийский термин, активно используется сложносоставной способ. В качестве примера можно привести слова, образованные на основе определительных словосочетаний: *гэгээн багша* ‘святой учитель’, *шара шажан* ‘желтая вера, буддизм школы гелуг’, *долоон эрдэни* ‘семь драгоценностей’, *гуутай бурхан* ‘ладанка с изображением божества’. Этот же способ используется в бурятском языке при образовании буддийских слов, связанных с ритуалами бурятской культуры [Бардамова, Харанутова 2023: 62], например, сложное слово *хиш морин* ‘будд. досл. воздушный конь (флажок с напечатанными молитвами и изображением коня)’ [БРС 2008: 422]. Отметим, что *хиш морин* является калькой с тибетского языка, *хиш морин* на тибетском языке означает: *лундаа*, что переводится как «ветер конь» [Намжилон 1996: 48].

Массовый характер вторичного вхождения некоторых буддийских терминов в бурятский язык привел к появлению обширных гнезд однокоренных слов. Буддийский термин *буян* является заимствованием из уйгурского языка (*ripua* ‘добродетель, благодеяние’, стпмя. *biuyan*), в бурятском языке, деэтимологизировавшись, он образовал словообразовательное гнездо, где наличествуют и религиозные термины, и общепотребительные слова: *арбан сагаан буян* ‘десять благих деяний’ и *арбан хара нүгэл* ‘десять неблагих’ (учение о десяти неблагих и десяти благих деяниях)¹, *буян хуряаха* ‘совершить благодеяние (досл. благодеяние, убирать)’, *буян үйлэдэхэ* ‘совершать благодеяние (досл. благодеяние, совершать)’, *буян үйлэдэлгын* ‘прил. сост. благотворительный (напр., концерт или телевизионный марафон в пользу религии)’, *буянай* ‘будд. Благой’, *буянтай*, *буянтай* ‘будд. 1) добродетельный; 2) благой, благодетельный, благотворительный’, *буянша* ‘будд. благотворитель, благодетель, человек, делающий добро’ и т. д. [БРС 2006: 161].

4. Заключение

Процесс заимствования буддийской лексики невозможно рассматривать в отрыве от процесса распространения идей буддизма. В связи с этим предлагается на основе периодов распространения буддизма у монгольских народов выделить условную периодизацию массового проникновения и распространения буддийской лексики, которая выглядит следующим образом: первый период датируется от рубежа XIII в. и XIV в. до конца XVI в., второй период датируется от XVI в. до начала XX в., третий период (новейший) — с конца XX столетия и по сегодняшний день.

¹ По буддийскому учению каждый человек должен стремиться соблюдать правила десяти благодеяний и не совершать десять черных грехов.

Как видим, нелегким был путь вхождения буддизма на территорию бурятского народа, как не был легким и путь буддийской лексики. Итак, первый период характеризуется посреднической деятельностью уйгурского языка и пересечением границ нескольких языков: санскритский — тибетский — согдийский — уйгурский и только после — монгольские языки, в частности бурятский язык. Второй период мы именуем тибетским, когда наблюдалось массовое проникновение заимствований из тибетского языка в бурятский через старописьменный монгольский язык, иногда из тибетского в монгольский язык, и только после — в бурятский язык. Все изменения семантического и фонетического порядка наблюдаются в языках-посредниках, как это произошло с уйгурским языком. Старописьменный же монгольский язык, будучи посредником, стремится сохранить и передать заимствования монгольским языкам в том виде, в каком они пересекли его границы.

Правомерность выделения третьего периода не вызывает сомнения, так как возрождение буддизма у монгольских народов на данном этапе повлекло и массовое возвращение буддийских слов. На современном этапе наблюдается процесс возрождения забытых буддийских понятий и слов. Активно проходят процессы интенсификации и деэтимологизации буддийских терминов.

Буддийская лексика, представляющая собой огромный пласт бурятского языка, вместе с буддизмом прошла непростой путь становления и упрочения, забвения и расцвета. Очевидно, что заимствование буддийских слов и терминов внесло неоценимый вклад в развитие языка, культуры и духовных ценностей бурят.

Сокращения

будд. — буддийский;
 бур. — бурятский язык;
 кит. — китайский язык;
 монг. — халха-монгольский язык;
 стпмя. — старописьменный монгольский язык;
 санскр. — санскритский язык;
 тиб. — тибетский язык;
 уйг. — уйгурский язык.

Источники

- БАМРС 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 тт. / под ред. А. Лувсандэндэва, Ц. Цэдэндамбы, Г. Ц. Пюрбеева и др. Т. I. М.: Academia, 2001. 440 с.
 БАМРС 2002 — Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 тт. / под ред. А. Лувсандэндэва, Ц. Цэдэндамбы, Г. Ц. Пюрбеева и др. Т. IV. М.: Academia, 2002. 532 с.
 БРС 2006 — Бурятско-русский словарь. В 2 тт. / под ред. Л. Д. Шагдарова, К. М. Черемисова. Т. 1. А–Н. Улан-Удэ: Респ. тип., 2006. 636 с.
 БРС 2008 — Бурятско-русский словарь. В 2 тт. / под ред. Л. Д. Шагдарова, К. М. Черемисова. Т. 2. О–Я. Улан-Удэ: Респ. тип., 2008. 708 с.
 Бурятский корпус — Бурятский корпус [электронный ресурс] // Режим доступа: http://buriyat.web-corpora.net/buriyat_corpus/search/interface_language=ru (дата обращения: 07 июня 2023 г.)
 Дагвадорж 1995 — *Дагвадорж Д.* Монголын шашин суртахууны тайлбар толь (= Толковый словарь монгольских религий). Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны академи

философи социологийн хүрээлэн, 1995. 112 х.

Намжилон 1996 — *Намжилон Л. Н.* Волшебные четки. Улан-Удэ: Бурятск. гос. ун-т, 1996. 77 с.

Сүхбаатар 1999 — *Сүхбаатар О.* Монгол хэлний харь үгийн толь / О. Сүхбаатар; ред.: Д. Төмөртоогоо, Л. Хүрэлбаатар, Б. Амаржаргал. Улаанбаатар: Монгол улсын шинжлэх ухааны академи, Хэл зохиолын хүрээлэн, 1999. 273 х.

Sources

Buryat Corpus. Available at: URL: http://buryat.web-corpora.net//buryat_corpus/search/?interface_language=ru (accessed: 07 June 2023)

Buryat-Russian dictionary. Ed. by L. D. Shagdarov, K. M. Cheremisov. Vol. 1. А–Н. Улан-Уде: Rep. type., 2006. 636 p. (In Bur., Russ.)

Buryat-Russian dictionary. Ed. by L. D. Shagdarov, K. M. Cheremisov. Vol. 2. О–Я. 2008. Улан-Уде: Rep. type, 2008. 708 p. (In Bur., Russ.)

Dagvadorj D. Dictionary of Mongolian religion and morality. Ulaanbaatar, 1995. 112 p. (In Mong.)

Namzhilon L. N. Magic rosary. Ulan-Ude: BSU, 1996. 77 p. (In Bur.)

Pyurbеev G. Ts. (ed.) Unabridged Academic Mongolian–Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. I: А–Г. Moscow: Academia, 2001. 440 p. (In Mong. and Russ.)

Pyurbеev G. Ts. (ed.) Unabridged Academic Mongolian–Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. IV: Х–Я. Moscow: Academia, 2002. 532 p. (In Mong. and Russ.)

Sukhbaatar O. Dictionary of Mongolian foreign words / O. Sukhbaatar; ed. D. Tumurtogoo, L. Khurelbaatar, B. Amarjargal. Ulaanbaatar, 1999. 273 p. (In Mong.)

Литература

Амоголонова 2017 — *Амоголонова Д. Д.* Буддизм и власть в Бурятии в раннесоветский период // Мир Центральной Азии. Сб. науч. ст. Ч. 4 / науч. ред. Б. В. Базаров. Иркутск: Отгиск, 2017. С. 299–344.

Бадмацыренов, Родионов 2020 — *Бадмацыренов Т. Б., Родионов В. А.* Буддийское возрождение и конструирование буддийского сообщества в современной Бурятии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 1(38). С. 62–85.

Бардамова, Харанутова 2023 — *Бардамова Е. А., Харанутова Д. Ш.* Пустота в пространстве лингвокультурных ценностей (на материале бурятского языка) // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2023. № 4. С. 59–65.

Бобров, Худяков 2006 — *Бобров Л. А., Худяков Ю. С.* Монгольские влияния на военное дело тибетцев в позднем средневековье и начале нового времени (XIII–XVIII века) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2006. Т. 5. Вып. 3. С. 188–234.

Будажапова 2012 — *Будажапова Л. Б.* Буддийские термины в современном бурятском языке / отв. ред. Э. Р. Раднаев. Улан-Удэ: Бурятск. гос. ун-т, 2012. 104 с.

Будажапова, Харанутова 2020 — *Будажапова Л. Б., Харанутова Д. Ш.* Детерминоло-гизация в бурятском языке (на материале заимствованных буддийских терминов) // Вестник Калмыцкого университета. 2020. № 4(48). С. 54–59.

Будажапова, Харанутова 2023 — *Будажапова Л. Б., Харанутова Д. Ш.* Заимствованная буддийская лексика в монгольских языках // Социолингвистика. 2023. № 2(14). С. 64–78.

Бурятские летописи 1995 — Бурятские летописи / сост. Ш. Б. Чимитдоржиев, Ц. П. Ванчикова. Улан-Удэ: Бурятский институт общественных наук СО РАН, 1995. 199 с.

Буряты 2004 — Буряты / отв. ред. Л. Л. Абаева, Н. Л. Жукотская. М.: Наука, 2004. 633 с.

Ванчикова 2019 — *Ванчикова Ц. П.* Буддизм в Монголии: история, духовенство, монастыри. Иркутск: Отгиск, 2019. 292 с.

Ванчикова, Аюшиева 2019 — *Ванчикова Ц. П., Аюшиева И. Г.* К истории формирования

- буддийских монашеских общин среди монголыязычных народов // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 444. С. 120–124.
- Владимирцов 1989 — *Владимирцов Б. Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. 2-е изд. М.: Наука. ГРВЛ, 1989. 449 с.
- Владимирцов 2005 — *Владимирцов Б. Я.* Работы по монгольскому языкознанию / редкол.: В. М. Алпатов (пред.) и др.; сост. Г. И. Слесарчук. М.: Вост. лит., 2005. 951 с.
- Жамбал-Сурэн 1961 — *Жамбал-Сурэн Н.* Тибетские слова в монгольском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1961. 19 с.
- История Бурятии 2011 — *История Бурятии в 3 тт. Т. II. XVII – начало XX в.* / отв. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2011. 624 с.
- Кадырбаев 2009 — *Кадырбаев А. Ш.* Хубилай-хан — завоеватель или объединитель Китая? // *Общество и государство в Китае.* 2009. Т. 39. № 1. С. 56–75.
- Китинов, Лю Цян 2018 — *Китинов Б. У., Лю Цян.* К вопросу о раннем взаимодействии маньчжурских правителей и тибетских лам // *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Всеобщая история.* 2018. Т. 10. № 1. С. 79–85.
- Колесников и др. 2021 — *Колесников И. Н., Каспарян К. В., Неженцева О. Н., Шевченко Е. М.* Китай в эпоху становления и расцвета династии Мин (1368–1505 гг.) // *Вопросы истории.* 2021. № 6-2. С. 118–129.
- Номогоева 2010 — *Номогоева В. В.* Бурятский буддизм: традиции просвещения и советская власть // *Власть.* 2010. № 7. С. 77–80.
- Позднеев 1993 — *Позднеев А. М.* Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 512 с.
- Санжеев 1953 — *Санжеев Г. Д.* Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 1. М.: АН СССР, 1953. 240 с.
- Санжеев 1960 — *Санжеев Г. Д.* Современный монгольский язык. М.: Вост. лит., 1960. 102 с.
- Спафарий 1960 — *Спафарий Н. М.* Сибирь и Китай. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1960. 514 с.
- Харанутова, Будажапова 2023 — *Харанутова Д. Ш., Будажапова Л. Б.* Заимствованная буддийская лексика в монгольских языках // *Социолингвистика.* 2023. № 2(14). С. 64–78.
- Цыремпилов 2013 — *Цыремпилов Н. В.* Буддизм и империя: бурятская буддийская община в России (XVIII – нач. XX в.). Улан-Удэ: ИМБТ СО РАН, 2013. 335 с.
- Цыремпилов 2014 — *Цыремпилов Н. В.* От символического альянса к политической гегемонии. Цинская империя и тибето-монгольская буддийская община в XVII–XIX вв. // *Вестник Бурятского государственного университета.* 2014. № 8. С. 173–176.
- Чебунин 2019 — *Чебунин А. В.* Начальный период проникновения, распространения и китаизации буддизма в Китае // *Вестник Бурятского государственного университета. Философия.* 2019. Вып. 2. С. 21–30.
- Чимитдоржиева 2009 — *Чимитдоржиева Л. Ш.* Буддизм у монгольских племен в XVII веке (по архивным материалам) // *Вестник Бурятского университета.* 2009. № 8. С. 90–95.

References

- Amogolonova D. D. Buddhism and Power in Buryatia in the Early Soviet period. The World of Central Asia Collection of Scientific Articles. Ch. 4. Scientific ed. by B. V. Bazarov. Irkutsk: Ottisk, 2017. Pp. 299–344. (In Russ.)
- Badmatsyrenov T. B., Rodionov V. A. Buddhist Revival and the Construction of the Buddhist Community in Modern Buryatia. *Gosudarstvo, Religii, tserkov' v Rossii izarubezhom.* 2020. No. 1(38). Pp. 62–85. (In Russ.)

- Bardamova Ye. A., Kharanutova D. Sh. Emptiness in the Space of Linguistic and Cultural Values (based on the material of the Buryat language). *BSU Bulletin. Series "Philology"*. 2023. No. 4. Pp. 59–65. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Hudjakov Ju. S. Mongolian Influences on Tibetan Military Affairs in the Late Middle Ages and Early Modern Times (XIII–XVIII centuries). *Vestnik NSU. Series "History. Philology"*. 2006. Vol. 5. No. 3. Pp. 188–234. (In Russ.)
- Budazhapova L. B. Buddhist Terms in the Modern Buryat Language. Ed. by E. R. Radnaev. Ulan-Ude: Buryat State University, 2012. 104 p. (In Russ.)
- Budazhapova L. B., Kharanutova D. Sh. Determinologization in the Buryat Language (based on borrowed Buddhist terms). *Bulletin of Kalmyk University*. 2020. No. 4(48). Pp. 4–59. (In Russ.)
- Budazhapova L. B., Kharanutova D. Sh. Borrowed Buddhist Vocabulary in Mongolian Languages. *Sociolinguistics*. 2023. No. 2(14). Pp. 64–78. (In Russ.)
- Buryat Chronicles. By Sh. B. Chimitdorzhiev, Ts. P. Vanchikova. Ulan-Ude: RAS, Buryat Institute of Social Sciences, 1995. 199 p. (In Russ.)
- Buryats. Ed. L. L. Abaeva, N. L. Zhukovskaja. Moscow: Nauka, 2004. 633 p. (In Russ.)
- Chebunin A. V. Initial Period of Penetration, Distribution, and Sincization of Buddhism in China. *BSU Bulletin. Series "Philosophy"*. 2019. No. 2. Pp. 21–30. (In Russ.)
- Chimitdorzhieva L. Sh. Buddhism of the Mongolian People in the 17th Century (on the archival materials). *BSU Bulletin*. 2009. No. 8. Pp. 90–95. (In Russ.)
- Kadyrbaev A. Sh. Kublai Khan — Conqueror or Unifier of China? *Society and state in China*. 2009. Vol. 39. No. 1. Pp. 56–75. (In Russ.)
- Kharanutova D. Sh., Budazhapova L. B. Borrowed Buddhist Vocabulary in Mongolian Languages. *Sociolinguistics*. 2023. No. 2(14). Pp. 64–78. (In Russ.)
- Kitinov B. U. Qiang Liu. On the Issue of the Early Interactions of the Manchu Rulers with Tibetan Lamas. *Vestnik RUDN*. 2018. Vol. 10. No. 1. Pp. 79–85. (In Russ.)
- Kolesnikov I. N., Kasparjan K. V., Nezhenceva O. N., Shevchenko E. M. China in the Era of the Formation of Heyday of the Ming Dynasty (1368–1505). *Voprosy Istorii*. 2021. No. 6-2. Pp. 118–129. (In Russ.)
- Nomogoeva V. V. Buryat Buddhism: Traditions of Enlightenment and Soviet Power. *Vlast'*. 2010. No. 7. Pp. 77–80. (In Russ.)
- Pozdneev A. M. Essays on the Life of Buddhist Monasteries and Buddhist Clergy in Mongolia in Connection to the Attitude of the Latter to the People. (Series "Our Heritage"). Reprint edition. Elista: Kalmykia Book Publ, 1993. 512 p. (In Russ.)
- Sanzheev G. D. Comparative Grammar of the Mongolian Languages. Vol. 1. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1953. 240 p. (In Russ.)
- Sanjeev G. D. Modern Mongolian Language. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1960. 102 p. (In Russ.)
- Spafarius N. M. Siberia and China. Chisinau: Kartya Moldovenyaske, 1960. 514 p. (In Russ.)
- The History of Buryatia in 3 vols. Vol. II. XVII – the beginning of the XX century / ed. by B. V. Bazarov. Ulan-Ude: BNC SB RAS, 2011. 624 p. (In Russ.)
- Tsyrempilov N. V. Buddhism and Empire: the Buryat Buddhist Community in Russia (XVIII – early XX century). Ulan-Ude: Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology of the Siberian Branch of the RAS, 2013. 335 p. (In Russ.)
- Tsyrempilov N. V. From Symbolic Alliance to Political Hegemony. The Qing Empire and Tibeto-Mongolian Buddhist Community in the 17–19th c. *BSU Bulletin. Series "History"*. 2014. No. 8. Pp. 173–176. (In Russ.)
- Vanchikova Ts. P. Buddhism in Mongolia: History, Clergy, Monasteries. Irkutsk: Imprint, 2019. 292 p. (In Russ.)
- Vanchikova Ts. P., Ayushieva I. G. On the History of Buddhist Monastic Communities Formation Among Mongolian Peoples. *Tomsk State University Journal*. 2019. No. 444. Pp. 120–124. (In Russ.)

- Vladimirtsov B. Ya. Comparative Grammar of the Mongolian Written Language and the Khalkha Dialect. Introduction and Phonetics. 2nd edition. Moscow: Nauka, GRVL, 1989. 449 p. (In Russ.)
- Vladimirtsov B. Ya. Works on Mongolian Linguistics / ed. board: V. M. Alpatov (prev.) and others; comp. G. I. Slesarchuk. Moscow: Vostochnaya literatura, 2005. 951 p. (In Russ.)
- Zhambal-Suren N. Tibetan Words in the Mongolian Language. Cand. diss. (Philology) thesis. Moscow, 1961. 19 p. (In Russ.)

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК / UDC 821.584.6+294.321

DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-757-773

О джатаках с героем-отшельником (на материале рассказов из сборника «Гирлянда джатак»)

Ольга Александровна Максимова¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

 0000-0001-6329-151X. E-mail: maksimovaoa23[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Максимова О. А., 2023

Аннотация. *Введение.* Традиция отшельничества восходит к шраманам — странствующим монахам Древней Индии. Главным примером отшельника, покинувшего мирскую жизнь во дворце и ставшего странствующим аскетом, в буддизме является образ Будды Шакьямуни. В статье рассматриваются восемь образов джатак из сборника «Джатакамала» (санскр. *jātakamālā*, тиб. *skyes pa'i rabs ku'i rgyud* «Гирлянда джатак») Арья Шуры (IV в.), связанных с образом отшельника. В этих рассказах отшельничество ассоциируется с аскезой, добродетелью и активной духовной практикой. Описанию добродетели шраманов и подвижников посвящен ряд джатак из палийского свода, упоминания об отшельнике встречаются в рассказах из сборника Панчатантра и в других сборниках. *Целью* исследования является текстологический и литературоведческий анализ образа отшельника, представленного в восьми рассказах из «Джатакамаль»; рассмотрение представленных типов уединения, его смысл и значение в построении рассказов. *Результаты.* В рассмотренных джатаках встретилось описание физического, статусного, психологического, махаянского видов уединения. Анализ образа отшельника из восьми рассказов «Джатакамаль» показал, что стремление к физическому уединению является частью духовной практики и соответствует образу бодхисаттвы традиции махаяны. Автор сводит действия героя-отшельника к следованию основному наставлению, представленному во вступительной и заключительной фразах каждой джатаки.

Ключевые слова: тибетология, источниковедение, рассказы о прошлых жизнях Будды, «Гирлянда джатак» Арья Шуры, образ отшельника

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4).

Для цитирования: Максимова О. А. О джатаках с героем-отшельником (на материале рассказов из сборника «Гирлянда джатак») // Монголоведение. 2022. Т. 15. № 4. С. 757–773. DOI:10.22162/2500-1523-2023-4-757-773

About Jatakas with the Ascetic Hero (based on “Jātakamālā”)

*Olga A. Maksimova*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Junior Research Associate

 0000-0001-6329-151X. E-mail: maksimovaoa23[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Maksimova O. A., 2023

Abstract. *Introduction.* The tradition of hermitage dates back to the shramanas — wandering monks of Ancient India. The main example of a hermit who left worldly life in the palace and became a wandering ascetic in Buddhism is the image of Buddha Shakyamuni. The article examines eight examples of jātakas from the collection “Jātakamālā” (Tib. skyes pa’i rabs kyī rgyud ‘Garland of Jatakas’) by Arya Sura (IV century), associated with the image of a hermit. In these stories, hermitage is associated with asceticism, virtue, and active spiritual practice. A number of Jātakas from the Pali corpus are devoted to the description of the virtue of the Sramanas and ascetics; references to the hermit are found in stories from the Panchatantra collection and in other collections. The *goals* of the study is a textual and literary analysis of the image of the hermit presented in eight stories from the Jātakamālā; consideration of the presented types of solitude, its meaning and significance in the construction of stories. *Results.* In the considered Jātakas there was a description of physical, status, psychological, Mahayana types of solitude. An analysis of the image of a hermit from eight stories showed that the desire for physical solitude is part of spiritual practice and corresponds to the image of a bodhisattva in the Mahayana tradition. The author reduces the actions of the hermit hero to following the basic instructions presented in the opening and closing phrases of each Jātaka. **Keywords:** tibetology, source studies, stories about previous lives of Buddha, Jātakamālā, Ārya Śūra, image of ascetic

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name “Universals and Specifics in Traditions of the Mongolian-speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China” (state registration number: 123021300198-4).

For citation: Maksimova O. A. About Jatakas with the Ascetic Hero (based on “Jātakamālā”). *Mongolian Studies (Elista)*. 2023; 15(4): 757–773. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-757-773

1. Введение

История жизни Будды Шакьямуни, т. е. Пробужденного Отшельника из рода Шакьев [Торчинов 2002: 26], является одним из первых вопросов изучения буддийской традиции. Ученые-буддологи, востоковеды, религиоведы также видят важность изучения агиографических канонических и постканонических источников жизнеописания Будды. Его уход от светской жизни и становление странствующим нищим монахом (шрамана¹, санскр. śramaṇa) считаются одним из 12-ти восхваляемых действий (12 деяний Будды²), и вдохновляют к вступле-

¹ «Шрамана (от корня *шрам* ‘утруждаться, стараться’) — в VI–III вв. до н. э. профессиональный искатель духовной истины, порвавший связи с мирским обществом, с хозяйственной деятельностью, живущий милостыней, нередко странствующий. Шраманы объединялись вокруг видных учителей и наставников» [Индуизм... 1996: 465].

² 1. Рождение на небесах Тушита и решение родиться человеком. 2. Вхождение в

нию на путь «мудрости и аскезы». Так, вступив на путь отшельничества, Будда достиг конечной цели духовного пути — просветления.

Институт отшельничества уходит корнями к традиции шраманов Древней Индии¹. В буддизме она продолжается, и в русском языке распространено слово «ретрит» (от англ. retreat), что является синонимом «отшельничества», «уединения», «затворничества». Как отмечает Е. В. Леонтьева, в затворничество удалялся каждый учитель буддийской традиции, будь он монах, мирянин или йогин [Леонтьева 2018: 81].

Отшельничество как социальное явление, широко распространившись на территории Индии, находит свое отражение и в повествовательной канонической и постканонической литературе, в том числе в сказках, баснях, джатаках, в дальнейшем выходя далеко за пределы индийской литературы — в виде переводов и пересказов входит в тибетскую, монгольскую и другие литературы мира.

Так, в палийском своде джатак (I в. до н. э.) мы встречаем рассказы «Джатака о почтении к шраманам», в которой уделяется внимание добродетельности шраманов, а в «Джатаке о подвижнике и небесной деве» говорится о важности созерцания и отказа от чувственных влечений. «Джатака о петухе и кошке» (№ 383)², отмечают В. Эрман, А. Парибок, ассоциируется с монашеским образом жизни [Джатаки 2003: 10, 52, 188].

В тибетском сборнике рассказов из «Панчатантры» (XIII–XIV вв., «Панчатантра» — III–IV вв.) отшельник упоминается в сюжете о коте и мышах: «... как-то он украл у одного отшельника четки, повесил их [себе] на шею и отправился туда, где было много мышей», чтобы притвориться благочестивым отшельником и съесть их [Дамдинсүрэн, Цендина 1983: 52], причем, как отмечают В. Эрман, А. Парибок, данный сюжет о лицемерном коте переходит в Панчатантру из Джатак, а также встречается в «Махабхарате» [Джатаки 2003: 9]. Среди сюжетов комментариев к «Капле, питающей людей», переведенных на тибетский язык с санскрита (IX–XI в.), встречаются следующие сюжеты об отшельниках: «Монах, излечивший мать врача», «Монах и ворон», «Монахиня по имени Утпалаварна», «Аскет и его служанка»; в комментарии к «Субхашите» имеется рассказ: «Монахи и горные отшельники» [Ёндон 1989: 33, 90].

В «Океане сказаний» Сомадевы (XI в.) мы встречаем следующие упоминания отшельничества: «Но из-за того, что, увидев однажды дочь мудреца, он, пораженный стрелами бога любви, воспылал к ней страстью, прокляли его отшельники»; «Сопровождаемый двумя учениками, я покинул город и, решившись на жизнь полную религиозных подвигов, пошел поклониться Виндхийской богине» (в рассказе «О жизни Гунадхьи в лесу»), и т. д. [Сомадева 2008: 97]. Так образ отшельника, как отражение социальной реальности, входит в сказки, басни, джатаки.

чрево матери. 3. Рождение. 4. Совершенное овладение искусствами. 5. Наслаждение царской жизнью. 6. Уход из царства. 7. Аскеза. 8. Решение достичь просветления. 9. Победа над марами. 10. Достижение просветления. 11. Вращение колеса Учения. 12. Уход в паринирвану. См.: [Парибок, Десницкая 2017: 47–48].

¹ Шрамаы впервые в Индии опробовали на себе монашеский статус и создали соответствующий социальный институт.

² Номер джатаки в Палийском своде (всего 547 рассказов).

В сборнике джатак XIV в. «Сто джатак» (тиб. *skyes rab brgya pa*) тибетского автора Рангджунга Дордже появляются джатаки, в которых главным героем является гелюнг (тиб. *dge slong*; бикшу, полностью посвященный монах буддийской традиции, соблюдающий 253 обета в соответствии с традицией винаи Муласарвастивада) [Tsepak Rigzin 2008: 48]: № 40 «Бхикшу Кирти Прабха» («Гелюнг Яркий Свет», тиб. *dge slong grags pa'i 'od du skyes pa'i rabs*); № 48 «Бхикшу Яша Прабха» («Гелюнг Свет Славы», тиб. *dge slong snyan pa'i 'od du 'khrungs pa'i rabs*); № 98 «Бхикшу Утпала Мукха» («Гелюнг Голубой Лотос», тиб. *dge slong ud pa la'i gdong du skyes pa'i rabs*).

Монашеское состояние может быть отнесено к отшельничеству, так как в нем осуществляется так называемый «статусный» или институализированный вид уединения: уединяющийся выступает в качестве послушника или монаха, приняв и соблюдая соответствующие обеты, регламентирующие поведение, и нося полагающиеся ему по сану одеяние, благодаря чему и происходит отделение от мирского [Аюшеева 2020: 94]. Появление гелюнга в тибетских джатаках XIV в. отражает сформировавшуюся в Тибете традицию монашеской общины, сангхи священнослужителей.

Теогонические образы, персонажи буддийского культа, особенности образа ламы в эпосе рассматривали Р. С. Дылыкова [Дылыкова 2009], Э. Б. Цыдыпова [Цыдыпова 2010], Э. Б. Аюшеева [Аюшеева 2018]. Образы царя и подвижника в санскритской джатаке были рассмотрены А. Г. Гурия, А. В. Фивейской [Гурия, Фивейская 2022]. Рассмотрение образа отшельника представляет интерес в плане противопоставления его с образом мирянина.

Целью данного исследования является текстологический и литературоведческий анализ образа отшельника, представленного в восьми рассказах из «Джатакамалы»; рассмотрение представленных типов уединения, его смысл и значение в построении рассказов.

2. Образ отшельника в «Гирлянде джатак»

Наиболее ранние джатаки возникли в Центральной и Восточной Индии в виде сказок, басен и других произведений индийского фольклора. По данным Б. Захарьина, джатаки были оформлены и записаны в виде художественных притч на древнесингальском языке на рубеже старого и нового тысячелетий и были включены в южноиндийский (тхеравадинский) буддийский канон [Будда 1991: 5]. Ученый монах Буддхагоша осуществил перевод или, возможно, переложение древнесингальского текста джатак на язык пали в 430 г. [Будда 1991: 5]. До нас дошел свод джатак из 547 рассказов [Jātakatthavaṇṇanā 2019], входящий в палийский канон, раздел «Сутта-питака», подраздел «Куддака-никая», тома 27–28 [Payutto 2004: 42–44]. Однако обширный палийский свод джатак — лишь начальный этап развития этого жанра. Широко известны авторские санскритские сборники джатак, такие как «Гирлянда джатак» Арья Шуры, «Гирлянда джатак Харибхатты» и др.

Индийский поэт Арья Шура (IV в.) составил сборник «Гирлянда джатак» (санскр. *jātakamālā*), состоящий из 34 рассказов, который исследователи датируют IV в. н. э. [Khoroshe 1989: xii]. Почти все сюжеты сборника были идентифицированы и соотнесены с сюжетами палийских джатак [The Jātakamālā 1895: XXV].

На тибетский язык данный сборник был переведен в VIII в. и вошел во все основные версии Тэнгьюра (пекинский, нартанский, дэргэский) под названием «Гирлянда джатак» (тиб. *skyes pa'i rabs kyi phreng ba* и *skyes pa'i rabs kyi rgyud*) [*Āryaśūra 1983: xiii; Каталог 2017: 349, 473*]. С тибетского языка на монгольский язык это сочинение перевел гуши Билгийн Далай (XVIII в.). Оно включено в состав Данджура [*Цендина 1984: 15*].

Среди 34 джатак, входящих в сборник «Гирлянда джатак», насчитывается восемь, главным героем которых является отшельник, странствующий монах либо человек, стремящийся им стать и становящийся им в завершении рассказа. Среди них:

1) № 7 «Джатака об Агастье»¹ (санскр. *Agastyajātakam*, тиб. *a ga star skyes pa'i rabs te bdun pa'o*);

2) № 18 «Джатака о бездетном» (санскр. *Aputrajātakam*, тиб. *rgyal rigs phyug po'i skyes pa'i rabs ste bco brgyad pa'o*)²;

3) № 19 «Джатака о лотосовых стеблях»³ (санскр. *Bisajātakam*, тиб. *pad+ma'i rtsa ba'i skyes pa'i rab te bcu dgu pa'o*);

4) № 20 «Джатака о хранителе казны»⁴ (санскр. *Śreṣṭhijātakam*, тиб. *tshong dpon⁵ du skyes pa'i rabs te nyi shu*);

5) № 21 «Джатака о Чуддабодхи»⁶ (санскр. *Cuddabodhijātakam*, тиб. *gtsug phud byang chub kyi skyes pa'i rabs te nyi shu gcig pa'o*);

6) № 23 «Джатака о Махабодхи»⁷ (санскр. *Mahābodhijātakam*, тиб. *byang chub chen por skyes pa'i rabs te nyi shu gsum pa'o*);

7) № 28 «Джатака о Кшантивадине»⁸ (санскр. *Kṣāntijātakam*, тиб. *bzod pa smra bar skyes pa'i rabs te nyi shu brgyad pa'o*);

8) № 32 «Джатака об Айогрихе»⁹ (санскр. *Ayogrhajātakam*, тиб. *lcags kyi khyim na skyes pa'i rabs te sum cu gnyis pa'o*) [*Арья Шюра 2000; DX1; AJ1*].

Так, в джатаках № 7, 18, 19, 21, 28 главный герой — отшельник, в джатаке № 20 — хранитель казны, в 23-й джатаке — странствующий монах, в джатаке № 32 — царевич. Их объединяет мотив отказа — «отречения»¹⁰ от мирской жизни,

¹ Сюжет соотнесен с палийской джатакой № 480 [*The Jātakamālā 1895: XXV: 46*].

² Досл. перевод *rgyal rigs phyug po'i skyes pa'i rabs ste bco brgyad pa'o* — Джатака № 18. О богатом человеке из правящей касты.

³ Сюжет соотнесен с палийской джатакой № 488 [*The Jātakamālā 1895: XXV: 154*].

⁴ Сюжет соотнесен с палийской джатакой № 171 [*The Jātakamālā 1895: XXV: 164*].

⁵ Торговец, купец.

⁶ Сюжет соотнесен с палийской джатакой № 443 [*The Jātakamālā 1895: XXV: 172*].

⁷ Сюжет соотнесен с палийской джатакой № 528 [*The Jātakamālā 1895: XXV: 200*].

⁸ Сюжет соотнесен с палийской джатакой № 313 [*The Jātakamālā 1895: XXV: 253*].

⁹ Сюжет соотнесен с палийской джатакой № 510 [*The Jātakamālā 1895: XXV: 314*].

¹⁰ «Отречение (санскр. *prahāṇa*, тиб. *spang ba, spangs pa*) — в буддизме это один из важнейших актов вступления на Путь. В ранний период оно понималось как уход из дома, полный разрыв родственных связей, отказ от жизни домохозяина и возможное пострижение в монахи (бхикшу), примером чему была жизнь Будды Шакьямуни» [*Андросов 2011: 301–302*].

связанной с «бедствиями» и возвышенное понимание состояния отшельника, приносящего благо. Следует также отметить высокое социальное положение главного героя по рождению: в джатаках № 7, 18, 19, 20, 21 — брахманский род, богатый род; в джатаке № 32 главным героем выступает принц. На наш взгляд, это связано с образом самого принца Сиддхартхи.

Обращаясь к теме затворничества в тибетском буддизме, Д. В. Аюшеева различает следующие его виды: физическое, статусное, психологическое, махаянское и тантрическое [Аюшеева 2020: 94]. В данной статье мы также опираемся на вышеуказанную классификацию.

В джатаках «О бездетном», «О лотосовых стеблях» и «О хранителе казны» имена главных героев вообще не упоминаются. В пяти оставшихся рассказах упоминается имя, причем в джатаках «Об Агастье», «О Чуддабодхи» и «Об Айогрихе» исключительно в названии джатаки. Только лишь в двух джатаках имена героя упоминаются в самом тексте: в джатаке «о Махабодхи» полное его имя упоминается один раз, и еще один раз в сокращенном виде «Бодхи», а в джатаке «О Кшантивадине» — шесть раз. В этой джатаке говорится и о происхождении имени: *de dang rjes su mthun pa'i chos go rim bzhin du 'chad pas/ bdag rang gi ming rus nas su yang mi 'bod par/ bzod pa smra ba zhes 'jig rten pa mams kyis yang dag pa'i blo bskyed de ming du grags so //* (санскр. Kṣānti, тиб. bzod pa — терпение, толерантность, кротость) [DX1]. 'Полного неиссякаемой готовности проповедовать кротость и в соответствии с нею излагавшего учение праведного закона, народ, забыв его личное и родовое имя, прозвал его Кшантиведином — «Проповедующий кротость»' [Арья Шура 2000: 254]. Данный поэтоним носит «говорящий» характер, и более того несет в себе идею и суть рассказа, так как образ действий главного героя был продиктован именно качествами, обозначенными в его имени. Поэтому можно сделать вывод, что именно по указанной причине имя героя упоминается в тексте рассказа шесть раз.

Анализ семантики имен показывает, что имя Агастья (санскр. Agastya, тиб. a ga sta) связано с различными легендами и персонажами и восходит к имени мудреца и риши Агастье¹. В самой джатаке это имя не упоминается, а используются не прямые номинации: Бодхисаттва — 25 раз, Великосущный — 6 раз, Владыка (тиб. bcom ldan 'das) и Кашьяпа (тиб. lha yi mchog la dam pa²)³ — по 2 раза, Татхагата (тиб. de bzhin gshegs pa) — 1 раз. Данная закономерность — использование не прямых номинаций главного героя — сохраняется во всех восьми джатаках (см. табл. 1).

Анализ семантики имени Чуддабодхи (санскр. Cuddabodhi, тиб. gtsug phud byang chub) показывает, что корень «Cūda» — на тибетском gtsug phud, что

¹ Агастья — упоминающийся в «Ригведе» в качестве создателя ряда гимнов знаменитый мудрец-риши [Индуизм... 1996: 39].

² Кашьяпа (санскр.) — имя одного из первых учеников Будды; имя Будды, предшествовавшего Шакьямуни.

³ Хотя героя джатаки зовут Агастья, Шакра, обращаясь к нему, называет его Кашьяпа (казуара). То же самое в соответствующем месте палийской джатаки. Г. Малаласекера высказывает предположение, что, возможно, Ачитги (в «Гирлянде джатак» — Агастья) принадлежал к готре (роду, клану) Кашьяпа (G. Malalasekera, Pali proper names dictionary, vol. I, London, 1960, p. 2; цит. по: [Арья Шура 2000: 331]).

означает «волосы» или «макушка»¹, а «бодхи» — «просветление». К описанию волос главного героя имеется отсылка в тексте: *skra dang kha spu bzang po bregs te/ gos kha dog bsgyur ba ngur smig ni gyon/ [DX1]* «Отказавшись от красоты волос своих и бороды и облачившись в выцветшее желтое платье...» [*Арья Шура 2000: 184*]. Следует также отметить, что из восьми джатак только в Джатаке о Чуддабодхи присутствует описание внешнего вида героя до его становления отшельником, не связанное с аскезой.

Имя Махабодхи (санскр. Mahābodhi, тиб. *byang chub chen po*) имеет значение «великое просветление».

Имя Айогриха (санскр. Ayogriha, тиб. *lcags kyi khyim*) — «железный дом» — имеет контекстуальную основу: в джатаке говорится, что, поскольку все сыновья царя умирали, он, ради безопасности сына, совершив все обряды, поселил его *bu de bsrung ba'i phyir bu btsa' ba'i khang pa lcags 'ba' zhib las byas pa bzang po nor bu dang rgyan gser ni / [DX1]* «... в прекрасном доме, сделанном целиком из железа и украшенном драгоценными камнями, золотом...» [*Арья Шура 2000: 306*]. Таким образом, в поэтоним Айогриха автор вкладывает особенность сюжета повествования, делая название джатаки говорящим.

В джатаке «О бездетном» автор три раза называет главного героя бодхисаттвой, и два — Великосущным; в джатаке «О лотосовых стеблях» непрямая номинация «Бодхисаттва» встречается шестнадцать раз; и т. д. Отметим, что в тех джатаках, в которых имя главного героя и вовсе не указано, помимо номинаций «бодхисаттва» и «великосущный», других не прямых номинаций не встретилось (см. табл. 1).

Таблица 1. Имена и не прямые номинации главных героев в сборнике «Гирлянда джатак» [*Арья Шура 2000: DX1*]

[Table 1. Names and indirect nominations of the main characters in the collection "Garland of Jatak" [*Арья Шура 2000: DX1*]]

№ в сборнике	Название джатаки	Имя главного героя	Имя в рассказе	Номинация «Бодхисаттва»	Номинация «Великосущный»	Другие не прямые номинации (кол-во)
7	Джатака об Агастье	Агастья	0	25	6	Владыка (2) Кашьяпа (2) Татхагата (1)
18	Джатака о бездетном	—	—	3	2	—
19	Джатака о лотосовых стеблях	—	—	16	—	—
20	Джатака о хранителе казны	—	—	6	5	—

¹ См. [*Словарь Кристиана Стейнерта*].

21	Джатака о Чуддабодхи	Чуддабодхи	0	12	3	Татхагата (1)
23	Джатака о Махабодхи	Махабодхи	1	20	11	Боддхи (1) Владыка (1) Будда (1)
28	Джатака о Кшантывадине	Кшантывадин	6	6	3	–
32	Джатака об Айогрихт	Айогрихт	0	0	4	Владыка (1)

Как видно из таблицы 1, наиболее часто в повествованиях автор использует такие непрямые номинации, как «Бодхисаттва» (тиб. *byang chub sems dra*), Великосущный (тиб. *bdag nyid chen po*¹, *sems dra' chen po*²) [Арья Шура 2000: 254; DX1]. Использование не прямых номинаций, оригинальных и изысканных сравнений восходит к традиции аланкар («украшений») свойственной санскритской поэзии кавья, для которой характерно стремление избежать необходимости сказать что-либо прямо, перефразировать [Гринцер 1984: 25].

Наибольшей частотностью, как мы отмечали выше, в указанных джатаках отличается использование не прямой номинации «Бодхисаттва» — «существо, стремящееся к Просветлению». Как отмечает В. П. Андросов, «... в раннем буддизме и в книгах школ Малой колесницы так называли Будду Шакьямуни до Просветления, в том числе во всех предыдущих рождениях». Он также указывает, что «... в ранней Махаяне образ Бодхисаттвы даже затмил идеалы нирваны и состояния Будды...» [Андросов 2011: 129]. Действительно, идеал бодхисаттвы характерен для буддизма махаяны, а отшельничество, или уединение, в махаяне представлено как отказ «от эгоцентрической установки, ориентированной на осуществление заботы о себе и своем — родных, близких, друзьях, товарищах, состоянии, положении в обществе и т. п. Отделение от этой установки осуществляется благодаря порождению и культивированию так называемой относительной бодхичитты — твердому намерению стать Буддой ради спасения всех живых существ» [Аюшеева 2020: 96–97]. Таким образом, прием автора называть главного героя «Бодхисаттвой» для построения образа отшельника представляется не случайным, а намеренной отсылкой к образу бодхисаттвы традиции махаяны.

Описания внешнего вида главных героев в повествованиях большинства джатак не встречаются, однако в «джатаке об Агастье» сказано: *lus bzang de ni dka' thub kyis/ /ring bar gyur cing de na mdzes/ /mkha' la zla ba mdzes pa bzhin/ /gzi mdangs che ba mkha' la snang/* [DX1] ‘сильно исхудавший от тяжких подвигов, сиял он там, прекрасный, как на небе сияет тонкий месяц молодой, очарованья полный’ [Арья Шура 2000: 71]. В «Джатаке о лотосовых стеблях» встретилось

¹ *bdag nyid chen po* — досл. Великое существо; Махатма, великая сущность.

² *sems dra' chen po* — досл. Великое существо, Махасаттва (санскр. *mahāsattva*), духовный герой, эпитет бодхисаттв.

следующее описание облика отшельника: de'i lus ni rab tu red/ 'gram pa dag dang mig ni kong / bzhin gyi mdangs ni ngan/ skad kyi gdangs zab mo ni chung / nyams dmas kyang brtan pa dang rab tu zhi ba'i yon tan zla ba tshes pa mthong na dga' ba [DX1] '...его тело исхудало еще больше, щеки и глаза глубоко ввалились, прекрасные краски на лице поблекли, и голос утратил свою прежнюю силу; однако, как ни был он истощен телесно, не истощились его душевное спокойствие, стойкость и добродетели, и на него было также приятно смотреть, как на молодой месяц' [Арья Шура 2000: 171].

Таким образом, можно сделать вывод, что внешний облик отшельника описывается только в трех джатаках из восьми, причем в «Джатаке о Чуддабодхи» данный поэтоним восходит к семантике обладания главным героем «красивых волос», а в «Джатаке об Агастье» и «Джатаке о лотосовых стеблях» — описание было связано с исхуданием, связанным с аскезой. Описание внешнего вида с точки зрения сюжета повествования и анализа действий главного персонажа служит исключительно подтверждением его устремления к аскезе.

Противопоставление состояния отшельника и мирской жизни связано, на наш взгляд, в первую очередь с так называемым психологическим видом уединения, когда индивид отделяется от мирской жизни благодаря тому, что его мысли далеки от всего мирского, он не думает о богатстве, славе и прочем [Аюшеева 2020: 96]. В джатаках № 7, 18, 19, 21, 23, 28, 32 описано психологическое отшельничество главного героя, которое предварило его уход от мирской жизни. Так, в джатаке об Агастье сказано: de nas bdag nyid chen po de khyim na gnas pa bya ba ngan pas brel ba'i nyes pas glags pa/ bag med pa'i gnas su gyur pa/ / nor sgrub cing bsrung ba'i zhar gyis mam par dkrugs pa/ nye bar zhi ba dang 'gal ba/ sdug bsngal mang po'i mda'i 'ben du gyur pa/ so tshil kyi las sgrub pa mtha' yas pas dub par gyur pa/ chog mi shes pa/ bde ba myong ba chung bar rig nas/ rab tu byung ba ni de'i nyes pa med cing bde la/ zachos sgrub pa dang rjes su mthun pa thar pa'i chos brtsam pa'i gnas su gyur par mthong bas/ nyon ma mongs par rnyed pa'i nor phun sum tshogs pa 'jig rten gyis bkur sti byas pas yid du 'ong ba de dag /kyang rtswa bzhin du spangs nas/ rab tu 'byung ba dka' thub can gyi 'dul ba dang sdom pa la rab tu 'bad par gyur to/ [DX1] 'Но вот Великосущный постиг, что состояние домохозяина является источником греховности и тесно связано с деяниями дурными, оно — причина упоения мирскими делами и пренебрежения к религиозному долгу, оно причиняет беспокойство, вынуждая заниматься приобретением имущества и его охраной; оно — мишень для сотен стрел пороков и страстей, противных успокоению; оно изнурительно, так как связано с исполнением множества деяний, и в то же время не дает удовлетворения. Узревши также, что отречение от всего земного, столь благодное и свободное от всех этих пороков, благоприятное для выполнения религиозных обязанностей, является тем состоянием, в котором можно приступить к осуществлению святых законов правды, ведущих к освобождению, он, отбросив, как траву, свое богатство, приобретенное им без особенных усилий и привлекательное для него лишь тем, что благодаря ему он пользовался уважением среди народа, весь отдался аскетизму — отречению от мира и строгому исполнению обетов' [Арья Шура 2000: 70–71]. Таким образом, в семи джатаках психологическое уединение главного героя предшествовало физическому, и лишь в джатаке № 20 хранитель казны не отрывается от мира.

3. Структура джатак об отшельнике в «Гирлянде джатак»

К специфике повествований джатак относится их структура: завязка, кульминация и развязка не всегда явно выражены. Хотя во всех джатаках имеется главный герой, нужно отметить, что герой-антагонист и конфликт на первый взгляд могут не просматриваться (см. табл. 2).

Так, в джатаках № 7 и 19 Шакра забирает пищу отшельника, т. е. имеется герой-антагонист, однако главный герой никак не реагирует, не проявляет негативных эмоций, что приводит в итоге к раскаянию Шакры и его убежденности в высоком духовном уровне бодхисаттвы. В джатаках № 18, 20 и 32 герой-антагонист не встречается вовсе. В джатаке № 18 отшельник убеждает друга отца в глубокой вере в свое отшельничество, а в джатаке 32 принц убеждает царя отпустить его из железного дома для того, чтобы стать отшельником. В джатаке № 20 хранитель казны царя становится отшельником из-за слуха о том, что он стал нищенствующим монахом.

В джатаках № 21 и № 28 героем-антагонистом становится царь. В джатаке № 21 царь хочет похитить жену Чуддабодхи, но в ответ на это последний стремится сохранить спокойствие. В джатаке № 28 царь калечит и затем убивает Кшантывадина из-за ревности, в ответ тот не испытывает ни гнева, ни желания отомстить. В джатаке № 23 царь идет на поводу у министров, настраивающих его против Махабодхи, однако впоследствии тот спасает царя от ложных воззрений.

Что касается элемента сказочности — то он присутствует в джатаках № 7, 19, 23, 28 (см. табл. 2).

Таблица 2. Специфика повествования рассказов-джатак
[Table 2. The specifics of the narration of jatak stories]

№	Главный герой	Сюжет	Конфликт	Элемент сказочности
7	Агастья	Шакра желает испытать Бодхисаттву и отнимает у него пищу	Внешний конфликт: Шакра отнимает пищу у отшельника. Внутренний конфликт: Сохранение верности аскезе и привычки к щедрости	«На рассвете Бодхисаттва увидел большое количество небесной пищи и питья. Это было ниспослано силою Шакры» [Арья Шура 2000: 78]
18	Бездетный (сын из богатого рода)	Друг отца приходит, чтобы убедить вернуться к мирской жизни	Конфликт состояний отшельника и мирянина	нет
19	Старший брат брахманской семьи	Шакра решает испытать бодхисаттву, забирает первую часть	Внешний конфликт: Шакра крадет лотосовые стебли, чтобы испытать	«Услышав эти слова, Шакра, владыка богов, сиявший молниями,

Литературоведение

		лотосовых стеблей	отшельников. Внутренний конфликт: сохранение верности аскезе	кольцами и диадемой, в волнении утратил свой божественный вид...» [Арья Шура 2000: 175]
20	Хранитель казны	Хранитель казны из-за слуха, что он сделался нищенствующим монахом, решает стать им	Внутренний конфликт соответствия мнению в обществе	нет
21	Чуддабодхи (рожденный в брахманском роде)	Царь решает забрать супругу Бодхисаттвы	Внешний конфликт: царь забирает супругу отшельника. Внутренний конфликт гнева и спокойствия	нет
23	Странствующий монах Махабодхи	Министры ревностно относятся к славе монаха и настраивают царя против него	Конфликт следования мирскому воззрению и учению монаха	«И Бодхисаттва, подумав: „Теперь как раз подходящее время!“ – создал чудесною силою в своей пустынной хижине большую обезьяну и, сняв с нее шкуру, все остальное заставил исчезнуть» [Арья Шура 2000: 214]
28	Кшантывадин	Гневный царь видит, что его жены слушают Кшантывадина, и приходит в ярость	Внешний конфликт: царь калечит и убивает Кшантывадина. Внутренний конфликт: мести и кротости	«Когда земля, разверзшись со страшным грохотом, охваченная языками пламени, поглотила царя, повсюду поднялось великое смятение» [Арья Шура 2000: 265]
32	Айогриха (царевич)	Царевич убеждает отца отпустить его из железного дома, чтобы стать отшельником	Конфликт социальной роли и истинного желания уединения/ царского блеска и простоты — аскезы	нет

Следует отметить особое, кольцевое построение авторских джатак, предложенное Арьей Шурой: рассказ начинается со вступительной фразы-восхваления

и завершается фразой-наставлением, непосредственно связанной с первой или зачастую повторяющей ее (см. табл. 3).

Таким образом, автор сводит действия героя-отшельника к следованию основному наставлению, представленному в заключительной фразе каждой джатаки, что в свою очередь сводится к следованию Учению Будды.

Учитывая тот факт, что данный сборник джатак рассматривается как комментарий к учению о Шести парамитах¹, практика которых, по сути, и является практикой относительной бодхичитты, — идеальный образ Бодхисаттвы традиции Махаяны вполне мог бы вписаться в контекст джатак об отшельниках. Однако Д. В. Аюшеева также отмечает: «Интенсивно культивирующий относительную бодхичитту индивид, отмечается в литературе, будет пребывать в подлинном уединении даже в том случае, если он живет в шумном многолюдном городе и занимается самыми разнообразными мирскими делами» [Аюшеева 2020: 97].

Таблица 3. Симметрия вступительной и заключительной фразы-наставления
[Table 3. Symmetry of the introductory and final phrase-instructions]

№ джатаки в сборнике	Название	Вступительная фраза	Заключительная фраза	Главная мысль / соответствие парамитам
7	Джатака об Агастье Санскр. Agastyajātakam Тиб. a ga star skyes pa'i rabs te bdun pa'o	Героическое проявление щедрости является украшением даже лесных отшельников, а тем более домохозяев	Проявление щедрости является украшением щедрости даже лесного отшельника. Помня об этом, добродетельные должны украшать себя героизмом в делах милосердия	Проявление щедрости
18	Джатака о бездетном Санскр. Aputrajātakam Тиб. rgyal rigs phyug po'i skyes pa'i rabs ste bco brgyad pa'o ²	Состояние домохозяина связано со стремлениями, враждебными спокойствию и нравственному поведению. Поэтому оно не доставляет радости заботящимся о своей душе	Состояние домохозяина связано со стремлениями, враждебными спокойствию и высоконравственному поведению	Отказ от «мирского беспокойства»
19	Джатака о лотосовых стеблях Санскр. Bisajātakam Тиб. pad+ma'i rtsa ba'i skyes pa'i rab te bcu dgu pa'o	Те, кто познал сладостное счастье отречения от мира, отвергают чувственные наслаждения как осквернение или оскорбление	Те, кто познал сладостное отречение от мира, отвергают чувственные наслаждения как осквернение или оскорбление	Отказ от чувственных наслаждений

¹ См. [Максимова 2023: 685–686].

² Досл. перевод: Джатака № 18. О богатом человеке из правящей касты.

20	Джатака о хранителе казны Санскр. Śreṣṭhijātakam Тиб. tshong dpon ¹ du skyes pa'i rabs te nyi shu)	Высокое уважение, оказываемое за добродетели, которыми в данное время не обладаешь, действует на добродетельных, как укол стрекала. Помня об этом, должно стремиться к накоплению добродетели	Высокое уважение, оказываемое за добродетели, которыми в данное время не обладаешь, действует на добродетельных как укол шпоры; помня об этом, должно стремиться к накоплению добродетели	Стремление к накоплению добродетельных поступков
21	Джатака о Чуддабодхи Санскр. Cuddabodhijātakam Тиб. gtsug phud byang chub kyi skyes pa'i rabs te nyi shu gcig pa'o	Гнева обузданием врагов смиряем мы и возбуждаем их — противным	Гнева обузданием врагов смиряем мы и возбуждаем их — противным; помня об этом, следует прилагать усилия к преодолению гнева	Преодоление гнева
23	Джатака о Махабодхи Санскр. Mahābodhijātakam Тиб. byang chub chen por skyes pa'i rabs te nyi shu gsum pa'o	Даже у испытавших недоброе истинно добрых людей сострадание к прежним благодетелям не ослабевает вследствие признательности и присущей им снисходительности	Ложные воззрения не могут устоять перед рассуждением вследствие отсутствия в них опоры; поэтому им не должно следовать	Проявление снисходительности
28	Джатака о Кшантивадине Санскр. Kṣāntijātakam Тиб. bzod pa smra bar skyes pa'i rabs te nyi shu brgyad pa'o	Для глубоко проникнутых кротостью, великих своим проникновенным спокойствием нет ничего, что они не перенесли бы с терпением	Нет ничего, что проникнутые спокойствием и кротостью не перенесли бы с терпением	Проявление терпения
32	Джатака об Айогрихе Санскр. Ayogrhajātakam Тиб. lcags kyi khyim na skyes pa'i rabs te sum cu gnyis pa'o	Даже блеск царского величия не закрывает дорогу к спасению для людей, чья душа пришла в глубокое волнение, поэтому должно проникаться этим волнением	Даже блеск царского величия не закрывает дорогу спасения	Проявление непривязанности к материальным благам

4. Заключение

На сегодняшний день отшельничество, или ретрит, в традиционном тибетском буддизме осуществляется как обязательная часть духовной практики на пути становления ламой (учителем), и продолжается три года и три месяца. Прежде чем приступить к отшельничеству, практикующий должен овладеть рядом навыков: рецитации ритуальных текстов, ритуальных мелодий, игры на инструментах, при-

¹ Торговец, купец.

готовления торма и т. д. В затворничестве ежедневно совершаются медитационные сессии. По прошествии такого отшельничества буддист получает титул ламы [Леонтьева 2018: 82]. Среди известных отшельников буддийской традиции особое место занимает Миларепа. Смысл уединения — выполнение духовных практик без отвлечения на внешние обстоятельства и достижение определенного уровня внутреннего совершенства, а в конечном результате — просветления, примером чему служит образ Будды Шакьямуни.

Образ отшельника находит свое отражение и в повествовательной литературе, в том числе в сказках, баснях, джатаках. В сборниках джатак встречаются персонажи в виде божеств, царей, животных, птиц, рыб и сказочных существ. Однако именно образ отшельника, или человека, стремящегося им стать, противопоставлен мирской жизни, а в сборнике Арья Шуры становится главным героем восьми джатак. Их объединяет мотив отречения от светской жизни и стремление к уединенной духовной практике.

Текстологический и семантический анализ имен и непрямых номинаций героев-отшельников показал, что наибольшей частотностью в указанных джатаках отличается использование эпитета «Бодхисаттва». Данный прием для построения образа отшельника представляется не случайным, он является намеренной отсылкой к образу бодхисаттвы традиции махаяны. Описание же внешнего вида отшельников, если таковое и встречается, служит исключительно подтверждением его устремления к аскезе. Высокое социальное положение главного героя по рождению, описанное в джатаках № 7, 18, 19, 20, 21, 32, имеет первообразом принца Сиддхартху, будущего Будду.

Описание действий отшельника (в джатаках 7, 18, 19, 21, 23, 28, 32) может быть сведено к следующей последовательности: психологическое уединение, физическое уединение, и духовная практика — описание которой в виде стремления к духовному совершенству, как правило, составляет основную часть повествования. Автор сводит действия героя-отшельника к следованию основному наставлению, представленному во вступительном и заключительном слове автора в каждой джатаке, что, в свою очередь, сводится к следованию Учению Будды. Каждый рассказ начинается и завершается фразой-наставлением, смысл которой раскрывается в ходе повествования.

Сокращения

англ. — английский;
санскр. — санскритский;
тиб. — тибетский.

Источники

- DX1 — slob dpon dpa' bo. skyes pa'i rabs kyi rgyud (Арья Шура. «Джатакамала» или «Гирлянда джатак») // bstan 'gyur (sde dge) (= Тэнгьюр Дэргеского издания). Т. 168. 268 с. [электронный ресурс] // URL: https://library.bdrf.io/show/bdr:M-W23703_4150?s=%2Fshow%2Fbdr%3AMW23703%3Fpart%3Dbdr%3AM-W23703_4150#open-viewer (дата обращения: 20.08.2023).
- AJ1 — Āryaśūra: Jātakamālā (Арья Шура. «Джатакамала» или «Гирлянда джатак») // Göttingen Register of Electronic Texts in Indian Languages (GRETIL) (=Геттингенский регистр электронных текстов на индийских языках) P.L. Vaidya. Darbhanga: The Mithila Institute, 1959 (Buddhist Sanskrit Texts, 21) (=П.Л. Вайдья. Дарбханга: Институт Митхила, 1959 (буддийские санскритские тексты, 21) [электронный

ресурсы] // URL: http://gretil.sub.uni-goettingen.de/gretil/corpustei/transformations/html/sa_AryazUra-jAtakamAIA.htm (дата обращения: 20.08.2023).
 Арья Шура 2000 — Арья Шура. Гирлянда джатак, или Сказания о подвигах Бодхисаттвы / пер. с санскрита А. П. Баранникова и О. Ф. Волковой. М.: Вост. лит., 2000. 367 с.

Sources

- DX1 — slob dpon dpa' bo. skyes pa'i rabs kyi rgyud (Arya Shura. "Jātakamālā" or "Garland of jataks"). bstan 'gyur (sde dge) (=Tangyur. Derge edition). Т. 168. 268 p. Available at: URL: https://library.bdrf.io/show/bdr:MW23703_4150?s=%2Fshow%2Fbdr%3AMW23703%3Fpart%3Dbdr%3AMW23703_4150#open-viewer (accessed: August 20, 2023). (In Tib.)
- AJ1 — Āryaśūra: Jātakamālā Arya Shura. "Jātakamālā" or "Garland of jataks"). Göttingen Register of Electronic Texts in Indian Languages (GRETIL) P.L. Vaidya. Darbhanga: The Mithila Institute, 1959 (Buddhist Sanskrit Texts, 21) Available at: URL: http://gretil.sub.uni-goettingen.de/gretil/corpustei/transformations/html/sa_AryazUra-jAtakamAIA.htm (accessed: August 20, 2023). (In Sanscr.)
- Arya Shura. Garland of Jataks, or Tales of the Bodhisattva's exploits / transl. from Sanskrit by A. P. Barannikov and O. F. Volkova. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2000. 367 p.

Литература

- Андросов 2011 — Андросов В. П. Индо-тибетский буддизм. Энциклопедический словарь: монография. М.: Ориенталия, 2011. 448 с
- Аюшеева 2018 — Аюшеева Э. Б. Особенности образа ламы в бурятской Гэсэриаде // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 12-2 (90). С. 222–225.
- Аюшеева 2020 — Аюшеева Д. В. Основные особенности затворничества в тибетском буддизме // Буддологические исследования. Религиоведческий альманах. 2020. № 3. С. 94–99.
- Будда 1991 — Будда: Истории о перерождениях / пер. с пали и предисл. Б. Захарьина; стихи в пер. А. Голембы. М.: Худ. лит., 1991. 79 с.
- Гринцер 1984 — Гринцер П. А. Санскритская поэтика и античная риторика: теория «украшений» // Контекст: литературно-теоретические исследования. 1984. С. 38–87.
- Гурия, Фивейская 2022 — Гурия А. Г., Фивейская А. В. Образы царя и подвижника в литературной санскритской джагаке // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2022. № 1. С. 44–51.
- Джагаки 2003 — Джагаки: избранные рассказы о прошлых жизнях Будды. / пер. с пали: А. Парибок, В. Эрман. СПб.: Возрождение-Культурный центр «Уддияна», 2023. 416 с.
- Дылыкова 2009 — Дылыкова Р. С. Система теогонических образов в эпосе «Гэсэр» // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Сер.: Филология, история, востоковедение. 2009. № 3. С. 98–103.
- Ёндон 1989 — Ёндон Д. Сказочные сюжеты в памятниках тибетской и монгольской литератур. М.: Наука, ГРВЛ, 1989. 183 с.
- Индуизм... 1996 — Индуизм. Джайнизм. Сикхизм. Словарь / под общ. ред. М. Ф. Альбедиль и А. М. Дубянского М.: Республика, 1996. 576 с.
- Каталог 2017 — Каталог сочинений тибетского буддийского канона из собрания ИВР РАН. Вып. 1: Кагьюр и Тэнгьюр / под общ. ред. А. В. Зорина. СПб.: Петербургское востоковедение, 2017. 510 с.
- Леонтьева 2018 — Леонтьева Е. В. Практика медитационных ретритов в традиции Кагью. Краткий обзор // Буддизм Ваджраяны в России: на перекрестке культур / отв. ред. Е. В. Леонтьева. Красноярск: Алмазный путь, 2018. С. 80–86.
- Максимова 2023 — Максимова О. А. Два сюжета о тигрице (на материале рассказов из «Гирлянды джатак» и «Сутры о мудрости и глупости») // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 3. С. 682–693. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-682-693

- Парибок, Десницкая 2017 — *Парибок А. В., Десницкая Е. А.* Двенадцать деяний Будды. Скрытая структура и симметрия нарратива // *Asiatica: труды по философии и культурам Востока.* 2017. № 11. С. 45–61.
- Словарь Кристиана Стейнерта — Словарь Кристиана Стейнерта [электронный ресурс] // URL: <https://dictionary.christian-steinert.de/#%7B%22activeTerm%22%3A%22gtsug%20phud%22%2C%22lang%22%3A%22tib%22%2C%22inputLang%22%3A%22tib%22%2C%22currentListTerm%22%3A%22phud%22%2C%22forceLeftSideVisible%22%3Atrue%2C%22offset%22%3A0%7D> (дата обращения: 20.08.2023).
- Сомадева 2008 — *Океан сказаний: Избранные повести и рассказы / Сомадева; пер. с санскр., послесл., примеч., глоссарий И. Серебрякова.* М.: Эксмо, 2008. 768 с.
- Дамдинсүрэн, Цендина 1983 — *Дамдинсүрэн Ц., Цендина А. Д.* Тибетский сборник рассказов из «Панчатантры». Улан-Батор: ШУАХ, 1983. 107 с.
- Торчинов 2002 — *Торчинов Е. А.* Буддизм: словарь / прилож. П. В. Берснева. СПб.: Амфора, 2002. 187 с.
- Цендина 1984 — *Цендина А. Д.* Монгольская новеллистика XVII–XIX вв. и индо-тибетские повествовательные традиции: дисс. ... канд. филол. наук. М., 1984. 163 с.
- Цыдыпова 2010 — *Цыдыпова Э. Б.* Персонажи буддийского культа в угинской версии Гэсэриады // *Вестник Бурятского государственного университета.* 2010. № 10. С. 248–251.
- Āryaśūra 1983 — *Āryaśūra.* Jātakamālā: The Marvelous Companion: Life Stories of the Buddha. Tibetan Translation Series. Berkeley: Dharma Publishing, 1983. 359 p.
- Chaloupkova 1989 — *Chaloupkova L.* Āryaśūra's Jātaka-Mālā as a commentary to the six pāramitās in Tibet. In: *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae.* Vol. 43. No. 2/3. 1989. Pp. 217–222.
- Jātakatthavannaṇā 2019 — *Jātakatthavannaṇā.* Textual Collection [электронный ресурс] // The University of Edinburgh. 2019. URL: <https://jatakastories.div.ed.ac.uk/textual-collections/jatakatthavannaana/> (дата обращения: 02.09.2023).
- Khoroshe 1989 — *Khoroshe P.* Once the Buddha Was a Monkey: Ārya Śūra's Jātakamālā. Chicago: University of Chicago Press. 273 p.
- Payutto 2004 — *Payutto P. A.* The Pali Canon: What a Buddhist Must Know. 2nd eng. version. Translated into English by Dr. Somseen Chanawangsa, 2004. 71 p. [электронный ресурс] // Wat Nyanavesakavan. URL: https://book.watnyanaves.net/pdf/viewer.php?bookid=the_pali_canon_what_a_buddhist_must_know.pdf (дата обращения: 25.01.2023).
- The Jātakamālā 1895 — *The Jātakamālā or Garland of Birth Stories by Āryaśūra / translated from Sanskrit by J. S. Speyer.* Oxford: Oxford University Press Warehouse, 1895. 350 p.
- Tsepak Rigzin 2008 — *Tsepak Rigzin.* Tibetan-English Dictionary of Buddhist Terminology. Dharamsala: Library of Tibetan Works and Archives, 2008. 306 p.

References

- Androsov V. P. Indo-Tibetan Buddhism: An Encyclopedic Dictionary. Moscow: Orientalia, 2011. 448 p. (In Russ.)
- Āryaśūra. Jātakamālā: The Marvelous Companion: Life Stories of the Buddha. Tibetan Translation Series. Berkeley: Dharma Publishing, 1983. 359 p. (In Eng.)
- Ayusheeva D. V. Main Features of Seclusion in Tibetan Buddhism. *Buddhist Studies. Religious Studies Almanac.* 2020. No. 3. Pp. 94–99. (In Russ.)
- Ayusheeva E. B. Features of the Image of a Lama in the Buryat Geseriad. *Philology. Theory & Practice.* 2018. No. 12-2(90). Pp. 222–225. (In Russ.)
- Chaloupkova L. Ārya-Śūra's Jātaka-Mālā as a Commentary to the six Pāramitās in Tibet. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae.* 1989. Vol. 43. No. 2/3. Pp. 217–222. (In Eng.)
- Damdinsüren Ts., Tsendina A. D. Collected Tibetan Stories from the Pañcatantra. Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences, 1983. 107 p. (In Mong.)

- Dictionary of Christian Steinert. Available at: URL: <https://dictionary.christian-steinert.de/#%7B%22activeTerm%22%3A%22gtsug%20phud%22%2C%22lang%22%3A%22tib%22%2C%22inputLang%22%3A%22tib%22%2C%22currentListTerm%22%3A%22phud%22%2C%22forceLeftSideVisible%22%3Atrue%2C%22offset%22%3A0%7D> (accessed: 20 August 2023)
- Dylykova R. S. System of Theogonic Images in the Epic “Geser”. *Scholarly Notes of Transbaikalian State University*. Series: Philology, History, Oriental studies. 2009. No. 3. Pp. 98–103. (In Russ.)
- Grintser P. A. Sanskrit Poetics and Ancient Rhetoric: the theory of “decorations”. *Context: literary and theoretical studies*. 1984. Pp. 25–59. (In Russ.)
- Guria A. G., Fiveyskaya A. V. Images of the King and the Ascetic in the Literary Sanskrit Jataka. *Moscow University Bulletin. Series “Oriental Studies”*. 2022. No. 1. Pp. 44–51. (In Russ.)
- Hinduism. Jainism. Sikhism. Dictionary / under general. ed. M. F. Albedil and A. M. DUBYANSKY. Moscow: Republic, 1996. 576 p. (In Russ.)
- Jātakatthavannanā. Textual Collection. On: The University of Edinburgh (website). 2019. Available at: URL: <https://jatakastories.div.ed.ac.uk/textual-collections/jatakatthavannana/> (accessed: 2 February 2023). (In Eng. and Pali)
- Khoroshe 1989 — Khoroshe P. Once the Buddha Was a Monkey: Ārya Śūra’s Jātakamālā. Chicago: University of Chicago Press. 273 p.
- Leontyeva E. V. The practice of Meditation Retreats in the Kagyu Tradition. Brief overview. *Vajrayana Buddhism in Russia: at the crossroads of Cultures / resp. ed. E. V. Leontyeva*. Krasnoyarsk: Diamond Road, 2018. 590 p. Pp. 80–86. (In Russ.)
- Maksimova O. A. Two Plots about Tigress: Analyzing the Jātakamālā and the Sutra of the Wise and the Fool. *Oriental Studies*. 2023. Vol. 16. No. 3. Pp. 682–693. (In Russ.)
- Ocean of Tales: Selected Tales and Stories / Somadeva [transl. from Sanskrit, afterword, note, glossary by I. Serebryakov]. Moscow: Eksmo, 2008. 768 p. (In Russ.)
- Once the Buddha Was a Monkey: Ārya Śūra’s Jātakamālā. Chicago: University of Chicago Press. 273 p. (In Eng.)
- Paribok A. V., Desnitskaya E. A. Twelve Acts of the Buddha. Hidden Structure and Symmetry of Narrative. *Asiatica: Papers on Philosophy and Cultures of the East*. 2017. No. 11. Pp. 45–61. (In Russ.)
- Payutto P. A. The Pali Canon: What a Buddhist Must Know. 2nd ed. S. Chanawangsa (transl.). 2004. 71 p. On: Wat Nyanavesakavan. Available at: URL: https://book.watnyanaves.net/pdf/viewer.php?bookid=the_pali_canon_what_a_buddhist_must_know.pdf (accessed: 25 January 2023). (In Eng.)
- The Buddha: [Collected] Stories of Past Lives. B. Zakharyin (transl., foreword); A. Golemba (transl. of stanzas). Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1991. 79 p. (In Russ.)
- The Jātakamālā: Or Garland of Birth Stories by Āryaśūra. J. S. Speyer (transl.). Oxford: Oxford University Press Warehouse, 1895. 350 p. (In Eng.)
- Torchinov E. A. Buddhism: Pocket Dictionary / app. P. V. Bersnev. St. Petersburg: Amphora, 2002. 187 p. (In Russ.)
- Tsepak Rigzin. Tibetan-English Dictionary of Buddhist Terminology. Dharamsala: Library of Tibetan Works and Archives, 2008. 306 p. (In Tib. and Eng.)
- Tsydyanova E. B. Characters of the Buddhist cult in the Uga version of the Geseriad. *BSU Bulletin*. 2010. No. 10. Pp. 248–251. (In Russ.)
- Tsendina A. D. Mongolian Novelistic Literature of the Seventeenth to Nineteenth Centuries — and Indo-Tibetan Narrative Traditions. Cand. Sc. (philology) thesis. Moscow, 1984. 163 p. (In Russ.)
- Yongdon D. Fairy tales in the monuments of Tibetan and Mongolian literature. M.: Science. Vostochnaya Literatura, 1989. 183 p. (In Russ.)
- Zorin A. V. (ed.) Institute of Oriental Manuscripts (RAS): Catalogue of [Available] Texts Included in the Tibetan Buddhist Canon. Vol. 1: Kangyur and Tengyur. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2017. 510 p. (In Russ.)

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 15, Iss. 4, pp. 774–779, 2023
DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-776-781

МОНГОЛОВЕДИЕ

(Монгол судлал)
(Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

РЕЦЕНЗИИ

УДК / UDC 398.22

DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-774-779

Рец. на: Манджиева Б. Б. Текстология и поэтика Малодербетовского цикла эпоса «Джангар» в контексте эпической традиции калмыков. Элиста: КалмНЦ РАН, 2022. 416 с.

*Евдокия Эрендженевна Хабунова*¹

¹ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. А. С. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
доктор филологических наук, профессор

 0000-0002-2113-6877. E-mail: [khabunova\[at\]mail.ru](mailto:khabunova[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Хабунова Е. Э., 2023

Для цитирования: Хабунова Е. Э. Рец. на: Манджиева Б. Б.. Текстология и поэтика Малодербетовского цикла эпоса «Джангар» в контексте эпической традиции калмыков. Элиста: КалмНЦ РАН, 2022. 416 с. // Монголоведение. 2023. Т. 15. № 4. С. 784–779. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-774-779

Book Review: Mandzhieva B. B. Textology and Poetics of Baga Derbet Cycle of the Epic “Dzhangar” in the Context of the Epic Tradition of the Kalmyks. Elista: KalmSC RAS, 2022. 416 p.

*Evdokia E. Khabunova*¹

¹ Gorodovikov Kalmyk State University (11, A. S. Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor

 0000-0002-2113-6877. E-mail: [khabunova\[at\]mail.ru](mailto:khabunova[at]mail.ru)

© KalmSC RAS, 2023

© Khabunova E. E., 2023

For citation: Khabunova E. E. Book Review: Mandzhieva B. B. Textology and Poetics of

Baga Derbet Cycle of the Epic “Dzhangar” in the Context of the Epic Tradition of the Kalmyks. Elista: KalmSC RAS, 2022. 416 p. *Mongolian Studies (Elista)*. 2023; 15(4): 774–779. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-774-779

Калмыцкий героический эпос «Джангар» включает большое количество эпических сказаний (песен, глав), относящихся к локальным версиям и репертуарам известных и неизвестных сказителей — джангарчи. К числу эпических циклов, эпические песни которых объединены единым прологом, взаимосвязанным сюжетом, композиционным единообразием, сходным составом персонажей и рядом других признаков, принято относить Малодербетовский цикл «Джангара», оригинальные главы которого были зафиксированы в 1862 г. К. Ф. Голстунским и впервые опубликованы в 1864 г. Структурно-содержательная целостность и локализация эпических повествований в одном регионе Калмыцкой степи — в Малодербетовском улусе позволяли исследователям калмыцкого «Джангара» рассматривать указанные три песни как органическое целое, что отобразилось в его номинации «малодербетовский список 1864 г.».

Актуальность монографического исследования Б. Б. Манджиевой «Малодербетовский цикл „Джангара“: текстология и поэтика в контексте эпической традиции калмыков» заключается в том, что единство и целостность Малодербетовского цикла «Джангара» изучается с позиций текстологии, поскольку именно вербальное воплощение эпоса передает его неповторимое содержание, манифестирует стадиальные, национальные, локальные особенности эпической традиции, показывает поэтико-стилевую фактуру репертуарного нарратива того или иного сказителя.

Важность исследования подтверждает то, что оно значительно расширяет доказательную базу предположений относительно факта принадлежности всех трех глав Малодербетовского цикла «Джангара» к одной сказительской школе (сказителей Поврама – Санджи – Бука) и репертуару одного сказителя, все еще остающегося безымянным.

Исследование одного из ранних по времени фиксации цикла, во многом сохранившего «исконные» черты, в сравнении с более поздними записями «Джангара» с позиций текстологии и поэтики актуально для воссоздания более полной картины историко-типологической эволюции калмыцкого эпоса, развивавшегося в последние столетия вне общемонгольской, вне ойратской эпической традиции, в других языковых, культурных, социально-экономических условиях. Появление таких работ выводит современное джангароведение на новый уровень исследований, обогащает новыми эмпирическими данными, необходимыми для дальнейшего всестороннего изучения калмыцкой джангариады и других национальных версий «Джангара» (монголо-ойратской, синьцзян-ойратской и др.).

Автор исследования по-новому ставит и решает задачи, направленные на изучение ряда актуальных проблем: преемственность устной эпической традиции, выраженной, прежде всего, в неизменности текста сказителя при его усвоении, воспроизведении и передаче; сохранность мотивно-формульного фонда сказителя в его вербальном воплощении, исследование которых важно как с точки зрения атрибуции отдельных эпических памятников, так и других назревших вопросов современного эпосоведения.

Следует особо подчеркнуть, что привлечение к сравнительному анализу ранних записей (середина XIX в., начало XX в.) и нового текстового материала в виде расшифрованных автором аудиозаписей эпических песен, зафиксированных во второй половине прошлого столетия, позволило Б. Б. Манджиевой показать степень изменчивости и устойчивости эпического текста, характерного для определенной локальной традиции (Малодербетовской, Икибухусовской, Багацохуровской и др.), продемонстрировать особенности разных сказительских школ, многообразие и богатство художественных средств, поэтико-стилевых приемов калмыцких джангарчи, тем самым подтвердить новаторство исследования и обоснованность научных положений.

Пролог Малодербетовского цикла применительно к экспозиционной части других версий и репертуарных циклов «Джангара» рассматривается как эпическая константа архаического эпоса, как некий контрольный образец, к которому примеряются другие эпические нарративы. Такой методический прием оказался новаторским и вполне оправданным: он позволил продемонстрировать композиционную значимость пролога для калмыцкой эпической традиции в целом, показать, как менялась модель эпического мира, изображаемая во вступительной части калмыцкого эпоса, как художественно переосмысляются мифологические представления, как видоизменяется картина, на фоне которой разворачиваются эпические события, какими новыми чертами наделяются мифические чудовища мангасы, приобретшие новый облик в процессе длительной эволюции.

Убедительно звучат выводы, построенные на сравнительном анализе прологов всех исследуемых версий, характеризующие пролог как «важный многофункциональный элемент композиции эпоса», так как он «подготавливает слушателя к наиболее полному восприятию содержания эпических песен, их героики, образов; поддерживает сюжетно-композиционное единство песен цикла; подчеркивает грандиозность эпических событий, величие Бумбы, ее героев» [Манджиева 2022: 168]. Трудно не согласиться с обобщением автора относительно того, что «согласно эпической традиции, чем обширнее пролог, тем могущественнее представленное в нем эпическое государство, сокращение же и утрата пролога способствует измельчанию и приземлению описываемых событий и героев» [Манджиева 2022: 168].

Не вызывает сомнений достоверность научных выводов о том, что при исполнении всех трех текстов Малодербетовской трилогии джангарчи каждый раз следует некоему выработанному плану эпического повествования, что типические места и формулы безымянного джангарчи являются стилистически однотипными и идентичными по своей структуре [Манджиева 2022: 94], так как суждения и обобщения подобного рода подкрепляются данными, полученными автором монографии в результате кропотливой работы по сличению объемных текстов, рукописей, аудиозаписей.

Известно, что ранние записи калмыцкого «Джангара» зафиксированы на ойратской письменности *тодо бичиг*, позже — с помощью русской академической азбуки, а эпические тексты издавались на старокалмыцкой письменности, на кириллице, латинице с использованием разной орфографии, что всегда создавало определенные трудности в текстологической работе.

Важно отметить, что при анализе Малодербетовского цикла Б. Б. Манджиева обращается к оригинальному источнику — текстам на ойратской письменности, записанным в 1862 г. и хранящимся в библиотеке Восточного факультета Санкт-Петербургского университета. Такой подход оказался оправданным: Б. Б. Манджиевой удалось уловить все нюансы исследуемого эпического текста, распознать в нем диалектные признаки, стилистические особенности языка эпоса ранней формации, отличительные черты грамматического строя эпических нарративов, что делает убедительным утверждение автора относительно принадлежности всех текстов Малодербетовского цикла одному сказителю.

Автору рецензируемого монографического исследования удалось осуществить полный синоптический анализ эпического нарратива, разнообразного по времени фиксации и локации, различного по принадлежности к той или иной сказительской школе: главы Малодербетовского цикла, репертуаров калмыцких джангарчи Ээлян Овла, Мукебюна Басангова, Давы Шавалиева, Насанки Балдырова, Телти Лиджиева — и показать, что в них «наблюдаются различия не только в стилистическом и композиционном планах, но и в описании объектов, действий, состава участников пира, их местоположения, а также несоответствие в количестве и последовательности строк», определить, что «сказители являются представителями разных эпических школ и исполняют эпос в той традиционной форме, в какой он был усвоен ими от предшественников» [Манджиева 2022: 95].

Заслуживают особого внимания наблюдения и выводы автора, основанные на сравнительном изучении разновременных записей главы «Догшн Шар Гүргү манһс хааг дуут Улан Шовшур дөрөцүлгсн бөлг» («Глава о том, как прославленный Улан Шовшур хана мангасов Свирепого Шара Гюргю покорил») (записи: 1862, 1970, 1971 гг.). Автор исследования на конкретных примерах проиллюстрировал, что сказители поздней традиции Телтя Лиджиев и Михаил Манджиев сохранили композиционную структуру, сюжетную основу, мотивный фонд, последовательность тем и мотивов песни «Шара Гюргю», но при этом значительно сократили количество типических мест. Детальный анализ мотивного фонда, художественно-изобразительных средств разновременных текстов дает основание Б. Б. Манджиевой заключить, что «поздним записям „Джангара“ характерно „ослабевание поэтико-стилевой фактуры эпического текста“» [Манджиева 2022: 291]. Подобного рода выводы подкрепляются результатами семиотического, количественного анализов, к примеру, исследователю удалось определить, что джангарчи конца XIX в. для воссоздания образа богатыря Хонгора использует более двадцати эпитетов (*дала* ‘великий’, *дуутын* ‘прославленный’, *урдын* ‘предводитель’, *Бумбин* ‘бумбайский’, *зүүни тоота* ‘к левой стороне относящийся’, *улан, нээтг, залу* ‘молодой’, *базг* ‘воинственный’, *зөргтэ* ‘смелый’, *чидлтэ* ‘сильный’, *шилвлзгсн* ‘решительный’, *долыңһрхн* ‘искушенный в битвах’, *эрвлзгсн* ‘проворный’, *дасгсн* ‘привычный [к сражениям]’, *ижлуга* ‘себе подобных не имеющий’, *бийэсн үлү* ‘превосходящий’; *арг, таңсг* ‘прекрасный’, *кумни сээхн* ‘несравненно прекрасный’; *дурта* ‘любимый’, *көөрк* ‘дорогой’, *дүүвр* ‘гордый’, *шилвлзгсн* ‘возбужденный’), а сказители конца XX в. наделяют этого героя лишь чертами, подчеркивающими красоту, юный возраст, неустрашимость богатыря: *эср* ‘необыкновенный’, *улан, нээтг, залу* ‘молодой’,

арслцгин ‘лев[-богатырь]’, *арг* ‘прекрасный’, *долъцһрхн* ‘искушенный в битвах’ [Манджиева 2022: 290–291].

Значительный интерес представляет анализ мотивов, как справедливо считает автор, определяющих конфликтную основу сюжета трех глав Малодербетовского цикла «Джангара» (в первой песне «Уту Цаган» — ультиматум врага, во второй песне «Кюрюл Эрдэни» — угон табуна, в третьей — «мировая скорбь» хана Джангара) и обеспечивающих взаимообусловленность целого ряда мотивов: «выбор богатыря», «отправление в боевой поход», «превращение героя в плешивого мальчика», «змееборство», «поломка копья», «временное поражение» и др.

Глубокие знания Б. Б. Манджиевой содержательной сути всех известных эпических нарративов калмыцкой Джангариады позволяют ей сконцентрировать внимание на ключевых моментах исследуемого достаточно объемного материала и увидеть принципиальные отличия в части вербального воплощения тематических сходных «общих мест» и в реализации одних и тех же мотивов в пределах как одного эпического цикла, так и калмыцкого эпоса в целом. В этом контексте убедительно звучат суждения, к примеру, о том, что «мотив единоборства» в первой главе, в отличие от других песен Малодербетовского цикла, лишен «сказочно-мифологической, глубоко архаической основы», что мотив «„усыновление героя бездетными стариками“», в архаическом эпосе связанный с активным поиском суженой, в героическом трансформируется в поиск решения трудновыполнимых задач» [Манджиева 2022: 221].

Ключевые положения рецензируемой монографии, базирующиеся на теоретико-методологических достижениях российских и зарубежных ученых в области исследуемых вопросов, обобщения и выводы автора, основанные на анализе обширного текстового материала: трех песен Малодербетовского цикла (5 954 ст. строк), Багацохуровского цикла (6 574 ст. строк), репертуарных циклов джангарчи Ээлян Овла (6 656 ст. строк), Давы Шавалиева (2 606 ст. строк), аудиозаписей репертуара Телтя Лиджиева (827 ст. строк, в расшифровке автора исследования) и Михаила Манджиева (849 ст. строк) эпоса «Джангар», выполненные с привлечением текстов ойратских сказаний, калмыцких богатырских сказок и образцов тюрко-монгольского эпоса, безусловно, являются значимыми не только для дальнейшего изучения «сказительства, поэтики и стиля фольклорного текста», как отмечено в монографии, но и других аспектов эпоса, как уникального явления мировой культуры, для изучения калмыцкого героического эпоса «Джангар» в контексте эпической традиции тюрко-монгольских и других народов. Безусловно, что проведенное исследование расширит и углубит научные представления об архаичности Малодербетовского цикла «Джангар», о поэтической структуре калмыцкого эпоса.

Научную ценность исследования подтверждают и новые эмпирические данные, обнаруженные и вводимые в научный оборот Б. Б. Манджиевой. Умелое применение комплекса научных методов (сравнительно-исторический, структурно-типологический, синоптический и других методических приемов научного анализа текста) позволило автору решить поставленные задачи, прийти к теоретически обоснованным выводам, что также подтверждает теоретическую и практическую значимость монографии Б. Б. Манджиевой.

К числу несомненных заслуг автора следует отнести сравнительное изучение

разновременных записей (1862; 1970; 1971) третьей главы о «Шара Гюргю» «Малодербетовского цикла „Джангара“», которое позволило автору продемонстрировать степень сохранности и трансформации эпического текста во времени, почти в столетнем разрезе. Для полноты иллюстрации динамики развития устной эпической традиции можно было бы привлечь к анализу текст главы, опубликованный в 1940 г. в журнале «Улан Туг» под названием «О подвигах Улан Шовшура», который был записан писателем Г. М. Шалбуровым у Анжуки Козаева, считающегося последним представителем школы (Поврам – Санджи – Бука) и жившего в тех же местах, где бытовала эта традиция, хотя, как видно из исследования, автор владеет этими сведениями и выражает согласие с профессором А. Ш. Кичиковым относительно того, что А. Козаев являлся продолжателем традиции абганеровской школы и принадлежал к тому же к роду барун, что и представители линии сказителей Поврам – Санджи – Бука. Данное замечание ни в коей мере не умаляет научной ценности монографии Б. Б. Манджиевой.

Результаты текстологического анализа и основные выводы исследования несомненно имеют практическую ценность: они могут быть полезны в работе по подготовке текстов «Джангара» к изданию, при разработке научно-образовательных программ для студентов, магистрантов, аспирантов и докторантов, при составлении научно-методических и учебно-методических пособий, лекционных курсов по джангароведению.

Монография Б. Б. Манджиевой по многим позициям носит новаторский характер, она насыщена взвешенными теоретическими выкладками и выполнена с привлечением объемного эпического нарратива, что вызовет несомненный интерес фольклористов, лингвистов, востоковедов и широкого круга читателей, интересующихся устным эпическим наследием калмыков.

Литература

Манджиева 2022 — *Манджиева Б. Б.* Текстология и поэтика Малодербетовского цикла эпоса «Джангар» в контексте эпической традиции калмыков. Элиста: КалмНЦ РАН, 2022. 416 с.

References

Mandzhieva B. B. Textology and Poetics of Baga Derbet Cycle of the Epic “Dzhangar” in the Context of the Epic Tradition of the Kalmyks. Elista, KalmSC RAS, 2022. 416 p.

Научное издание

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Монгол судлал

Mongolian Studies

(Elista)

2023. Т. 15. № 4

Главный редактор — Куканова В. В.

Дата выхода: 25.12.2023. Формат 70x108/16.
Усл. печ. л. 24,5. Тираж 100 экз. Заказ 17-23.
Подписной индекс 39464. Цена свободная.

Учредитель, редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя, типографии:
Российская Федерация, Республика Калмыкия,
358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8,
Тел. +7(84722) 3-55-06
E-mail: mongoloved-kigiran@yandex.ru

Отпечатано в КалмНЦ РАН:
Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8